НЁМАН

9/2011
СЕНТЯБРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционно-издательское учреждение
«Литература и Искусство»

Первый заместитель директора — главный редактор
Алесь Николаевич БАДАК

Редакционная коллегия

Раиса Боровикова, Вадим Гигин, Наталья Голубева,
Олег Ждан (редактор отдела прозы), Алесь Карлюкевич,
Тамара Краснова-Гусаченко, Павел Латушко, Валентин Лукша,
Владимир Макаров, Роман Матульский, Александр Коваленя,
Геннадий Пашков, Михаил Поздняков, Елена Попова, Олег Пролесковский,
Алесь Савицкий, Юрий Сапожков (редактор отдела поэзии),
Анатолий Сульянов, Алексей Черота (заместитель главного редактора),
Николай Чергинец

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

Техническое редактирование и компьютерная верстка *С. И. Староверовой*
Стильредактор *Н. А. Пархимович*
Набор *Е. Г. Малей*

Подписано к печати 07.09.2011 г. Формат $70 \times 108^{1}/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,40. Уч.-изд. л. 21,63. Тираж 3300. Заказ 2424.
Цена номера в розницу 12 500 руб.
Журнал «Нёман» зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь.
Регистрационный № 11 от 22.08.09 г.

Юридический адрес: 220005, Минск, пр. Независимости, 39.
Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Телефоны: главного редактора — 284-85-25; заместителя главного редактора, отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Независимости, 79. ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009 г.

© «Нёман», 2011, № 9, 1—256

Учредители — Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Литература и Искусство»

Знакомьтесь:
Витебская тетрадь

Витебская область образована в 1938 году. Для истории это, в общем-то, одно мгновение. Но из таких мгновений складываются эпохи. Возникают новые города и до неузнаваемости преображаются старые. Происходят события, оставляющие свой след в истории всей страны. Рождаются и творят знаменитые писатели, художники, композиторы, ученые — гордость всего народа.

В этом плане Витебщина, конечно же, не исключение, стоит лишь обратить пристальный взгляд на ее прошлое — далекое и близкое.

Но не менее важно и не менее интересно всматриваться в день сегодняшний. Ведь именно сегодня создается то, что завтра станет историей. То, чем будут гордиться наши потомки.

Надеемся, ***Витебская тетрадь*** *поможет читателю больше узнать об этом регионе нашей страны, о его нынешних достижениях в самых разных областях общественной жизни, а также о планах по дальнейшему развитию.*

Значительная часть ***Витебской тетради*** *— новые произведения писателей, которые прочно связали свою судьбу с этим удивительным по красоте, самым озерным белорусским краем. Можно сказать, получилась своеобразная мини-антология. Конечно, она не претендует на всю полноту, но вместе с тем хочется верить — рисует достаточно яркую картину нынешней литературной жизни Витебщины.*

Край озер и известных брендов

На вопросы журнала «Нёман» отвечает председатель Витебского областного исполнительного комитета Александр Николаевич КОСИНЕЦ.

— Витебск называют северной столицей Беларуси. Восстановленные православные храмы, реконструированная к 65-летию со дня Великой Победы одна из самых крупных в мире площадь Победы, пешеходные зоны, созданные в центре старого города, строительство новых современных жилых микрорайонов «Билево» и «Медцентр», масштабное обновление ряда значимых объектов социальной и культурной сферы, жилого фонда, насыщенная культурная жизнь города, включающая в себя многочисленные художественные выставки, литературные конкурсы, пленэры, Шагаловские дни, дни Пушкина, Короткевича, Быкова, музыкальные и танцевальные фестивали принесли ему широкую известность. А международный фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске» два десятилетия назад вывел нашу страну на международное культурное пространство.

Большинство из положительных перемен, которые до неузнаваемости изменили в последнее время не только Витебск, но и область, произошло после Вашего возвращения сюда в новом статусе. Какие, на Ваш взгляд, наиболее значимые проекты реализованы за эти два с половиной года?

— Действительно, мы не стоим на месте. Восстановлены Свято-Успенский кафедральный собор и Воскресенская церковь, реконструирован Свято-Духов монастырь в Витебске. Завершено восстановление памятника архитектуры XVIII века «Бывшие соляные склады» под Центр народных ремесел и искусств «Двина». Проведена реконструкция площади Победы, обновлен мемориальный комплекс в честь советских воинов-освободителей, партизан и подпольщиков, создана Аллея Славы с образцами военной техники. В исторической части города

улица Суворова превращена в пешеходную зону, где горожане и гости могут ознакомиться с памятниками архитектуры конца XVIII — начала XX века. На имидж северной столицы повлияло и открытие водного маршрута по Западной Двине — закуплено два новых прогулочных теплохода.

Проведена реконструкция здания областной библиотеки, с целью обеспечения оперативного доступа к мировым информационным ресурсам, материалам Национальной библиотеки Беларуси, а также улучшения качества оказываемых платных услуг и расширения их ассортимента открыт электронный читальный зал, приобретена современная техника.

В Витебске проектируются такие значимые социальные объекты, как детский развлекательный центр в парке Тысячелетия по проспекту Строителей, строится зоопарк в микрорайоне «Билево», продолжается благоустройство набережных с оборудованием гидротехнических сооружений на реке Витьба и лыжероллерной трассы. Разработан архитектурный проект по единому парковому ансамблю: парк им. Фрунзе — проспект Людникова с аттракционами, тирами, лодочной станцией, кафе и ресторанами быстрого питания, рестораном национальной кухни.

В 2011 году на высоком организационном уровне прошел юбилейный — XX Международный фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске», в котором приняли участие представители свыше 30 стран мира. Приятно отметить, что Гран-при фестиваля вручен представительнице Беларуси — Алене Ланской. Впервые в его истории была организована продажа билетов на мероприятия с использованием Интернета. Помимо основных концертов на сцене Летнего амфитеатра, на площади Победы проведены выставки-ярмарки народных ремесел и искусств «Город мастеров», «Витебский вернисаж», праздник «Витебский лен», проект подворий районов области «Витебщина хлебосольная», презентация продукции предприятий Придвинья.

В 2010 году город Полоцк первым в республике получил право называться культурной столицей Беларуси. На Полоцкой земле успешно реализованы разноплановые культурные проекты, которые осуществлялись при поддержке Министерства культуры Республики Беларусь, в том числе цикл мероприятий, посвященных 200-летию со дня рождения нашего знаменитого художника Ивана Хруцкого, 600-летию Грюнвальдской битвы, 100-летию перенесения мощей преподобной Евфросинии Полоцкой. На высоком художественном уровне проведены международные фестивали, конкурсы, выставки и творческий отчет города Полоцка в г. Минске.

По поручению Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко реализуется «Комплексная программа развития г. Полоцка на 2008—2012 годы», в рамках которой реставрируются памятники архитектуры: Домик Петра I, Дом офицеров, Софийский собор. Продолжаются реставрационные работы фресковой росписи Свято-Преображенской церкви Свято-Евфросиньевского монастыря. Древний город становится культурным и туристическим центром Беларуси.

Значительные преобразования проходят и в других населенных пунктах области, таких как Новополоцк, Орша, Бегомль, Россоны, Лиозно, Глубокое, где в следующем году пройдет республиканский праздник «День белорусской письменности».

Мы уделяем серьезное внимание развитию образования в области, которое, как известно, является главным стратегическим ресурсом и основным фактором решения социальных проблем. Сегодня можно отметить высокий уровень сельских школ и детских дошкольных учреждений

по созданию оптимальных условий для обеспечения образовательного процесса. И если гимназии №1, № 8 Витебска, № 1, № 2 Полоцка, гимназия № 2 Новополоцка являются признанными лидерами в олимпиадном движении, то Ореховская средняя школа Ушачского района и Чепуковская средняя школа Миорского района — лучшие в постановке экологического воспитания, гимназия № 3 Витебска и Фариновская средняя школа Полоцкого района — примеры отличной организации эстетического образования, Лужковская средняя школа Шарковщинского района — образец в организации трудового обучения и воспитания.

Высокий профессионализм витебских педагогов подтверждают результаты олимпиад по учебным предметам и творческих конкурсов. На протяжении ряда последних лет область лидирует в республике по количеству победителей республиканских предметных олимпиад. Мы гордимся нашим подрастающим поколением: впервые за многие годы выпускник гимназии № 7 Витебска Константин Мартынов завоевал золотую медаль международной физической олимпиады.

Жителями Придвинского края сделано многое для реализации Региональной программы инновационного и инвестиционного развития на 2011—2015 годы. В нее включены 19 подпрограмм по таким направлениям деятельности, как развитие промышленного и строительного комплексов; энергетика, ресурсо- и энергосбережение; агропромышленный комплекс; медицина, фармация; комплексное развитие регионов, малых и средних городских поселений. Цель программы — создание конкурентоспособной, инновационной, ресурсо- и энергосберегающей, экологобезопасной экономики области, обеспечивающей устойчивое социально-экономическое развитие региона и повышение качества жизни населения.

Мы не останавливаемся на достигнутом, иначе прогресс невозможен.

— Александр Николаевич, интенсивное продвижение вперед по всем направлениям требует немалых финансовых вложений. Значит, их надо заработать, а для этого необходима эффективная экономика, и в первую очередь — сильная промышленность, способная выпускать качественную, востребованную продукцию. Следовательно, требуется модернизация предприятий, внедрение современных технологий, оборудования. Какая работа ведется по обновлению, в первую очередь, гигантов витебской индустрии? Что нового появилось или появится в ближайшей перспективе на промышленной карте Витебщины? Как развивается экспорт товаров?

— Промышленный комплекс Витебской области представлен 1319 предприятиями, в том числе малыми, на которых работает 122 тысячи человек.

Область обеспечивает 17 процентов объема промышленного производства республики, 65 — металлорежущих станков, 63 — телевизоров, 100 — льняных тканей, 25 — шелковых тканей, 97 — ковров и ковровых изделий, 27 — чулочно-носочных изделий, 20 — трикотажных изделий, 39 — обуви, 43 — растительного масла.

Действительно, без создания современной, инновационной структуры промышленного производства, вложения немалых финансовых средств в техническое переоснащение, модернизацию производств невозможно интенсивное продвижение вперед.

В этих целях в области разработана и утверждена программа «Развитие промышленного комплекса Витебской области до 2015 года», предусматривающая задания по освоению новых видов продукции, мероприятия по техническому переоснащению, модернизации производств и другие.

Восстановленный в 2001—2011 гг.
Свято-Успенский кафедральный собор.

Ежегодно четверть общего объема инвестиций, привлекаемых реальным сектором экономики, вкладывается в промышленность.

Крупномасштабные проекты реализуются на ОАО «Нафтан», ОАО «Полоцк-Стекловолокно», РУПТП «Оршанский льнокомбинат», ряде предприятий областного подчинения.

ОАО «Нафтан» реализует программу развития «Нафтан 2010—2015», выполнение которой позволит обществу увеличить объем переработки нефти до 12 миллионов тонн в год, глубину переработки нефтяного сырья — до 93 процентов, выработку высокооктановых автобензинов, дизельного топлива, вакуумного газойля, обеспечить соответствие качества продукции требованиям европейских стандартов. Впервые в Беларуси будет начато производство нового продукта — нефтяного кокса.

ОАО «Полоцк-Стекловолокно» приступило к реализации 16 инвестиционных проектов, выполнение которых позволит быстро реагировать на изменение спроса на рынке на различные группы материалов из стекловолокна, усилить позиции предприятия путем предложения качественного продукта на мировом рынке, освоить новые перспективные рынки.

В целях наращивания объемов производства льняных тканей, повышения их конкурентоспособности ведется техническое переоснащение производства на РУПТП «Оршанский льнокомбинат». В этом году льнокомбинатом приобретено 17 единиц нового технологического оборудования.

Не отстают в этом направлении и предприятия областного подчинения. ОАО «Верхнедвинский маслосырзавод» планирует ввести в действие цех по производству сухой деминерализованной сыворотки мощностью переработки 200 тонн, что позволит получить уже в текущем году до 2000 тонн высококачественной сухой сыворотки. Начаты работы по строительству цехов по производству полутвердых сычужных сыров на ОАО «Поставский молочный завод», на Браславском филиале ОАО «Глубокский молочно-консервный комбинат». ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат» планирует завершить реконструкцию цеха детского питания.

На праздничной демонстрации.

Сегодня можно с уверенностью говорить, что товары с витебской маркой стали конкурентоспособными не только на постсоветском, но и мировом пространстве.

Облисполком организует работу, направленную на достижение необходимых экспортных параметров, за счет активизации зарубежных продаж с учетом условий работы на рынке конкретной страны, увеличения доли инновационного экспорта, новых видов продукции, продаж товаров с высокой степенью переработки.

В качестве мер, напрямую влияющих на развитие экспорта товаров, планируется техническое переоснащение ряда крупных предприятий: «Витязь», «Оршанский инструментальный завод», «Завод «Легмаш» и других. Важными являются модернизация действующих производств по выпуску мясомолочной продукции, комбикормов, техническое переоснащение льнозаводов, предприятий строительной отрасли, а также организация новых предприятий.

— Говоря о Витебщине, невозможно не затронуть тему уникальности ее природы. Ведь она — хорошая основа для развития туризма, улучшения имиджа региона, страны в целом. На всех уровнях много говорят о необходимости активнее работать в этом направлении, принимаются соответствующие программы. Что мешает? Как можно ускорить процесс?

— Природа Белорусского Поозерья уникальная. Здесь сохранились редкие экосистемы, виды животных и растений, которые находятся в Европе под угрозой исчезновения и характеризуют Поозерье как исключительно важную территорию для глобального биологического разнообразия.

Витебская область занимает первое место в республике по запасам воды. В области имеется около 2800 озер, 240 малых рек, две большие реки — Западная Двина и Днепр.

Одной из крупнейших экологических проблем современности является охрана от загрязнения и рациональное использование водных

ресурсов. Дальнейшее развитие народного хозяйства все в большей степени зависит от того, насколько бережно и экономно мы будем относиться к воде. Защита чистоты водной среды требует комплексного и рационального подхода к ее использованию.

На территории области расположен Березинский биосферный заповедник, национальный парк «Браславские озера», часть парка «Нарочанский» — на территории Поставского района, 22 заказника республиканского значения, 76 памятников республиканского значения, 80 заказников и 143 памятника местного значения. Общая площадь особо охраняемых территорий Витебщины составляет 8,85 процента от площади области.

Сохранив уникальную природу, чистоту наших озер, мы сможем в будущем получать дивиденды от туризма.

В каждом районе активно разрабатываются «зеленые маршруты». Благодаря инициативам сельских жителей созданы маршруты «Край желтых кувшинок и седых валунов» и «Голубое ожерелье Россон», которые пользуются неизменным спросом у белорусских и зарубежных туристов.

Благодаря усилиям сельчан, занимающихся агроэкотуризмом, в Лепельском районе древний обряд «Женитьба Терешки» получил статус нематериальной ценности Беларуси. Белорусским телевидением, а также кинематографистами из Западной Европы снято несколько видеофильмов о народных традициях, сохранившихся на Лепельщине.

В Россонском районе ежегодно проводится международный фестиваль сельского туризма «Заборскі фэст», в рамках которого совместно с заинтересованными проводятся «круглые столы» по обсуждению перспектив развития агроэкотуризма в регионе, организуются туристические слеты, проводится презентация сельских усадеб и деревенских развлекательных программ.

По состоянию на 1 августа 2011 года в области действует около 200 экскурсионно-туристических маршрутов, из них 39 разработано в текущем году.

С целью развития международных связей и активизации внутреннего и въездного туризма в текущем году поданы заявки для участия в проектах «Белла Куизин» (участвовали город Полоцк, Верхнедвинский, Глубокский, Миорский и Лепельский районы и партнеры из Латгальского региона Латвии, основная цель проекта — улучшение кулинарной сервисной сети в Латгалии и Витебской области), «Интерпретация окружающей среды — объединяющая стратегия туризма» (участвовали Витебская область, Эстония, Латвия и Псковская область).

Получил одобрение и проект международной технической помощи «Поощрение здорового образа жизни в приграничных районах Латвии и Беларуси» (участвуют Латвия, Россонский, Верхнедвинский, Глубокский районы и Полоцкий горисполком), цель которого — совместные действия, направленные на пропаганду здорового образа жизни.

В соответствии с мероприятиями Государственной программы развития туризма в Республике Беларусь на 2011—2015 годы, а также предложениями Ростуризма, одобренными профильной комиссией парламента Союзного государства, запланирована разработка трансграничных туристических маршрутов: «Маршрутами Отечественной войны 1812 года: 200 лет спустя» и «Природные заповедники России и Беларуси как составная часть маршрутов экологического туризма».

В целях дальнейшего развития туризма, экономически выгодного использования природного потенциала области, обеспечения потребностей гостей и жителей Республики Беларусь в доступном отдыхе,

Участники фестиваля «Славянский базар» на улицах Витебска.

привлечения инвестиций в рамках Региональной программы инновационного и инвестиционного развития Витебской области на 2011—2015 годы разработана подпрограмма «Пятьсот». Ею предусмотрено строительство 100 объектов придорожного сервиса, 100 охотничьих домиков, создание 100 агроэкоусадеб (агроэкотуристических комплексов), благоустройство 200 зон отдыха на озерах и реках области.

Благодаря реализации мероприятий данной подпрограммы увеличится приток туристов в Витебскую область, будет создано 1960 новых рабочих мест, экспорт туристических услуг возрастет в 3,5 раза.

В свое время по поручению Президента Вами разрабатывалась Национальная программа демографической безопасности. Хотелось бы узнать, что сделано в рамках ее выполнения на Витебщине? Ведь Вы доктор медицинских наук, профессор, теперь как руководитель области имеете возможность воплотить теоретические подходы на практике… Что нового делается в сфере здравоохранения, утверждения в обществе здорового образа жизни?

— Осваиваются и внедряются в практику новые современные методы и методики оказания медицинской помощи населению. В настоящее время большое развитие в нашей области получила кардиохирургическая помощь — начато проведение операций на открытом сердце, выполняются коронарные стентирования, имплантации кардиостимуляторов, операции на аорте и магистральных артериях. Постоянно увеличивается объем оказания высокотехнологичной ортопедической помощи травматологическим больным, развивается хирургическая офтальмология, внедряются методы лазерной хирургии при лорзаболеваниях, новые виды операций в нейрохирургии.

Укрепляется материально-техническая база организаций здравоохранения. Так, в течение 2009 и 2010 годов проведены реконструкции и капитальные ремонты семи отделений областной клинической больницы, консультативной поликлиники, диагностического отделения 2-й областной клинической больницы, отделения гемодиализа в Лепельской

и Поставской центральных районных больницах, Богушевской районной поликлиники Сенненского района, двухэтажного корпуса отделения выхаживания недоношенных детей и операционного блока детской областной клинической больницы, стоматологической поликлиники в г. Глубокое, пищеблока Шарковщинской центральной районной больницы. Не менее значимые проекты в сфере здравоохранения мы реализуем и в текущем году.

Осуществляются мероприятия по профилактике алкоголизма, наркомании и суицидов, позволившие добиться позитивного результата. В 2010 году по сравнению с 2006 годом первичная наркологическая заболеваемость снизилась на 14,1 процента. Заболеваемость алкоголизмом снизилась за анализируемый период на 13,4 процента. На 12 процентов уменьшилось количество женщин, поставленных на учет с диагнозом алкоголизм. Количество несовершеннолетних со сформировавшейся зависимостью, поставленных на диспансерный учет, снизилось на 38,1 процента.

В 2010 году количество суицидов сократилось по сравнению с 2009 годом на 25,1 процента.

Особое внимание уделяем укреплению института семьи, формированию культуры брачно-семейных отношений, воспитанию нравственных качеств. На базе отделов загса действуют «школы молодой семьи». Для создания и поддержания позитивного образа семьи активно работают семейные клубы, целью которых является гармонизация супружеских и детско-родительских отношений, укрепление семьи. Кстати, коэффициент рождаемости на 1 000 населения вырос с 8,8 в 2006 году до 10,1 в 2010 году.

Показатель младенческой смертности снизился по сравнению с 2006 годом на 3,0 промилле и составил 3,8 на 1 000 родившихся живыми младенцев, что соответствует уровню наиболее развитых стран мира. С 2006 года в области не регистрируются случаи материнской смертности. До 70 лет увеличилась ожидаемая продолжительность жизни.

Принятые меры по привлечению в область трудовых ресурсов позволили достичь в 2010 году положительного сальдо миграции населения (плюс 360 человек).

Особое внимание уделяется совершенствованию системы социального обслуживания пожилых людей, поддержанию их активного образа жизни. Ежегодно повсеместно проводится обследование условий проживания одиноких нетрудоспособных граждан, ветеранов Великой Отечественной войны. В ходе обследований выявляется потребность граждан в оказании хозяйственно-бытовых услуг, в решении других социальных вопросов, в том числе их нуждаемость в определении в дома-интернаты, помещении в отделения круглосуточного пребывания территориальных центров социального обслуживания населения.

— Бытует мнение, что Витебщина — особый край, который обладает удивительной аурой, дал стране и миру немало имен: Евфросиния Полоцкая, Марк Шагал, Петр Машеров, Жорес Алферов… Что делается в области, чтобы эта заслуженная слава не увядала, жила и дальше? Каким Вам видится дальнейшее возрождение духовности Придвинского края, сохранение народных традиций, развитие культуры?

— Сложившиеся в области традиции фестивального движения, народного и самодеятельного творчества будут поддерживаться и развиваться в дальнейшем. Кроме «Славянского базара» наиболее значимыми событиями культурной жизни остаются международные фестивали «Днепровские голоса в Дубровно», «Звенят цимбалы и гармонь»

(Поставы), музыкальный фестиваль имени И. И. Соллертинского, фестиваль современной хореографии (Витебск).

Для поддержки наиболее талантливой творческой молодежи — учащихся ДШИ и ССУЗов культуры и искусства, ставших победителями областных, республиканских и международных конкурсов, в 2010 году установлены премии облисполкома.

Принято решение Витебского областного Совета депутатов об установлении надбавок работникам библиотечной системы области.

В целях сохранения историко-культурного наследия запланировано проведение реставрационно-восстановительных работ Дворца губернатора (г. Витебск) с последующей музеефикацией, размещением наиболее ценных музейных коллекций. Данный культурный объект будет способствовать привлечению гостей и жителей г. Витебска для ознакомления с общественно-политической жизнью Витебской губернии XIX—XX веков.

Планируется восстановление усадьбы семьи Марка Шагала и воссоздание исторической среды квартала по улице Покровской в Витебске, реставрация исторического здания по ул. Правды, в котором работал Шагал. В Министерстве юстиции Республики Беларусь зарегистрирован международный фонд возрождения исторической части города Витебска «Золотое наследие Витебска», созданный для сбора средств на регенерацию улицы Покровской.

Под Рубой, в районе Витебска, воссоздана усадьба известного художника Ильи Репина «Здравнево», где любят бывать многие зарубежные гости и туристы.

Для того, чтобы общество смогло выжить и сохранить свою уникальную культуру, оно должно обязательно наследовать, сохранять и передавать те духовные ценностные ориентиры, на которых держалось всю историю своего существования.

В вопросах возрождения духовности Придвинского края важное место занимает духовно-нравственное воспитание школьников. Нравственная сила религиозной этики сегодня активно используется в целях формирования морального и духовного мира человека. Одновременно с актуализацией проблемы духовности идет возвращение и к ее истокам.

Интересы школы и Церкви в решении задач, связанных с приобщением школьников к христианским ценностям, совпадают. В соответствии с запросами родителей в дошкольных и общеобразовательных учреждениях области функционируют группы и классы, работающие по программе «Духовно-нравственное воспитание дошкольников и школьников на православных традициях белорусского народа». Практически во всех регионах области организуются ознакомительные поездки и экскурсии к культурно-историческим памятникам и православным святыням Беларуси, России и Украины. Вопросы, касающиеся роли православия в формировании белорусской государственности и патриотическом воспитании детей и молодежи, являются составной частью краеведческих курсов «Полоцковедение», «Оршеведение», «Чашниковедение», «Поставщина» и т. д. В процессе изучения истории православия — ознакомления детей с историческим и культурным наследием своего народа — формируется патриотизм и национальная гордость.

С 31 июля по 5 августа в Витебске прошел международный православный фестиваль духовной поэзии и авторской песни «Одигитрия». Витебск в очередной раз собрал православную молодежь из разных стран, подтверждая значимость роли христианской культуры в воспитании подрастающего поколения.

На основе христианских ценностей основана волонтерская работа отрядов «Милосердие», «Забота», «Чуткое сердце», члены которых заботятся о младших, участвуют в оказании материальной и духовной помощи одиноким гражданам, инвалидам, ветеранам войны и труда. Учреждения образования области шефствуют над 740 местами воинской славы. Мероприятия духовного, нравственного и патриотического содержания стали составной частью воспитательной работы в летних оздоровительных лагерях. Много интересных и значимых проектов посвящено жизни и творчеству наших славных земляков.

— Особый пласт культуры Витебщины связан с литературой. С ней связаны имена многих известных просветителей, поэтов и писателей, среди которых Евфросиния Полоцкая и Симеон Полоцкий, Франциск Скорина, Василий Тяпинский, Петрусь Бровка, Василь Быков, Михась Лыньков, Владимир Короткевич и другие. Среди сегодняшних литераторов Придвинья также есть такие, чья известность шагнула за пределы страны. В области ежегодно издается по 35—40 новых книг. Какую поддержку получают витебские писатели со стороны властных структур?

— Изучение литературного наследия — важное звено в познании закономерностей истории, непременное условие сохранения и развития предыдущих, нынешнего и будущих поколений, важная ступенька в открытии огромного и привлекательного мира знаний.

Информация о новинках литературы, в том числе и витебских авторов, постоянно поступает в учреждения образования. В школьных библиотеках презентуются новые литературные издания известных просветителей, ребята вместе с педагогами охотно посещают творческие вечера витебских прозаиков и поэтов.

При библиотеках созданы мини-музеи известных писателей Витебщины Евдокии Лось (г. Витебск), Тараса Хадкевича (г. Верхнедвинск), Яна Барщевского (Россонский район). В настоящее время ведется капитальный ремонт Литературного музея в Витебске.

Ежегодно в области проходят вечера-чествования современных писателей-юбиляров, презентации их книг, литературные вечера, а также региональные и областные литературные праздники. Только в последние два года прошли областные литературные праздники в Оршанском и Ушачском районах, региональные праздники музыки и поэзии — в Городокском и Лиозненском районах. В Новополоцке состоялся областной праздник литературных и литературно-музыкальных клубов «Песняры Придвинского края», собравший как литературных корифеев, так и начинающих писателей со всех уголков Витебщины. Творческими вечерами были отмечены юбилеи Тамары Красновой-Гусаченко, Бориса Бележенко, Константина Нилова, Николая Болдовского, Ольги Русилко, Игоря Прокоповича, Маины Боборико, Василия Рудого и др.

С целью развития творческого потенциала писателей области Витебским областным исполнительным комитетом учреждена литературная премия имени Владимира Короткевича, лауреатами которой уже стали 16 писателей.

Серьезной поддержкой писателей-земляков является ежегодное централизованное приобретение за средства областного бюджета их книг для комплектования фондов публичных библиотек области, которое проводится в тесном контакте с Витебским областным отделением ОО «Союз писателей Беларуси».

Подготовила Тамара КРАСНОВА

ТАМАРА КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО

Долю крестную нести

Поэма о Двине

И пробился сквозь камни прозрачный родник
На лесистом Российском Валдае,
И к земле ручейком он звенящим приник,
И назвали его — Эриданом.

Называли потом — Танаир и Турун,
И — Роданом, Диной, и Виною...
Бился, вился ручей, говорливый, как вьюн,
Рос, крепчал, становился рекою.

Эридан — это древнее имя Двины.
До Охвата — озерка лесного,
Тек речушки поток небольшой ширины,
А из озера — дальше тёк, снова,

Но уже не речушкой, широкой рекой!
А притоки — Нетесьма, Велеса
Умножали, питали живою водой,
Выводя на просторы из леса.

И впадали там Каспля, Ушача, Межа,
Лауцеста, Дисна и Волкота,
Дрисса, Оболь и Улла несли не спеша
Свои воды... Лучоса, Полота

И Торопа, и Дубна, Персе и Огре,
Кекавиня, Айвенксте — притоки
Придавали могущество нашей Двине,
И на северо-запад с востока

Уносилась, играя волны янтарем
И навеки с любимым прощаясь —
Милым с детства, зеленым могучим Днепром,
С ним она родилась на Валдае.

Но судьба: «Днепр на юг, а на север — Двина!» —
Так велела... И кто с нею спорит?

И на север течет, то темна, холодна,
То — синее, чем Чёрное море...

По высоким лесистым ее берегам,
Словно стражи стоят вековые
Великаны-дубы... Величаво река
Омывает холмы золотые.

Храмы, словно от бед охраняя, стоят,
Чистоту синих вод защищая, —
Верхнедвинск, Андреаполь и Велиж... Горят
Купола! Звоном Витебск встречает!

Храм Успенья над городом — птицей летит!
Белых стен в глубине отраженье!
Освящая Двину, улетает в зенит
Колокольного звона служенье!

То землянки мелькнут в белорусских лесах,
То пороги взыграют бурливо,
И, не зная неправды, не ведая страх,
Ты — свободна, вольна, молчалива...

Даугавпилс и Рига... Но помнит Двина:
Русь ее с Беларусью венчала!
В Латвии — назвалась Даугавой она,
Полноводней в лучах засверкала.

Сколько сел, городов ты сегодня и встарь
На пути своем долгом вскормила,
А — в Балтийское море впадая, янтарь
По песчаным откосам открыла...

Даугава — Двина, золотая моя!
И соборна ты, и полноводна!
Что с того, что другая земля и страна?
Ты всё та же — вчера и сегодня.

То лесом, то полем...

То лесом, то полем дорожка бежит,
Судьба то зовет, то пугает.
Вот камень-валун на распутье лежит,
И надпись на камне пылает.

Налево идти мне — тебя потерять,
Направо — себя потеряю,
А прямо — так вовсе — двоим пропадать,
Куда же идти-то? Не знаю...

А сосны шумят, но их шум не понять,
Никто не поспорит с судьбою.
Как реки текут — не воротятся вспять,
Так молодость наша с тобою.

И снова рябины горят в сентябре,
Но этим огнем не согреться.
Куда ни пойду — все дороги к тебе
Приводят опять мое сердце.

Так дай же мне руку, и вместе пойдем,
Двоим не страшны злые ночи.
А камень-валун мы с пути уберем,
Чтоб больше он бед не пророчил!

То лесом, то полем...

И забыть ничего не могу

Я тебя никогда не забуду.
Ну а ты, если сможешь, забудь.
Лишь мгновение рядом побуду
И отправлюсь в заснеженный путь.

Захлебнусь от горячей метели,
Что ударит наотмашь в лицо.
Не окликнешь — ни громко, ни еле,
И не выбежишь вслед на крыльцо.

И, спиной ощущая остылость
Прошлых лет, малых горьких побед,
Я ещё буду ждать, словно милость,
Этот оклик и зов твой вослед.

Ах, как больно ступаю. Дрожащий
Шаг мой — так неуверен и слаб.
Он один лишь, весь Мир Предержащий,
Знает: это спасительный шаг.

Он-то знает. Он видит далеко:
Все пройдет, и я буду летать.
И весной золотой синеокой
Буду песни о счастье слагать.

Только я ничего ведь не знаю.
Только я задыхаюсь в снегу.
И, как свечка, во тьме догораю.
И забыть ничего не могу.

Дядя Ваня

Мой дядя Ваня, мамин брат родной
Лег в землю возле города Варшавы.
В конверте треугольном: «...как герой
Погиб он», — на Луньки письмо прислали.

Так и хранится тот, с войны «привет»
(До Дня Победы — месяц был всего-то)
Трем сыновьям, и (он не знал) на свет
Дочушке народившейся — четвертой.

Мой дядя Ваня допустить не мог,
Чтобы взорвали польский город древний,
Он жизнь отдал свою, но уберег
Варшаву... Без него теперь деревня

На Брянщине... Нет сына, плачет мать.
Дом опустел за лесом Вин-да-Вином.
Кто и когда стал странно называть
Родной лесок? В том дядя неповинен.

Вдове одной как деток поднимать?
Как уходить, вспахать, засеять ниву?
Подбитой насмерть, где ей силы брать
Для жизни с горькой долей сиротливой —

Не думал дядя Ваня... Разве мог
Он думать среди боя под Варшавой?
Горела, уходила из-под ног
Земля... Он шел на пулю не за славу,

Не за богатство шел, а за страну,
Не думая, что за страну — чужую...
Он был солдатом. В огненном бою
Он шел вперед — за Родину родную.

И не забудет Родина его.
Не зря он шел в огонь, на бой кровавый.
Мой дядя — и посмертно — не «герой».
Но он и те, кто с ним, спасли Варшаву.

Коле

Верила, молилась и просила,
Падая с огромной высоты,
И за мною вслед — невыносимый,
Ангельский избыток доброты.

Горе слева заходило, справа,
А потом ударило в лицо.
Но любовь, любовь сметала лавой
Все. И обручальное кольцо

Сорвалось, пропало под обвалом
Стылых весен и горячих зим,
Где горело белое на алом,
Покрывалось черное — седым.

И стояла я, и каменела:
А — мой сын, как будто бы во сне,
Но в каком-то белом, белом-белом,
Через вечность улыбался мне.

Небосвод над ним сверкал лазурный,
И была высокою звезда.
А ведь он не знает, что он умер,
И уж не узнает никогда.

На Луньки

На Луньки уводили сестру,
А меня не позвали с собой.
А Луньки — это чудо!
Там — бабушка, дедушка!
Груши,
Сливы, яблоки, вишни и пчелы —
Висят прямо над головой!
Я ревела, просилась....
Но папа сказал мне:
— Послушай,
Зря ты плачешь.
Ведь завтра поедем с тобою и мамой мы —
В Брянск!
А сестру не берем,
потому что мала еще Алла...

В Брянск?!
О, Брянск! Это — город!
И слышала я много раз, много раз,
Что на свете есть диво чудесное!
Я представляла,
Он — на самых красивых картинках,
Рисованных, виденных мной,
С теремами, домами высокими,
Башней вокзала!
Дух зашелся от счастья такого.
И рев прекратила я свой.

И жалела сестру...
А она — мне язык показала:

— Ухожу! На Луньки!
Меня бабушка ждет!
А тебя, Тома, — вот,
Не берут. Так и надо!
Привыкла командовать мною:
И туда не ходи, и сюда,
а и старше всего-то на год...
Я ж в душе ликовала —
ведь в город уеду зарею!
На машине, на поезде!
Невидаль: пчелы, Луньки...
Поутру
Я уеду в неведомый город!
И буду я в сказке!
Как я помню то утро,
когда уводили за ручку сестру...

И не помню чудес,
кроме шляпки,
Мне купленной — в Брянске.

* * *

Лес шумел, утопая в сугробах:
— Если сердце молчит, не пиши.
Столько брат ваш бумаги угробил...
Песни — раны кричащей души.

Если ж муки неведомы эти,
Не пиши. Что ты можешь сказать?
Никакая наука на свете
Не поможет. Ты просто в глаза

Погляди: мы безмолвья солдаты.
Часовые за нами стоят
Здесь, по пояс в снегах. Виноваты ль
В том, что выросли в этих краях?

Меж зимой и весной — поединок
Шел не раз через этот лесок,
Здесь в стаканы из утренних льдинок
Наливали березовый сок.

Мы испили его лишь однажды —
Этот сок из весенней глуши,
Так Адам, познавая суть жажды,
Пил... До дна первозданной души.

Что-то сердце...

Что-то сердце все чаще болит и болит,
Соучастия, отдыха просит...
Тихо мама со мною с небес говорит
Сквозь горящую золотом осень:

— Что ты сделала, чтобы любимых согреть,
Помогла им в лихую минуту?
— Я старалась все беды, всю боль — перепеть.
А смогла ли помочь хоть кому-то,

Я не знаю. Но крест свой и ношу свою
Не оставила и не искала
Ни — теплее угла, ни — богаче родню,
Свою долю несла, не бросала.

И на свете нашлась вот такая душа,
Что в ответ на сердечную муку
Не во сне прилетела, а в дом мой вошла,
Подала свою верную руку.

И сказала мне тихо, глазами в глаза:
— Как ты песней своею спасала!
Чистым сердцем, не помня, не ведая зла,
Ты слова свои кровью писала.

Твои строки, как уголь красны, горячи,
И горючи, но все-таки — ясны.
Даже звезды сегодня им вторят в ночи:
Вечна — жизнь, а еще — и прекрасна...

Что же сердце болит так, что просто невмочь,
Мама? Мама! Но, спрашивать поздно.
Моя мама молчит. А глубокую ночь
Чертят знаками, падая, звёзды...

Поставьте памятник деревне...

Поставьте памятник деревне
на Красной площади в Москве,
там будут старые деревья,
там будут...

*(Н. МЕЛЬНИКОВ,
поэма «Русский крест»)*

Какой деревне памятник поставить?
Отечеству — от блудных сыновей?
Я только и сумела там — оставить
След босоногой юности своей,

И первую любовь, и удивленье,
Там — мир врывался радостью в окно,
Там — голос мамы нежный, незабвенный.
И, Боже, как сирень цвела весной!
Там, за окном, — то зимы да метели,
То белоснежный яблоневый сад,
То — аисты, на юг они летели,
Чтоб не вернуться никогда назад.

Как совести своей надгробье ставить?
Мы родовой нарушили завет,
Покинув землю прадедов, и стали
Бездомными на Родине своей,
Где были так окутаны любовью.
Ты помнишь ли тот первый детский крик?
А первый шаг? А залитую кровью
Страну? Войну? Но и в горючий миг
Лихой беды она давала силы,
Пощады и подмоги не просила,
Но воинов земле своей дала.
За сыновей молилась. И — жила.

Качала в люльке, пестила детей,
Нам пела колыбельную метель,
Сугробы засыпали хаты, крыши,
Но пробивались окна светом — выше,
Деревня выживала, как могла,
Растила хлеб и нас с тобой ждала.
Трудилась от зари и до зари
За трудодни, и что ни говори,
Не гневалась она, и не роптала,
В отчаянье не падала, стояла.
Не просто встать старалась, а идти
И с честью долю крестную нести.

Покорно, приняв все и всех прощая,
И ни упрека, даже умирая...
И — где деревне памятник поставить?
Спросите, опросите всех людей,
И люди скажут: нет ее, не знаем,
Таких на свете нету Площадей.

Мои стихи

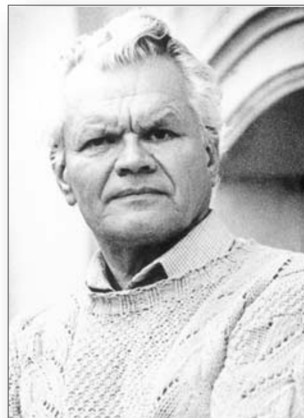
Мои стихи не могут не меняться.
Пока дышу я, радуюсь, живу —
Они растут, мужают и искрятся,
Резвятся, как кораблик на плаву.

Им всё позволено — жива хозяйка!
Без страха, вольно пусть себе поют,
Мороз ударит? Их туда, где жарко,
Отправлю — в Ялту, там и отдохнут,

Где Богданович, Чехов... В Коктебеле
Задержатся пусть тоже на часок,
И памятник Волошину — на теле
Холма просторного не будет одинок.

Ему стихи мои поклон — от края
Озер и рек прохладных отвезут!
И зелень сочная взойдет, играя...
Мои стихи по волнам поплывут

До горизонта, сквозь шторма и бури,
И брызгами рассыплются у скал,
Сверкая там, среди морской лазури,
Забыв — кто и зачем их написал.



БОРИС БЕЛЕЖЕНКО

Тайна Тяпинского холма

Повесть

На Тяпинском холме

Острый осенний ветер обжигает лицо, и слезы невольно выбиваются из глаз. Особенно пронзителен сквозняк здесь, на пустыре, возле развалин бывшего костела, где лежат поросшие мохом камни и обломки красного кирпича. Почти рядом — гравийная лента широкого большака, уходящего в бескрайние шири славянской земли. Но, кажется, исток его здесь, в деревне Тяпино. Отсюда большак выплывает и течет на запад. И по этой вечной дороге с грохотом и тишиной, с огнем и туманом, с боевыми кличами и нежными песнями ушли в бесконечность былые века…

А теперь здесь безмолвие, и только быстролетный сивер насвистывает загадочную песню, и она звучит отдаленным эхом давних времен… Прищурившись, поглядываю на недалекую возвышенность. И ловлю себя на мысли, что гляжу действительно на что-то возвышенное. И в прямом, и в переносном смысле. Это — бывший Двор Тяпина. Здесь и стояло когда-то имение выдающегося белорусского народного просветителя и гражданина, писателя и книгоиздателя XVI столетия — Василия Николаевича Тяпинского-Амельяновича.

Здесь, во Дворе Тяпина, Василий Николаевич родился, отсюда он отправился в большую творческую жизнь, достигнув своей культурой Несвижа, соединил с ним свою судьбу, где постиг высокие идеи неистового, огненного Сымона Будного и по велению собственного сердца стал единомышленником и другом Сымона.

На знаменитой возвышенности погуливает ветер, вороша и перебрасывая с места на место сухую листву, словно сметая все наносное, легкое, второстепенное. Но главное остается навеки: это высокое место прославлено делами Василия. Здесь он жил, здесь в темное время средневековья мечтал о просвещении народа… Здесь видел он удивительные сны.

Сон в грозовую ночь

Дождь шел непрерывно. И если бы можно было подняться над землей и взглянуть из-под облаков на этот высокий и широкий холм, на котором стояло именьице, то увидел бы, как из бесконечных иссиня-серых туч густо падали вниз бесчисленные струи. Они заливали все строения, смывая с крыш опавшую листву, омывая два широких стога сена, стоявших на задворках, а во дворе подхватывали клочья соломы и сена, подгоняя их к подворотне, хлестали по собачьей будке, пенились по всему двору и, устремляясь за его пределы, с шумом неслись вниз по косогору, заливая дорогу и наполняя овраг.

В начале ночи Василю не спалось. Думы не давали покоя. Он все еще не мог смириться с тем, что пришлось расстаться с Несвижем. И перебирал в памяти тяжелые дороги, которые одолела его кочевая типография. Как голуби собирают рассыпанные по земле зернышки, так и он, Василь, собирал, считай, по буковке, свою печатню. Тот шрифт, используемый великим Франциском Скориной в Кракове, был обнаружен и в Вильно. Оттуда Василь доставил его в свою убогую печатню в Тяпино. Это — буквы в рамках. Но их было недостаточно, чтобы отпечатать текст, строчных форм не было. Даже краковские скорининские украшения не могли заменить основной шрифт. Его-то и привез Василь из Несвижа…

Заунывный шепот дождя напоминал об утомительных дорогах, о сотнях и сотнях верст с нелегким грузом по бездорожью. Это для короля перед его выездами на просторы владений или для зарубежных послов строились мосты через реки, широкие ручьи и овраги, настилались гати на низинных и болотистых местах. А для проезда простенького тарантаса не очень-то заможного шляхтича, как он, Василь Тяпинский, доставались вечно потные лошади, глинистые колеи да встречи с бородатыми бражниками и разбойниками, с которыми пришлось делиться вяленой свининой. Но и этого мало — подавай бродягам гроши, куниц, селедцов…

Хорошо запомнились дороги на Городище и Радунь, на Ошмяны и Бегомль, на Лепель и Лукомль. Но не столь уже велики потери от встреч с разбойниками на вязких дорогах в сравнении с тем, что довелось задешево продавать наследные именьица в Свянтинском, Менском, Виленском, Ошмянском, Лидском поветах. Собирался ко грошу грош ради издания печатного наставления для глазок и ума деток земли славянской…

Затяжной дождь навевал долгие и грустные думы. И отчего это Пан Бог так устроил, что люди, страждущие за народ, почти бедствуют, а те, у кого роскошные поместья с подневольной прислугой, имеют холодные сердца и расчетливый ум? За дешевую похлебку да тесный закуток под крышей хаты хозяйского двора, рядом с будками для гончих и легавых псов работают из поколения в поколение простолюдины. И сыновья их встают в ряды воев и гибнут в межусобных и иных сражениях, а дочери во цвете лет насильно зачинают детей от барина и его отпрысков и насильно же выдаются замуж за нелюбимых, был бы такой жених приятен для господина данного имения.

А его, Василя, убогий маенточек достался ему от отца Миколая Ивановича. Бревенчатый дворец, двенадцать семей вотчинного люда, четыре куничника, плативших хозяину сорок восемь грошей в год. Тяглые люди работали по два дня в неделю. Двое слуг на конной службе жили во Дворе, от них не поступало в хозяйство ни гроша. Два огородника служили по одному дню в неделю. Невелики были те огороды да пашни, коль от всего имения нужно было поставлять на военную службу одного конного воина…

В конце концов все обнимавший шум дождя заставил Василя уснуть. Ветер то и дело подхватывал целые снопы струй и швырял их в стены и окна, словно кто-то время от времени стучался в дом. Под эти звуки Василь уснул, незаметно перейдя грань между явью и забытьем, и вскоре ему почудилось, что некий многоголосый шепот охватил пространство, слышалось мерное, таинственное громыхание, отдаленно напоминавшее

голос набата. Показалось, кто-то вызывает его на площадь, где уже начали собираться люди. Перед глазами запестрели разноцветные одежды: синие, рыжие, красные, зеленые, фиолетовые, белые, коричневые — мелькали, то сливаясь в одно огромное пятно, то рассыпаясь по земле, словно разноцветная осенняя листва. Внезапный порыв ветра выхватил из этого многоцветного месива некий огромный венок, швырнул его ввысь, из поднебесья — прямо в центр круга, обрамленного пестрыми лоскутами красок, упал раскаленный камень, источавший яркий оранжевый свет. Словно огненный фонтан, вырвалось из него испепеляющее пламя.

— Кто из вас понесет огонь? — явственно послышался чей-то голос.

Наступила тишина, затем снова еще громче повторилось:

— Кто из вас понесет огонь?

Этот голос прозвучал еще раз, и где-то совсем близко в небе громыхнуло. Василь проснулся. Шум дождя поутих и напоминал о себе только при порывах ветра, зато грохотало все чаще и чаще. Разгулялась рябиновая ночь. Казалось, сошлись вместе Макавей с Антоном-вихровеем. И теперь попробуй понять, для чего силы неба посылают на землю этот таинственный огненный грохот, эти саблеобразные молнии, на которые боязно взглянуть, этот проливной дождь, словно низринулось на истощенную почву огромное море влаги. И надо всем этим воет, свирепствует бешеный ветер. Может, и вправду в эту ночь из пекла на свет вырываются все злые силы и празднуют свой главный праздник, устрашая, а то и убивая людей, Христу верных, богобоязненных. Или это объединились все силы земли и неба, чтобы очистить души людей, воздух, пашни, деревья и травы от черноты дьявольской, от проделок антихриста…

Во дворе послышались лай собаки и стук в ворота. Василь быстро оделся и вышел из дома во двор. Там уже возбужденно о чем-то говорили люди. По голосам угадывались Кирик и Маврон. Верные слуги подбежали к Василю и, перебивая друг друга, повторяли одно: «Пожар! Небесный огонь возжег Запружаны!» Василь, забыв в эту минуту о слугах, бросился к конюшне, распахнул ворота и крикнул:

— Маврон! Веди коней!

Пожар

Господи! Как он, Василь, всегда имевший ясную память, вдруг позабыл, что лошади пасутся в поле. Это «Пожар!», подобно грому небесному, вывело из равновесия и спутало мысли.

Послушный Маврон забежал в конюшню, схватил уздечки.

— А сколько обротей брать? — спросил он.

— Бери три! Едем втроем, — на ходу ответил Василь, а сам поспешил в дом, сообщить Софье, что едет на пожар.

Сборы были коротки. Главное — попросить Господа о помощи, снять со стены иконку с ликом Христа и взять с собой. Тут уж ни к чему поспешность и трепет перед несчастьем: молитва, пусть и краткая, должна произноситься со спокойным сердцем и глубокой верой. Василь прижал икону к груди, трижды произнес: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь». Поцеловал лик Христа, и в этот миг Василю показалось, что Сын Божий вздохнул. Василь отпрянул от иконы, затем еще раз поцеловал ее. Он принял божественный вздох как обещание помощи.

В это время невысокий, худощавый Маврон, прихрамывая, но довольно проворно направился на луг, за лошадьми. Здоровой правой ногой Маврон старался сделать как можно более широкий шаг, а левой, покалеченной при лесоповале еще в юности, неуклюже отталкивался от земли, покачиваясь из стороны в сторону. Но как бы там ни было, Маврон быстро распутал и взнуздал лошадей и появился с ними возле Кириковой хаты, куда Кирик уже успел сбегать, чтобы сказать своим домашним о пожаре.

— Кирик! Проворствуй! — крикнул Маврон. — Торопко — на пожар! Пан Василь с нами.

Дверь Кириковой хатенки распахнулась, и на пороге рядом с Кириком показалась его жена Мокрида с дитятком на руках.

— То ж Волотовичево горить, — негромко сказала она. — А сам он ярый, злой, бутный, бесстыдный человек… Помнишь, как он моего Кирика бил?

Стройная, подвижная Мокрида глядела на Маврона сверкающими большими глазами, словно пробивала ночную тьму.

— Дэй то ж наш пан Василь Миколаевич приказал. А у него сердце болит завсегда: наше горит или чужое.

— Блудный Волотович… Бестия… — не сдавалась Мокрида, возвращаясь в хату.

Кирик прихватил топор-барту и легко вскочил на вороного. Маврон тронул за поводья своего коника-бахматку. Кирик ударил огрубелыми пятками по ребрам черного коня, и все двинулись в сторону панского имения. Но Василь нетерпеливо уже спешил им навстречу, держа в руке короткий багорчик. Маврон и Кирик остановили лошаков. Кирик ловко соскочил со спины вороного, поцеловал Василю руку, подсадил его на жеребца-дрыганта и, пружинисто оттолкнувшись от земли, взлетел на спину вороного.

— Нэ! Нэ! — громко прокричал Маврон, и вся конная тройка двинула в Запружаны.

Дождь немного приутих, но в небе грохотали громы и посверкивали молнии, постепенно отдаляясь на запад.

Кони копытили полевую дорогу, а седоки молча поторапливали их, дергая поводья. И только изредка слышались слова, произносимые Василем:

— Никакой вещун-чародей не предскажет, когда грому беситься, когда огню все пожирати. Дай, Владыка небесный, нам силы взяти верх над пламенем дьявольским…

Проскакав не более двух верст, наши вершники поняли, что на самом деле горит Логуново: теперь, с возвышенности, это было видно ясно.

— Логуново в полыми! — крикнул Кирик.

— Огонь-обжирца обжирает стены и в дождь, и в сушь, — мрачно произнес Маврон.

На мгновение приостановив своих лошадок, все втроем, движимые желанием проворней доскакать до Логунова, дружно натянули поводья, направив лошадей влево, на едва заметную во тьме полевую дорожку, обрамленную густой зарослью донника и кустиками полыни.

Всадники безжалостно гнали лошадей, словно это была гонка на лучшего скакуна. Вот они спустились с одной возвышенности, взлетели на другую, и перед глазами вершников предстал пожар.

Полыхали сразу три хаты с пристройками. Огонь пожирал стены хат, клети, сараи, овины. Багровые, бело-розовые, алые, иссиня-красные языки пламени с некой дикой свирепостью въедались в деревянные бревенчатые стены, спешили разбегаться по плетням, по соломенным и тростниковым крышам строений. Ветер то и дело менял направление, бросая пламя то в одну, то в другую сторону, угрожая низринуть ярый огнепад на любую постройку. Горячие волны воздуха, гонимые порывами ветра, взъерошивали хрупкую кровлю прохудившихся крыш, вырывали из них пылающие клочья и разносили по деревне. Казалось, что некие дьявольские бескрылые птицы мечутся над лачугами бедных людей.

Слышались причитания и стоны. Люди пытались залить водой ненасытное пламя, разодрать его баграми, рушили и притаптывали ногами упавшие на землю плетни, чтобы огонь не перебегал с одного двора на другой. Мужики соседних дворов сидели на крышах своих хат и смачивали их мокрой ветошью.

— Водоносов-ведер у них маловато! — крикнул Василь, придерживая своего дрыганта, доставая из-за пазухи иконку, целуя ее и прижимая к груди. — Кирик! — крикнул он. — Возьми у меня багорчик и с Мавроном шибче на помощь логуновцам! А я с иконой объеду вокруг деревни.

Моление о дожде

Рядом с перекрестком проселочных дорог, сбежавшихся на краю Логунова, Василь заметил высокий деревянный крест, отбрасывавший на дорожку дрожащую, едва заметную тень, а невдалеке — еще несколько крестов размером поменьше. От них тоже плавно, извиваясь, опускались наземь тени, меняя свои размеры и направление в зависимости от колебаний пламени пожара.

«Господь Великий! Али не видишь, что здесь проживают люди христианские, верные, богобоязные? Что же не помогли им кресты святые?» — подумал Василь и перекрестился.

А в Логунове голосили женщины, плакали и кричали дети, надрывно, до хрипоты, рвали глотки мужики, из ушатов, кварт и водоносов, швыряя воду в одичавшее пламя, топорами-бартами разламывая ворота и двери сараев и хлевов, выпуская на волю скот. С гиканьем и ревом вырывались из стойл телята, козы, коровы, с гоготом вылетали на улицу гуси. Торопливо крякая, тяжело переваливаясь с боку на бок и беспомощно хлопая крыльями, выкатывались за пределы дворов утки, с ошалелым криком, кудахча и остервенело хлопая крыльями, теряя пух и перо, улепетывали от огня куры. Не зная, в какую податься сторону, сонные свиньи визжали, тыкаясь в разные углы дворов, и людям стоило немало риска и усилий, чтобы выпроводить бестолковых хрюшек подальше от горящих построек.

Василь вдруг услышал многоголосое жужжанье. Жара и дым выкурили из лежаков-колод пчел, и те, обозленные, метнулись к Василю и его жеребцу. Конь заржал и вздыбился. Василь ощутил жгучие укусы на щеках и руках. Он моментально направил дрыганта поближе к дышащему жаром и дымом пространству вблизи пылавших хат, и пчелы моментально отстали, дружно рванули прочь в прохладную тьму ночи.

Василь оглянулся. Кони Маврона и Кирика были привязаны к стволу березы, стоявшей на краю селения. Мельком взглянул на нее и заметил, что белоснежная кора дерева показалась розовой в отсветах шального пламени пожара. Василь увидел, как шустрый Кирик с бартою в руке побежал на помощь мужикам, метавшимся с бадьями к колодцам и от них, неистово разбивавшим плетни и ворота, чтобы как-то угомонить озверевший огонь. Хромой Маврон смешался с толпой людей, носившихся с бадьями и водоносами то к колодцам, то от них к лютому пеклу, пытаясь залить, сбить змеиные языки пламени.

Тем временем Василь направил дрыганта вокруг пылающей деревни. Конь послушно, медленно, одному ему известным чутьем выбирал во тьме места, чтобы поставить копыта, не попадая на камни или пни, на игольчатые ветви чертополоха и репея, обходя выбоины и обломки хвороста.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Аминь! Помози, Пан Бог наш, одолеть страсть-беду огненную, успокоить сетование-плач людей безвинных! Оборони селян-смердов от сморка-смерча жародышащего, ратуй их от струпа-пакуты за свою маентность кепскую. Пашкадуй их халуги-хаты старые! Будь справедлив, дай ратование людие твоим…» — непрерывно шептал Василь, объезжая пылавшую деревню по загуменью, держа лик Иисуса леворуч, напротив своего сердца. И весь розрух огненный Святой Сын Божий видел своими божественными глазами. Какие мысли таились в непостижимом образе Иисуса? Что повелел Он силам небесным и земным во имя спасения житла людского?

Кто-то из местных логуновцев заметил, что пан Василь Тяпинский прибыл пособлять тушить пожар в деревне, не принадлежавшей ему. Это была вотчина Андрея Волотовича. Из уст в уста побежала весть: «Пан Василь Тяпинский прибыл на помощь!» И в этом содоме возле огненного пекла, когда не было минуты и слова сказать, кто-то выкрикнул:

— А нашему Волотовичу все одно! В разорение вечне село попадет! Огонь караючий одолеть не можем…

Гудец-ветер доносил обрывки фраз из толпы, спасавшей горевшую деревню, до слуха Василя. Но он был сосредоточен, почти непрерывно повторял слова молитвы, и ему казалось, что икона в его руках ожила, превратившись в часть тела и духа Сына Божьего. Василь не торопил дрыганта: святое дело нельзя совершать второпях, да и слишком шибкий шаг жеребца мешал бы проговаривать слова молитвы, идущей от самого сердца. Уста шептали молитву, а на душе была горечь за бедствующий народ да и из-за сознания своего бессилия помочь люду посполитому и защитить его от напастей земных и небесных. «Почему гроза и молния выбрали именно эту деревню, этих несчастных, забитых трудом и повинностями людей? Чем провинились они? Может, кто-нибудь один из деревни и есть грешник пред Паном Богом и всеми святыми, а почему огонь небесный карает многих из-за одного виноватого?» — Мысли вертелись вокруг этих вопросов, а дрыгант осторожно и медленно нес на своей широкой спине худощавого, задумчивого седока, раздумья которого то касались дел земных, то возносились в горние пределы. Таким и запомнила та ночь Василя Тяпинского.

Василь вспоминал свой сон с тем вопросом: «Кто из вас понесет огонь?» Почему этот сон привиделся именно в эту огненную ночь? Вопрос о том, кто понесет огонь, так и остался без ответа. Разве он, Василь, согласился бы нести куда-то всесжигающий огонь? Горя хвата-

ет на земле и так, да и не по душе ему, любящему свой люд, ему, сеющему свет знаний вместе с Сымоном Будным, нести разрушительный огонь. И все же загадочный вопрос не давал покоя. И в эти минуты, когда в руках Василя был святой образ и едва не живое тело самого Иисуса, этот вопрос снова и снова беспокоил сознание. А может, этот вопрос и явился среди грозовой ночи для того, чтобы испытать человека, способен ли он к разрушению.

Продолжая свой путь вокруг деревни, Василь был далеко от пылающих хат, но не отрывал глаз от этой геенны огненной и молил Бога о прекращении огня и о спасительном дожде.

Беспощадный огонь

И когда Василь трижды объехал вокруг Логунова со святым образом и щедрой молитвой, действительно закапал мелкий дождик. Василь горячо поцеловал икону, подставил свое лицо под холодные дождинки и жадно глядел в небо, ожидая еще большей благости от Всевышнего.

Но как раз в эти минуты порыв ветра вырвал из крыши пылающей хаты клочья горящей соломы и швырнул их на крышу хатки бедолаги Мыса.

Мыс, как и многие деревенцы, верил в силу священного огня, добытого трением сухих палочек друг о дружку, сложенных крест-накрест, и обставил свою хилую усадебку небольшими костерками. Они должны были не допустить большой огонь на Мысово подворье. Но огонь из общего пожара уже въелся в крышу нищего Мыса, и его хатка мгновенно занялась пламенем.

Маленький, сгорбленный Мыс не верил своим глазам. Щупленькая его фигурка метнулась к колодцу с небольшим водоносом. Несколько человек тоже бросились помогать Мысу спасать его хижину. А он сам сперва пал на колени и, подняв руки над головой, только повторял одно и то же:

— Боже милостивый! Я верю кресту Твоему! Буди вдячны и Ты мне за веру! Я же верил огню чудодивствующему, а он не дал обороны двору моему.

Мыс упал на землю, стонал и крестился. Тем временем некий мужик кинулся к Мысу во двор, рывком отворил воротца хилого сарайчика, из которого выскочили две козы и полдесятка растрепанных кур. Перепуганные жарой, пламенем и криками людей, куры и козы бросились в разные стороны, спасаясь от беспощадного огня.

Василь видел все это. Он уже спешился, привязал дрыганта к стволу стоявшего далеко от горящих строений клена и сам подбежал к людям, изнывающим от жары и страшной беды, и вместе с другими затерялся в страждущей толпе. Особенно ему было жаль бедного Мыса. Василь подбежал к нему, крикнул: «Пан Бог поможет!», схватил водонос, стоявший возле Мыса, подскочил к его запылавшей хатке и с разгона бухнул воду на дымящуюся стену.

Здесь, рядом с огнедышащим пеклом, был почти не заметен скупой, неторопливый дождик. Но Василь надеялся, что там, в загадочной, недоступной выси ночного неба, где обитают горние силы, божественной волей собираются бесчисленные облака, чтобы опрокинуть мощный ливень на горящие постройки.

Но чуда не произошло. В скором времени гром откатился куда-то далеко и вовсе умолк, а с ним исчез и мелкий дождик. И вся надежда у деревенцев оставалась на заросший пруд и единственный колодец.

Правда, блаженный Савва на конной колымажке не один раз подъезжал к пруду, черпая бадьей воду и наполняя ей бочку и подвозя воду ближе к пылающим хатам. Да и это было напрасным. Ненасытный огонь успокоился только тогда, когда проглотил все, что доставал своими языками и при помощи порывов ветра. Четыре двора с хатами, клетями, сараями, овинами и другими постройками сгорели дотла. Над плачем и рыданиями погорельцев, разрывая души, плыл разноголосый вой собак… И тут все услышали крик какой-то женщины: «Опитый Сысой сгорел в хыжке своей!»

Омраченные несчастьем соседних деревенцев, Василь, Кирик и Маврон молча возвращались на понурых лошадях во Двор Тяпина. Занимавшийся легким светом восток предвещал скорое наступление утра. Опустошенность и обида закрались в душу, и Василь никак не мог справиться с ними. Чтобы как-то успокоить себя и найти душевный покой, Василь начал разговор о любви Бога к человеку. Он верил, что для каждого из людей у Пана Бога есть определенный замысел. «Ибо так возлюбил Бог мир, — сказал Василь, — что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную. А Христос говорил: «Я пришел для того, чтобы имели жизнь, и имели с избытком».

Маврон и Кирик уже не однажды слушали речи пана Василя о Священном Писании и силе Господней. Но сегодня полыхавшее Логуново и превращенное в пепел жалкое хозяйство лапотных селян, обездоленных и без огня, опрокинутого на несчастную деревню, заставили поглубже задуматься над словами, произносимыми Василем Миколаевичем.

— Человек грешен и отделен от Бога, — продолжал Василь, — а потому не может ни познать, ни испытать любовь Пана Бога и его замысел. Все согрешили и все лишены славы Божией. А грех духовно отлучает нас от Всевышнего. И у нас есть един путь: через Иисуса Христа познать любовь Пана Бога и уразумети его мысли о наших судьбах. Господь свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками. Иисус умер на кресте и погребен был, и воскрес на третий день…

— Дивование… — неопределенно произнес Кирик.

— Ты что — не веришь? — спросил Василь и продолжал: — И явился Он, воскресший, Петру, то значит — Кифе, потом предстал перед двенадцатью апостолами, а затем явился перед людьми, коих было боле пяти сотен. Иисус приводит нас к Пану Богу со всеми просьбами и молитвами. Верою в Христа мы принимаем Его. Он сказал: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь — войду к нему». Вот и нужно жить нам с еще большей верой в Бога.

— А вот Сысой логуновский веровал крепко, дэй сгорел совсем, — отозвался Кирик. — А приметы давно еще Варлам-старец говорил. Вот и справдилось…

Василь представил несчастного Сысоя, сгоревшего в своей хыжцыхатинке.

— А какие приметы изрекал Варлам?

— А вот пока вы, пан Василь Миколаевич, объезжали Логуново со святой иконой в руках, деревенцы, бегая с водоносами да с баграми, — покри-

кивали один другому, что недавно из Чашников приходил человек божий сутулый Варлам и мовил, что власными очами бачил, как над Сысоевой хыжкой летал сверчок, а подле Сысоевой седибы ходила кура, к хвосту коей прилепилась соломина, дэй выл некий пес, седючи за огородом Сысоя, дак вон той пес, воючи, то нахилял свою главу до земли, то задирал ее ввысь. «А это, — изрек Варлам, — верная примета к пожару и к небожчику». И Варлам, как сказывали, пошедши дале на Лукомль и на Черею… Видно, там тож сожжение дворов начнется…

Земной суд

Выходило так, подумал Василь, что несчастный Сысой принял страшный суд здесь, на земле, прямо в родном селе, даже в своем доме. А как же насчет суда небесного? Доведется ли еще раз Сысоевой душе предстать на небе высоком перед судом Христовым? И что присудит суд? Да и уцелела ли в страшном огне душа, когда сонный и нетрезвый Сысой полностью сгорел?

Тяжело вздыхая под медленный топот лошадиных копыт, Василь с болью в душе осознавал людское горе, приходя к выводу, что народ славянский в давние времена был более мудр и не предавался самоодурению через пьянство вплоть до смерти. А потому, что хранили люди веру Христову в душах.

— Знаешь, Кирик, — сказал Василь, — Христос-спаситель требует, чтобы человеки робили только доброе, а люди не слушают Господа и грешат. За грехи — всесожжение нам. Потому есть и потреба великая в том, чтобы написать много книг Божого слова, научить люд читати да к душе и сердцу принимати Христово вразумление. Ведомо ли людям, что бумага, на которую буквицы накладывают, может быть промаслена и в шибы оконные вставлена, дабы свет Божого солнца проходил в домы людские? Аще боле того, если взять книги библейские, славным Франциском Скориною изреченные, дают они свет Пана Бога каждому человеку. Дружить надо люду посполитому с книгами, крепко дружить! Вот когды не страх, не похотливость будут в душах человековых, а вера и правда.

О многом думалось Василю, многое было таинственным, загадочным, удивительным. И почему вода держится в облаках и не выпадает на землю даже тогда, когда со святой иконой в руках просишь ее, дабы погасить огонь и спасти людей? Какая сила вершит суд над землей?

Кони не торопясь месили копытами влажную почву, Маврон и Кирик молчали, а Василь думал. Ему казалось, что этой ночью он по-новому увидел весь белый свет. Таинственный смысл неба, воды, огня, земли и людей, казалось, вот-вот откроется ему. Но главное уже утвердилось в его душе: все в мире едино, все, словно в одном объятии, взаимосвязано и взаимообязано одно другому. Мелкая суета во имя хлеба насущного отдаляет человека от высокого, духовного. Не так много знаний надо, чтобы вспороть почву сохой, рассыпать зерно по рыхлой земле, а возросшее жито срезать и обмолотить, изловить рыбу на речном перекате в плетеный кош. Сложнее возводить дома и вежи. Но над мудростью земной есть сила замысла Пана Бога, и возвести храм в душах людских — самое важное, что позволяет начать жизнь праведную и разумную.

Светало. Три вершника подъезжали ко Двору Тяпина. Послышалось заунывное пение. Это пел Юстын-пастух, готовясь выгонять коров на все еще сочные августовские травы. Юстын пел натужно, тяжко, словно некая тайная сила мешала ему запеть свободно. Никто не назвал бы эту силу. Видно, была она спрятана глубоко в душе поющего, и перед ней имелся некий высокий порог, преодолеть который не было мочи. Заунывная, тяжелая мелодия с трудом прорывалась сквозь хрипоту крестьянского голоса. О горечи и одиночестве пел Юстын. И если бы Василь и его спутники видели в эти минуты лицо пастуха, они бы узрели, что оно напоминало лицо утомленного философа, который все знает об убогой жизни, но ничего не может сделать, чтобы она стала лучше. Свинцовые веки прикрывали глаза, в которых затаилось нечто невыразимое, печальное, вечное…

С тяжелым сердцем возвращался Василь домой. И ярый пожар, и заунывная песня простолюдина еще больше укрепили его веру в то, что он обязан просвещать свой народ, так как ни богатые паны, ни духовные наставники церковные не хотят думать о нем, и Слово Божие недоступно для народа, который едва умеет прочитать несколько букв. Да и сами богачи и духовники не заботятся о своем просвещении.

И разве справедливо, что богатые становятся богатыми по наследству, а бедные передают по наследству своим детям бедность. Богатые не желают, чтобы дети бедняков учились: будут много знать — поймут, что мир устроен несправедливо.

Вернувшись домой, Василь зашел в комнату, где разместил свою печатню. Здесь стояли столы, заваленные книгами и рукописями. Он понимал, что ему недостает образования. Правда, есть у него наставления в книгах Скорины, было общение с Будным в Несвиже, огромное желание постичь языки разных народов и печатное дело, дабы распространять научение среди люда посполитого да их деток.

А его сыновья Абрам, Тобиаш и Константин еще спали, не зная о ночном пожаре. Но они хорошо помогают Василю в его печатне. Буквица за буквицей, слово за словом набирается его «Евангелие».

Белая Церковь

Василь любил Белую Церковь. Она стояла на берегу озера, на небольшом полуострове, заросшем сиренью, шиповником, черемухой, а над всеми этими зарослями вольно, размашисто, величественно возвышались кроны кленов, лип и тополей. Церковь будто бы соединяла землю с водой и небом. Священники крестили людей озерной водой, а внутри храма человек мог помолиться, поговорить с Христом, попросить его милости, помощи в делах земных и укрепить душу надеждой.

Но Белую Церковь Василь посещал нечасто: от Тяпина до нее довольно длинная дорога через Лукомль, Стражевичи и Черею. А когда приезжал, то после моленья в храме обязательно заходил в монастырь. В его библиотеке было немало книг, кроме того имелось два-три чернеца, с которыми хотелось поговорить и даже посоветоваться, углубиться в философские размышления. С каждым посещением монастыря Василь все более убеждался в том, что без веры в силу Христа невозможно освоить и науки. И, уважая монахов, Василь сожалел, что они свои знания прячут за монастырскими стенами.

Он не раз пытался убедить монахов, что чем больше людей научится читать и писать, тем лучше будет жизнь, так как сумму наук Христовых постигнут многие. Однако монахи с недоверием относились к таким мыслям, считая, что знания — не для простого народа, что он неспособен воспринять их, и только единицам дано знать мудрость чтения и письма.

Навестив Белую Церковь, Василь снова встретился с монахами. Один из них, с продолговатым лицом, был черноглазый, другой — круглолицый, с большими серыми глазами. Круглолицый улыбнулся и заговорил, продолжая дискуссию с Василем, прерванную на прошлой встрече, хотя понимали, что вряд ли им удастся переубедить Василя.

— Вот вы, Василь Миколаевич, мовите, что книги должны быть у каждого человека. Значит, кождый должен баколарем статься. Тогда и вал-воротило в ткацком поставе некому будет крутити. Люд нагим будет без облачения, а быдлы без догляду. А книги в хыжках-хатинках простолюдинов порвут дети. Вот вы, Василь Миколаевич — шляхтич из рода в род. Вам Богом дано познать книжные истины. Но и не каждому шляхтичу дано такое. Не каж-до-му! Все решает Пан Бог! — И круглолицый ткнул пальцем в небо, а его монастырский собрат в знак согласия кивнул головой.

— Прадник-гультай есть и среди шляхты, а среди бедных есть люди с большим розумом. Скарб не заменит розум, а только розум есть скарб настоящий, — спокойно ответил Василь. — Колер крови нашей у всех одинаков.

— То кровь, а то — розум! — вскрикнул круглолицый.

— Ано хибо не есть таковой человек, который беглым, умеетным розумом и таким ж руками не мог здивовати и шляхту, и самого короля? — спросил Василь.

Но черноглазый монах тут же возразил:

— Ано езыки других народов все постичь нездольны!

— И не все монахи это одолеют, — резко ответил Василь.

Монахи заторопились, начали креститься и, раскланявшись, ушли.

Василь навестил библиотеку монастыря, долго выписывал из книг сведения о чудесах, свершаемых святыми и мудрецами, замечал, какие разночтения есть в рукописных текстах, посетовал, что некоторых книг у него нет дома, и отправился в обратный путь.

В дороге он не раз вспоминал встречу с монахами и возмущался их пренебрежением к способностям народа. Неужто только стрычок-веревку да стрыкус-топор способны освоить простые люди? Да они могут изучить и греческую, и немецкую, и англиканскую мову. А мастерством своим по железу и дереву, по камню и керамике не уступают замежникам. То все прекрасно, но душа народная дороже всего. Нередко видел он, Василь, двурушных среди богачей и маршалков, а вот беднота редко хитрит и врет. Одни хитрости у нее на уме: как получше землю взрыхлить, как ловчее зверя поймать, как постной едой всех в большой семье накормить. Долго он еще думал о жизни простого народа, о его горестях и безграмотности, о том, что даже любой монах, может быть, в прошлом разбойник или бездельник, унижает достоинство людей, которые и кормят, и поят, и защищают державу от врагов. Такие мысли тревожили его всю жизнь.

Огонь войны

Это «Кто из вас понесет огонь?» мучительно терзало душу. И почему именно ему, Василю, силы небесные задали такой вопрос, ему, человеку богобоязному, справедливому, страждущему всем сердцем за народ? Ну конечно же, всепожирающий огонь он, книгочей и книголюб, никогда не понесет по земле ради уничтожения людей и жилищ. Разве мало огня войны на славянских землях? Насколько помнит Василь самого себя, на протяжении всей его жизни на славянских землях бушует война. Куда же тут добавлять огня? Нет городов, а то и сел, которые бы не горели во время сражений. Гибелью воинов, мужей и сыновей, братьев и братучадов-племянников отмечены времена кровавых распрей.

Во имя чего эти сражения? Во имя богатства и славы? Обо всем забывает завоеватель: о родных и друзьях, о данном ранее клятвенном слове, о вере, о Боге, дарующем жизнь. Василь вспомнил о князе Миндовге. Уже прошло три века после того, как отгремела боевая слава этого князя. Он имел силу. Но этого было мало. Нужно еще хитрить, то вместе с родными идти на противников, то наступать на родных племянников, захотевших независимости, то отрекаться от языческих богов и принимать христианство, то отрекаться уже и от Христа. Даже сына своего Войшалка Миндовг не пожалел и отдал его в заложники московитянам, только бы не столкнуться на поле брани с объединенными силами русских князей Данилы и Василия Романовичей. А кончилось все смертью сыновей Миндовга и его собственной погибелью.

Часто говорили о мире князья и короли, а все кончалось новыми походами. Особенно терзало сердце то, что Великий князь Иван Васильевич присоединил к своим землям славный город Евфросинии и Скорины Полоцк. Это был город его, Василя, любви. Здесь он увидел впервые юную Софью Даниловну Жижемскую. И она всю жизнь разделяет его тяготы и заботы. И вот Полоцк завоеван, разграблен. Выходило, что молитвы не помогали. Ведь молились и полочане, и в Вильне, и в Кракове, и в Москве, но Пан Бог услышал только молитвы Великого князя Ивана Васильевича. И чего же это Господь Бог дозволяет с оружием в руках и молитвой в сердце убивать людей, грабить золото и серебро, прекрасную мебель и богатую одежду, лошадей и молочных коров, хлеб, сало, мед?

Что мешало молитвам в Софийском соборе, в церкви Спасителя, в церкви Пречистой Богородицы, в монастыре помочь полочанам? И Василь еще и еще раз приходил к мысли, что грехи человеческие сильнее молитвы. Значит, для исправления души человеческой надо как можно шире распространять Слово Пана Бога. Да и так подумать: разве не братья русины и московитяне? На одном языке речи ведем и письма пишем. А как распри позабыть? Вот если бы каждый человек полностью выполнял Закон Божий — никто бы в руки не взял меч и копье, начиная от царя или короля и кончая простым огородником. И, может, небо и не слышит чистые молитвы, может, тесно на небе от грешных душ. А пекло, должно быть, перегружено негодниками, теми, кто продал дууи дьяволу.

Но снова звенят мечи. В июне тысяча пятьсот шестьдесят третьего года король Жигимонт Август издает грамоту о чрезвычайном сборе конного и пешего войска, чтобы отобрать у Москвы Полоцк. Король объявил, что сам пойдет во главе войска. А войско должно иметь меж

двумя ездными одного пешего с ручницей и секирою, а также пешие могут быть с рогатинами и секирами между стрельцами. Вся шляхта должна пойти на войну. Только при больном отце оставлять сына. А за неявку на службу — сидеть в веже двенадцать недель. Но если не дали денег на службу, то сидеть не будет. И говяду вяленую, и свинину соленую, и мед неподдельный, и печево хлебное — все обещал король, только бы пошли вои, дети шляхты и крестьян, воевать.

Провел король переговоры и с паном Миколаем Радзивиллом, княжившим на Ольще и Несвиже, гетманом Григорием Ходкевичем, старостой Могилевским паном Остафием Воловичем, у которого довелось служить и Василю. Да еще немало с кем держал совет король, стоит ли уравнять в правах русское дворянство и рыцарство православной веры с дворянами королевства Польского, исповедующими веру римско-католическую. И жалованной грамотой от 7 июня 1563 года эти права были уравнены. Теперь против православных воинов Москвы смелее должны были идти в бой православные же Литовского княжества и королевства Польского вместе с католиками.

Заскрежетали мечи, полетели стрелы, секиры и рогатины, полилась кровь по славянской земле. Зимой 1564 года потерпело поражение московское войско под Уллою и Дубровно.

Войско московское во главе с князем Петром Шуйским выдвинулось из Полоцка и направилось к Орше, чтобы соединиться с войском, вышедшим из Смоленска. Но в районе местечка пани Кишчиной Чашник, подле села Иванска произошло сражение, и войско московское в двадцать четыре тысячи было поражено. Не ожидали такого воеводы Захарий Плещеев, Иван Шереметев да Петр Шуйский и многие иные. А Петр Шуйский, стоявший во главе большого полка, был пробит пикой возле самой реки. Пытаясь спастись от жары внутренней, он подполз к воде да и потерял сознание. Там его и нашли. Повезли в Полоцк, но спасти Шуйского не удалось.

Уж сколько раз собирались мириться князья. Вот и летом 1565 года к королю Жигимонту Августу прибыли послы московские. Одна тысяча двести двадцать пять человек были в составе посольства. Среди них Федор Колычев, Григорий Нагой, Василий Щелканов и другие знатные особы. А с ними конница была в тысячу шестьсот тридцать восемь лошадей. Вот было диво! Но ни с чем вернулись послы московские к Великому князю Ивану Васильевичу. Не помирились московиты с королем.

Через пять лет польско-литовские послы направились в Москву: пан Ян из Борчина Кротосский, пан Рафал Лещинский из Лешна, пан Миколай Тальвиш и пан Андрей Иванович. О мире договориться не смогли, но перемирием на три года заручились. А что с того перемирия, если еще в тысяча пятьсот пятьдесят шестом году было поруковано перемирие на шесть лет. Царь Иоанн Васильевич и король Жигимонт Август дали тогда своим народам шесть лет для того, чтобы подростки стали воями, а от двух кобыл поиметь двенадцать коней, по одному на каждый год.

В апреле 1567 года поступила наказная королевская грамота киевскому каштеляну Павлу Сапеге о подготовке к войне. В марте 1568 года гетман Ян Ходкевич написал королю Жигимонту Августу о безуспешной осаде крепости Уллы по причине трусости и неповиновения войска. Но в декабре того же года эта крепость была взята.

Наезд на Свираны

Не только война терзала душу. В Лидском повете было именьице Версоцкое. Оно принадлежало жене Василя Софье Жижемской, и она продала его своему мужу на законных основаниях, добровольно, на вечность. Но все имение было разделено на две части: одна принадлежала Софье, другая — ее сестре Екатерине, бывшей замужем за Василием Скипорой. Два двора разделял только забор. Никак не могли поделить между собой два хозяина одиннадцать крестьянских хозяйств, двенадцать человек невольной челяди, сад, выгон и сеножати. И долгие годы это мучило Василя, пока не поменял эту Версоку на имение Польковское в Ошмянском повете…

А в Браславе, в поместье старосты ротмистра Юрия Остика, сидели двое: сам Юрий и ксендз Матыс Бурдынский. Кучерявый Остик, опершись щекой на руку, пронзал Матыса жгучими черными глазами, словно выпытывал у него: «Способен ли ты, богорадник, на то дело, какое поручу тебе сегодня? Подтвердишь ли верность свою мне, как и Богу?»

Краснощекий Матыс услужливо поглядывал маленькими водянистыми глазками на Остика, боясь пропустить какое-нибудь словечко ротмистра и не понять его замысла. Одутловатое лицо Матыса загодя всем своим видом выражало согласие с тем, о чем думал в эти минуты и собирался сказать Остик. В неисчислимых уголочках Матысовой души шевелились разные догадки, опровергая одна другую, и не терпелось поживее узнать, чего же хочет Остик. Но тот пока что загадочно молчал, время от времени подливая в чаши бражку и предлагая осушить их за здоровье. Закусывали жареной гусятиной, мучными блинами, обмакивая их в мед, золотившийся в красных, разрисованных блюдах раковской керамики, привлекая к себе не только собеседников, но и стаи мух.

Остик властно, широкими жестами приглашал Матыса бражничать и налегать на гуся и блины и так же размашисто гонял мух, готовых умереть в кулаке хозяина застолья, но не отступать от вкусной еды. Тем более что служка подал еще на стол жареного угря и тушеную баранину. Застолье тянулось долго, словно Остику хотелось, чтобы во всей околице как можно больше люду полегло спать и чтобы никто не видел, как Матыс Бурдынский будет выходить из его двора. Поближе к полночи можно не опасаться, что лишнее ухо услышит что-то такое, что и самому Матысу еще не приходилось слышать. Остик не торопился.

Пока что разговор касался общих тем: о Ливонии и Москве, о плохих дорогах от Киева до Кракова, да про то, как бесстыжие, наглые разбойники, которые часто устраивают злочинные выступы, умеют выведывать, когда и где поедут богатые обозы. Было уже выпито и съедено немало, а Матыс и Остик все еще сидели за столом и неторопливо вели беседы. Из угла, из-за белых занавесочек с иконы глядел огромными печальными глазами Иисус. Взгляд его, вопрошающий и ласковый, казалось, упрекал и хозяина, и его гостя. Три зажженные свечи, стоявшие на столе, горели довольно долго, освещая раскрасневшиеся лица собеседников. Но воздух от жестов и резких слов ходил волнами, и огонек свечки вздрагивал, отчего по лицу Иисуса пробегали легкие тени и отсветы свечки, словно свет и тени гонялись друг за дружкой.

Остик, а чаще всего Матыс, поглядывали на Христа, который всем своим видом и выражением глаз предупреждал от любого блуда и от

лишней борзости в решении своих проблем. Матыс побаивался Божьего взгляда и не однажды на этот вечер, глядя на икону, крестился. Недоброй приметой казалось ему это чередование света и тени. Задумчивое лицо Христа также как будто немного покачивалось, словно в глубоком размышлении о людских судьбах.

Матыс в длинном одеянии, с крестом на груди, перед тем как выпить очередную порцию бражки, правой рукой обметывал себя крестом, слегка кланяясь и улыбаясь Христу.

Остик глядел на Матыса захмелевшими глазами:

— О чем думаешь, ойча?

— Про Пана Бога думаю.

— Про Пана Бога дбати — скарб дле души, дэй про земное дбати потреба. — неопределенно проговорил Остик.

Матыс удивился:

— Завелми много в турботах земных, а што буде з душами на Боском суде?

Остик потрогал челюсть правой рукой, метнул на Матыса тяжелый взгляд:

— А кто Бога паважае мало и хулу на него возводит, яко ветер рассыпае по земле пустозелье, з ими как быти?

Матыс на мгновение замер, понимая, что Остик на что-то намекает.

— А кого маете на увазе? — вкрадчиво спросил он, прищурив маленькие глазенки.

— А безбожного Сымона Будного и его братца Василя Тяпинского! Оные писаки пишуть что-то. Не мудрее ли за Пана Бога сделалися?

— Знаю про них, ваша милость. Книги Будного и священным индексом в запрет поставлены.

— Ну вот! В запрет! А помогал их накладати Василь Тяпинский. Так что знать — мало. Что-то робити надо, пан плебан, ересь подкармливать негодно… Земля Богом сотворена? — неожиданно спросил Остик.

— Богом! Богом! — поспешно ответил Матыс и перекрестился. — Прости, Свенты Езус, что задумался на миг.

— Хм… Задумался… Услуговать Богу надо делом соправдным! — голос Остика прозвучал жестко.

Матыс молчал.

Остик глотнул бражки и горячо заговорил:

— Не могу согласиться, что брата моего именьице належит Василю Тяпинскому. Не могу!

Остик выпучил глаза, зашевелил усами и неожиданно хлопнул ладонью по груди:

— Сердце мое не выносит! Душа не в згоде! Не в згоде!

— Какое именьице? — спросил Матыс, напуганный неожиданным взрывом Остика.

— Свираны! Свираны! Брату моему Миколаю нарочоны были. Преставился брат, а после погребения Свираны достались Тяпинскому. — Остик выбросил вперед руку и, сверля указательным пальцем воздух, злорадно, с нажимом вскрикнул: — Вот тебе и книжицы печатные тиснем! Поучение справляем другим, а сами чужую землицу алчно до себе тянем! Дэй ходим гордо: мол, а мы буквицы на папирусе накладываем! Х-ха! Велико то дело! А кто нам, Остикам, тот Василь Тяпинский? Кто-о-о? Братучад? Племенничек? А не братия он нам! Борзость особливую проявляет до чужого! А сказано же: «Да не будет рука твоя

протягнена ко бранию, ниже стиснена ко даванию». Да где там! Вот и переживает душа моя взбурение великое!

Остик знал, что говорит неправду, что Свираны законно достались Тяпинскому и он уплатил за них и бумаги нужные оформил, но теперь, перед Матысом ему, Остику, до зуда хотелось убедить захмелевшего ксендза в алчности Тяпинского.

— А как тако сталось? — спросил Матыс.

— А вот тако и сталось! — вскрикнул Остик. — Книжник Тяпинский смог! Вычитал, пэвне, как чужое именьице прибрать. А теперь попробуй его вернуть!

Матыс, словно что-то вспомнив, оживился. Маленькие глазки его забегали, засветились:

— Ваша милость! Ужли вы, староста Браславский, не маете влады проти этого Тяпинского? — горячо заговорил он. — Свенты Езус допоможе вам!

Матыс перекрестился, а Остик горделиво вскинул вверх голову, поглядел влево, вправо, принял грозную позу, процедил сквозь зубы:

— Дозволяю тебе, Матыс Бурдынский, наехать на Свираны! Вои себе подбери и — на выступ! Вшчатую справу раби уборзе! З Богом!

Матыс не сразу понял значения его слов, будто сказаны были не ему:

— Мне… наехать?

— Так! Взять всю маетность и держать. Держать! — Остик сжал свои руки в единый кулак и потряс им в воздухе.

Матыс повеселел и обрадованно заговорил:

— На доброе дело добрые люди пойдут. Потребно дле того подобрати холопов храбрых.

— И холопы будут, и кони будут! — крикнул обрадованный Остик. — Но лепо обдумать надо. Все варунки обдумать, дэй с молодцами на-е-е-хать!

Остик стукнул кулаком по столу. Матыс засмеялся, и тонкие его губы оголили два ряда белых, узеньких зубов.

— Лепо! Лепо, пан Бурдынский! — похвалил Остик Матыса. — Пан Бог и молитва к нему — зупольно помогут!

Суд и право

Свираны находились в Виленском повете.

Девятнадцатого июля тысяча пятьсот шестьдесят четвертого года Василь Тяпинский приехал в земский виленский уряд и обратился к виленскому наместнику Станиславу Гамшею с заявлением: «Ижь дей дня вчорашнего во второк его милость Юрей Остик, староста браславский, ротмистр его королевское милости, наехавши на именье его Свиранское, которое маеть в заставе от брата его милости пана Миколая Остика, старосты румборскаго, моцно кгвалтом неть ведома для чого отнял, которого он именья с людьми тых пустовщинами вышей менеными был в зуполном а добровольном держанью и вживанью через немалый час. То пак дей пан Юрей Остик кгвалтом зобравши яко люди, пустовщины, збоже и сеножати того именья вышей менованого Свиранского привернул ку двору своему Оранскому».

Выйдя из здания виленского земского уряда, Василь направился к королю в Парцов. Король Жигимонт приказал возвратить захваченные пустовщины и посевы, для чего послан был дворянин господарский Каспор Новоселицкий.

Мандат королевской власти позволил Василю призвать в суд Юрия Остика, дабы тот возвратил убытки. Двенадцатого января тысяча пятьсот шестьдесят пятого года в Вильне на вальном сейме в судебном заседании маршалковского суда появились Григорий Волович, Павел Сапега, Матвей Петкович и другие. Явилась на суд и жена ранее усопшего Миколая Остика как свидетельница в пользу Василя.

Юрий Остик тоже явился на суд, но вести дело поручил прокурору Яну Лонскому. Матыс же Бурдынский оказался «яко в дурнех» и должен был сам оправдываться за свой разбойный поступок. Правда, Ян Лонский попытался выгородить Матыса как служку Ворнянского костела и утверждал, что Юрий Остик отдал в Орнянах своему служебнику Матысу Бурдынскому все земли с их доходами. Но это было сказано «для отвода глаз», и Василь не имел никаких претензий к костельному хозяйству. Тогда прокуратору Лонскому ничего не оставалось, как сказать, что сам Юрий Остик не наезжал на имение Тяпинского, а поскольку это сделал Матыс Бурдынский, Василь должен разбираться с ним самим.

Василь представил суду залоговый акт Миколая Остика и его жены, в котором было сказано, что Свираны «очищались» от братьев и «всих кревных своих». Значит, Юрий Остик не имел никакого права на это имение. Это признала и вдова Миколая. «Ижь восполок з мужом своим зошлым паном Миколаем Остиком тые люди и земли при том дворцу Свиранским, яко свои властные Тяпинскому зоставили». И далее вдова Миколая произнесла очень важные слова:

— Если Бурдынский имеет какие права на это имущество, то должен искать их у меня, вдовы Миколаевой, и дочери моей Ганны.

Бурдынскому было нечем крыть, и он только бормотал о том, что люди, служившие у Тяпинского в Свиранах, якобы «есть властность» Ворнянского костела, а потому он, Матыс, и брал их. А более всего Бурдынский настаивал на том, что его дело должен рассматривать суд духовный, так как речь шла о костельном имуществе. Однако Тяпинский это отверг, так как первоначально дело начал рассматривать светский суд и заканчивать его должен тоже светский суд.

Маршалковский суд так и решил. Король своим решением поддержал приговор суда. За наезд на Свираны с Бурдынского в пользу Тяпинского взыскивалось двенадцать рублей и столько же в казну державную. А так как Бурдынский не имел оседлости в Литве, Тяпинский предложил взять Бурдынского тут же под стражу. Но за него заступился Юрий Остик, заявивший, что Бурдынский имеет «оселость» в его, Остика, имении.

В день, назначенный для присяги, Бурдынский не признал счета, выставленного ему Тяпинским, а потому король вынес окончательное решение: Бурдынский обязан уплатить Тяпинскому двести семнадцать коп грошей, первые сто коп — через двенадцать недель, вторые сто коп — через следующие двенадцать недель и остальные семнадцать коп — через четыре недели после второго срока. Если Бурдынский не уплатит, то за него это должен сделать Остик.

Бурдынский действительно не уплатил, и король в сентябре тысяча пятьсот шестьдесят шестого года посылает напоминальный лист Остику. Но Остик не платит. Король принимает решение отдать Тяпинскому часть имения Ворняны как компенсацию за двести семнадцать коп грошей долга Остика. Король пригрозил, что при сопротивлении и неповиновении будет дан приказ виленскому воеводе войти в Браславский повет. Но в это время Юрий Остик уже был Мстиславским воеводой, и королевские указы на него действовали мало. Вернее — не действовали совсем, так как более года спустя, в декабре тысяча пятьсот шестьдесят седьмого года к Остину в его имение Козлишки явился родной брат отца Василя Матей Иванович все с той же просьбой — уплатить деньги по приговору суда и по приказу короля. Остик выпроводил ни с чем Матея и как мог оскорблял перед ним Василя.

После суда с Юрием Остиком и Матысом Бурдынским Василь долго не мог успокоиться. В сознании не укладывалось: как может быть столь наглым человек — божье творение? Остик и Матыс, наверно, тоже не раз обращались к Пану Богу, прося о помощи? Возможно, и для наезда на Свираны они просили благословения Всевышнего? И очень странно, что Пан Бог помог им совершить разгром в Свиранах. Понятно, что они хотели сказать: я — сила, что захочу, то и делаю. Ни Статута королевства, ни Закона Божьего будто бы и нет. Тот самый Матыс, который в костеле учит свою паству выполнять Закон Божий, сел на коня и с саблей в руке вел людей на захват поместья, а затем, снова переодевшись, предстал невинным овном.

Грех вызывал у Василя особый интерес. В жизни выходило так, что человек мог совершать любые деяния против Закона и совести, затем, помолившись, получать прощение и снова грешить. Такое уродливое понимание покаяния не совмещалось с человеческой моралью. Так поступал и Остик.

А что этому Остику?! Его предки издавна владели большими землями, были радцами великого князя литовского Жигимонта Старого. Богатство к нему перешло по наследству. А богатые получают и должности державные. Так кому верны такие люди: Богу или золотому тельцу? Богатство и роскошь — вот тайные враги души человеческой. Не зря так блестит золото и серебро, манит к себе. В блеске этих металлов — отсвет острого лезвия. А это уже не для сердца, не для души. Холодными руками берут золото, и ледяное сердце его принимает. Не такой он, Василь Тяпинский. За честное его сердце «Вдячна есть милость Божыя во время печали, — подумал он. — Мерзка суть пред Господом лживая, и чинящие Верне полюбятся ему. Господь да воздаст единому каждому по правде и по вере его».

Печальные размышления вызвали у Василя жалость к самому себе. Его набожность и верность Пану Богу поворачиваются к нему черной стороной. Алчные люди издеваются, тупые смеются над ним из-за того, что он, неученый, стал издавать книжки слова Божьего вместе с безбожником Будным, а теперь и сам при лучинах делает книгу. А что ж тут позорного? Бакалавр русинов доктор Франциск Скорина из Полоцка давно выдал книги для научения людей. Тем и славен. А тут, в Тяпине — мрак и печаль. С такими мыслями шел Василь домой, возвращаясь от Матея Ивановича Тяпинского, владевшего частью Тяпина. Разговор у Василя с родным братом отца был нелегким. Уже не раз Василю приходилось одолжать для печатного дела не одну копу грошей

у Матея. Возвращать же долги пока не мог. Гасла его надежда на то, что Матыс Бурдынский уплатит за причинение порчи хозяйству Свиран. Матыс, имея заступничество воеводы Остика, не спешил выполнять решение суда и королевские распоряжения. Уже прошло более трех лет после суда, а Матыс не уплатил за потраву и разбой в Свиранском хозяйстве.

Даже поездка Матея Тяпинского к Остику для решения этого вопроса ничем не помогла. И теперь все свое возмущение Матей выместил на Василе, упрекая его в том, что тот ездит по свету, транжирит деньги, восстановил против себя панов и попов, продает свои имения и деньги тратит на пустое дело, мол, народу простому его, Василевы книжки, не нужны. А еще возмущало, что Василь доказывает вместе с Будным и другими еретиками, будто нет в Боге триединства. Вот на что замахнулся Василь! С простыми мужиками, как со знатными особами дружит и разговоры ведет, словно простолюдины могут понять то, о чем можно говорить только со шляхетными особами. Матей предрекал Василю бедность холопскую, что все имущество отцовское он, печатник, промотает. И главное, в чем упрекал Василя Матей: глядика-ка, мол, Василь из деревни становится вровень с теми, кто давным-давно выложил письменами габрейскими само слово Божье. Оскорбленным и униженным покинул Василь дом Матея…

Пройдя саженей триста, Василь заметил высокого человека в черном одеянии, который, слегка пошатываясь, шел навстречу. Приблизившись, Василь узнал попа Аникея. Тот был пьян. Василь громко поздоровался с ним:

— Доброе здрове! — Сколько часу минуло, а святый отец святости не заимел. Замного Аникей питие принимает. А Христос надежду мел…

— А-а-а! Сын Тяпинского Миколая Василь! — мрачно взглянул на Василя Аникей хмельными глазами. — Ты и Сымон Будны с сатаною в згоде. Книжицы свои гойные людям посполитым в научение делаете, тольки будоражите, бурсуете человеков боских.

Тут Аникей вскинул правую руку высоко над головой, указуя на небо, и закричал:

— Только книги, церковью выложенные, правду мовят. Они помогут зыскивати веру и правду!

Лицо Аникея побагровело, глаза напоминали лиловые сливы, готовые выкатиться из глазниц.

Но Василь был спокоен. Он хорошо знал, что Аникей и ему подобные служки враждебно относятся к книгам, изданным Будным и им, Василем, в Несвиже. «Сдержанность, — думал он, — поможет победить в словесном споре».

— Книги наши Бога славят да во многих сердцах веру мацуют, — не повышая голоса, сказал Василь.

Аникей понимал, что спорить с этим книжником бесполезно, потому многозначительно пробормотал:

— Ум разумен в разумных глубинах обретается.

— А это — чуждые вам словеса, — сказал Василь.

— Отринь! — вскипел Аникей. — Друг твой Будны — блудник духовный!

— Сымон Будны о душах простых людей думает, — спокойно сказал Василь. — Высок Сымон. А вы, ваша милость, только траву топтать после пития можете.

— Слова твои желчные, гневливые, неповажны до звания моего, — отбивался Аникей.

— Вспомни, иерей Аникей, слова набожного митрополита Сильвестра, — произнес Василь. — «Свят Бог на святых почивает. Да не будеши ложный послух. Брашна и пития не воприемли без времени, но в подобно время, в закон и во славу Божию. Внимай учению, буди терпелив о молитве. В олтарь входи сам с опасением, во чистой совести. Не приемли приноса от корчомников. Ты — иерей, служитель престола Господня, свет миру, соль земли, врач больных, вож слепых, столп премудрости, ангел Господень»… То — все наш Аникей…

Аникей, не сказав больше ни слова, пошатываясь, пошел в сторону дома Матея Тяпинского.

Заговор

А в доме Матея Тяпинского, будто бы случайно, собрались и сошлись мыслями единомышленники: сам Матей, его сыновья Василий и Иван, пан Андрей Волотович, иерей Аникей и даже Матыс Бурдынский. Все роптали, возмущались поведением Василя Миколаевича. Матей перечислял многие долги и обещания Василя вот-вот их возвратить. Но неурожайные годы один за другим разрушали надежды. Небольшие именьица не позволяли собрать подходящую сумму. А если подворачивались какие-то средства, то они тратились на приобретение шрифта, книг, бумаги, краски, на дорожные расходы. Василю все еще думалось, что Матей по-родственному будет и дальше прощать невозврат денег. Но, видно, терпению Матея и его сыновей пришел конец. Какая-то надежда была у Матея на то, что Матыс Бурдынский уплатит по суду за вред, нанесенный именьицу Свираны, но счет пошел уже на годы, а Матыс не платил.

Более того, узнав, что Матей обращался к Юрию Остику, чтобы ускорить получение денег по суду от Матыса, он, Матыс, сам явился в дом Матея. Доказывал, что он не виноват, что сделал наезд на Свираны по законному дозволению Юрия Остика, что Василь Миколаевич не признает церковь, замахнулся на три ипостаси Пана Бога, переругался с панами, унижает православных иереев. А книги, которые дома печатает, безбожные, хоть и называются «Евангелие», мол, настоящее Евангелие издают только отцы церкви.

Матыс с пеной у рта доказывал, что попался бы Василь-книжник к Игнатию Лойоле, давно был бы сожжен на костре, и что даже свиранские крестьяне не любят его. Разгоряченный Матыс возбужденно размахивал руками, раздувал побагровевшие щеки, бил себя в грудь кулаком, стучал по столу.

Все, кто ненавидел Василя Миколаевича, в эти минуты как раз и сидели за столом. Каждый пришел сюда со своим хмельным питьем. Непрерывно добавляя дурманящего напитка, они все больше распалялись в своей ненависти к Василю, уже называя его еретиком. И если бы кто-нибудь со стороны присмотрелся и прислушался к этим заговорщикам, то сразу понял бы, что над Василем Миколаевичм нависла смертельная угроза. Каждый, кто хотел высказаться, старался выглядеть еще более грозным, нежели предшественник. Все ссылались на Пана Бога, обвиняли Василя прежде всего в порушении веры христианской, но

сборище это напоминало собрание дьяволов. Пан Андрей Волотович, жирный, словно трехлетний боров, яро вращая выпученными глазами, упрекал Василя за то, что тот, участвуя в тушении пожара в Логунове, принадлежащем ему, Волотовичу, якобы поносил имя его перед мужиками. Опрокидывая жгучую жидкость в жирный рот, Волотович уверял собеседников, что возбужденные мужики могли бы в ту грозовую ночь ринуться рушить Волотовичев двор. И хотя это было далеко не так, все сидящие за столом дружно поддакивали и возмущались поведением книжника. А Волотович высказал даже такую догадку, что Василь дружит с дьяволом и наслал громопадение именно на деревню Волотовича. А то, что он, книжник-безбожник, вроде бы помогал тушить пожар, так это для вида, для обмана, и может, своим участием в тушении пожара он привлекал еще больший огонь на Волотовичево село. Ну, разве не от дьявольской силы действует Василь-печатник, если не признает языка церковного и польского, на котором говорит сам король?

Иерей Аникей поддал жару в общем возмущении, высказался за отлучение Тяпинского от церкви, горячо доказывал, что не только по дьявольскому наущению действует он, но и сам он уже дьявол. Он, мол, не только простых иереев унижает и оскорбляет, а и самих митрополитов, силой божьей поставленных православные церкви держать. И выходит, что церковь говорит народу одно, а этот Василь — совсем другое, и народ, поди, больше верит уже книжнику. А он подговаривает их отнять у церквей земли и раздать холопам, урезать и панов землевладения, и пусть холопы хозяйничают на богатых наделах. А еще Аникей возмущался тем, что Василь выступает против войны с Московией, а значит, хочет погибели Великому княжеству Литовскому.

Постепенно хмелея, близко к сердцу принимали застольные разговоры сыновья Матея Василь и Иван. Василь как младший офицер время от времени призывался на войну. Сейчас он думал о том, что Василь-книжник отделывается от военных действий за счет холопов, выставляемых на военные сборы от имений, не был в кровавых схватках ни под Дубровно, ни под Иванском, ни под Уллой. Зло завладевало сердцем Василя Матеевича: ага, хорошо сидеть в Несвиже или тут, во Дворе Тяпина, и рассуждать о войне, ни разу не увидев перед собой ни рогатин, ни пик, а он, сын Матея, тоже получивший когда-то имя Василь, не раз видел смерть в бою, получал раны и едва остался жив. Теперь из-за него он не может весело провести время в Полоцке или в Чашниках, так как нет денег. Во всем виноват Василь-печатник, который не возвращает деньги, занятые у Матея, пускает их на пустое дело, на издание непотребных книг, во вред церкви и королю, да еще надо подумать, не призывает ли в тех книгах холопов к бунту. Хмель и злоба брали свое. В таком же состоянии был и брат — Иван Матеевич. Пошептавшись, братья вышли из-за стола и исчезли за дверью…

Потери и думы

Теперь Василю Миколаевичу было уже ясно, что его мать Матрона умирает. Она умирала медленно от какой-то неотступной болезни, постепенно худея, теряя аппетит и силы. Она уже написала завещание своим сыновьям Василю, Ждану и Ивану: «Жебы детки мои по моем животе яких замешак межи собою не мели около убогое маетности моее». По

этому завещанию Василю достались «две мисе циновых, две талерки, кварта и ложка серебреная».

Мать умирала. Близкие родственники уже согласились с тем, что ей никак помочь невозможно.

Опечаленный предстоящей кончиной матери, Василь, находясь в Чашниках, увидел большую людскую толпу, разноцветную по одежде, разнообразную по возрасту и росту. Столпились здесь юноши и девчата, стояли отдельной кучкой степенные старики, у некоторых женщин и мужчин на руках были маленькие дети. Толпа медленно покачивалась на площади возле замка, стоявшего на высоком берегу реки Ульянки. Перед большим полукругом толпы возвышался всадник на буланом дрыганте. Шлем, панцирь и сабля свидетельствовали о том, что всадник — человек державный и прибыл он сюда, чтобы обвестить людям что-то важное.

Василь прислушался.

— Урядники наши столовые и земские, княжата, хоружие, шляхта! — выкрикивал всадник… И далее читалась грамота его милости короля о новом военном сборе…

— Ну вот, — подумал Василь, — вновь смертная валка, вновь узбурение люду посполитого. — Он перекрестился.

Толпа молча выслушивала слова королевской грамоты, люди изредка перешептывались. Читал грамоту воеводич, сын воеводы. Печально было на душе Василя. Приближалась смерть его матери, а тут снова предстоит идти воям на смерть. Выходило, что смерть господарила на земле, а не жизнь. И стоял кто-то в этой толпе пока что живой, а суждено ему было, может быть, умереть от острой сулицы, вражеского копья или меча. Короли ведут звады-споры, а гибнут простолюдины. Гибни, народ, по приказу королей и царей! «Война и смерть, смерть и война! Разве для этого нарождаются люди?» — думал Василь. Побьют друг дружку, одумаются, заключат перемирие, а головешка войны дымит, чадит, диким хмелем кружит головы князей и царей, торопит новые кровопролития…

Нелегкие думы сопровождали его, когда вернулся в свое имение во Дворе Тяпина. И вдруг вспомнил бродягу-философа, которого видел когда-то в Несвиже. Седой, с черными пронзительными глазами мудрец сидел на красном валуне, лежавшем на краю рыночной площади и держал в руке небольшую палочку. Наклонившись, он чертил на песке геометрические фигуры: круг, прямоугольник, треугольник, квадрат и зигзагообразную линию. Вокруг мудреца собралось десятка два человек разного возраста. Они с интересом слушали то, о чем говорил мудрец. Василь прислушался.

Мудрец говорил о том, что каждый человек может выбрать для себя любую геометрическую фигуру, какая ему будет по душе, и по форме этой фигуры можно определить характер человека. Круг означает добросердечность, сочувствие чужому горю, способность делить радость даже с незнакомым человеком. Круг счастлив тогда, когда вокруг все веселятся, он готов пожертвовать собой ради примирения других. Мудрец говорил и об остальных фигурах, но Василь выбрал круг. Да, он — за добросердечные отношения между людьми. Круг солнца — свет и тепло. Круглая луна — для радости души и мудрых дум. Круглые камни жерновов перетирают зерна на муку, из которой пекут круглые буханки хлеба. Круглые колеса колесниц и телег позволяют познавать и завоевывать мир.

Василь вспомнил о встрече с тем мудрецом и о том чувстве грусти и одиночества, которые он переживал и теперь. Мать при смерти — первая печаль, а постоянная, навязчивая грусть из-за того, что мало сделано для просвещения народа, медленно идет рутинная работа над книгами, над переводом Евангелия с церковно-славянского на русский язык, на котором говорит народ.

Но главным в эти дни было одно — болезнь матери. И Василь все еще надеялся, что ей можно помочь. Он решил навестить Замошье, где жил ведун Бир-травник. О нем шла молва, что может избавить человека от любой болезни. И вскоре Василь в сопровождении Кирика конно отправился в Замошье. По полевым дорожкам, по пустырям и перелескам, через вязкие ручьи, по песчаным тропам среди могучих сосен, по травянистым, едва приметным стежкам мимо разлапистых елей, по водопойным путям лосей и оленей добрых два часа добирались они до Замошья. Немного в стороне от направления, по которому спешили наши всадники, остались Латыголичи, небольшое сельцо, также принадлежащее Василю. Но теперь было не до того, чтобы его навещать. Там управлялся с хозяйством надежный человек Емша.

Вскоре Василь и Кирик оказались возле хаты Бира-травника. Она стояла на берегу озера. Липы, клены, березы, шиповник, малинник, ромашки и зверобой — все пышно росло здесь и наполнялось земными соками. За двумя огромными валунами расположились высоченные, бесчисленные сирени. Дикие яблони были украшены розовыми бубенчиками созревающих плодов.

Бир сидел на осиновом полене, лежавшем у самого входа в хату. Его тяжелые руки покоились на коленях, а задумчивые глаза смотрели вниз, на растущий рядом гусятник, словно в нем таилась некая загадка, и о чем-то сосредоточенно думал. Легкий ветерок пошевеливал его седую чуприну и лохматую бороду.

Когда Василь и Кирик поздоровались со стариком, он поднял на них выразительные карие глаза. Доброжелательно и вопросительно поглядел на гостей. Он понимал, что люди приехали к нему за помощью. И когда Василь рассказал о болезни матери, Бир задумался. А затем неожиданно, словно колокол в тишине, прозвучали его слова:

— Я сам поеду к больной!

У Василя вдруг из глаз брызнули слезы: как мало он видел в своей жизни человеческого сострадания и готовности людей помочь в горе другим! А тут сразу всем сердцем принял чужую боль этот удивительный седой ведун.

В обратный путь, в Двор Тяпина, по проторенным дорожкам уже спешили три всадника. Почти всю дорогу ехали молча.

Как только прибыли в имение, Бир-травник, высокий и не по годам подвижный, взял свои мешочки с лекарским снадобьем и, не тратя времени, прошел к больной. Василь был рядом с ним.

Деревянная кровать стояла у стены. Бледная Матрона лежала молча, иногда слегка водила по стене пожелтевшей рукой. Под опущенными веками больной поблескивали слезы. Трудно сказать, какой был у нее цвет лица. Бледный, желтый или зеленый — все оттенки слились в нечто единое, создав образ страдалицы.

Бир подошел к Матроне и положил на ее чело правую руку. Он ощутил жар. Но лицо травника осветилось надеждой: жара говорила ему,

что жизненные силы женщины боролись с болезнью, ведь сколько раз он бывал у постелей умирающих людей. И лекарь тут же зашептал:

— Пану Богу помолюся, Отцу, Сыну и Духу, Пречистой Божьей Матери поклонюся. Она на престоле стояла, имя Матроны шептала. Шла Божья Матерь с водоносами, с золотыми метлами от рабы Божьей Матроны убирать огонь…

Василь внимал этим словам, затаив дыхание и надеясь, что Всевышние силы услышат молитву травника, и на душе становилось легче. Затем Бир попросил, чтобы прислуга приготовила кипятка. Налив его в большую глиняную миску, он начал наполнять ее разными травами, высушенными и перетертыми заранее в порошок. Приготовив такое питье, Бир долго молился над ним, прося у Пана Бога помощи и спасения больной. Рассказав Василю и его жене Софье Даниловне, как принимать настой трав, лекарь отправился обратно в Замошье.

Долго молились Василь и его домочадцы о выздоровлении Матроны. Почти полмесяца пила она настой трав, но это не помогло, и ее трудными дорогами доставили в Вильно. Там тоже не помогли, и мать Василя умерла. Он снова погрузился в тяжелые размышления о том, что молитвы его не доходят до Пана Бога, и потому не получает поддержки от Всевышнего. Он приходил к удивительному умозаключению, что мольба к Богу в трех ипостасях, видимо, не позволяет молитве со всей силой дойти до самого Пана Бога.

Бури во Дворе Тяпина

С самого зарождения Христианства оно испытывало кроме безжалостных гонений и казней его апостолов еще и колебания в поисках канонов. Реформаторы из Западной Европы расширяли границы своих взглядов на восток. Итальянцы П. Альтиятти, В. Джентилли, испанец М. Сервет и другие принесли в Великое княжество Литовское идеи антитринитаризма. Тех, кто был против тройственной ипостаси Бога, становилось все больше. Разгорелись споры. Истину найти было очень трудно. Не поддавалось логике поведение самих отцов церкви. Теолог второго-третьего веков Ориген сначала все сделал, чтобы утвердить культ Троицы, а затем сам отклонился от него, и три столетия спустя был осужден церковью как еретик. Все это запутывало понимание церковных догматов. Вокруг этого и велись споры.

Проблемы отношения к ипостасям Пана Бога, проблемы смерти и вечной жизни, вины перед Богом и людьми, духовные терзания привели Василя к мысли собрать в своем доме во Дворе Тяпина синод собратьев по взглядам. Сымон Будный прибыл первым. Он после смерти Миколая Радзивилла по приглашению Анны Кищиной переехал из Несвижа в Хохлово. Через пять лет он уже поселился в Заславье в доме магната Яна Глебовича, а через два года уже жил в Лоске. Сымон Будный был самым важным и самым желанным гостем для Василя.

Прибыли Петр из Ганендза, Якуб из Калиновки, Павел из Визны, Мартин Чаховиц. Шел тысяча пятьсот семьдесят четвертый год. Против антитринитариев, против вольнодумцев выступало большинство церковников и представителей власти. Иезуиты терпеть не могли и самой мысли о церковной и общественной реформах. Реформация воспринималась как удар пики в осиное гнездо. Особенно свирепствовал черный

человек с орлиным носом и вертикально поднятыми бровями — Петр Скарга, ратовавший за единство верховной власти государства с руководством церкви, против реформации. Для заигрывания с народными массами Скарга критиковал шляхту за излишнее притеснение крестьян. И в то же время выступал за укрепление власти, за беспрекословное послушание королю и его сановникам от столицы до поветов, да еще и призывал молиться за здравие власть имущих, что соответствовало содержанию послания апостола Павла римлянам: «Всякая душа да будет покорна властям, ибо нет власти не от Бога».

Но все воочию видели, что кроме власти верховной, королевской есть еще незримая власть богатства. Оказывается, стада коров, овец, табуны лошадей, бочки с медом, с зерном, древесина из леса, принадлежащие такому-то шляхтичу, а тем более магнату, размеры пашни — все это тоже власть. И выходит, — странное дело: безвластные, бедные люди, работающие на тех, кто имеет пашни, леса, скот и зерно, еще больше укрепляют их власть над бесправными людьми, укрепляют власть, под гнетом которой находятся.

Сымон Будный решительно выступал за равноправное положение в обществе всех и каждого человека. Сымон ссылался на Платона, Аристотеля, Цицерона, Эразма Роттердамского. Он утверждал, что рожденный природой человек свободен от разных предрассудков, что богачи и обслуживающие их люди от светской власти «тяжкие трудности подданным чинят», они, по словам Сымона — «окрутники», мучители, «лупежники». Он выступал за всеобщее равенство перед законом в Великом княжестве Литовском: судьбы здесь решались с учетом сословного положения человека. Даже рассматривая дело об убийстве, суд учитывал, кто совершил его — простолюдин или человек побогаче. И все же Сымон считал необходимым монархический строй, ограниченный законами и сословными представителями.

Якуб из Калиновки резко критиковал Сымона, требуя, чтобы общество было устроено абсолютно справедливо, без частной собственности, без эксплуатации, без светской власти, чтобы все вопросы бытия решались сообща и, конечно же, все проблемы решались мирными способами.

Якубу вторил Мартин Чаховиц, отвергавший к тому же церковь, а веру считал личным делом каждого человека.

Павел из Визны возмущался феодальной эксплуатацией крестьян и крепостным правом.

Лициний Намысловский и Фабиан Доманевский, как и Будный, склонялись к атеизму.

Бурные выступления своих товарищей-арианцев Василь Миколаевич воспринимал с тревогой. Он был абсолютно убежден, что без веры в бога человек не может жить, не может получать знаний, не может совершенствоваться духовно. Ему казалось, что весь мир рушится без веры в силу Творца. И если вырвать веру из людского сознания, будет уничтожена связь современного человечества с самыми первыми деяниями Творца Вселенной и деяниями святых апостолов, с историей многих поколений великого числа людей, появившихся в этом мире и ушедших из жизни, но оставивших многие заветы и достижения для научения последующих поколений. Это было в представлении Василя Миколаевича равно разрушению дома, в котором живет много людей. Василь не один раз возвращался к этим мыслям. Вот и теперь он про-

снулся посреди ночи от головной боли, словно железный обруч сжимал виски: заботы о затеянном издании «Евангелия» не давали покоя, приходилось не один раз ездить в Вильню и Краков, в Лоск и Несвиж, покупая бумагу, краски, в поисках мастеров, способных изготавливать шрифты.

Во время его отсутствия в именьице зашли Василь и Иван Матеевичи. Пьяные, разгоряченные, вначале разыгрывая вежливых, интересующихся печатным делом родственников, вошли в комнату, где стояли ящики с набором шрифтов, печатный пресс, краска, лежала бумага и листы с нанесенным на них текстом, рассматривали и нахваливали, говорили, что их двоюродный брат Василь Миколаевич важный и большой человек, издает божественную книгу, затем внезапно начали возмущаться, обзывать его еретиком, самозванцем и безбожником, посмевшим самовольно издавать слово Божье. Но еще больше распалились братья Матеевичи, припоминая денежные долги Василя Миколаевича их отцу Матею.

Они переворачивали ящики, швыряли по комнате стопки бумаги, бросали шрифты в стену, повалили пресс. Старшие сыновья Василя Миколаеевича Абрам и Тобиаш попытались утихомирить Матеевичей, началась потасовка. На крики, доносившиеся из печатни, выскочил младший сын Василя Миколаевича Константин. Часто выпивавший, он и на этот раз был хмельной. Схватив вилы-двузубец, Константин ворвался в печатню и начал охаживать Матеевичей. Брызги крови, словно огненные мухи, разлетались вокруг. В ход пошли услоны, зэдлики, столы.

Страшное побоище и крики услышали на хозяйском дворе Маврон и Кирик. Они прибежали в печатню и помогли сыновьям Василя Миколаевича вытащить во двор разбушевавшихся Матеевичей. Окровавленные, в разорванной одежде, они и во дворе пытались драться, но Константин, Абрам, Тобиаш Кирик и Маврон выдворили Матеевичей за пределы Двора Тяпина.

Возвращаясь восвояси, Василь и Иван Матеевичи поклялись сжить со свету Василя Миколаевича.

Вспоминая все это среди ночи, с головной болью, Василь с горечью размышлял, отчего это ему, добросердечному человеку, глубоко верующему, Пан Бог не помогает, а люди чинят препятствия в благородном деле просвещения народа. Ведь тысячи человек, живущих в городах и деревнях, и понятия не имеют об арифметике, грамматике, логике, астрономии, риторике, геометрии и других науках. Впервые Франциск Скорина сообщил люду посполитому о семи свободных науках: «Грамматика или по руски говорачи грамота, лоика, она же учить с доводом розознати правду от кривды, риторика, еже ест красомовность, музика, то ест певница, арифметика, аще во кратце а не о мылне считати учить, геометрия, еже по руски сказуется землемерие, звездочети — науки о сотворении солнеца и месеца и звезд». А еще есть летописание, география, юриспруденция и много наук других, закрытых для «наученья простого люда».

Василь решил: дождаться бы утра — он напишет послание о своей вере и боли души.

Предмова

Работа над изданием «Евангелия» все еще не была завершена. Непрерывные нападки за долги, недовольство священников, постоянные проблемы с обеспечением шрифтом, бумагой и красками — все это сдерживало работу. На ум часто приходили мысли, что он просто не успеет осуществить свою затею.

Утро было хмурое, но желание именно сегодня написать то, о чем давно думал, подталкивало к работе.

Он взял в руки Евангелие, отпечатанное им самим, сел за стол и тяжело вздохнул: мало сделал, отпечатаны святые благословения от Матфея и Марка и лишь начало от Луки. А еще пять таких частей оставались не напечатанными: Святое благословение от Иоанна, Деяния святых апостолов, двадцать одно их послание, Откровение Иоанна Богослова и основная книга для овладения грамотой — Псалтирь. Перед огромным объемом и настоящим величием таких дел он чувствовал себя подавленным.

Он взял в руку перо и вывел заглавными буквицами «ПРЕДМОВА», а ниже, с новой строки продолжил:

«Василей Тяпинский зацной монархии словенской, а злаща (особенно) богобойным ласка и покой от бога отца и пана нашего Исуса Христа…»

На мгновение он остановился, а затем твердой рукой с особым старанием вывел большую фигурную буквицу «Р» как начало первой строки текста: «Рад покажу мою веру, которую маю, а злаща народу своему рускому…» Он снова задумался, вспоминая города и села родной земли, леса, озера и реки, туманы над болотами и множество простого люда, измученного вечными трудами и заботами. Он продолжал: «Тые ее оным давним веком славною, предков своих умеетность, покорнее, яко довнимаю /надеюсь/, подтвердять, а если есть в чом блудна, оны то поправят: ведь же держу же не иначей, одно з Евангелии, от бога через Христа пана и его апостолов поданное, которая есть сума закону божего, которая з словенского абы ми им теж и властным езыком руским в друку вышла…»

После первых строк в душе воцарился покой. Перо замерло. Василь задумался: «Боже, вжо бо а еще, хотя ж то не без большое трудности пришло, ижь двема языкы за раз, и словенским и принем тут жо руским, а то наболший словенским, а злаща слово от слова, так яко они вси везде во всих своих церквах чтут и мают; не одно для лепшое их Вери, же се не новое што, але их же властное им подаеть, але теж и для лепшего им розсудку, над то и для их самих цвичения /учения/, в том не леда /не лишь бы как/ учоном езыку словенском евангелия — писания святого Матфея и святого Марка и початок Луки есть в той убогой моей друкарни от мене им выдруковано».

Василь встал из-за стола и подошел к окну. Поздняя осенняя пора царствовала вокруг и невольно навевала печальные мысли. Да, осень его жизни не принесла желанных плодов: в великих муках выполнена только часть большого замысла. Он взглянул на пустырь с пожухлой травой, издали показавшейся частью библейской пустыни без единого деревца. Его, Василя, дерево надежды так и не проросло на этой пустоши. Он вспомнил энергичного, с могучей головой Сымона Будного, любопытные глазенки деревенских деток, их лохмотья и дыры на коленях портков.

В памяти промелькнули лица многих знакомых и незнакомых людей, не знающих наук, живущих во тьме и рабстве.

Он писал дальше, приводя примеры славных славян Иоанна и Григория, которых не только в своем языке, но и в иных златоустыми звали. О том, что от нашего народа другие племена учились мудрости и умелости. Великую славу славянам принесли Кирилл и Мефодий, известные своей просветительской деятельностью во всем мире. Но если бы просветители прошлого теперь увидели непросвещенность и падение нравов среди панства и священнослужителей, а также и среди народа, они ужаснулись бы. Те, кто имеют власть светскую и духовную, должны обратить больше внимания на грубую простоту, на бедный народ и для его просвещения не жалеть средств, не расходовать их на свою роскошную жизнь, а направить их на просвещение народа посполитого и его детей.

«Абых был готов, если она до конца згинет, з нею згинуть, або, если через ваш ретунок будет выдвигнена, з вами и с нею выбринуть», — написал он. И надеясь на то, что труд его принесет пользу народу и совершен во имя славы Христа, он заканчивает свою «Предмову», готовый разделить трагическую судьбу Иоанна Крестителя, «абы пан Христос рос».

После того, когда «Предмова» была закончена, он поставил в конце «Аминь» — значит «верно», «убежденно». И после этого в сознании завертелся невероятно многоликий калейдоскоп из лиц и событий. Пережитое давно подспудно таилось в сознании, словно ожидая момента, чтобы снова взбудоражить душу.

Встревоженная память

Горечь и разочарование терзали сердце. Работа и борьба во благо превратились в горе. Враги, казалось, дышали прямо в затылок. Вдали от Тяпина ненавистников тоже было много. Но вместе с тем гордость грела душу: он, Василь, переложил Евангелие на родную мову, повторив духовный и гражданский подвиг самого Мартина Лютера, переложившего Библию на немецкий язык. Это он, сын рудокопа, во многом напоминал судьбу Василя, сына небогатого шляхтича. Не потому ли идеи Лютера стали родными Василю: вере в бога посредники не нужны, чего никак не могли простить священнослужители.

В это же время возникает протестантизм Жана Кальвина, еще более демократичный, чем лютеранство: духовенство должно избираться из числа прихожан, Библию читать вместе, псалмы петь вместе. Школы кальвинизма открывались в Полоцке, Орше, Витебске, Минске, Глубоком и в других городах. В Несвиже кальвинистским проповедником стал Лаврентий Кришковский, с которым не раз беседовал Василь, и на его юный ум Лаврентий оказал большое воздействие. Василь по-новому взглянул на религию. Не меньшее впечатление оставляли беседы с Матеем Ковячинским, на которого Василь глядел с особым уважением: ведь Матей учился в Виттенбергском университете, где преподавал сам Мартин Лютер.

Но неистовый Сымон Будный вспоминался чаще других. Он, Сымон, выступал за справедливое судопроизводство. В этом Василь был согласен с ним, но тот отвергал божественную сущность самого Христа, наличие ада и рая. С этим Василь не мог согласиться, ведь само

жизнеописание Христа, его самопожертвование являет пример духовного подвига. Да и вообще, Василь не представлял, как может жить человек без веры.

Василь удивлялся, когда Будный, яро защищавший права простых людей, выступал против Петра из Ганендза, Якуба из Калиновки, Мартина Чаховица и Павла из Визны, требовавших всех людей уравнять в правах, разделить поровну всю собственность. «Человек не имеет права, — говорил Павел из Визны, — владеть невольниками и подданными. Все мы равны, все мы братья. Как может брат пановать над братом?»

Никак не мог Василь согласиться и с безбожными взглядами Язэпа Доманевского, Лициния Намысловского и особенно Каспара Бекеша, на могиле которого написали: «Не верю в бога, не жажду его неба, не боюсь пекла, не думаю о божьем суде, не беспокоюсь о теле и тем более о душе, которая умерла вместе со мною…»

Шагая по полевой тропинке, он долго вспоминал лица и речи всех, с кем спорил и с кем был. И приходил к простому выводу, который прочитал в скорининской предмове к книге «Эсфирь»:

Не копай под другом своим ямы,
Сам ввалишься в ню.
Не став, Амане, Мардохею шибенице,
Сам повиснешь на ней.

Сама жизнь подтверждала правоту этих слов. Это знал любой мужик и даже их дети. Да и по самому большому счету получалось, что осудивший на смерть Христа Понтий Пилат осудил сам себя на погибель. А император Нерон только выполнил этот приговор…

Вдруг с высокого тополя, стоявшего в отдалении, с криком слетели два ворона, делая круги, то приближаясь друг к другу, то отдаляясь. Василь вспомнил, что вороны купают своих птенцов в чистой воде. И вода эта целебна для человека. Нет, не все в этом мире поддается разуму: выходит, что черные силы дают воде способность помогать людям…

Уже столько сделано и столько пережито, а он, Василь, так и не понял этого мира, загадочного и противоречивого. Все, что мог, он делал для просвещения людей, и в то же время не знает, как устроен этот мир.

Встреча у большого сугроба

Шестнадцатый век заканчивался. Суровая и метельная зима 1599—1600 годов как бы подводила ему итоги — кровавые и дикие, с едва пробивающимися ростками научных знаний, просвещения и свободы. То беспощадные морозы, то свирепые метели, то внезапно бурные оттепели взламывали речные льды, и верховая вода смывала с чистого снежного покрова обломки сурового, бешеного столетия. Но зимняя метель снова брала свое: выла, плясала, заносила дороги и хаты, наметала сугробы, наглухо забивала лесные тропинки и санные дороги.

В самое снегопадное время во дворе Матея Тяпинского появился косоглазый человек среднего роста. Казался он вороватым, ненадежно стоящим на земле. В Тяпине мужики и бабы сразу заметили этого незнакомца, ежедневно ходившего в лес, откуда возвращался то с пойманным в петлю зайцем, то со схваченной самоловом куницей или белкой.

Однако скоро к нему привыкли: решили, что во дворе Матея Тяпинского появился новый работник.

Никто не знал, что этот работник, идя в лес или возвращаясь оттуда, зорко следил за тем, что происходило во дворе Василя Тяпинского. Делал это он незаметно для других, поглядывая зеленоватыми глазками в сторону хозяйства Василя Миколаевича даже в метельные дни…

В один из таких дней Василь решил навестить свое небольшое именьице в Латыголичах. Конечно, непогода мешала поездке, но делать нечего: вчера прибыл из Латыголичей слуга Миколай Остроух и рассказал, что сын Василя Тобиаш совсем свихнулся с правильного пути, пьет, гуляет, за хозяйством не смотрит. Началось это после смерти бабушки Матроны, которая лелеяла и баловала его с малых лет.

Тобиаш был самый трудный из трех его сыновей. Правда, иногда и Константин крепко выпивал, но спохватывался, просил у отца прощения и помогал ему. А вот Тобиаш все больше отдалялся от него. Нервозная обстановка дома из-за долгов перед Матеевичами, постоянные заботы Василя Миколаевича об издании Евангелия, его вечная работа над книгами и рукописями переводов раздражали Тобиаша. В его представлении труд отца казался не только бесполезным, но и вредным: материальные потери были видны, семья беднела, в именьицах работнички втихомолку бражничали, видя, что хозяйство Василя Миколаевича не дает ощутимых доходов, от скота слабый приплод, падеж коснулся не только овец, но и лошадей. К тому же однажды, когда в ночном был один Маврон, разбойники, воспользовавшись дождливой погодой, забрали могучего дрыганта и хорошего буланого коня. Кривоногий Маврон никак не мог оказать сопротивления. Он был моментально связан веревкой и так пролежал до утра. Маврон, Василь Миколаевич и деревенцы догадывались, что без участия Матеевичей тут не обошлось. Но бандитов не поймали, уведенных лошадей нигде не обнаружили.

С невеселыми мыслями Василь Миколаевич в сопровождении Кирика отправился в возке в Латыголичи. На душе было тревожно. Углубившись в тяжелые мысли, Василь Миколаевич сидел неподвижно, невольно слушая завывания метели. И только на ухабах лесных дорог вздрагивал. В такие минуты замечал, что верный Кирик постоянно тревожно оглядывается по сторонам. В такой завейной мути на лесных дорогах из-за любого куста могли выскочить волки или беспощадные разбойники…

А в это время косоглазый работник Матеевичей во весь дух бежал, чтобы сообщить им долгожданную весть: Василь Миколаевич отправился в путь. Василь Матеевич и Иван Матеевич поблагодарили доносчика и отпустили его восвояси. Это был Балтромеев Лукаш. Вскоре два всадника выехали из Матеева двора и помчались в сторону Чашников. Но когда удалились от Тяпина настолько, что из деревни их уже никто не мог заметить, резко повернули на запад и обходными тропами помчались в сторону леса. Всадники неслись без оглядки, гикая и пришпоривая коней, неистовым свистом им вторила метель. Снежный покров был довольно глубок, но кони мощными копытами разбрасывали его по сторонам, оставляя глубокие вмятины, в которые вьюга тут же наметала белого месива из липкого снега. Всадники торопились, горячили коней и радовались, что метель, похоже, надолго навестила огромные просторы от Уллы до Череи, от Лукомля до Кищиной Слободы.

Видение

В дороге, неровной, с ухабами и крутыми поворотами, под музыку метели неожиданно в душу Василя Миколаевича пришло успокоение. Да, он ехал из-за постыдного поведения сына. Тобиаш, почувствовав свободу, вдали от отца возомнил себя настолько вольным, что позволял себе самые дикие выходки под пьяную руку. Сображников нашел быстро. Молодые люди и девицы рады были повеселиться за чужой счет. Пьяный Тобиаш показывал, насколько широка его душа, и проматывал последние отцовские гроши.

Однако теперь в душу Василя Миколаевича пришло умиротворение. Тихая полудрема овладела им, напомив одну из летних лунных ночей, когда он, чтобы избавиться от головной боли, встал среди ночи и вышел на улицу. В отдаленных углах двора зашевелились, позвякивая цепями, псы, но лаять не стали, узнав хозяина. А он, медленно спускаясь с холма, направился к речке. Ее называли то Окопом, то Окопкой. Полнолуние озаряло всю околицу: деревья, кусты, трава, тропинка к реке — все казалось слегка припудренным желтоватой краской. Аромат цветов и трав смешался с тонким запахом речной влаги, тумана и росы. Тени высоких растений едва заметно колыхались под дуновением ветра. В саду изредка срывались с веток недозревшие яблоки. Снова пришли в голову давние мысли о том, что кто-то все же первый когда-то посадил первую яблоню и посеял первое зерно ржи. Но никто не помнит тех людей. Затем он вдруг спохватывался и корил себя за такие мысли: как он мог подумать, что это был человек, ведь растения тоже творения Бога. А если бы и человек посадил первую яблоню и посеял первое зерно, то кто бы мог записать его имя, если в те времена никто из земных сеятелей не умел писать?

Улыбка сама собой коснулась его лица. Он вообразил, как местные крестьяне Маврон, Кирик, Аверка, Гуль, Гарась и другие сидят за столами и важно пишут перьями на французской бумаге. Попишут-попишут, а затем идут в коровники выбрасывать навоз, ведут к быкам коров, гонят упрямых свиноматок в Авдеев двор к огромному хряку… Извечные заботы темных простолюдинов, дающих пищу и панам, и королям…

Сочувствие простому люду давно возникло в его душе. И теперь оно ноющей болью растеклась в груди, а перед глазами возникло печальное лицо незнакомца в белом одеянии. Этот образ не раз являлся Василю. Он словно парил над землей и над рекой. Но теперь приближался к Василю, сложив на груди руки, печально и проникновенно глядел в его глаза. Василю показалось, чей-то голос прошептал: «Христо-о-ос». И Христос тоже что-то ему говорил…

Убаюканный санной дорогой и метелью, Василь Миколаевич задремал. Кирик тоже притих, крепко держа в руках вожжи и зорко, насколько позволяла метель, вглядываясь в даль. И вдруг на одном из поворотов справа оказался высоченный сугроб поверх кучи валежника, а слева, прямо перед глазами Кирика, сквозь мглу пробились две головы разгоряченных лошадей. Кирику бросились в глаза медные бляшки на уздечках, и больше он ничего не увидел: в мгновение ока кубарем вылетел из возка, угодив в самую середину огромного сугроба. Больно ударились по лицу ветки сухого валежника, но Кирик не проронил ни звука и замер в глубине спасительного сугроба.

Возок был остановлен. Налетевшие всадники, со злобой выкрикивая бранные слова, деревянными дубинками били Василя Миколаевича. Он принял смерть в некой полудреме, не успев понять, кто обрушил на его голову сокрушительные удары. Один за другим они сыпались на него. И когда налетчики поняли, что Василь Миколаевич мертв, они ударили дубиной по крупу его коня, и тот бросился вперед по едва заметному санному следу. Сначала галопом, а затем рысью конь поспешил удалиться с места убийства и продолжать путь на Латыголичи…

Кирик в глубине сугроба молил Бога, чтобы налетчики не заметили его. И, к счастью, они таки в горячности, имея перед собой кровавую цель, даже не подумали, что здесь мог быть свидетель.

Он долго не мог прийти в себя. Ему казалось, что он находится в каком-то ином мире и уже никогда не вернется в Тяпино и не увидит свою семью. Довольно долго, боясь пошевелить даже пальцем, почти полумертвый таился в сугробе. Метель по-прежнему гуляла на широких крыльях, засыпая снегом весь белый свет. Наконец ему показалось, что он находится в этом укрытии уже несколько дней и пора выбираться.

Кирик осторожно, чтобы не поранить глаза и лицо, начал выкарабкиваться из этого логова. Только теперь он ощутил холод, сковывавший все тело. Он трясся от озноба. Единственным спасением мог быть только быстрый бег. И он по едва уловимым приметам, спотыкаясь и падая в снег, направился по санному следу. По такому глубокому снегу бежать было невозможно, но страх, что он не успеет хоть как-то помочь Василю Миколаевичу, гнал вперед. Он молил бога, чтобы конь с возком не ушел далеко и остановился где-нибудь поблизости.

И он едва не сошел с ума от радости, когда вдруг услышал ржание лошади. Кирик перекрестился и, сам не понимая того, что делает, зачерпнул пригоршнями снег и ткнулся в него лицом, словно в ладонях оказались святые силы, спасшие его от смерти.

Более сотни саженей пришлось пройти Кирику, чтобы достичь места, где остановилась лошадь. Уже издали он заметил, что возок лежит на боку, упершись в какой-то выворотень. Подобравшись ближе, Кирик увидел, что Василь Миколаевич лежит на снегу. Он наполовину уже был заметен снегом. Залитое кровью и обезображенное лицо свидетельствовало о том, что он мертв. Кирик упал на колени и зарыдал. Он, Кирик, простолюдин, на глазах которого протекала почти вся жизнь Василя Миколаевича, теперь видел его мертвым, его, так много знавшего о жизни и мечтавшего сделать ее для народа лучше. Он делился с Кириком своими мыслями и переживаниями. Кирик вспомнил, как страдал Василь Миколаевич зимой тысяча пятьсот девяносто третьего года, когда пришло известие о смерти Сымона Будного. Это произошло в Вишневе во дворе пана Льва Маклока. И вот теперь сам Василь Миколаевич мертв. Это от него Кирик когда-то услышал о том, что ученый Коперник доказал всем, будто не Солнце вращается вокруг Земли, а совсем наоборот: Земля и другие планеты кружатся вокруг Солнца. В это было трудно поверить, но раз Василь Миколаевич сказал, то Кирику ничего не оставалось, как согласиться. Разве можно не верить человеку, который печатал книги вместе с Сымоном Будным, а потом и сам создавал их.

Кирик хорошо знал, сколько перенес трудов Василь Миколаевич, сколько изъездил дорог. О Вильне, Несвиже, Кракове Кирик впервые узнал от него. Вместе с ним навещал Полоцк, Лоск, Лукомль, бывал в Черейском монастыре…

Но теперь перед Кириком лежал бездыханный, занесенный снегом человек, и в это трудно было поверить. Неподвижное тело казалось будто сброшенным с неба, не знающим земных забот. И все его судебные тяжбы за Свираны, Латыголичи, Версоку, Польковское, суд с митрополитом киевским Анисифором из-за того, что люди митрополита обидели слугу Василя Миколаевича Марка Заленского, — все это, оставшееся в прошлом, казалось Кирику теперь таким ненужным, таким неподходящим для этого человека с большой душой, убитого злобными людьми.

Теперь и сам Василь Миколаевич напоминал Иисуса Христа, распятого за добрые дела, за праведность и самопожертвование. Теперь сам Василь Миколаевич предстал перед Христом в белом одеянии, как некогда ранним летним туманным утром ему привиделся Христос, и они говорили друг с другом…

Кирик осторожно положил Василя Миколаевича в окровавленный возок, развернул его в обратный путь и слегка хлестнул вожжами коня. Тот медленно тронул с места…

Схватка во дворе Матея

С большим трудом, стоя на задних выступах полозов возка, Кирик добрался до двора Василя Миколаевича, остановился у ворот и, обливаясь слезами, крестясь и причитая, предстал перед семьей Василя Миколаевича.

На его стоны и причитания выбежали из дому Абрам, Константин и жена Василя Софья Даниловна. Пав на колени, Кирик поведал им ужасную весть о том, что братья Матеевичи убили Василя Миколаевича. Страшная весть потрясла всех.

Подвыпивший Константин тут же кинулся собирать прислугу, чтобы с рогатинами, топорами и вилами немедля громить двор Матея. Абрам пытался удержать брата от такого поступка, но они и слушать не хотели его предостережений. Сборы были недолги. Десять разъяренных человек во главе с Константином бросились к дому Матея.

Подбежав к усадьбе, толпа начала громить ее, бить окна, выламывать ворота. Иван и Василь Матеевичи с челядью схватились за топоры и дубины и бросились на встречу им. Залаяли собаки. Их спустили с цепей, и псы рьяно набросились на нападавших. Две толпы сошлись в кровавой схватке. Брызги крови и стоны, ругань и крики раненых, бешеный лай собак — все смешалось в один огромный клубок. Кто-то ударами топоров пресек собачий лай, кто-то бросился к хозяйской постройке и вилами пробивал бока коров и овец. Душераздирающие вопли, крики и стоны подняли на ноги всю деревню. Мужики бросились к разъяренной толпе, чтобы разнять озверевших людей. И никто не мог понять, из-за чего возникла эта драка, пока над толпой не раздался истошный крик окровавленного Константина:

— Матеевичи убили отца нашого Василя Миколаевича! Кирик видел коней их, слышал голоса их!

От этих слов толпа вмиг словно онемела. Челядь Матеевичей поняла, что Константин неспроста привел сюда своих людей, и начала удирать со двора, а Василь и Иван вскочили в дом и заперлись. Деревенцы,

прибежавшие усмирять дерущихся, с трудом оттеснили со двора сыновей Василя Миколаевича и их челядь. Но после слов об убийстве отца уже с сочувствием отнеслись к нападавшим…

Взбудораженные тяпинцы огромной толпой направились ко двору Василя Миколаевича, чтобы увидеть его на смертном одре и проститься с ним…

В это время перепуганные братья Матеевичи, видя, что нападавшая толпа удалилась, тут же, не глядя на приближающуюся ночь, вновь оседлали коней и, выскользнув со двора, скрылись в предвечерних сумерках, спеша к косоглазому Лукашу Балтромееву.

Двадцать седьмого февраля тысяча шестисотого года сыновья Василя Миколаевича Абрам и Константин отправились в том же отцовском возочке в Полоцк. Там должен был состояться суд над братьями Матеевичами, обвиняемыми в убийстве Василя Миколаевича. Но доехав до имения Крайского на реке Кобыле, остановившись на отдых, внезапно подверглись нападению.

Косоглазый Лукаш Балтромеев с Матеем и Миколаем Гедройтами неожиданно напали с кольями в руках на Абрама и Константина. Они были избиты.

У Абрама была изранена рука и голова, разбито плечо, окровавлен позвоночник. Был избит также Константин и слуга его Миколай Остроух. Нападавшие отняли у них шапки, подшитые куницами, суконные рукавицы и другое имущество. А через несколько дней Лукаш Балтромеев подал встречную жалобу, в которой утверждал, что, наоборот, Константин с Миколаем Остроухом и другими слугами напали на Лукаша и его друзей, избили их и ограбили, отняв пятнадцать мер воску, полбочки селедцов, деньги и другое имущество… Это был результат сговора Матеевичей с Лукашем.

Последняя ночь Тобиаша

Это было в самом начале тысяча шестьсот четвертого года. Именно первого января в Полоцком городском суде должно было разбираться дело о жалобе Абрама Тяпинского на своего брата Тобиаша за «выбитье» его из «спокойного держания» имения в Тяпине. Тобиаш захватил «збожья разного и жита», не отдал Абраму «садибы старое небощыка отца» и не заплатил неустойку по договору между братьями, заключенному ранее. Кроме того Тобиаш «побрал будованье, заметы, плоты дворные около того двора». Тобиаша вызвали в суд, но он туда не явился.

Суд заочно приговорил Тобиаша возместить убытки в пользу Абрама в сумме двести пятьдесят четыре коп грошей литовских и для взыскания их отправил полоцкого возного Балтромея Банковского. Он явился в Тяпино в сопровождении трех шляхтичей. Но Тобиаш «моцно боронил и отправы чинить не поступил». Оказанное им сопротивление не позволило Банковскому исполнить решение суда.

В конце июля того же года в Тяпино отправился сам полоцкий гродский судья Ян Рагоза для выполнения судебного иска в пользу Абрама. Однако Тобиаш снова решительно защищал свое имение, и судья вынужден был уехать ни с чем и в письменном виде доложил королю о необходимости «announcement»

княжества Литовского. И король издает свой указ о «выволании» Тобиаша: «...за такового упорного и враду нашого непослушного, сказали есмо его зовсих панств наших выволати». Далее король приказывал шляхте с Тобиашем не вступать в общение, не прятать его в своих имениях, а копии с этого листа снять и «на месцах звыклых прибивати», чтобы все люди знали о решении короля, а урядники следили за выполнением данного решения…

Тобиаш понимал, что ему грозило, он предчувствовал изгнание, и в эту ночь ему было не до сна. Он встал, выпил полкварты бражки и вышел из дому. Летняя ночь была освещена почти полным лунным диском. Тобиаш тяжело вздохнул и направился на кладбище. Быстро спустившись с холма, он пошел к могиле отца. Холмик среди берез уже успел обрасти травой, и рядом тянулись ввысь зеленые листья сирени.

Тобиаш подошел к могиле, и слезы невольно потекли из глаз, горячие, соленые, крупные. Внешне бравый, часто хмельной и задиристый, он всем казался человеком драчливым, хладнокровным и даже нагловатым. Но тут, у могилы отца, он был наедине с собой и почувствовал себя одиноким и беззащитным. Как бы он хотел теперь услышать хоть одно слово из уст отца. Но вместо этого слышался лишь легкий шелест листвы берез. На двух молодых осинках, росших в двух шагах от могилы, трепетали листочки, словно надеясь, что кто-то все же поймет их торопливую речь. Тобиаш опустился на колени, склонил голову и вспомнил отца живого, энергичного, всегда твердившего, что нужно жить в свете Христова учения.

Тобиаш попрощался с отцом, понимая, что больше он уже никогда не увидит этой могилы… Теперь он отправился к могиле матери.

Так случилось, что мать Софья умерла во время весенней распутицы. Воды было много, и западный край кладбища был почти полностью залит болотной водой. Из-за этого похоронить мать рядом с отцом не удалось. Вечный покой мать обрела на восточном краю погоста. Придя туда, Тобиаш снова ощутил то же печальное волнение, которое испытал в день похорон. Это было так недавно, а трава уже покрыла густым ковром холмик, где покоилась мать. Тобиаш вспомнил ее доброе лицо, ее невластный голос, смахнул слезы и медленно прошептал слова прощания…

Тобиаша взяли утром, и он уже не сопротивлялся. В эту последнюю ночь в отцовском доме он твердо решил, что будет подаваться в Московию, а с божьей помощью — и в Антониево-Сийский монастырь.

Два мускулистых парня, которых привез с собой гродский судья Ян Рагоза, вышли из дому вместе с Тобиашем. В левой руке он держал легкий посох из орешника, а в правой — торбочку с двумя буханками хлеба, ладным куском сала и большой толстой книгой, изданной когда-то в Тяпине его отцом при помощи самого Тобиаша.

Во дворе стояли два тарантаса. На одном из них предстояло ехать Яну Рагозе, на другом должны были везти Тобиаша. Никто не вышел из дому его провожать. С братом Абрамом он был во вражде, Константин тоже примкнул к Абраму. Правда, еще два дня тому назад при Тобиаше была хорошая дружина, парни из Латыголичей, но он их отпустил восвояси. Булат, Водя, Ляр и Юрка исчезли из Тяпина неприметно и подались в густые заросли на давно знакомые тропы. Живой цепочкой потянулись они в родные хатинки.

Теперь Тобиаш надеялся только на святые силы. Все чаще и чаще он вспоминал Христа и ангелов. Не мог и думать тогда, что через четыре столетия Евангелие, изданное в Тяпине, которое в дни изгнания грело его душу, будет найдено в городе Архангельске.

Когда Тобиаш оказался за пределами Великого княжества Литовского, он встретился с каликами перехожими, не имеющими также ни кола ни двора. Тобиаш предложил им идти вместе. Они согласились, но один седой оборвыш обронил такие слова:

— Куда ты поведешь нас, не зная своей дороги?

Диво народной памяти

Два десятилетия тому назад я попытался отыскать могилу Василя Тяпинского. Был в Латыголичах и окрестностях, у безымянных камней погостов. Особенно их много на тяпинских могилах.

Местные жители и теперь могут показать, где стоял двор Василя Миколаевича, где был деревянный дворец, а где — в более позднее время — каменный, уже другого хозяина, возможно, Розеншельда-Павлина.

Из поколения в поколение люди передают рассказы о стародавней усадьбе: здесь жила прислуга, там стояла ледовня, там — кирпичный подвал, а дальше — панское озеро, из которого корзинами черпали карасей…

Два кладбища, одно панское, другое для простолюдинов. Их разделяет довольно широкий большак. Конечно, это предположение, но на панском кладбище вряд ли похоронили Василя-просветителя, мало любившего панов и попов. Могилы же простолюдинов лежат под безликими камнями или с надгробиями, на которых время стерло выбитые некогда буквы. Большую часть этого кладбища поглотило болото, постепенно, столетие за столетием наступавшее на могилы. Может быть, в одном из таких захоронений и покоится прах Василя-Просветителя…

ОЛЕГ САЛТУК

Две зари

Храм

Мне пенять на судьбину не стоит —
Ну когда я себя берег?..
Храм пресветлый душою строю,
Да построить пока не смог.

Не хватает, видать, терпенья,
Недостаточно слабых сил,
Точат меня сомненья,
Что не то я в сердце носил.

На пути же каменьев много,
Хоть я их убирал, как мог,
Чтобы к храму расчистить дорогу,
Чтобы в нем поселился Бог.

Строю храм не с тоской унылой —
Пусть на добрых стоит делах,
Чтобы радость в том храме била
Аж под самые купола.

Приходите, как свет засияет
И молитва послышится в нем.
А пока еще совы летают
В недостроенном храме моем.

Праздник

Когда готов заплакать от любви
Ко всем и ко всему, что есть и будет,
Ни близких, ни друзей ты не зови,
А сам побудь немного в этом чуде...

Лови небес торжественный хорал —
Мелодию, что прежде не звучала.
И не жалей, что все не успевал
Переписать судьбу свою сначала.

Чтоб вновь найти забытые следы,
Что затерялись на тропе оленьей,
И на заре испить живой воды,
Пред родником склонившись на колени.

Сорваться босиком куда-то вдаль,
Чтоб поскорее к близкому вернуться,
Промчаться сквозь рассветные врата
И в вечер светлячковый окунуться.

Проснуться снова от своей любви
И что-то очень важное усвоить…
Ты всех на этот праздник позови,
Чтоб он остался не с одним тобою.

Две зари

Закатная с рассветною зарей
Лишь где-то на краю небес встречаются,
А после им назначенной порой
Загадочно над миром разливаются.

Летят лихие годы, как с горы,
Проходят вечера, рассветы парами.
А две зари, как будто две сестры,
Румяные, сидят за самоварами.

Роскошная закатная заря,
Хотя красивей кажется рассветная.
Я голову свою ломаю зря,
Какую мне считать своей заветною.

С одною вспоминаю, что сбылось,
Другая же мечте моей попутчица.
Хоть знаю, что у них я только гость
И долго загоститься не получится.

Да с ними я еще поговорю
И поделюсь удачами и бедами.
А под какую сам уйду зарю,
Так то ни мне, ни им пока неведомо.

Хаты

Все мы из хат.

Янка
СИПАКОВ

Только ль ныне? Нет, — во все года
Каждый день волнует и тревожит:
Города, повсюду города,
А деревни где? Помилуй, Боже!

Все мы вышли некогда из хат,
Духом там и хлебом прорастали.
Эти хаты сотни лет подряд
Города надежно подпирали.

Там жила когда-то толока,
Там всегда друг другу были рады,
Словно из живого родника,
Человечность черпая из хаты.

А сегодня те же города
Из села повысосали соки,
И пустые хаты навсегда
Превратились в горькие упреки.

Не ревную к агрогородкам,
Да жалею те былые хаты,
Что стояли на земле века
Мудро и надежно, и крылато.

Памятник

Пахнет рутою-мятой,
Легкий шелест стрекоз.
Медный профиль солдата
В обрамленьи берез.

Взглядом юным, да строгим,
Из-под хмурых бровей
Он глядит на дороги —
Ищет старых друзей.

Где они, далеко ли,
Кто на свете ином?
В сердце раною колет
То, что было давно.

У камней пьедестала
Будут маки алеть.
Как же прожито мало
Им на этой земле!

Салютуя солдату,
В небе вьются стрижи…
Сколько ж вынести надо,
Чтоб и мертвому жить!

Воспоминание

Ты пила березовый тот сок
Так забавно и по-детски нежно.
Съехала косынка на висок,
С ветерком играя безмятежным.

Ручейки не приглушали бег,
Птичьим звоном лес переполнялся.
Я косынку поправлял тебе,
И, казалось, к небу прикасался.

Она

Двусмысленность глаз голубых
То ль раем, то ль адом сверкает.
Подола волнующий штрих
Колени ее обвивает.

Туман от нее — что дурман,
На том ли, на этом ли свете.
То ль правда она, то ль обман —
Никто никогда не ответит.

Огонь в золотых волосах,
Упругой походкой шагает
Такая земная краса,
Такая краса неземная…

Улыбка, легка и вольна,
Взволнованной птицей порхает.
И вся она, словно струна,
Над миром звенит, не стихает.

Все лучшие краски Земли
Померкнут пред нею одною…
Мне не о чем больше молить,
Когда она рядом со мною!

Ева и соловей

Луны румянец, как налив,
Ночует в кронах.
Не прячь очей святой наив
Так удивленно.

Из года в год цветут сады,
Не зная цели.
И ты кому-то уж плоды
Под блузкой спелишь.

Ах, Ева юная моя,
Краса земная,
Побойся песни соловья,
Пока светает.

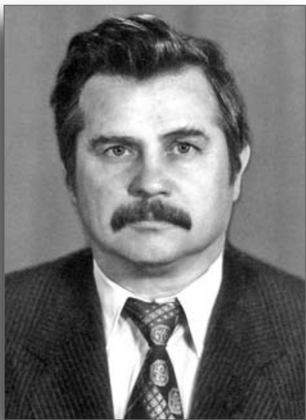
Он может так зачаровать,
Так расстараться,
Что будешь после горевать,
А не смеяться.

Сыновнее слово

Даже малый росточек
Свой приветствует бор.
Я сплетаю из строчек
Для Отчизны узор.

Так не в церкви, не в храме,
А один на один
Клятву верности маме
Шепчет любящий сын.

Перевод с белорусского
Андрея ТЯВЛОВСКОГО.



ГЕННАДИЙ КОТЛЯРОВ

Береза-супружница

Рассказ

Старик Авдей разлепил веки, когда услыхал, что кто-то постукивает в окно: тихонько, осторожно, будто птичий клювик. У него возле окна росла непролазная туя, и только мелкие пташки обитали в ее густой, жестковатой кроне. Авдей точно знал, что в туе зимуют клесты и в феврале выводят птенцов.

Клест — пташка осторожная и поселилась в туе, потому что от северных ветров изба защищает, а сплетение веток настолько плотное, что серая мышь и та не пролезет между ними. Корма, пусть невдосталь, но все же хватало. Крошки хлебные и прочую съедобную мелочь Авдей регулярно сгребал со стола и выносил в кормушку, которая болталась на подсохшем суку груши.

Легкий стук повторился настойчивее, а за ним послышался и хриплый голос старика Макара:

— Чего, Авдей, затих? Оконце-то открой, высунься. Глянь, день какой выдался на нашу Победу!

Кряхтя и тужась, Авдей спустил ноги с койки и, по скрипучим половицам приблизившись к окну, распахнул его настежь. Свежий воздушный поток с запахом цветущей черемухи взбодрил Авдея, и подняв кверху голубые, поблекшие глаза, он вздохнул:

— Есть Бог на небесах. Спасибо ему за денек. Вчера еще хмурило, мокрязь сыпалась, а нынче глазам радость.

— Набожный ты стал, Авдей, — как бы поперек ответил ему Макар. — Просто времечко подошло, не все же холодам быть. Последние две весны, помнится, запаздывали, а эта весенка ранняя да погожая к нам нарядилась.

— Ты, Макар, никак при параде уже, — засуетился Авдей. — При кителе да с наградами своими. На хромачах блеск навел.

— На День Победы мы завсегда так наряжаемся, — напомнил ему Макар. — Аль память у тебя отшибло? Я уже столик поставил под твоей березой. Самовар скоро запыхтит. Отмыкай дверь, помогу собраться.

— А у меня с вечера все готово, — веселея, сказал Авдей. — Накинуть только. Заходь.

Авдей постарше был за Макара. Как полыхнуло, так и ушел по мобилизации. Под Берлином досталось ему крепко: как ножом срезало мякоть на бедрах. Ошметками сползла до самых колен, а кости не задело. Он успел это почувствовать, потому что в горячке двигал ногами, пытаясь схорониться от шрапнельного огня. Очнулся в медсанбате и первым делом ухватился за ноги. Не ошибся тогда, ноги при нем, попробовал даже шевельнуть пальцами. Хирург сказал, что его ранение уникально. Не припомнит случая, чтобы осколки, срезав ткань мышц, не искромсали кости.

И все же два месяца довелось Авдею отваляться в госпитале. А когда возвращался в свою деревеньку и от станции шел пехом хорошую двадцатку верст, вдруг понял, что он калека, хоть и с ногами. Раз за разом ему приходилось вытягиваться на голой земле и, скрипя зубами, ждать, пока утихнет боль. Стало быть, не всегда справедливо, когда говорят, что были бы кости целы, а мясо нарастет.

Не дождался Авдей, когда бедра его обретут силу и боль сгинет. С возрастом ходьба не стала менее мучительной.

— Вот теперь ты герой, Авдюша, — бодро сказал Макар, любуясь его наградами. — Орденов у тебя пять штук, а у меня два всего.

— Так я ж всю отвоевал, а ты два года, — заметил ему Авдей. — Меня трижды долбануло, а тебя раз.

— Я ж не виноват, что на свет позднєй объявился.

— Ладно, Макарушка. Семен-то где со своей гармонью?

— Обещался прийти.

— У него праздник, помнится, двойной. Это же сколь ему натикало?

— Раз полгодка всего воевал, значит — салага. Так нынче служивые говорят.

— А пулю успел в грудь поймать. Помнишь, сказывал, что еле спасли?

— А сколько не спасли, — вздохнул Авдей. — За них и надо по маленькой. А, Макар?

— А как же, — веселея, сказал Макар. — Должен председатель о нас вспомнить. Подвезет беленькую, и сядем под березой.

— Про автолавку не забыть бы, — спохватился Авдей. — У тебя, Макар, мозги свежее.

— От, негодники, на дорогу ссылаются, — возмутился Макар и хлопнул широкой ладонью по столу. — Ни хлеба, ни спичек, ни соли.

— Не стучи, — резко сказал Авдей. — Столик мой тоже на ладан дышит. А продукты пущай трактором подвозят.

— Так и заявим председателю. Моя Дарья ходила в центр. Грязюка топкая, но «Белорусок» одолеет.

— Ну, потопали к березе.

— Ага. Стульев парочку возьму у тебя.

Макар легко, как перышки, ухватил за спинки два венских стула, еще довоенных, и подался к выходу. Пока Авдей топал к березе, он уже притащил пыхтящий самовар, а следом подошла и Дарья. На стол она поставила две тарелки с румяными пирожками. Авдей знал, что в одной тарелке пирожки с капустой, в другой — с творогом. Такие пирожки обычно выпекала его покойная Настя на Пасху и в День Победы.

...До сих пор сокрушался Авдей, что отпустил Настю одну за клюквой в гнилое болото. На третьи сутки там ее и отыскали, бедняжку. Одна рука только торчала из трясины, уцепившись намертво за купину. Долго горевал Авдей, корил и клял себя беспощадно. В одну грозовую ночь чуть руки на себя не наложил. Но остыл, трезвый рассудок подсказал, чтобы вышел во двор, под шумный ливень, молотивший по старенькой крыше. Околевший и промокший, он вернулся в избу, протопил печь, настоял чугунок липового чая и, согревшись, ужаснулся тому, как душонка его чуть не дала сбой. Осрамился бы в округе. Все знали, как тяжко ему жилось, и все верили, что выдюжит.

— Да отойди ты, Авдей, от березы, — мягко проворчал Макар. — Обнял, что супружницу. Давай, присаживайся.

— А она мне замест Насти, — пояснил, не стесняясь, Авдей. — Вот приклоню голову к ней, постою малость, полегчает, сил прибавляется.

— Мы уже давно приметили, Авдюш, — встряла Дарья. — То утречком, то ближе ко сну тянешься ты на свиданку к березе своей.

— Точно, — светлея, согласился Авдей. — Оттого и живу.

— Тихо, — вскрикнул Макар и, встав со стула, зачем-то вздернул кверху руку. — Там вроде тарахтит, а за взгорьем гармонь пиликает. Слышите?

Авдей, напрягая слух, тоже насторожился. Все трое устремили свои взгляды на взгорье, ожидая, что вот-вот покажется Семен-гармонист.

Деревенька, где обитал Семен, почти вымерла. Там доживали две старухи да Семен, одинокий, как и Авдей. Перевалив взгорье, деревеньку эту не враз-то и разглядишь. Она пряталась за деревьями, которые подступали к самой воде тихой речушки.

Нарастал, набирая обороты, гул трактора, и когда старики повернули головы в другую сторону, из-за поворота выскочил юркий колесный трактор. Залепленный грязью, он несся шибко, а за рулем восседал сам председатель: моложавый, крепко сбитый мужик с черными как смоль усами.

— Я че говорил, Авдей? — не удержался Макар. — Сам пожаловал.

— Прошу извинить, дорогие мои фронтовики, — чуть дрогнувшим голосом сказал председатель. — К ремонту дороги все готово. И скрепер на парах, и песок есть, и гравий. Засыплем колдобины, подровняем. Автолавку пустим скоро. Беру под личный контроль.

— Спасибочки, что беспокойство выказали, — благодушно сказала Дарья. — Дровишек бы нам к зиме.

— Завезем и дрова, — твердо сказал председатель. — А теперь разрешите поздравить вас с Днем Победы. Кланяюсь вам в пояс за кровь вашу пролитую. Кабы не вы, то и нам бы не жить.

Поклонившись, он извлек из кабины трактора большой сверток и вручил Макару.

— Чую бутылочку и провиант, — улыбнулся Макар и выразительно повел носом.

— И мой нюх не отшибло, — за их спинами стоял Семен с гармонью на плече.

— Ну и кот ты, Семен, — удивилась Дарья. — Подкрался, будто по воздуху.

— В разведвзводе главная заповедь — уметь перемещаться бесшумно, — уверенно пояснил Семен. — Мальцом на охоту с отцом хаживал. Обучился.

— Давайте-ка к столу, — настоятельно пригласила Дарья. — И пирожки стынут, и самовар зачах.

— Самовар апосля, — вмешался Авдей. — Сейчас сверток раскулачим. Займись, Макар.

Председатель вынул складной нож, вручил Макару, и тот, ловко обрезав тесьму, развернул сверток.

— А не ошибся я, — поочередно ткнул пальцем Макар в бутылки. — И коньяк, и белая, а закуски сколько! На весь твой разведвзвод. Дарья, тащи рюмахи.

Пока Дарья ходила за рюмками, председатель вытащил из куртки три почтовых конверта и, обняв фронтовиков, вручил каждому. Это

был подарок, который фронтовикам выделяли обычно в День Победы. Затем председатель усадил стариков за стол, пригляделся к их орденам и медалям. Дольше всех задержал взгляд на груди Авдея. Затем бережно тронул орден Красного Знамени, осторожно полюбопытствовал:

— За какой подвиг, Авдей Палыч?

— Больше за неразбериху, чем за подвиг.

— Будь добр, расскажи.

— А все как на войне, — начал Авдей, вздыхая. — На мой расчет, на нашу пушку-сорокапятку хлынула немчура. Не менее роты. Был туман в лощине, и они этим воспользовались. Не задуй резко ветерок, порешили бы нас вмиг. Да и песик к нам прибился: топорщит уши! Глянул в бинокль и в просветах тумана увидел немчуру. Согнувшись, перебежками, тихо перли на нас. Я прикинул — в аккурат на выстрел. Но подумал: нельзя, там же наша пехота окопалась. Почему не ведут огонь? Что-то не то, мелькнуло в голове, и дал команду. Начали бить то прямо, то влево, то вправо. Чтоб не обошли. Потом глядь, а десятка два фрицев уже к пушке ползут. Видя такую опасность, вытащили замок и заняли круговую оборону, в небольшом ровике. Они наседали, а мы их гранатами да из автоматов. И только после этого поднялась пехота. Сзади за нами. Схватились в рукопашной, и неразбериха закончилась. Подбегает майор: «Прости, браток, не успели мы выдвинуться, опоздали». — «Ладно, — говорю, — обошлось в этот раз. Не плошай более». — «Твой расчет представлю к наградам, а тебя — к герою», — пообещал майор. Ну, на героя не потянул, видать. Орденок этот командующий фронтом вручил. Лично генерал Черняховский.

— Сам Черняховский? — переспросил Семен. — Ох, и удалой был.

— Сказывали, когда время позволяло, то лично вручал, — подтвердил Авдей и зачем-то рукавом отер сухие глаза. — Особо тем, кто дерзостью да лихостью брал фрица.

— Спасибо, Авдей Палыч, — председатель встал и чокнулся с фронтовиками. — Помянем всех павших. За Победу!

— За генерала Черняховского, — добавил Авдей и, слегка запрокинув голову, принял свою «махонькую». — Пухом ему землька.

— Все. Старички вы мои, фронтовички, — встряхнулся председатель. — Мне пора. На полях сев. Вот, объезжаю и к вам пробился заодно.

Забравшись в кабину и хлопнув дверцей, председатель резко взял с места, но тут же тормознул, выпрыгнул и опять подошел к столу.

— Авдей Палыч! — четко сказал он. — Неразберихи там не было, а был подвиг ваш и халатность майора. Здоровья всем вам.

И загудел в надрыве тракторок, и укатил председатель на поля весенние, а старики-фронтовики начали вспоминать время свое лихое да годы молодые.

НИКОЛАЙ НАМЕСТНИКОВ

Позволь показать тебе Родину...

* * *

Ночую на неведомой версте.
Потрескивают угольки в костре.
Я уголек достану, прикурю
и говорю с собою, говорю...

А где-то у открытого окна
сидит седая женщина одна.
Тревожится о сыне и не спит.
И говорит со мною, говорит...

* * *

Возле церковки попросишь —
и осень подаст.
Листья стряхнешь, как минувшие дни подытожишь.
В баре напротив звучит то ли соул, то ли джаз.
Вроде, знакомое что-то,
а вспомнить — не можешь.
Ветер несет сизарей в золотой небеси,
точно пускает по кругу прощальную чарку.
Господи Святый,
Ты если и вправду — еси,
дай, чтобы музыка эта подольше звучала!
Соло листвы, когда все остальное — не в счет...
Блеск паутин и последние теплые полдни...
Чтобы голубка присела к тебе на плечо,
словно о чем-то забытом и важном напомнив.

Дворники выметут город в положенный срок.
Только однажды —
и впрямь как залетная радость, —
в ящик почтовый опустится желтый листок,
где не указан опять отправителя адрес...

* * *

Ты спросишь: «Это сон?»
Отвечу: «Это осень.
Наш золотой причал.
Прощальный горький дым».
Янтарным молоком
набухли груди сосен.
Ищи меня, сентябрь,
среди сосновых стигм!

Пергаменты стволов
слоятся и чернеют.
Но проступают в их
пронзительных юсах
и песни на Илью —
размеренным хореем,
и девки на юру
с кровинкою в устах...

А где-то за спиной —
дороги и пороги.
И посполитый люд,
что, поднабравшись сил,
заерзал на печи —
да вымерли пророки,
и тут уже ни крест,
ни водка не спасли.

Но это все пока
побасенки, не боле.
О них скрипит пером
грядущий Карамзин.
А ты меня ищи
по красным каплям боли,
что разнесут дрозды
из заводей рябин.

Нам сыплет тишина
сосновые иголки.
Сползает по стволам
полуденная тень.
А мы, как воробьи
с руки княгини Ольги,
все ищем краткий путь
в родной Искоростень.

* * *

Кружу, как будто неприкаянный,
по залу с белыми колоннами
вокруг фигуры бабы каменной
в музее городка районного.

Лицо безжизненно и глинисто,
у сжатых губ змеится трещина.
И сколько ж надо горя вынести,
чтоб в камень обратилась женщина!

А за окошком — май и жимолость,
и небо синее над крышами,
и ощущаю каждой жилкою
страдание, в глазах застывшее.

Она стоит, еще не ведая,
что, руку протянув несмелую,
я со щеки ее обветренной
смахну слезу окаменелую.

Ведь только мы тому причиною,
когда от слова ли, от жеста ли,
от взгляда, брошенного мужчиною,
мертвеют сразу лица женские.

И смотрят, болью заарканены,
куда-то вдаль, где ветры плещутся.
И на лице застывшем, каменном
плетут узор морщинки-трещинки...

* * *

Хлопаю по стынущим плечам:
не успело скрыться лето бабье,
и уже октябрь вот по ночам
возит лужам льдинки контрабандою...
Только что с того, что холода
выбелили травы за опушкою —
забреду неведомо куда
сонною Голубицкою пущею.
Свитерок одерну —
и опять,
перейдя через тропу лосиную,
буду очарованно стоять,
окруженный утренней лощиною.
Что со мной —
уже не знаю сам,
но хмелею с каждою минутою,

пробираясь по глухим лесам
где-то между Плисою и Мнютою.
Мне бы этой радостью с тобой
поделиться,
наболтаться досыта...
Номер наберу:
гудок — отбой.
Как обычно,
ты вне зоны доступа.

* * *

Пусть за морями есть земля далекая,
она не наша — только и всего лишь.
Девчонка, через пять минут — Глубокое,
а ты в Глубоком, кажется, выходишь.

Мотнешь, как жеребенок, юной гривою,
процокаешь по лабиринту улиц.
Шепну тебе вдогонку:
— Будь счастливою!

...Ну, что же ты, глупышка, оглянулась?

* * *

Та земля из Господней торбочки
раскатилась, зарею заткана...
Я ее исходил до тропочки,
каждый раз познавая заново.

Как ребенка, любя и пестуя,
на свой лад обустроив полностью,
старики ее помнят «крэсами»
и гордятся своею польскостью.

Их псякрэвы не брешут — сытые.
В их костелах иконы Божие.
Лагерями Сибири, ссылками
их тела навек приморожены.

Не сложилась жизнь, не потрафила,
закружила чужими вьюгами.
А со стен глядят фотографии,
где они все такие юные...

Пусть давно это время кануло,
но хранимы с особым тщанием

в сундуках сукно домотканое
и веночки с фатой венчальные.

И лежат под стрехой, забытые,
распирая тряпицу плотную,
полновесные, не пропитые,
опоздавшие к сроку злотые.

Не зови этот мир нелепостью:
старики за былое держатся,
но врожденной своей шляхетностью,
точно хлебом, с тобою делятся.

Пей ее золотые правила.
В жизнь иди с ее светлою верою.
Если есть еще земли праведных,
то они где-то здесь, наверное...

* * *

Куда отвезти тебя, милая?
Дорога к святыням — безвизова:
в Черею ли — к Оскару Милошу,
в Освею ли — к Юзефу Гильзену.

А хочешь, туда, где, окрашены
зарей ослепительно яркою,
стоят островерхие башенки
костела над тихой Сарьянкою?

Туда, где деревни убогие
рассыпаны Божьими зернами,
пойдем мы ночными дорогами,
свободой дыша приозерною.

И все мимолетное, мнимое
сгорит в обретенном и пройденном.
Куда отвезти тебя, милая?
Позволь показать тебе Родину...

КОНСТАНТИН НИЛОВ

Ольга

Рассказ

Опаленным Чернобылем посвящаю…

Мое последнее студенческое лето... Через три месяца мы уже будем называться «дипломниками», а там практика, защита диплома, и прощай наш добрый и строгий учитель-институт, прощай пахнущая пряным борщом студенческая столовая, славные кефирные завтраки, пестрая всезнающая общежитейская семья.

И самое яркое, на всю жизнь запоминающееся — это, конечно, прекрасное стройотрядовское лето... Каждый из бывших студентов знает, что, как говорил наш профессор Палушкин, студент без стройотряда — это как сессия без экзаменов: «Все вроде есть, нет главного — содержания»... Лето, стройотряды... И что может сравниться с той внезапно наступившей, после долгих мыканий по строгим стереотипным аудиториям, свободой, которую ты получаешь взамен душных лекционных залов, волнений перед дверями зачетных лабораторий, бессонных предэкзаменационных ночей. Врываешься, словно каким-то чудом, на неведомой фотонной ракете, на другую, совсем отличную от нашей, зеленую планету, мир душистого июньского травостоя с тысячами трав и цветов, названия которых ты не знаешь и различаешь только по цвету и запаху.

И не перестаешь удивляться, что есть где-то рядом этот удивительный мир, без плавящегося от солнца асфальта, строгого каскада дышащих зноем кирпичных домов, бесконечного потока фыркающих автомашин. Ты теперь уже по-новому открываешь для себя свистунов-дразнилок скворцов, чирикушек-воробьев и даже маленького трудягу-муравья, упрямо карабкающегося по стеблю-травинке перед твоим носом... А с бирюзовых, с озерной глубины небес льется на тебя прохладная родниковая струйка жаворонковой песни. И ты не перестаешь удивляться, что все это теперь рядом с тобой и вообще есть такое на свете...

С ранней зарей ты окунаешься в сказочное царство бриллиантовых рос, дивным спектром переливающихся в ярких лучах восходящего солнца. Умываешься до пояса холодной колодезной водой и стремглав, на звон куска старого рельса, бежишь в студотрядовскую столовую, как мы называем, три «С» — простой навес, сделанный тобой и твоими товарищами в первый же день приезда.... И пусть с непривычки в первый день ноет спина, словно дубленой становится кожа рук, горят огнем первые мозоли, но душа твоя отдыхает. И жизнь приобретает совсем другую окраску с гордостью и радостью: за минувшую сессию, за то, что уже зарабатываешь свои собственные деньги, и многое такое, что рассказать может только душа настоящего студента-студотрядовца.

И, конечно же, как ни гудит спина и как ни горят руки, ты ожидаешь вечера.... И он наступает. Прохладный, с веснушчатым звездным небосклоном,

треньканьем студенческой гитары, криками перепелов, стрекотом кузнечиков. И вдали ты слышишь трогающую за сердце мелодию легкого танго, которая здесь раскрывается совсем по-другому: страстно, призывно, желанно. Ты надеваешь на себя «парадную» с многочисленными студотрядовскими атрибутами форму и спешишь с гурьбой товарищей на звук этой мелодии, как навстречу новому, неизведанному, таинственному, с которым ты должен непременно в этот вечер встретиться...

Ее звали Ольгой... Удивительно прекрасное имя, оно так гармонировало с ее белокурыми, с легкой природной волной локонами, голубыми, как восходный край раннего июньского неба, глазами и редкими, стыдливо проступающими возле чуть вздернутого носика веснушками.

...В Ромашкове (так звали деревню), где работал наш студенческий отряд, мы уже проработали полсрока, познакомились с местной молодежью. Появились у нас уже и первые романы. Правда, был у нас и один постоянный «конфликт»... Из соседнего загородного поселка, где размещалась районная Сельхозтехника, периодически делали набег на мотоциклах местные «рокеры», которые время от времени пытались установить свою монополию над ромашковской танцплощадкой. Но всякий раз наткнувшись на дружный отпор ребят из нашего отряда, уходили ни с чем. Острых стычек не было, но синяками мы иногда обменивались... Рокеры, надо признать, были оснащены по последнему слову техники, по тем меркам зарождающегося в нашей стране рокерства: все на мотоциклах «Ява» современных моделей, в расписных крутых шлемах с высокими черными забралами, в джинсовых куртках с многочисленными латунными «лэйблами». Руководил рокерами Юрка Килев, Киль, как называли его между собой рокеры.

Мне, как комиссару нашего строительного отряда «Вымпел», часто приходилось вести «дипразговоры» тет-а-тет с Килем. Несмотря на ортодоксальность его натуры, с ним можно было договориться. Может быть, потому, что всего полгода назад он вернулся из армии... Высокий, с вьющимися черными кудрями, широкоплечий Киль был, как рассказывали в деревне, до армии своеобразным атаманом подростков Сельхозтехники. Во всех возникающих конфликтах Киль особо тонко чувствовал ту границу, через которую переступать было опасно, за которой, кроме крупных неприятностей, вряд ли бы выиграла какая-либо из конфликтующих сторон. У меня не раз возникало чувство, что Киль старался нарочно балансировать на грани такой порядочности и бесшабашности. После я понял, что в том была скрытая сила его авторитета... Наверное, этим он хотел оградить подростков от попыток самоутверждения, которое могло нечаянно переступить опасную грань.

Будь Киль «порядочнее» или «расхлябаннее», эта среда атаманом его бы не приняла. В общем, Киль был непростой парень.

...В этот вечер, уединившись на краю сцены колхозного клуба, оглушаемые со всех сторон звуками колонок стереорадиолы, мы с Килем в очередной раз выяснял наши «дипотношения», возникшие после того, как вчера двух бойцов нашего отряда, ездивших в город за хлебом, пытались спровоцировать на драку семеро подростков из Сельхозтехники.

— Киль, мы же договорились... Семеро на двоих, пропорция дикой нечестности...

— Комиссар, один из твоих бойцов обозвал их «молокососами»...

— Но мы же подписали прошлый раз меморандум и определились, как быть в таких случаях?

— А руки, комиссар, никто и не поднимал... Ребята просто просили извиниться. Хочешь, спросим у ребят?

— Ладно. Я тоже поговорю с нашими. Завтра обо всем еще раз переговорим, но сегодня никаких действий, лады?

— Лады...

...Ольга шла вместе с Володькой и Галкой. Володька — колхозный шофер, мой одногодок, обеспечивал стройматериалами наш отряд. Прекрасный парень, из разряда тех работяг, для которых высшей целью были работа и фанатичная любовь ко всякой технике. Каждую свободную минуту он отдавал несравненной «Пенелопе», как он любовно называл свой ЗИЛ. Разве только смуглая симпатичная Галка с большими черными глазами и озорной ямочкой на левой щеке соперничала с «Пенелопой».

...Мне показалось, что весь клуб на мгновение замер, будто удивленный и завороженный внезапным появлением Ольги.

Голубое платье, светлые волнистые локоны, белые туфли-лодочки удивительно гармонировали одно с другим. Ольга шла легко, казалось, летела. Все в восхищении смотрели в ее сторону. В этот миг кто-то выключил стереорадиолу, а может, просто меняли пластинку. Музыка смолкла и это еще больше усилило эффект появления прекрасной Золушки на балу.

Все трое, девушки и Володька, направились в нашу сторону.

— Знакомься, комиссар (так меня звали ребята в деревне), — это моя сестра Оля, — сказал Володька.

Шелохнулись, вздрогнули дужки бровей, легкая смешинка-морщинка, «вздер» носика со звездочками веснушек:

— Комиссар? Это как в гражданскую, строгий, справедливый?

— Не знаю, — пытался отшутиться я. — А в общем я Сергей...

— А это — Юрка Киль, — как-то с полуоборота, повернувшись к Килю, продолжил Володька. — Помнишь, Килевы жили раньше через дом от нас, покуда не переехали на Сельхозтехнику... Но это уже не комиссар, а настоящий атаман...

— Юрка?.. Это тот, кто через сугробы в школу таскал меня и мою сестру Лену?

— Он, — сразу весело ответил Юрка. — А вы все теряли варежки.

Мы все засмеялись, представив на мгновение перед собой картину, как через сугробы десятилетний пацан тащит двух младшеклашек с постоянно теряющимися варежками. И я откровенно сейчас завидовал Юрке, что не я сам таскал тех девочек через сугробы.

Снова заиграла музыка. Мягкие плавные звуки аргентинского танго «Гитара ночи» заполнили клуб. Вышли первые пары. Мои глаза встретились с глазами Ольги, она приветливо улыбнулась, и я сделал шаг навстречу.

— Разрешите, — вперед меня неожиданно вышел Юрка и как-то совсем низко махнул своими черными вьющимися кудрями.

— Пожалуйста, — мне показалось, что Ольга удивленно пожала плечами. Они танцевали и о чем-то говорили, видимо, вспоминая что-то далекое, детское.

Время от времени плечи Ольги вздрагивали от смеха, и тогда мне казалось, что ее голова наклонялась прямо к Юркиному лицу... Сердце мое часто стучало, и горький комок подкатывал к горлу, словно от обиды за свою нерасторопность. Володька с Галкой стояли рядом, Галка

что-то весело тараторила на ухо Володьке, время от времени поглядывая на меня своими хитрыми черными глазищами.

— Ну что, комиссар, атаман рокеров опередил? — услышал я внезапно над своим ухом Галкин смешок. — Сейчас кончится танец, и если ты не пригласишь Ольгу, то это сделаю я...

— Что?

— Ничего, комиссар... Понятно... Мы тоже в разведке служили... Это что — атаманы впереди комиссаров?

Окончился танец. Ольга с Юркой направились к нам. Галка обхватила за талию Ольгу, смеясь и что-то шепча на ухо, потянула к себе. Мы болтали о новой кинокартине, которую обещали на этой неделе привезти в деревню.

Опять зазвучало танго... Ребята из нашего отряда делали специальный подбор танцевальных заготовок для каждого вечера...

И опять мы с Юркой сделали одновременно шаг к Ольге. Но Галка, милый черноглазый Галчонок, чуть отступила назад и этим перекрыла на какое-то мгновение дорогу Юрке.

— Разрешите...

Я слегка коснулся руки Ольги, и мы ступили в круг.

Глупо, но мне казалось, что я танцевал как немой. Язык будто прирос к нёбу, все слова словно выскочили.

— Значит, вас зовут Ольгой, — выпалил, наконец, я первую пришедшую на ум фразу.

— А вас — комиссар и еще Сережа, — нежный мягкий голос долетел до моих ушей.

— И вы приехали...

— ...Из Могилева... А вообще-то я здешняя. Но... — Ольга глубоко вздохнула. — Четыре года назад умерла моя мама, и меня забрала в Могилев старшая сестра Вера... Вот там я и училась в школе. В этом году окончила... А вы, Сережа, учитесь в РТИ, в самом, как говорят, престижном вузе республики?..

— И вам обо мне сказала...

— Правильно, Галка... И по какой специальности?

— Вычислительная техника.

— О! Самая современная специальность. Наверное, вы хорошо учились в школе?.. А я вот никак математику по-настоящему не осилю. «Четверку» в аттестат поставили, но, если по-честному, я только на «троечку» тяну.

Так мы и говорили до окончания танца, который, казалось, очень быстро закончился.

Танцы продолжались. И получалось так, что мои приглашения чередовались с Юркиными...

Но мне повезло. Последний, завершающий танец вечера я танцевал с Ольгой.

Как обычно, в конце вечера боец нашего отряда Витька Белов останавливал музыку и, голосом работая «под Левитана», объявлял на весь клуб:

— Внимание! Последний танец. И опять парни провожают девушек... К сведению бойцов отряда «Вымпел», просьба поздно не задерживаться, утром вас ждет ударная колхозная комсомольская стройка, флагман всех строек века нашей родной Белоруссии!..

— Ну, а вы из-за долгого отсутствия в деревне не заблудитесь ночью? — на одном дыхании выпалил я Ольге. — Вас можно проводить?

— Можно... Только и другие провожатые будут с нами, — показала она в сторону Володьки и Галки. — Так что никак не заблудимся.

Рядом с ними стоял и Юрка Киль и настороженно смотрел в нашу сторону. Так, всей гурьбой — я, Ольга, Галка, Володька и Юрка, двинулись к выходу.

— Комиссар, — стукнул меня на крыльце по плечу Роман Веселов, мой боец. — Отряд «Вымпел» с тобой. — И уже шепотом произнес: — Там рокеры собрались. Боюсь, что сегодня придется нам вести спецбеседы с ними... Так что мы на всякий случай проводим тебя.

— Брось, Роман...

— Комиссар, мы знаем свое дело...

Едва мы ступили с крыльца, как ослепительное зарево ударило на всю стену клуба и около десятка моторов одновременно взревели.

Это рокеры встречали своего атамана и пробовали силу своих «коней». Юрка Киль властно поднял руку вверх, покачал ей в воздухе. Моторы уменьшили рев, и к Юрке подскочил один из рокеров — в черном шлеме, чертой куртке, сапогах, словно весь в черном панцире. Они о чем-то быстро переговорили, рокер кивнул головой, и вот уже Юрка догоняет нас.

В свете фар мотоциклов я тоже увидел своих бойцов, они стояли чуть поодаль, отчего-то весело хохотали. Отряд наш был большой, в два раза больше рокеров...

Свет фар, клуб, все осталось позади. ...Так, впятером, мы шли ночным Ромашковом в сторону околицы, где находился дом Галки.

Вечер был волшебный... Светила яркая луна, на редкость большая, полная. Казалось, безмолвное царство установилось на земле: не шелохнется ни один листок, ни одна травинка. Переливалась и серебрилась густая крупная роса. В воздухе пахло ромашкой, клевером, свежим настоем покосов... Незаметно мы минули деревню, вышли за околицу. Сразу же за околицей, с одной стороны дороги находился молодой колхозный сад, с другой — поле с высокой колосящейся рожью, убегающее в голубовато-золотистую лунную даль, прямо к стене белоснежной березовой рощи... Звучно перекликались перепела, совсем рядом монотонно скрипел коростель.

— Галка, какая красота! — восхищенно воскликнула Ольга. — Как хорошо в наших Ромашках! Я так соскучилась по ним...

— Ой, Олька, правда, как красиво, — Галка обняла Ольгу за плечи. — Я не представляю себе жизни без Ромашек.

Володька достал из кармана брюк пачку сигарет:

— Закурим? — протянул пачку мне и Юрке.

В общем-то я не курил, иногда только — для солидности, в компании. Но сейчас отказаться было просто невозможно...

Закурили... Дорога неожиданно быстро раздвоилась: одна продолжалась в поле, другая резко поворачивала влево. Там, слева, дрожали язычки пламени небольшого костра.

— Дед Матвей сторожит сад, — произнес Володька,

Но тут, стремительно нарастая, позади нас послышался знакомый рев моторов... Яркий свет фар ударил прямо нам в спину. Моторы так же неожиданно, как и появились, заглохли. И тут же грянула дружная песня: «Где-то на белом свете, там, где всегда мороз...» Мои, понял я.

— Ого, мы здесь не одни, — произнес Володька, растягивая слова и почему-то делая ударение на «о».

— Они и сопровождающие их лица, — засмеялась Галка. Засмеялась и Ольга.

— Ребята, а давайте пойдем к дедушке Матвею, — тут же предложила Ольга. — Он нам с Володькой двоюродный дед... Я его целых два года не видела!..

Мы свернули в сад и пошли на огонек.

Дед Матвей сидел возле небольшого, покрытого свежим зеленым сеном шалаша, напротив потрескивал красными языками костерок.

Еще издали нас услышал мохнатый рябой пес и, выбежав навстречу, громко залаял.

— Грозный! Грозный! — позвал его Володька. — Свои. — Пес нехотя вильнул хвостом, недовольно рыкнул и лениво побрел за шалаш.

— Это кого тут по ночам носит? — поднялся с колодки дед Матвей, когда мы поравнялись с ним.

— Свои, дед Матвей, — за всех ответил Володька.

— А-а, Володька, — дедушка подошел поближе и оказался высоким крепким стариком в стеганой фуфайке, кирзовых сапогах и почему-то зимней шапке-ушанке.

Широкая, окладистая борода, похожая на бороду Карла Маркса, прикрывала почти половину груди.

— О, сколько вас тут... И моя будущая невестушка Галя?.. А это кто?.. Э-э... Э-э...

— Дедушка Матвей, — подбежала к нему Ольга, чмокнула в заросшую щеку, повисла на шее.

— Э-э! Олька, Олька! Ну, здравствуй, внученька. Вот кого я не ожидал сегодня увидеть!.. Я думаю, чего это у меня весь день правая рука чешется? Э-э... Это же наша красавица!.. Мы с бабкой Дарьей постоянно вспоминаем тебя. «Лето наступает, — говорит бабка Дарья, — вот была б тут Оленька, непременно нам землянички из березовой рощицы принесла». Василиса ты наша Прекрасная. Как живешь там в своем Могилеве, не обижает тебя Верка?

— Все хорошо, дедушка, все хорошо...

— Ну, идите к моей хатине... Садитесь, — он показал на толстый спиленный ствол липы, лежавший рядом с шалашом. — А скоро и картошка будет готова. — Дед Матвей полез в шалаш и вынес оттуда обрезок широкой дубовой доски, на которой лежали увесистый пучок зеленого лука, булка черного хлеба, белый кусок толстого сала.

— Вот только выпить путного ничего нет, — улыбнулся он и, положив обрезок доски на траву, кивнул на меня:

— А вот этого хлопца я что-то совсем не ведаю...

— Это из студенческого отряда, Сергей, комиссар, — сказала Галка и, взглянув на Юрку Киля, добавила: — А это...

— Киля я знаю... Он, говорят, со студентами тут воюет?

— Да что вы, дедушка, — замялся Юрка от такого не совсем приятного разговора.

— Хлопец, гляди у меня! А то крапивы нарву да по штанам отхлещу! Я батьку твоего хорошо ведаю, добрый малец, мы с ним всегда дружили... — И обратился ко мне: — Не обижают сельхозовцы вас?

— Ну, дедушка, разве на нас это похоже?

— Да, я вижу, хлопцы вы молодцы! Доброе дело тут делаете, колхозу одному этот комплекс ни в жизнь не достроить... Эти, как их, халтурщики, наедут, домик финский сляпают через пень-колоду, деньги сорвут и тягу... А за комплекс вовсе не хотят браться...

Шалаш стоял на высоком берегу неширокой лесной речушки с поэтическим названием Леща. Над противоположным берегом, поросшим редким ольховым кустарником, прямо над кустарником, висела луна. За рекой раскатывались трели соловьев... Такого концертая еще никогда в жизни не слышал.

— Вот дают соловьи, — показал в сторону реки дед Матвей. — И так, считай, всю ночь. Не заснуть. Аж в три голоса! Наверное, красавицу какую-то приметили, — хитро выдал дед Матвей.

Потом мы ели дымящуюся, посыпанную крупной солью картошку, запивали холодным квасным настоем, пахнущим мятой, чабрецом, иван-чаем.

Дедушка Матвей рассказывал одну за другой свои были, казалось, его рассказам не будет конца.

— Комиссар, может, поделишься своей курткой? Что-то стало прохладно, — Ольга посмотрела мне в глаза.

В лунных лучах этой необыкновенной ночи ее лицо было еще прекрасней. Тонкие, будто удивленные брови, нежная округлость подбородка были сказочно прекрасны... Ольга!.. Я удивлялся, мне казалось, что именно это имя так подходит к каждому штриху ее лица, к стройной гибкой фигуре, ее тихому нежному голосу. Я поднялся, чтобы стянуть с плеч куртку, но дедушка Матвей опередил меня, вытащив из шалаша овечью шубу:

— Возьми, внучка, вот эту мою куртку. Эта штука понадежней городских бирюлек... Да-а... Вот я вам расскажу одну историю, связанную с луной. Никому еще ее не рассказывал, но сегодня уже два раза про нее вспоминал.

Дедушка разгладил бороду, хитро сощурил веселые серые глаза:

— Интересная история!.. И самая что ни есть быль. Мы тут часто с моим братом Федькой, вашим дедом, ходили на реку, в Дедков вир, вечерами плотву рыбачить. Речка наша раньше большая была. А раков сколько здесь водилось! Зажжем, бывало, возле самой воды огонек, а раки на него так и лезут... Только успевай в ведро сгребать. Чистая была Леща, бобры, бывало, сколько плотин на ней за деревней строили! Женщины наши всегда воду из нее на холодец брали. Особый был вкус у холодца с такой водой... Да-а... Так вот, пришли мы как-то с Федькой под вечер на Дедков вир... Закинули удочки... Клюет, только не зевай... Так заюшились, так заюшились, что не заметили, как совсем стемнело. И тут над горой стала подниматься луна... Подняли мы головы... Такая большая, такая большая луна, что мы даже чуток напугались. Кажется, она все растет, растет и вот-вот на нас накатит. И так на ней ясно видны все горы, извилины, каналы. Кажется, как на соседней улице. Тут Федька говорит мне: «Слушай, Матюха, а что если нам взять длинную-предлинную лестницу да и залезть на Луну?» — «Ты что, — говорю я. — До нее, сказывали, столько сотен верст». — «А может, это взрослые все врут?.. Ты же погляди — совсем рукой подать... А может, она сюда, в Ромашково к нам только близко подходит...» — «А может, правда, — думаю. — Эти взрослые всегда говорят не то». — «Давай, — говорит Федька, — завтра приготовим лестницы, свяжем их веревками и попробуем...» Да-а... «А что мы, Федька, там на Луне делать будем?» — спрашиваю. «На Луне, у-у! Оглядим всю нашу Землю, кто чем на ней занимается, посмотрим звезды, Солнце... Камни там драгоценные должны быть, вишь, как блестит, построим себе новые дома, школу, а то надоело в Ждановичи зимой по заметам ползать...» Назавтра мы целый день

искали в деревне длинные лестницы, веревки, молотки, топоры. Взяли самые что ни есть преогромные мешки на камни драгоценные... Х-хе... Кобылу Журку с выгона рано пригнали. Все это делали так, чтобы родители не видели, никто из взрослых ни на каплю не догадался. Приехали еще засветло. Сидим, ждем. Только начинало темнеть, связали мы лестницы и... надо же нам было один конец веревки к телеге привязать. Зачем, даже не знаю, для прочности, что ли? Первым на Луну полез Федька, следом с мешками я. Одну лестницу прошагали, на другую поднялись... И тут откуда-то на том берегу объявился жеребенок нашей кобылы Журки, которого мы забыли. «Ига-га... Ига-га...», — заржал жеребенок. «Ига-га… ига-га… ига-га...», — в ответ наша кобыла, И тут как шморганет нашу телегу — так, что мы и полетели. Лечу я, а отчего — не понимаю... И еще на лету Федьке кричу: «Федька, ты где... на Луне?..» Скатился я кубарем в кусты... Мягко удалось приземлиться по ольховым макушкам да по порослям осоки... Встал, за заднее место держусь, а Федьку нигде не вижу... «Э-э, — думаю, — залез, видно, Федька уже на Луну...» Встал, смотрю на Луну, Федьку высматриваю. И тут между мной и Луной сук ольховый вытыркнулся, Федькой мне показался... «Федька, — кричу, — давай назад, а то батька пугой задаст... И лестницу Артюховым надо отдать...» И слышу в ответ тоненький Федькин голос: «Митюха, помоги...» Да как же я к тебе залезу? — кричу. — Ты же лестницу забрал, а Луна вон выше отъехала...» — «Какая такая Луна?... Я тут, в крапиве... Помоги вылезти из ямы, обстрекался весь, и лестница на мне лежит...»

Вытащил я Федьку, а у него ноги и руки в волдырях от крапивы. И смех и грех... Хохочем, по траве перекатываемся, и крепко договорились никому ни слова про этот случай не говорить.

Засмеют в деревне, да еще лунатиками обзовут, это как пить дать... Хотя потом и еще как-то хотели на Луну слазить...

Какая-то она слишком большая у нас!.. Но я вам, внучики, по секрету об этом случае рассказал, молчите, а то под старость лет деда Матвея в деревне взаправду лунатиком станут звать... Да-а...

На востоке уже появилась бледно-розоватая узкая полоска, когда мы покидали деда Матвея. Не утихали перепела. В деревне делали первую побудку голосистые местные петухи. Кое-где лениво тявкали потревоженные полусонные собаки... В Ромашково во всех поголовно домах были сделаны возле дворов скамейки, спинками которых были палисадники или садовые торцовые изгороди. Мы вошли в деревню. На скамейке крайнего дома околицы сидели, облокотившись друг на друга, полусонные рокеры, рядом, прислонившись к изгороди, стояли их стальные «кони»...

— Ого, верные казаки на месте! — звонко засмеялась Ольга.

— Боятся, что атамана обидят, — съязвила Галка.

Юрка в ответ довольно тряхнул черным чубом — дескать, знай наших. И тут из палисадника напротив мы услышали треньканье гитары и громкий смех.

— Комиссаровы бойцы тоже на месте, — засмеялась Галка. — Два полководца, две армии!..

«Капитан, капитан, улыбнитесь, ведь улыбка — это флаг корабля», — в этот миг рявкнули из палисадника.

— Ох, зададут вам завтра ромашковцы! — покачал головой Володька. — Спать селу не даете.

— Ну, пока, — поравнявшись с рокерами, сказал Юрка и поспешил

к своим. Через минуту взревели моторы, окончательно разбудив ромашковских собак. Под их заливистый лай, обдавая палисадники клубами серой, как пепел, пыли, мотоциклы скрылись в глубине заспанной деревенской улицы. Мы поравнялись с Володькиным домом.

— Пока, комиссар, — протянула мне руку Ольга.

Я ощутил прохладную узенькую ладонь в своей руке, и это мне показалось самым большим подарком сегодняшнего удивительного вечера.

— До завтра, то есть, — я глянул на свои часы, — до сегодняшнего вечера?

— Может быть, — ответила Ольга.

Весь следующий день я жил ожиданием вечера. День казался невозможно длинным, бесконечным. Как назло и Володька уехал на целый день в город за кирпичом. Мы ожидали его на стройке, чтобы разгрузить машину непременно сегодня, чтобы завтра же рано утром отправиться снова в город за новой партией материалов. На местном силикатном заводе в то время были огромные очереди... Наконец появился знакомый ЗИЛ с голубоватой кабиной.

— Что так поздно? — спросил я Володьку.

— Как? — не понял он. — Еще только семнадцать ноль-ноль.

Действительно, я посмотрел на часы в его кабине, было семнадцать.

— Слушай, комиссар. Тут у нас в Сельхозтехнике создается новая пожарная часть... Нужны шоферы. В колхозе нет свободных машин, это я на подмене пока. Правда, председатель обещает к февралю получить пару новых машин... Но попаду ли я на новую? Вот вопрос... Ребята знакомые приглашали в часть, зарплата приличная, техника совершенно новая. Сутки отработал, двое дома! Как ты считаешь, стоит?

— Ну, тебе видней, Володька, — пожал плечами я.

— Да к тому же время будет свободное. Попробую хоть в техникум поступить. Смотрю, вон ты и твои ребята, мои однолетки, а уже институт почти заканчиваете... Олька тоже поступила в медучилище. Сдала экзамены... Думаю, точно поступила...

— Ольга?

— Да... только она… Не знаю, не знаю, — просила никому не рассказывать, — может, по конкурсу не пройду. А я думаю, поступила.

Но прости меня, Володька, мысли мои были далеко от твоих нынешних проблем...

Ольга!.. Я ждал вечера, я ждал новой встречи с тобой, Ольга.

Наступивший вечер был на все сто процентов похож на минувший. Опять Ольга танцевала по очереди со мной и Юркой... Опять нас проводили за околицу Юркины рокеры и мои бойцы. Опять с нами были Володька и Галка, а в саду нас опять встречал дедушка Матвей со своим Грозным. Пели заливистые ромашковские соловьи, всю ночь светила луна, и мы снова ели печеную картошку, запивая ароматным березовым квасом.

Однажды в такой же вечер, когда мы поравнялись с околицей, я чуть задержал за локоть Юрку:

— Послушай, Юрка, а не пора ли нам своих хлопцев «отпустить»?

— Дело, комиссар, согласен...

На следующий день мы шли за околицу уже без наших «армий».

— Переговоры закончились полным взаимопониманием, — подытожила наступившие изменения Галка. — Что-то сегодня стало тихо в Ромашкове?..

— Бензин кончился, — съязвил в ответ Володька.

— Да, у нас в стране трудно с бензином, — засмеялась Ольга.

...Если честно сказать, я ждал встречи с Ольгой наедине. Специально раза два заезжал за Володькой домой. Мы встречались с Ольгой глазами, улыбались, но говорили: «До вечера...». А вечером опять оказывались в нашей новой неразлучной компании.

...В тот день я в конторе вместе с прорабом Валерием Ивановичем Щетининым закрывал наряды за месяц. Валерий Иванович тут же учил меня тонкостям и хитростям этого важного прорабского дела. Стоял жаркий августовский день, в прорабской было душно, рубаха от пота прилипала к телу...

В полдень к конторе подкатил Володькин ЗИЛ, сегодня его председатель куда-то отправлял по колхозным делам. Я обрадовался. К тому же у меня испортилась электробритва, заедем к Володьке, он обещал мне свою на время, и там обязательно встречусь с Ольгой...

Я без приглашения вскочил в кабину:

— Жарища!..

— Да... — отозвался Володька, вытирая пот со лба. — Ну что, заедем ко мне за бритвой?

— У-гу...

— Поехали... Да, комиссар, сегодня утром Ольга уехала в Могилев...

— Как уехала? — не понял я.

— ...Понимаешь, сестра Вера приехала рано утром вместе с мужем на «Жигулях». Ольге вызов только вчера пришел в медучилище, сегодня у них там какой-то сбор собирают, нужно обязательно быть. Вот Вера срочно с мужем и прикатили за Ольгой.

Обычная история всех учебных заведений: использовать абитуриентов для подготовки помещений к новому учебному году...

Все приобрело в Ромашково с этого момента серый цвет: и зеленые улицы, и просторный деревенский клуб, и околица, и сад у реки...

— Вот, тебе Олька просила передать, — Володька протянул мне вчетверо сложенный листок из обыкновенной школьной тетрадки в линейку. Я развернул листок: «Сережа, тебе все расскажет Володя. Так вот случилось, я уезжаю, не сказав тебе даже «до свидания»... Прости, Сережа, это не моя вина... Но можешь меня сегодня мысленно поздравить — я с сегодняшнего дня тоже студентка! Так что мы с тобой на равных. Жаль только, Сережа, что теперь вы без меня будете слушать на берегу нашей Лещи соловьев... Но я буду всю жизнь вспоминать наши незабываемые ромашковские прогулки. Я думаю, ты мне напишешь? Адрес возьмешь у Володи... Мы еще послушаем вместе песни голосистых наших соловьев и новые смешные рассказы дедушки Матвея. Правда, Сережа? До свидания. Ольга. Пиши, комиссар...»

Горький комок подкатил к моему горлу... Предчувствие, что ли, какое-то? Жизнь... Она состоит из тысяч отдельных эпизодов, плавно и незаметно соединенных Великим режиссером Вселенной в одну большую ленту судьбы. Эпизоды случаются разные, иной раз они бывают такими яркими, как будто произошли только вчера... Ромашково, Ольга... Я считал это не эпизодом, а чем-то большим, незабываемым, и оно должно было быть долгим, вечным... После студенческого отряда, той же осенью я участвовал в межвузовском конкурсе по вычислительной технике и одним из двадцати студентов был зачислен в состав группы стажеров, направляемых Минвузом на стажировку в Болгарию... Затем

была защита диплома, мы что-то писали, что-то уточняли, собеседовали и, наконец уехали в Болгарию...

Еще в институте я получил несколько писем от Ольги. Она писала, что учеба в медучилище ей очень нравится и, наверное, это ее судьба — стать фельдшером. В каждом письме вспоминала о Ромашково, обещала встретиться. Ольга сообщила мне, что Володька вместе с Юркой Килем пошли работать в пожарную часть, открытую в Сельхозтехнике: Володька — шофером, Юрка — просто бойцом. Галка в этом году заканчивает школу, но не знает пока, куда идти учиться. Главное, они с Володькой не могут друг без друга. Передают приветы тебе, комиссар...» Почему-то Галка пишет, что ты должник... А может, мы вместе, Сережа, ее должники?..»

Потом был Будапешт, письма приходили чуть реже, но я по-прежнему с нетерпением ждал заветный конверт. Уже там, в Будапеште, я узнал о трагедии на Чернобыльской АЭС... Через некоторое время я получил письмо от Ольги, в котором она писала, что Володька и Юрка одними из первых участвовали в ликвидации аварии в Чернобыле, что за это их наградили Почетными грамотами МВД и, возможно, даже представят к орденам. В их медучилище тоже готовят группу студентов для оказания помощи в ликвидации аварии...

Потом переписка внезапно прекратилась. Я трижды написал Ольге, ответа не было. Просил ответить сестру, но писем не было...

Время стирает многое... После стажировки в Венгрии меня направили в ГДР, это уже по линии военкомата. Там я год работал в вычислительном центре нашей группы войск... Так случилось, что я все реже и реже бывал дома, и хотя Ольга не ушла из моей жизни, ее молчание, мои переезды отводили прошлое на второй план. Однако я дал себе слово непременно съездить в Могилев... Ты должен съездить, подсказывало сердце, должен...

Я заканчивал работу по заданию Министерства по теме компьютеризации внесения минеральных удобрений на полях республики. Программа была подготовлена группой наших и иностранных специалистов и внедрялась в Могилевской области.

Практически работа была уже сделана, и я объезжал районные управления, чтобы подписывать акты окончания работ. Ночью я приехал из Минска, а утром меня срочно вызвал к себе заместитель председателя облагропрома Петр Васильевич Славенков.

В приемной я доложил о своем прибытии. Темноволосая женщина в строгом сером костюме, взглянув в мою сторону, тут же нажала на кнопку громкоговорящей связи.

— Петр Васильевич, к вам из Минска, из вычислительного центра.

— Просите, — услышал я густой баритон.

— Заходите. Вас ждут, — и улыбнулась чуть подобревшими строгими глазами.

Я вошел в длинный кабинет с традиционной канцелярской мебелью под дуб и диаграммами на стене. Славенков сидел в кресле и разговаривал с кем-то по телефону, постукивая карандашом по столу. Увидев меня, показал рукой на стул. Я сел.

— ...Хорошо, Федор Илларионович, семинар организуем. Начнем, конечно, из хозяйств. Первоначально из Ромашково, как вы говорили. Хозяйство интересное, председатель толковый. Потом посетим местную Сельхозтехнику, ПТУ, тепличный комбинат.

Показать есть что. Хорошо, хорошо, Федор Илларионович. В Ромашково я лично сегодня побываю и вам по приезду доложу... До свидания...

Славенков положил трубку, сделал какие-то пометки в календаре. Подал мне руку, кивнул на телефонный аппарат:

— Замминистра беспокоится... Семинар большой намечается. Кстати, хочет посмотреть в деле вашу компьютерную разработку, насколько она практична у нас. Начнем со Шкловского района, с Ромашково. Интересный там председатель, телок из Голландии сумел привезти, требует вашу компьютерную разработку.

Ромашково... Ромашково... Строительный отряд... Ольга!.. Совпадение это или закономерность? Правильно философы говорят: случайность — это запланированная закономерность.

— Петр Васильевич, когда в Ромашково едете?

— Сегодня.

— А если я вам сяду на хвост?

— Пожалуйста... Только рад буду... И председатель из первых рук о вашей разработке узнает... Собирайтесь.

— Есть.

— Через час заходи ко мне в приемную, и сразу же поедем... По дороге поговорим о том семинаре.

Ровно через час мы сидели в «Волге»... День только еще продвигался к полуденной черте. Была середина июля. Горожане млели под лучами жгучего летнего солнца, у бочек с квасом стояли длинные очереди.

Миновав городскую окраину, «Волга», наконец, вырвалась на широкое шоссе в прохладу придорожных аллей и перелесков. Сразу задышалось по-другому. Свежий поток ветра врезался в открытые окна «Волги»... Славенков снял галстук.

— Хорошо!.. Как не люблю я эти кабинеты. Работал когда-то сам директором совхоза. Вот это было времечко, постоянно на свежем воздухе. А теперь — из кабинета в кабинет, на оттяжку, на протяжку... Ох, уйду я опять когда-нибудь в село, это не по мне... А ты, Сергей Петрович, слышал, заграницы нагляделся...

Так, переводя разговор с одной темы на другую, обсуждая будущий семинар по компьютеризации, мы незаметно свернули в направлении Ромашково. Узкое шоссе бежало мимо небольшого березового перелеска, двухрядковой липовой аллеи. Прошло уже пять лет, как я побывал здесь со строительным отрядом, кажется, ничего здесь особенно не изменилось, разве только эта дорога, которая раньше была грунтовой, а теперь заасфальтирована.

Сердце мое учащенно стучало... Снова оживало воспоминание об Ольге.

«Волга» остановилась у конторы, находившейся прямо у въезда в Ромашково. Стрелки часов приближались к шестнадцати. Возле конторы было пусто, стоял только один темно-зеленый газик и видавшая виды, запылившаяся доверху серая «Волга».

— Ну, значит, начальство на месте, — вылезая из машины и разминаясь, сказал Петр Васильевич и показал на серую «Волгу». — Значит так, Сергей Петрович, встречаемся здесь. Можешь не спешить, разговор у нас с председателем будет большой... Поговорим и о компьютеризации. Кстати, помощь тебе какая не нужна? Можем председателя озадачить в нужном направлении. Если нужен транспорт, то мою машину возьми...

— Спасибо, Петр Васильевич...

— Значит, встречаемся здесь. — Петр Васильевич молодцевато взбежал по бетонным ступенькам двухэтажной конторы, хорошо знакомой мне еще по студенческому отряду.

Я вылез из «Волги», размышляя, с чего начать. Надо, наверное, сначала пойти к дому, где жил Володька... Внезапно открылась дверца серой «Волги», и из нее вышла девушка в джинсовом костюме, с каштановыми, перетянутыми темной лентой волосами. Что-то знакомое почудилось в ее фигуре.

— Сережа? — девушка ступила мне навстречу. Знакомая ямочка, черные глаза под ровными аккуратными дужками бровей.

— Галка?!

Я бросился навстречу девушке, обнял ее за плечи.

— Здравствуй, Галка!..

— Здравствуй, Сережа...

— Как? Откуда ты... я только хотел пойти к Володькиному дому...

— А ты? Как здесь оказался?..

— Да вот, командировка... Потом расскажу... А где Володька?.. Где Ольга?

Галка осторожно сняла мои руки с плеч, посмотрела в глаза.

— Сережа, подожди, я сейчас...

Она быстрым шагом поднялась на крыльцо, скрылась в здании конторы. Я стоял удивленный, весь под впечатлением этой неожиданной встречи.

Минуты через три Галка вернулась, достала из бокового кармана джинсовой куртки ключи. Открыла дверцы серой «Волги».

— Садись, — она показала мне на противоположную дверцу.

— А это как понимать? — улыбнулся я, усаживаясь на сиденье. — Собственная, что ли?

— Что ты, Сережа, — улыбнулась Галка краешком губ и завела мотор. — До собственной мне еще далеко. Шофер я, Сережка, вот так. Председателя колхоза вожу.

— Ты? Н-да! — воскликнул я. — Чувствуется Володькина школа... А Володька что, в пожарке работает?

— Сейчас, сейчас, Сережа...

Машина рванула с места. Ехали по старой знакомой улице Ромашково. Здесь многое изменилось. Не было запыленных заборов и деревьев, кругом лежал асфальт. Заборы были выкрашены в одинаковый цвет, голубой с желтыми полосками...

Машина, повернув к околице, уменьшила скорость. Я с любопытством рассматривал силуэты домов.

Мы ехали уже мимо Володькиного дома. «Почему она не останавливается?» — подумал я, но промолчал. Дальше пошла грунтовая дорога. Показался колхозный сад...

— Галка, а дедушка Матвей по-прежнему сторожит сад? — показал я в сторону сада.

— Да нет. Теперь у нас сад не сторожат. У всех своих яблок хватает, некуда девать.

Миновав сад, машина резко повернула вправо. Здесь я никогда раньше не бывал... Еще небольшой поворот, и перед нами внезапно на пригорке показались высокие деревья. Синяя ограда... «Кладбище, что ли?» — удивленно взглянул я на Галку.

В это время машина резко затормозила... Галка неподвижно сидела, обхватив руль обеими руками и отрешенно глядя через лобовое стекло.

— ...Я знаю, Оля тебе не написала... Никто тебе не напишет, — голос ее был глухой, словно чужой. — Это случилось в восемьдесят шестом году, когда взорвался реактор в Чернобыле... Володька с Юркой служили уже больше года в пожарной части. В ту ночь их пожарную часть одну из первых отправили на ликвидацию аварии. Вспышки на четвертом реакторе продолжались еще долго, и пожарные их постоянно гасили... Через три месяца после возвращения из Чернобыля сначала заболел Юрка, следом Володька. Стала кружиться голова, появилась слабость в теле. За неделю до Володькиного отъезда в Чернобыль мы подали заявление в ЗАГС... Ребят срочно забрали в госпиталь, сначала в Минск, потом отправили в Москву. Их было всего пять человек из нашей части... За ребятами нужно было, несмотря на все госпитальные условия, кому-то ухаживать. Я хотела поехать, но тут внезапно заболела мама, конечно, все хозяйство легло на мои плечи, да и за братишками нужно было смотреть.

Оля уже заканчивала второй курс училища, досрочно сдала экзамены и поехала в Москву... Все как бы правильно... Ребят уже наградили орденами... В Москве профессора оказались бессильны... Сначала умер Володька, через месяц Юрка... Но еще не вся беда... Заболели и те, кто был рядом с ними... Говорят, ребята уже сами были как реакторы. Там, в Москве, Олю положили в больницу...

Может, сказалось и то, что она с группой девчат из училища ездила тоже в то лето в Чернобыль. Говорят, умерли уже трое человек, ухаживавших за больными... Ольгу хоронили через полгода после ребят... Всех их привезли сюда...

Мы стояли среди огромного колосящегося зеленого моря, на краю которого выпечатывались молчаливые контуры деревни. Стояла безветренная, тихая погода... Природа как бы замерла от нахлынувшей внезапной печали. Казалось, не бились даже сердца. Было еще светло, но на востоке возле самого горизонта пробивался бледный диск далекой луны. Совсем рядом вскрикнула одинокая перепелка…

ЕЛЕНА КРИКЛИВЕЦ

Не спеши уходить

* * *

Малыш отпускает воздушный шарик
и, жмурясь, с улыбкой глядит на солнце.
Он словно задачку в уме решает:
когда это чудо к нему вернется?

Так я отпускаю твои ладони,
скрывая тоску, как письмо в комоде.
Смотрю, опираясь на подоконник,
как ты через двор в тополя уходишь.

Так мать отпускает дитя в дорогу,
и крестит, глаза утерев украдкой,
и в церковь идет помолиться Богу,
надежду согреть огоньком лампадки.

...Защиплет глаза от стального света,
и хлынут слезинки, как дождик в мае.
Он вместо заветной упругой ленты
уйдет, пустоту в кулачке сжимая.

* * *

Заалеет закат,
тихо звякнет ведерко в колодце,
глухо скрипнет скелет
заколоченных дедом дверей.
На вечерней заре,
как всегда, начинает колоться
ворох прожитых лет,
что судьбе отдавались за так.

А вокруг — ни души.
Только серая пыль огородов,
на которых весной
густо всходят крапива да сныть.

Не спеши уходить,
не запомнив обратной дороги:
по земле за тобой
твое прошлое змейкой скользит.

Этот пасмурный век
заметает забытые тропки,
и в колодце вода
неизбывной полынью горчит.
Разлетятся грачи,
но в попытке — безумной и робкой —
ты вернешься сюда,
чтобы вспомнить, что ты человек.

* * *

Свеча погасла на ветру...
И мы, другой судьбы не зная,
за годом год, за кругом круг
по жизни как во сне блуждаем.

Бредем по горькому пути,
не просветленные доныне.
И наше робкое «Прости...»
дрожит, как муха в паутине.

С тяжелым вздохом на устах
советам следуем избитым.
И нет ответа в небесах
на запоздалые молитвы.

И не очнуться ото сна,
не отыскать пути иного.
Такая всюду тишина,
что, кажется, не слышно Слова...

* * *

Я ухожу из осени твоей,
как в юности из дома уходила:
в ней горечь почерневших тополей,
скрипящих, будто мачты без ветрила.

Так птицы вылетают из гнезда,
поднявшись на крыло звенящей ранью.
Там, в небесах, еще горит звезда,
и тает на глазах, и душу ранит.

Наверное, могла бы быть другой
твоя ветрами порванная осень,
но память тащит годы за собой,
как женщина тяжелую авоську...

Ноябрь замаячит вдалеке,
пройдут дожди, и, если разобраться,
моя рука лежит в его руке.
Все остальное — смена декораций.

* * *

Эту возможность —
когда позовут —
кто-то лукавый подбросит незримо:
переписать, как плохую главу,
переиграть без костюмов и грима.

Под привокзальные крики ворон
ты, прихватив чемодан толстощекий,
просто садишься в последний вагон
и возвращаешься в точку отсчета:
в мудрость, где нет поседевших волос,
в юность, не знавшую долгих сомнений,
в детство, где не было маминых слез
и синяков на разбитых коленях.

...В кассе мигнет электрический свет...
Перебирая рассеянно сдачу,
выброшу в урну обратный билет,
не понимая, смеюсь или плачу.

ВАСИЛИЙ РУДОЙ

Лосиные скачки

Рассказ

Виталий давно проснулся, лежал в полудреме и поневоле вслушивался в звуки утренней деревенской суеты. Вот возмущенно загоготал гусак, видимо, мать кормит домашних птиц, и они не могут поделить между собой корм. Затем послышались три глухих удара из хлева. Это трехлетний красавец жеребец Малыш бьет копытом в дверь, требуя, чтобы его побыстрее выпустили на луг. Следом ворчливо залаял дворовый пес Лорд. Значит, кто-то посторонний с утра пораньше заглянул в гости.

Вставать Виталий не торопился, ведь он только вчера к вечеру добрался с далекой Камчатки в отпуск к матери в небольшую белорусскую деревеньку. В первые дни отпуска он мечтал отоспаться и сбросить с плеч груз трудной военно-морской службы.

Календарь отсчитывал первую декаду ноября, и утренние заморозки уже обильно серебрили инеем еще зеленую траву, однако Виталий упросил мать застелить кровать в летней веранде, выходящей в сад. Эта милая деревенская пристройка к дому была дорога ему воспоминаниями о славных школьных годах. С ранней весны и до поздней осени они спали здесь со старшим братом. Это позволяло им допоздна гулять с друзьями и девушками и возвращаться домой незамеченными.

Сладкие воспоминания морского офицера прервались стуком в дверь. Извиняющийся родной голос матери произнес:

— Сынок, доброе утро! К тебе пришли. Я не хотела тебя будить, но человек сказал, что дело серьезное и срочное.

Ранним гостем оказался давний знакомый подводника охотовед местного лесхоза Николай.

— Виталий Иванович, доброе утро и с приездом. Вот пришел пригласить вас сегодня на охоту, — смущенно произнес охотовед.

— Здорово, Николай! Рад видеть тебя в полном здравии. Какая может быть охота в первый день отпуска? Да я и ружье на Камчатке оставил...

— А ружье-то как раз и не обязательно.

— Не понял?

— У вас отличная кинокамера, — поспешил объясниться гость.

— Понятно. Охотники стреляли по уткам, а на выстрелы сбежались любопытные лоси и кабаны?

— Нет, браконьеры тут ни при чем. Просто случай особый и требует вашей помощи.

Николай торопливо изложил суть проблемы. Неожиданно вчера вечером в лесхоз приехал большой чиновник из министерства и хочет добыть коллекционный трофей, лося или кабана. Притом он попросил найти хорошего местного фотографа, который сумел бы качественно запечатлеть его с трофеем на фото. Кроме того, министерский начальник в юности служил на флоте и любит всем

часами об этом рассказывать. Поэтому лучше Виталия собеседником и фотографом для высокопоставленного чиновника никто не может быть. Ведь такого гостя нужно встретить по высшему разряду.

«Да, важно не событие, а наше отношение к нему», — подумал офицер, а вслух добавил:

— И вот опять нет повода не выпить.

— Об этом не беспокойтесь, — засуетился охотовед, — мы уже приготовили хлебный самогон, да и закуска будет классная, начиная от пальцем пиханой охотничьей колбасы. Директор лесхоза лично просит вас оказать помощь в этом важном деле.

— Да, свое дело — самое важное, хотя океан не пренебрегает и малыми реками, — задумчиво вымолвил подводник и начал быстро собираться.

* * *

Через полчаса ГАЗ с полным кузовом охотников уже мчался в сторону лесных угодий. За ним следовал легковой уазик директора лесхоза, в котором кроме хозяина автомобиля находились гость из министерства, Внталий и охотовед.

Высокопоставленный чиновник представился подводнику:

— Иван Александрович. А на охоте прошу меня называть Ван Санычем, так величают меня близкие и друзья.

Вначале министерский гость расспросил офицера об особенностях службы на атомных подводных лодках и вспомнил отдельные эпизоды из своей матросской юности. Затем разговор перешел на охотничьи темы.

Ван Саныч рассказал пассажирам машины причину своего неожиданного приезда на охоту. Недавно, на высокопоставленном рауте, его коллега из соседнего министерства хвастался поездкой в Африку на сафари и демонстрировал фото, где он запечатлен в тропическом охотничьем костюме рядом с убитой им зеброй.

— Подумаешь, лошадь подстрелил, пусть даже и полосатую. Это же не лев или хотя бы носорог, — возмущался гость.

Однако глава министерства, просмотрев фотоснимки сафари, задал вопрос Ван Санычу: когда же его ведомство сможет продемонстрировать фотографии своих национальных охотничьих трофеев? За этим он сюда, и приехал.

По приезду в лесные угодья с охотниками провели инструктаж по технике безопасности. Завершающее слово сказал Иван Александрович:

— Ружья заряжать только после расстановки охотников на номера. Стрелять в ясно видимую цель, и чтобы никаких случайностей...

— Случайно в цель попадают только сперматозоиды, — высказался из строя охотников чей-то густой хриплый бас, и все рассмеялись.

— Ну, с богом! — подытожил инструктаж директор лесхоза, и охота началась.

* * *

Игорь поставил министерского гостя на самый удачный номер. Виталий расположился с фотокамерой неподалеку от него, присел на пенек и невольно залюбовался до боли знакомой с детства родной белорусской

природой. Это был ландшафт, где холмы, покрытые хвойным лесом, резко переходили в болотистую низину с редким березняком. Верхние части холмов украшали многолетние высокие стройные сосны. Ближе к низине стояли разлапистые ели и одинокие белокурые березы. А ближе к болоту мельтешили тоненькие березки, изредка перемешиваясь с осиной и ольхой. Мягкий упругий мох-сфагнум под ногами напоминал пышный персидский ковер, и на него как-то неудобно и страшно было ставить ногу в грубом резиновом охотничьем сапоге. Местами, у края болотины, на купинах выделялись темно-рубиновые бусины клюквы.

Осматриваясь вокруг, морской офицер начал замечать невидимые с первого взгляда следы обитания здешних лесных жителей. Совсем рядом с пнем, где расположился Виталий, насыпана приличная кучка крупного серо-коричневого горошка, почему-то напомнившего подводнику любимые конфеты детства «бон-бон». Значит, здесь прогуливался лесной великан лось. Подальше, под высокой старой елью, россыпь шелушек от еловых шишек. Ими лакомилась белочка. Слева стоит сухой ствол дерева без веток. В нем выдолблено множество круглых и овальных дырок. Это дятел добывал себе на пропитание жирных белых короедов.

«Господи! — подумал подводник, — где я только не побывал, но везде все не так. Хорош Крайний Север с его голыми сопками, мхом, валунами и северным сиянием. Красива дикая Камчатка с вулканами, гейзерами, бешено идущей в реках на нерест красной рыбой и безбрежным величественным Тихим океаном. Прекрасно Приморье, где удивительным образом сталкиваются природа средней полосы и субтропики. Там растут рядом кедры и березы, ели и бамбук, дубы и сакура. А чего только стоит одно из красивейших морей земного шара — Японское море, с его зеленовато-бирюзовой водой, скалистыми берегами, огромными песчаными пляжами, дельфинами, трепангами, гребешками, мидиями, креветками... Это все изумительно красиво, но ведь только здесь моя душа трепещет и поет...»

На этом приятные рассуждения Виталия прервались из-за приближающихся голосов загонщиков и лая охотничьих собак. Вынужденный фотограф встрепенулся и начал наблюдать за объектом фотосессии.

Ван Саныч в это время напряженно всматривался в глубь загона, откуда в любой момент мог появиться зверь. Да и чем черт не шутит, в этих местах могут водиться не только лоси и кабаны, а волки и даже медведи.

Внезапно где-то сзади послышался шелест листвы и подмороженной с утра травы. Охотник резко развернулся и увидел в нескольких шагах от себя крупного зайца-русака. Тот тоже только сейчас узрел человека и оторопел от неожиданности. Еще не приняв никакого решения, Иван Александрович кожей спины почувствовал чей-то тяжелый пристальный взгляд. Он снова резко обернулся в сторону загона и замер.

Метрах в тридцати от него стояли лосиха с сеголетком-лосенком и огромный лось-рогач. Все трое внимательно наблюдали за охотником. А тот вскинул трясущимися руками ружье, как мог прицелился в рогача и нажал сразу оба спусковых крючка. Раздались два сухих... щелчка.

«Двойная осечка!» — пронеслась молнией догадка в мозгу охотника.

Министерский начальник резко переломил затвор ружья и, к своему огромному удивлению, обнаружил, что патронов в стволах нет.

«Надо что-то делать! Заряжать двустволку поздно, а что же тогда?» — хаотически соображал незадачливый охотник.

А троица лосей спокойно продолжала наблюдать за непонятным и бестолковым дерганием человечка. И тогда Ван Саныч неожиданно для самого себя заорал тонким фальцетом:

— Лоси! Лоси!

Парнокопытные резко рванули с места и, слыша за спиной лай собак, понеслись в сторону горе-охотника.

«Я полный идиот! Может быть, эти лоси кем-то приучены и подумали, что я зову их к себе?» — мелькнула сумасшедшая мысль в голове Ивана Александровича.

И здесь сработал природный инстинкт самосохранения, и охотник, бросив ружье, в два прыжка оказался за стволом толстой сосны.

Ван Саныч на всю жизнь запомнил запахи проскочивших совсем рядом диких животных. От лосихи и лосенка пахнуло чем-то совсем домашним, коровьим, а вот от лося пахло резким, мужским и угрожающим.

Отойдя от испуга и постепенно уняв внутреннюю дрожь, чиновник робко спросил у подводника:

— Вы это все засняли?

— Лосей сфотографировал, а вот вы как-то оказались за кадром.

Ван Саныч облегченно вздохнул и молча пожал руку офицеру.

Вскоре загонщики вышли на линию номеров и начали спрашивать друг у друга, почему никто не стрелял по лосям.

Один из бывалых охотников спросил:

— А какой дурак орал визгливым голосом «Лоси! Лоси!»?

Чтобы разрядить обстановку и исключить «глупые» вопросы, директор лесхоза объяснил:

— Лоси вышли на номер нашего дорогого гостя, но когда они были доступны для выстрела, лосенок в беге закрывал собой самца. Поэтому, проявив благородство, Ван Саныч стрелять не стал.

Охотники молча понимающе закивали головами. Директор лесхоза, потирая руки, тут же спросил:

— А не пора ли нам перекусить?

Все удовлетворенно загудели, а высокий министерский гость утвердительно произнес:

— Да и глаз повострить уже нужно.

Эта долгожданная фраза нашла горячий отклик в охотничьем коллективе, так как каждый из охотников прихватил из дому «на всякий случай» по бутылке водки или самогона. Достал из автомобиля звякающе-булькающий рюкзак и охотовед.

Первый тост, конечно же, был посвящен охотничьему благородству.

* * *

После обеда настроение у охотников явно повысилось и охота продолжилась. Ван Саныча опять поставили на самый многообещающий номер и на всякий случай назначили к нему дублера Вовку из местных охотников. Министерский гость этому возражать не стал, но удивился, что у дублера была старенькая одностволка шестнадцатого калибра и отсутствовал патронташ. Директор лесхоза пояснил, что Вовка берет на охоту всего два патрона и промахов у него никогда не бывает.

Действительно, дублер чиновника был из старинной охотничьей династии. Его дед всегда ходил на охоту только с одним патроном, про-

махов не допускал и говаривал: «Охота — не война, промазал — иди домой».

Вовка пошел в деда и имел непререкаемый авторитет лучшего стрелка. Правда, прошлой зимой с ним произошел казус, подмочивший его репутацию.

Егери обложили флажками большую стаю волков и сразу оповестили охотников близлежащих деревень, чтобы срочно прибыли на облаву. Вовка схватил ружье, навязал на цепь своего любимого гончака Балуна, чтобы тот не помешал ему принять участие в облаве, и отправился на охоту.

Вовкиной жене, вернувшейся с работы, надоел надрывный лай Балуна, рвавшегося с цепи, и она спустила собаку, ничего не зная об облаве на волков. Радостный гончак рванул по следу хозяина.

Вовка выбрал удачное место для номера, зарядил крупной картечью свою «берданку», как он ласково называл свое старенькое надежное ружье, и затаился. Через несколько минут далеко в загоне мелькнули два серых силуэта.

«Хитрые, гады, все видят и чуют», — подумал охотник и медленно присел на корточки.

Время тянулось нескончаемо долго, ноги затекли, а зверь на номер не шел. «Видимо, удача сегодня подвернется не мне», — решил Вовка, но тут же сзади, за спиной послышались глухие прыжки зверя и его тяжелое дыхание.

«Как же этот гад сумел обойти меня сзади?» — успел подумать охотник и начал разворачиваться с ружьем на изготовку.

Но могучие лапы зверя уже легли ему на плечи и в лицо пахнуло горячим и вонючим... Продолжая разворачиваться назад, Вовка боковым зрением с удивлением узнал радостную морду своего любимого пса Балуна, но остановить процесс заполнения любимых брезентовых штанов содержимым своего кишечника уже не мог... Как говорят, коль решил наделать, так уж по-большому.

* * *

Новый загон понравился Ивану Александровичу и своим ландшафтом, и местом расположения номера. Немного сзади и слева от него присел на пенек дублер, положив одностволку на колени.

На этот раз долго ждать зверя не пришлось. Метрах в восьмидесяти показался крупный лось-рогач, бежавший спокойной рысцой влево относительно места номера.

Ван Саныч решил все сделать спокойно, по классике, но — не получилось. Охотничий азарт вспенил кровь и вселил мелкую дрожь в его тело. Он торопливо прицелился и дважды выстрелил. Лось резко увеличил скорость бега. Только промахнувшись во второй раз, можно понять, попал ты или не попал!

— Рано пальнули, — раздался за спиной министерского гостя спокойный ровный голос Вовки, через пару секунд грохнул выстрел.

У лося мгновенно подкосились передние ноги, и он рухнул на землю. Выстрел оказался снайперским. Под левым рогом зверя зияла рана. Один из охотников хотел сделать контрольный выстрел или перерезать горло лосю ножом, но ему сделать этого не дали.

— Но ведь зверь, может, только оглушен, — возмутился бывалый охотник.

Его мнение поддержал одобрительный гул большинства охотников.

— Отставить! — вмешался директор лесхоза. — Нам нужно сфотографировать высокого гостя у трофея, с вашими дострелами лось будет выглядеть так, словно его изрешетили из пулемета.

А уж если кипит спор, то истина испаряется.

* * *

Ван Саныча сфотографировали в различных позах у поверженного зверя. Затем охотовед подсказал, что очень выигрышно смотрелось бы фото, если бы высокий гость сел на лося, держа его за шикарные развесистые рога. Всем эта идея показалась великолепной, только у бывалого охотника промелькнула осторожная мысль:

— Если долго тужиться, голова закружится.

А Ван Саныч уже обжимал ногами шею лося и на один из отростков левого рога надел свой эксклюзивный ремень американского рейнджера, который подарили ему сослуживцы к недавнему юбилею. Ружье охотник повесил спереди на шею.

При виде того, с каким восторгом и завистью смотрят на него местные охотники, Ивану Александровичу пришла в голову великолепная мысль, что было бы неплохо разместить такой снимок на глянцевой обложке мужского журнала «Медведь». Тогда бы его коллега из соседнего министерства сгнил бы от зависти, ведь сохатый — это не безобидная полосатая лошадка. Мечты мечтами, а жизнь — это сложный эксперимент, конечный результат которого непредсказуем.

Пока шла эта необычная фотосессия, навязанные охотничьи собаки сходили с ума от желания броситься к лежащему лосю. Все тот же бывалый охотник опять выразил сомнение в правильности происходящего:

— Странно, так собаки лают только на живого зверя...

Остальные же охотники были увлечены рабским стремлением ублажить высокого начальника.

Фотографируя Ван Саныча, гордо и чопорно восседавшего на поверженном лосе, Виталий невольно задумался о жгучей несправедливости того, что здесь происходит. Этот прекрасный лесной исполин-рогач убит по прихоти какого-то толстопузого человечка, почему-то напоминающего подводнику блоху, сидящую на чистокровном породистом королевском пуделе. Виталию казалось, что широко открытые влажные глаза лося смотрели именно на него. Они выражали прямой укор и обиду и казались совсем живыми.

«Ах, как было бы здорово, если бы этот лесной красавец мог бы сейчас вскочить и убежать в свою природную обитель от злых обидчиков», — подумал подводник и прошептал про себя:

— Господи, сотвори чудо! Я обещаю больше никогда ни на кого не охотиться.

И в это время одна лайка сорвалась с поводка, пулей подлетела к лосю и впилась зубами в особо охраняемый всем мужским родом орган.

Далее события начали развиваться вопреки всякому здравому смыслу. Лось вздрогнул, взревел по-бычьи и вскочил на ноги. При этом седок перелетел с шеи на холку лося. Голова зверя запрокинулась вверх, так как на его левом роге висел на прочном рейнджерском ремне тучный охотник.

На несколько мгновений все вокруг замерло, словно в стоп-кадре. Как говорят, не стоит беспокоить того, кто хорошо уселся. В идеальной тишине

охотники отчетливо услышали хриплый шепот первого в истории нашей цивилизации человека, попытавшегося приучить лося к верховой езде:

— Спаассииттее...

— Стреляй! — заорали хором сразу несколько возбужденных глоток.

Кто-то из охотников машинально нажал на спусковой крючок ружья, грохнул выстрел.

Лось сделал свечу и понесся в сторону ближайшего густого кустарника, унося на спине визжащего от страха незадачливого ездока.

— Не стрелять! Человека убьете, вашу мать... — взревел диким голосом директор лесхоза.

Не сговариваясь, охотники бросились вдогонку. Кроме собак, все бежали молча. У каждого из охотников прокручивался в голове возможный вариант спасения от верной гибели высокого начальника. Стрелять нельзя. Догнать лося невозможно. Что делать?!

* * *

Лось старался бежать по густому кустарнику, чтобы собакам было труднее его преследовать. У зверя страшно болела голова, а смотреть вперед мешал висевший на роге человек. Заскочив на участок леса с толстыми соснами, рогач начал мотать головой, пытаясь сбросить с себя непрошеного седока. Тот от удара об очередное дерево громко завизжал, и от него стало вонять чем-то неприятным. Наконец сохатый решил пробежать между двумя близко стоящими соснами. Он ударился одним рогом о дерево, его резко развернуло, и охотник, описав сложную траекторию, грохнулся на землю.

У лося сразу взыграло чувство мести, и он двинулся в сторону поверженного обидчика, но тут же остановился от удивления. Это был не тот человек, который стрелял в него. Во-первых, на нем не было зелено-пятнистой шкуры, в которой люди обычно бродят по лесу. Во-вторых, он не кричал, а по-собачьи скулил. И в-третьих, от этого человечка уж больно плохо пахло. Природное благородство заставило сохатого успокоиться. Он гордо выпрямился, встряхнул холкой, натертой странным ездоком, фыркнул широкими ноздрями и не спеша направился в сторону непроходимого болота.

Лесной исполин опять чувствовал себя хозяином леса.

* * *

Ван Саныча обнаружили километра через полтора от линии старта лосиных скачек. Одежды на нем почти не было. Все тело было посечено суками и ветками деревьев. В руках он крепко держал порванный ремень американского рейнджера. Рядом валялось ружье с погнутыми стволами и расщепленным прикладом.

— Как ваше самочувствие? — робко спросил лихого наездника директор лесхоза.

— Словно меня сейчас пропустили через мясорубку, — дрожащим голосом ответил Ван Саныч и тихо добавил: — Не надо мне никаких фотографий.

Все свидетели дикой лосиной скачки с искренним сочувствием смотрели на голого побитого чиновника. А мудрый бывалый охотник пробормотал про себя:

— Не в свое седло не садись...

Поэтическая мозаика

НАДЕЖДА СОЛОДКАЯ

Помоги!

Вера моя не кричит и не рвется
В страстном желании быть напоказ.
Я принимаю все то, что дается —
Трудное, горькое, жизнь без прикрас.

Верую, Господи, Ты не оставишь
В силе своей и захочешь понять —
Остережешь, остановишь, направишь,
Но научи меня слышать-внимать.

Не понимаю, не знаю, не вижу...
Смутно в душе, равновесия нет...
В бездну ль меня неуверенность движет...
Не различаю, где мрак, а где свет...

Неисполнимость и предначертанье,
Разум с желанием время догнать
В схватке сошлись... Ох, уж это шатанье!
Ты помоги не мое мне не взять!

Голос ли, сон ли предчувствием правят?
Я растерялась, не зная, как быть.
Кто-то под сердцем свернулся и давит...
Не остуди... И не дай мне завыть

Воем волчицы, больной и голодной.
Правда, в тех звуках есть сила своя.
Это познав, я хочу быть свободной.
Плечи сутуля, вопросы стоят.

Щепотка

Познав любовь, пройдя свою дорогу
Длиной в разлуку с сущностью иной,
Смотрю в себя придирчиво и строго:
Я чем останусь в памяти земной?

Я разумом как будто понимаю...
И сердцем не приемлю пустоты...
Ах, первый поцелуй в расцвете мая,
Подаренные первые цветы!

Пугает не уход, а бесполезность,
Беспомощность никчемная страшит,
Телесная, душевная болезность,
Где каждый миг прощанием прошит.

Из пригоршни щепотка лишь осталась,
Но как сладка и драгоценна как
Вот эта отрезвляющая малость —
Конечной предначертанности знак!..

* * *

Серый чертик выскочил из тучки —
Озорной, сияющий в ночи.
Он смотрел в прозрачное беззвучье
И ногами весело сучил.

Лунный серпик, как чертенок резвый,
Покачнулся в сторону мою.
Тороплюсь походкою нетрезвой
В пору ту, где я еще люблю.

Пригубила лунного настоя
И себя так трудно удержать...
Вот оно — великое простое
Восстает из времени дрожа.

Не по размеру...

Я принимаю все, как есть,
Мне этот мир любой — подарок,
Благая ли, дурная весть,
Горчит или не в меру сладок.

И мне не важно, кто есть кто —
У каждого в шкафу скелеты...
Не мне судить за то и то...
Я и сама в рванье одета.

Судейской мантии простор
Любому здесь не по размеру,
И бесполезен вечный спор
О меде, горечи и мере...

МАИНА БОБОРИКО

Старьевщик

— Беру тряпье и старые калоши,
Кастрюли, что устали вам служить.
Взамен плачу деньгами. Хоть и гроши —
Но и без них на свете не прожить.

Старьевщик все берет, почти не глядя,
Запихивает в латаный мешок,
Вздыхает тяжко, будто он внакладе
И выгоды не видит на вершок.

Здесь нет ни нищего, ни важной знати,
Лишь запах прелости улавливает нос,
Сюртук чиновника, торговки платье,
Обнявшись, шепчутся под лязг колес.

И лошаденка топчется лениво,
Хоть ею сено не заслужено пока,
А кнут старьевщика свистяще и игриво
Охаживает впалые бока.

Чтоб хлеб добыть путями неизбитыми
И шубку новую молоденькой жене,
Наш Песковатик месится копытами,
Как тесто у хозяина в квашне.

Несут тряпье молодки и бабульки
Под лай собак встревоженных дворов,
И дар старьевщика — веселые свистульки —
Свой голос вскинули над крышами домов.

Прядет лошадка чуткими ушами,
Подслушивая глиняных певцов…
Здесь век ушедший был окликнут нами,
Чтоб снова заглянуть в его лицо.

Стихи и картошка

На примусе разбулькалась картошка,
Под серой пеной доживая срок.
А примус пел, как самолетик-крошка,
Пытаясь улететь под потолок.

У тети Моти рыба на пару,
А у Катюши парились тефтели,
И новости, созревшие к утру,
От керогаза к примусу летели.

Она явилась, как всегда с котом,
Наследница Мольера и Шекспира,
В мир коммуналки нашей, и притом,
Как будто из совсем другого мира.

Свои стихи читала нараспев,
Снимая пену оловянной ложкой,
И образы прекрасных юных дев
Маячили из пара над картошкой.

Как будто с ними в юность уплыла
От всех проблем растрепанного быта,
И зазвучали вдруг колокола
В душе моей, прекрасному открытой.

Но примус смолк, как смолкли и стихи,
А шелест трав, сорвавшийся с порожка,
Провозгласил братание стихий:
Поэзии и пара над картошкой.

Овны

Весна перелетною легкою птицей
Клюет обессиленный снег у дороги,
И крыльями бьет, и сбивает иглицы
Дрожащих на ветках сосулек убогих.

И спрятала белую шаль завируха
От теплого взгляда прозревшего солнца,

И заперла дверь, как скупая старуха,
В тиши усмиряя свои веретенца.

Весна прозревает, звучат ее горны,
И реки вскипают фантазией пенной.
И мы восклицаем: — Да здравствуют Овны,
Упрямые, дерзкие дети Вселенной!

НИНА ДАВЫДЕНКО

Осень

Пила дождливое вино,
Потом играла в казино
И на поблекшее сукно
Деньжата, не скупясь, бросала:

Сначала — золото берез,
Потом — как кстати долг принес
Красавец-тополь серебристый —
И «красненькие» — кленов листья,

И медяки осин — на ставки.
Ей не везло, она устала...
Крупье невозмутимый — ветер —
Сгребал к себе монеты эти.

Отдав последние одежды,
Ушла понуро, без надежды...

Фронтовое танго

Мы танго танцевали на привалах,
Во время передышек фронтовых,
И многих с той поры уже не стало,
Но я их вижу словно бы живых.

Мы танго танцевали в медсанбатах,
В повязках из бинтов, уж кто как мог,
И медсестричек белые халаты —
Средь осторожно движущихся ног.

Вот время подошло — седой я стала,
Но память воскрешает те года,
Когда святая юность танцевала
И что не повторится никогда.

Мечты

Испить бы неба синеву,
Увидеть сказку наяву,
Примять ромашку на лугу,
Поймать дождинку на бегу.

Присесть у быстрого ручья,
Спросить пичужку: «А ты чья?»
Рулады слушать соловья
В тиши, дыханье затая.

И белку покормить с руки,
Бродить на зорьке у реки,
Уплыть куда-то невзначай:
— Качай, волна, меня, качай!

И солнышко поймать в ладонь,
И только добрый видеть сон.
Над морем чайкой пронестись
Иль мчаться в самолете ввысь.

Забыть, что ты уже не ты,
И все желания — мечты:
Боюсь воды, боюсь огня —
Так жизнь изранила меня.

А юность повторяется!

Кружится, кружится наша Земля,
С ней откружила и юность моя.
...Дочери стали потом подрастать —
Жизнь подарила мне юность опять.

Внучка росла — и в намеченный срок
Юность пришла к ней из дальних дорог.
Мне показалось: как утром Земля,
Вновь молодею. И юность — моя!

Счастлива я, трижды юность познав.
Но наступает зима, ледостав.
Чуточку грустно: уже без меня
Будет четвертая юность моя...

* * *

К финалу жизни главное случилось:
В ладу с собою жить я научилась.

ТАМАРА ТОЛКАЧЕВА

* * *

Я шагаю по дороге,
Проходя за милей милю,
В дождь, в любую непогоду,
Даже ночью иногда.
Груз солидный за плечами…
В рюкзаке все уместилось:
Солнца лучик, лес и горы,
Небо, звезды и вода.

В рюкзаке моем рассветы,
В рюкзаке моем закаты,
Годы юности и тут же
Годы детства моего,

Горстка радости, конечно,
И любовь, и капля счастья,
И один глоток надежды —
Про запас держу его.

* * *

С небес упала звездочка.
Сверкая,
Кому-то крикнула:
«Лечу, лови!»

И вдруг в тиши
(Мадонна пресвятая!)
Послышалась
мелодия любви.

Запела скрипка нежно,
вдохновенно,
Едва коснулся струн ее
смычок…
То на земле
играл самозабвенно
Влюбленный в звездочку
застенчивый сверчок.

ЕКАТЕРИНА СОСНА

Прощенье

В глазах — растерянность, смятенье,
Но мозг рассудком наделен.
Встает мужчина на колено,
Встает пред женщиною он.

Впервой склонясь не для моленья,
А за поступок немужской,
Он ищет в женщине прощенья,
Качнув пред ней седым виском.

Она ж ему шепнула: «Милый,
Ты всех наград дороже мне!..»
О, женский мир! Какая сила
Мужчин за все прощать уметь!

ВИКТОР УЛЮТЕНКО

Три рассказа

Опаленное детство

Когда началась война, мне было двенадцать лет. Тот роковой день я не забуду никогда. Мы, деревенские мальчишки, как всегда играли «в Чапаева», таскали за собой выструганный из дерева «максим» и рубили врагов деревянными саблями. А ближе к обеду меня позвала мать: «Беда у нас, сыночек, война началась, из сельсовета сообщили. Ты поезжай на лошади в райбольницу в Черново да папку нашего привези». Отец был уже четвертый день в больнице, болел воспалением легких. В душе я, конечно, обрадовался: первый раз в жизни мне такое дело доверили — из больницы папку привезти, да еще из Черново, что в пятнадцати километрах от нашего села. Ну, а что касается войны, так эта новость у нас, подростков, вызвала только азарт. Мне уже виделось, как наша Красная Армия громит фашистов, и мечтал побывать в первом настоящем бою.

Запрягли мы с мамкой нашего Буланчика, положил я на телегу соломы, попону расстелил, а мамка отцовское пальто подает: «Скажи отцу, чтобы обязательно на плечи накинул, а то больно ветер холодный». В Черново я приехал быстро, закатил в больничный двор, а там уже телег много. Врачей в больнице не было — всех вызвали в военкомат. Делами занимался старый фельдшер, подходил к телегам, выдавал медицинские документы, рецепты. Отец увидел меня в окно и стал собираться: «Вот молодец, Колька, сам приехал, ты у меня уже совсем взрослый, такую дорогу одолел. А я ничего, пошел уже на поправку, жар у меня прошел, только слабость осталась, да некогда о ней думать, в военкомат мне надо, на фронт». — «У тебя же воспаление, — стал спорить я. — Мамка велела тебя домой привезти да сказала, чтобы пальто надел». — «Да какое там воспаление», — махнул рукой отец. А я от обиды чуть не расплакался. А отец это заметил и улыбнулся: «Ладно, — говорит, — заедем домой, только ненадолго, давай вожжи». А я ему говорю: «Нет, я сам тебя довезу, как мамка велела». — «Ну, раз велела, — засмеялся отец, — тогда вези». Сел он на попону позади меня, и мы поехали.

Верст через пять подъезжаем к переезду, а он закрыт. На дороге скопилось телег да машин с полсотни. Мы тоже остановились. А тут откуда ни возьмись налетел фашистский самолет и сбросил бомбу, да в самое скопище людей. У меня от взрыва уши заложило. Вскинулся вверх столб огня, закувыркалась высоко чья-то телега, забились в кровавой пене поваленные лошади. Наш Буланчик встал на дыбы, а затем как понесется галопом через переезд. Я с ним и совладать не могу, телега по колдобинам подпрыгивает

высоко, вот-вот опрокинется. Зацепилась на обочине за куст, и конь остановился. Глянул я назад на отца, а он весь белый, из груди же кровь ключом бьет. Осколком ему грудь разорвало. Я с себя рубаху сорвал да давай рану перевязывать, да где там, кровь-то не остановить. А отец мне шепчет: «Хорошо, Колька, что меня не послушал да впереди сел, ты, сынок, только не бойся, умираю я», — и опрокинулся навзничь. А я как закричу: «Не умирай! Что я мамке скажу?» Упал я в траву и заплакал, отчаянно, громко, во весь голос, ничего вокруг себя не видя и не слыша. Смутно помню, как кто-то ко мне подбежал, кто-то поднял, кто-то взял за поводья коня. А когда мы к деревне подъезжали, мамка навстречу выбежала. Ей уже все рассказали. Наголосилась она по отцу, а бежала меня успокаивать. Бабы ей говорят: «Ты только Кольку не ругай, мужа не вернешь, а ребенка спасать надо, а то надломится, как травинка».

В тот день и закончилось мое детство. Столько лет прошло, а сердце до сих пор болит. Часто снится мне сон, будто везу я отца домой на телеге, а он такой молодой, веселый. Едем мы с ним полем, а вокруг светло от солнца и цветов, и встречает нас мама, и машет нам рукою, а я говорю отцу: «Ты, папка, пальто надень, у тебя же воспаление». А он улыбается: «Ты у меня уже совсем взрослый». И просыпаюсь я в слезах.

Второй номер

Был ясный, солнечный день 9 мая. В дизель-поезде Витебск—Полоцк было много народу. Напротив меня сидел седой ветеран в синем старомодном костюме. Это был худощавый и высокий пожилой человек с добродушным лицом. На его груди в два ряда блестели, позванивая, медали и отливали эмалью три ордена. Один из них — орден Боевого Красного Знамени — награда немалая.

Я спросил: «Вы, наверное, храбро воевали, отец?» Он немного удивился: «Насчет храбрости, сынок, не знаю, на войне о ней не говорят. В бою важно выполнить задание, а как ты его выполнишь, храбро или боязливо, это дело твое. Награждают ведь за результат. Все мои награды, сынок, за то, что воевали мы слаженно». — «Слаженно? — переспросил я. — Ах да, понимаю, гвардейский полк, воспитание, взаимовыручка и прочее...» — «Да нет, — улыбнулся он, — мы с Гришкой воевали слаженно. Я был пулеметчиком, первым номером пулеметного расчета, а Гришка, значит, вторым номером. Двое нас было в окопе. Я стреляю, а Гришка патроны подает. Я ему, бывало, говорю: ты не высовывайся, а то убьет нас вместе, тогда всему взводу хана, а так в случае чего меня подменишь. Так он и не высовывался». — «Вот как? — удивился я. — Так какая же с него была польза?» — «А польза такая, что за пулеметом он смотрел, как за родным дитем: всегда он был смазанным, исправным, за всю войну ни разу не подвел. А ты знаешь, сколько он патронов носил, Гришка мой? Целых четыре диска, а положено было два, это окромя гранат. Сильный он был, вот и носил. А немец-то не дурак, чувствует, когда у пулеметчика патроны на исходе, тогда и поднимается в атаку. Только

на Гришке он просчитывался, без патронов я не сидел. На войне ведь каждый должен быть на своем месте. Я первый номер, он — второй. Я стреляю, он патроны подает». — «И так он всю войну патроны подавал?» — спросил я. «Конечно, всю войну, и не только подавал, но и фланги держал». — «Как это?» — снова спросил я. «А это когда немец поднимается в атаку, так стреляй не только по центру, а и за флангами гляди, чтобы не зашли сбоку, вот он автоматным огнем их и отсекал. Так что, сынок, для пулеметчика хороший второй номер — это большая удача. Все мои награды не только мои, но и Гришкины». — «А может быть, он побаивался? На войне за пулеметом ведь опаснее, чем на дне окопа». — «Да нет, — возразил ветеран. — Однажды, помню, стою я за пулеметом, и вдруг как шандарахнет! Аж меня назад откинуло. Я глядь вперед, а это стреляет из кустов орудие. «Гришка, — кричу я, — срочно меняем позицию, мы на орудийном прицеле!» А он отвечает: «Долго так не набегаем, надо орудие уничтожить». И побежал с левого боку к кустам, да по орудию гранатой!..» — «Ну а как дальше сложилась ваша судьба?» — спросил я. «Дальше... — вздохнул ветеран. — В сорок пятом году в Литве сидим мы с Гришкой в окопе, а дело было в январе, он закурил и высунулся, и тут его снайпер прямо в грудь. Он на дно окопа осел и мне говорит: «Умираю». А сам задыхается. Я как закричу: «Гришка, да что ты надумал?!» А он мне шепчет: «В сорок первом году под Могилевом струсил я, пулемет свой бросил, тогда я первым номером был». А я ему: «Гришка, не умирай, ты свою вину сто раз искупил».

И ветеран вдруг заплакал навзрыд, худые плечи его затряслись, и он уткнулся головой в стекло. Все замолчали. А мне пора было выходить. «Подожди, сынок, — снова продолжал он, вытирая слезы. — Вот и в жизни так, как и на войне, кто первый номер, кто второй. Беда в том, что люди не могут определить свое место, отсюда и вражда».

Я простился, спрыгнул на перрон. А поезд поехал дальше.

Рыбак из Минска

В семидесятых годах работал я фельдшером в одном из сел Западной Беларуси. Жил я на хуторе возле большого озера. Хозяйка моя, Владислава Казимировна, семидесятилетняя женщина, относилась ко мне, как к родному сыну. Люди на хутор заходили редко, особенно зимой. Летом он был закрыт от дороги густым садом, а начиная с поздней осени и до весны — занесен снегом. На хуторе нас было двое, не считая рыбака из Минска. Это был парень среднего роста, смуглый и кучерявый. А в своем деле — фанат. Он приезжал каждую пятницу вечером и до воскресенья ловил рыбу, а ночевал у нас на печке. Звали его Ленькой. Больше мы о нем ничего не знали. Уходил он рано на озеро, а приходил поздно вечером, в коридоре тихо раздевался, оставлял свою экипировку с удочками и лез на печь. Он никогда ни о чем не говорил, и мы его ни о чем не спрашивали. Так длилось годами. Мы к нему привыкли и перестали замечать. Он стал вроде бы как домовой: без него было плохо, а с ним как всегда. И только когда приезжали к Казимировне гости и

устраивалось застолье, кто-то из них спрашивал: «Тетушка, а кто это на печку полез?» — «А... Да это так... — отмахивалась хозяйка. — Один рыбак из Минска, Ленькой зовут». — «И давно он у вас на печке ночует?» — спрашивали гости. «Да уже года три», — хохотала Казимировна. «Вот это чудеса! — размышляли гости. — А в доме ничего не пропало?» — «Да он дальше печки и не ходит, — обижалась хозяйка. — Встанет в пять часов утра, я блины ему с салом разогрею, и до вечера его не видать». — «Так ты его еще и кормишь?» — удивлялись, гости. А Казимировна уже начинала выходить из себя: «Кормить не кормлю, но и голодного в мороз на лед не отправлю, потому как ежели голодный ступит в полынью, так сразу и на дно, у него и сил не хватит выбраться».

Однажды утром я заметил, что у Казимировны очень усталое лицо и мешки под глазами. «Что случилось? — спрашиваю. — Здоровы ли вы?» — «Я-то здорова, да вот рыбак из Минска заболел, целую ночь откашлял, а температура — тридцать девять, простудился на озере. Так я его целую ночь отварами поила да банки на печке ставила, а тебя не хотела будить, и так на работе устаешь». А через пару дней рыбак снова был на льду, буравил лунки и сидел над ними как завороженный. Но однажды он не приехал, и не было его недели три. Казимировна с лица спала и все ходила на лед других рыбаков спрашивать: «Не знаете ли вы такого рыбака смуглолицего, чернявого, из Минска, Ленькой его зовут, он вам телефон не оставлял? Позвонить бы с почты, да не знаю, куда».

Но однажды вечером, в пятницу, тихо открылась дверь и кто-то шмыгнул на печь. «Славу Богу! — оживилась хозяйка. — Все обошлось, на месте наш рыбак, наш Ленька».

С тех пор прошло много лет. У меня уже внуки, дача на берегу озера, в ней большая русская печь. Но вот одного не хватает — рыбака из Минска. Неважно, как бы он себя называл, важно, чтобы нуждался в твоем озере, в твоей сторонке, в тебе. Это ведь главное.

Поэтическая мозаика

АЛЕСЬ ЖИГУНОВ

День горечи

Гроздья рябины в ладони держу.
Но не рябинки — кровинки в руках.
Только себя я не извожу
Болью и горечью в тихих стихах.

Я из депрессии вышел давно.
То от рябины горчит лес осенний.
Нынче суббота, потом — воскресенье,
Там понедельник...
А мне все равно...

Спрячу лицо я в лесную траву:
— Дай мне, земля моя, силы глоток!
Может, полегче мне станет чуток?
Может, по-новому вдруг заживу? —

Но разве по-новому — без любимой?
Трудно тобой оправдаться, рябина.
Мудрая осени поздней пора.
Мне бы теперь не любви, а добра.

Разрыв

Грань терпению есть!
Подсказала мне это
Уходящая цветь
Полевого букета.

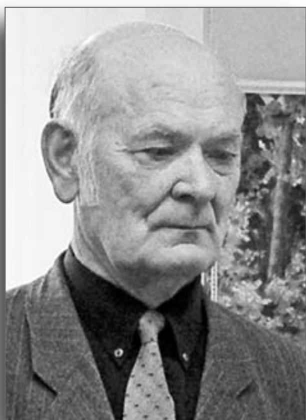
Я гляжу на него,
Я поверил тревогам.
И одною ногой
Я — уже
за порогом...

* * *

Друзья мои, поклон вам низкий!
Для вас сердечный мой рассказ:
И далеко я или близко,
Но думаю всегда о вас.

И вы не раз меня будили,
Чтоб в облаках я не витал.
И больно столько раз судили,
Что неподсудным нынче стал.

Перевод с белорусского
Тамары КРАСНОВОЙ-ГУСАЧЕНКО.



НИКОЛАЙ БОЛДОВСКИЙ

Пульсар

Сегодня грусть моя легка мне,
А ведь была — девятый вал,
Когда, таясь, на сизом камне
Я клятву-имя выбивал.

Искрило в сумерках зубило
В руках пораненных, в крови, —
Поныне память не забыла
То откровение любви.

Не знал тогда я дива краше
В минуты гаснувшей зари:

И оживало имя «Саша»,
Из камня вспыхнув, изнутри.

А я стоял на грани срыва,
Не понимая в тот момент,
Что это диво — и не диво,
А ниспосланья вещий свет...

Бывает, выгляжу наивно,
«Чудак», — забвенье говорит,
Но, что поделаешь, призывно
То имя в памяти горит...

Да будет грусть моя легка мне,
И буду сам душой не стар,
Пока зовет меня на камне
Любви мальчишеской пульсар.

Я благодарен...

Я благодарен ручьям и капели,
Каждой проталинке с рыжей травой
И лежебоким сугробам метели,
Свитым поспешно под шабашный вой.
Я благодарен июльской усладе
Даже за ливни и рокоты гроз;
Бабьему лету в прощальном наряде
За акварельные платья берез.
Я благодарен знакомым и близким,
Что в перепутьях встречались не раз;
И у околиц немым обелискам,
Что говорят о былом без прикрас...
В дивно увенчанном зорями храме,
Где в единении тело и дух,
Я благодарен, как солнышку, маме,
Чей огонек, догорев, не потух.

Себя обрести

Падают яблоки...
Падают звезды...
Падают годы,
стирая миры.
Падают башни,
и падают гнезда.
Падает камень,
сизифов, с горы...

Падают росы
с созвездий сирени,
Падают листья
с дремотных ветвей...
Падаю я
пред тобой на колени
Вместе с последней
надеждой своей.
Падают слезы
из глаз покаянных,
Падает слово
молящее: «Прости!..»
...В каждом падении
смысл постоянный,
Ну а в моем, —
чтоб *себя обрести*...

ГЕННАДИЙ КАЗАК

Гражданские стихи

Люблю гражданские стихи!
В них мысли сжаты до предела.
Они без лишней шелухи
Вещают нам о сути дела.

Звучат на много верст кругом,
Как звонкий колокол на башне.
Зовут беречь наш мирный дом
И наши пажити и пашни.

Переживаю за стихи,
За наш язык, за нашу мову...
Чтоб, словно капля со стрехи,
О камень не разбилось Слово!

На зернотоку

Проворно, весело и споро
Хлопочут ленты
транспортеров
И кверху подают зерно,
Зерно с половой заодно.
Дрожит земля.
Трясутся сита.
И парень на кобылке сытой
Подвез воды нам ключевой.
Еще стоит
полдневный зной.
Ремни лопочут приводные,
И водопады золотые
Зерна, отборного зерна,
Текут, сверкая и звеня...
А мне сегодня суждено
Перелопачивать зерно.
Работа адская такая,
Что цену хлебу понимаешь.
Когда же местный балагур
Объявит громко перекур?
Я не курящий, слава Богу,
Но тут речушка есть
под боком.
Я только смою соль и пыль
И охлажу рабочий пыл.
А солнце, раскаляя небо,
Глядит, смеясь,
на горы хлеба!
Давай, дружок!
Давай, дружок!
Зимой передохнешь чуток.
Я сам задачу понимаю.
Долой просоленную майку!
Должно хватить,
хватить сполна
Селу и городу зерна.
И вновь, груженые навалом,
На ток приходят самосвалы...
И только на исходе дня
Сменила женщина меня.
Кой-как добрел
до сеновала
И лег, до чертиков усталый.
И в ароматной тишине
Явилась истина ко мне...

Не в споре,
а в работе спорой,
Перелопачивая горы,
Найти мне было суждено
Рациональное зерно!

* * *

Я думал, я нужен тебе,
Любимой, хорошей и нежной.
Но рухнули страшно надежды,
Как балки в горящей избе.

А сам я, не чуя земли,
Надеясь на чудо и Бога,
Остался стоять на дороге,
Пока ты не скрылась вдали.

* * *

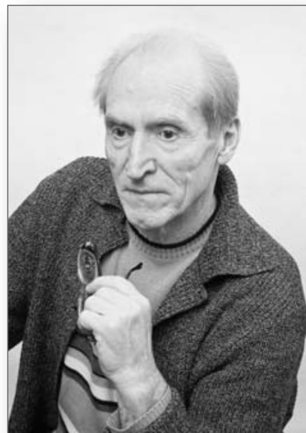
Служить бы рад
березам, и осинам,
И рощам, и озерам синим-синим.

Служить бы рад
и рекам, и полям,
И снегирям, и белкам, и орлам.

Но убегают белки от меня,
И снегири боятся, как огня.

И даже величавые орлы
С опаскою взирают со скалы.

Я постигаю их красу и суть,
Но как мне их доверие вернуть?



ОЛЕГ ЖДАН

Гений

Повесть

Этот апрельский день начался для него так же отвратительно, как все другие. Во-первых, в автобусе какой-то дружелюбный мужичок раза в два старше уступил место: «Садись, дед», а когда протолкался перед остановкой ближе к двери, кто-то пихнул в спину: «Эй, пацан, сходишь ты или нет?..» Во-вторых, вахтерша на проходной так долго изучала пропуск, сверяя фотокарточку с натурой, поглядывая на его козлиную бородку, что он не выдержал, поднял руки, как копытца, и заблеял, подтверждая сходство. В-третьих... Чтоб добраться до завода к половине восьмого, нужно подняться в шесть, и он в самом деле чувствовал себя кем угодно, только не человеком.

Месяц назад завком поручил ему написать портреты передовиков для Аллеи Трудовой славы. Работа простая, если — с фотокарточек, как было заведено до сих пор. Но в том-то и дело, что он не мог без отвращения глядеть на такие портреты, где слесари, грузчики, фрезеровщики запечатлевались «на века» надутыми и важными, как члены правительства. В конце концов, если серьезно, каждый из них стал «передовиком» не из-за обезьяньей любви к труду. У каждого на то своя причина. Один от жадности, другой от молодости и избытка силы, третий от стремления угодить начальству, четвертый от врожденной старательности, пятый... Нет загадок в этом мире, все можно объяснить.

Он ходил по участкам, приглядываясь, делал эскизы, пробы, сверяя, как та вахтерша в проходной, натуру и фотографию. И вот работа закончена, сегодня — сдача. Вынес портреты из мастерской — комнатки, которую ему выкроили в красном уголке, расставил вдоль стен, еще раз рассмотрел их и остался, в общем, доволен. В лицах были и смысл, и правда, а все вместе они — вполне бессмысленная человеческая жизнь.

Хотите — осмысленную? Тогда вы ошиблись адресом. Каждый настоящий художник пишет такую, какой живет сам. Бессмысленная ведь не значит — без содержания. И это в человеке главное, за что его можно уважать или презирать.

Непростая задача стояла перед ним, но он справился с ней. Как? Этого он не знает.

Здесь же, в красном уголке, находилась библиотека, и Лена, библиотекарша, девочка, только что закончившая училище, была первая, кто увидел его работу.

— Ой, Тришенька, — сказала она, — ты — гений.

Он улыбнулся: это было так, и он знал об этом с рождения.

— Хочешь, напишу тебя?

Однако Лена покачала головой — задумчиво, с сомнением.

Тоже понятно: он узнает о ней нечто такое, чего не знает или не хочет знать сама. А зря. Люди не видят себя со стороны, стремятся соответствовать некоему придуманному или чужому облику — тут и возникает напряжение, которое мешает жить. Понимает она себя как хорошенькое, умненькое, нужное всем и каждому, смеленькое существо... А увидит незначительного человечка, испуганного своим явлением на белый свет, согласного прожить без счастья, довольствуясь зернышком, росинкой, — только бы не улюлюкали, толпой не гнали. Для таких и придумали фотографию: острый носик, нежный взгляд — вот и утешение на всю жизнь. Или — смелый, умный, целомудренный. Или — смелый, умный, развратный. Печальный. Неприступный. Влекущий. Многое можно выразить, если приготовиться и собраться. Все доступно на один раз.

И самая дорогая фотокарточка — где тень ресничек запечатлелась на юной щеке.

Выражения эти она будет тщательно копить, совершенствовать и аккуратно складывать в альбом — гербарий ее девичьей жизни. Там они будут храниться долго, никому не нужные, кроме самого собирателя. Вот какая я была. Только с остреньким носиком ничего поделать нельзя — замерзающая синичка притаилась в окне.

Лена уже испуганно глядела на него.

— Ты что, Триша, ты что?..

Скрылась в своей библиотеке, забилась, как мышка, меж книг. Но — поздно. Это мгновение и остановит он. Наколет, как насекомое, на булавку. Ничего люди не хотят знать о себе, ничего.

До комиссии оставалось два часа. Как раз хватит, чтобы расправиться с ней, ничтожной и жалкой. Не так безобидны эти испуг и скромность. Пройдет время — из самозащиты превратятся в оружие. Сколько он повидал таких, с приметами былой скромности на лице.

«Ты, разумеется, гений, Трифон, — говорил, к примеру, скромный человек, который предал его впервые десять лет назад и с того времени предавал всегда, постоянно. — Но все, что ты делаешь, отвратительно, мерзко. Мир, как ты его понимаешь, не мог бы существовать. У Босха был Христос, а у тебя?» — «У меня — я», — отвечал Тришка.

Легко и быстро ложились линии на бумагу. Не заметил, как утекли два часа, и комиссия вошла в красный уголок.

Этот дар или несчастье, вывих, а может, и тайная болезнь появились у него не в первом классе, когда учительница, вдруг засуетившись, спросила: а кошку можешь нарисовать? А собаку? А елочку? И не в детском саду, когда воспитательница с недоумением разглядывала его мазню, а мать стояла рядом и стыдливо кивала головой: что тут сделаешь, кое-как объясняла, он с этим вывихом родился, а правильнее — зародился. Она, как только забеременела им, Тришенькой, сразу почувствовала неладное, некую непонятную жадность к цвету, к краскам, как другие женщины к огурцам. Часами могла глядеть на синее небо, на восход-закат, а то и на собственную кровь — уколет палец иголкой и смотрит. Главное, чтоб был чистый цвет. Но это она, кажется, не воспитательнице говорила и не учительнице, а доктору в известной клинике, где исследовали всяческие особенности, и не художества Тришеньки были тому причиною, совсем иное: если просили нарисовать кошку, изображал собаку, если собаку — кота. Что касается художеств — тут ничего не сделаешь, все от нее, матери, передалось. Или ей от него?.. Знаете эту трубку калейдоскопическую, повернешь и — новый узор? Неделями, месяцами глядел в нее. Как же, отнимешь. До посинения вопил.

Учился? Учился неважно. Спасибо учителям, вошли в положение матери, переводили из класса в класс. Во-первых, неинтересно ему там было, все ж таки не обыкновенный мальчик, может, и гениальный, а во-вторых, лупили его там все кому не лень. Чтоб выпроводить в школу, много чего надо было выкричать. Сперва через день ходил, потом раз в неделю, потом... За что лупили? Но ведь надо же кого-то. Как без этого? Ну, а Триша и ростом не вышел, и силы не накопил. Что тут поделаешь, поздний ребенок.

Многие говорили, с ума сошла, сорок лет. Ну, а как мне было жить без него?

Да и не могла не родить. Он жил во мне давно, лет уже... не знаю, всегда. Знала, какой он, как ест-пьет, на горшке сидит... Все знала. Оставалось выпустить на Божий свет. Это ведь я преступление совершила б, если бы... Не перед людьми, нет, им все равно, перед Богом.

Отец? Какой отец? А-а... Да был тут один... это... такой... Не хочу. При чем тут он? Я бы и без него... Что?

Однако это уже не доктору, а брату своему, усатому дядьке из Салехарда, что приехал на два дня и подарил пачку денег. Никогда еще не видел он мать такой обрадованной, благодарной. Весь вечер подходила к шкафу потрогать деньги и, счастливая, возвращалась к столу. На следующий день дядька без повода отодрал его, Тришку, считая, что художества — от отсутствия мужской руки. Ночью он решил перерубить кадыкастое дядькино горло кухонной сечкой, однако не смог ее отыскать в потемках. Опять же, бесперспективно: не узнает дядька, что будет дальше, не сможет покаяться перед ним. Пусть живет. И только деньги достал из-под белья в шкафу, засунул перед отъездом в его чемодан.

В десятом классе и вовсе перестал ходить в школу. К экзаменам на аттестат зрелости не допустили, выдали справку, дескать, прослушал курс. И когда одноклассники готовились к экзаменам, алгебру-физику повторяли, он Ганди читал, лежа на диване. Или разглядывал альбомы репродукций, их у него целый шкаф. Знаете, сколько стоит один альбом?.. С другой стороны, как не дать денег? Может, окупится, как вы думаете? Мальчик-то гениальный, это само собой. Вот, например, через год сдал экзамены на аттестат зрелости экстерном — разве не гениальность?

А это кому говорила? Продавцу в гастрономе, почтальону, приемщице химчистки? Такая вот у него мать. Каждому, кто пожелает, расскажет всю жизнь от беременности до нынешних дней. А вот как жила до беременности — нет, будто тогда и началась ее жизнь. «Иногда кажется, что я недостойна такого ребенка. В самом деле, за что?..» Была она тощая, суетливая, работала почасовиком в технологическом институте, пыталась даже защититься — не вышло, и каждый год тряслась, что «не укомплектуют», не возьмут.

«Мама, у тебя вата из пальто лезет!» — «Вата?.. Что поделаешь, старое пальто». Это был ее ответ миру, любимое присловье, принцип. Опять не дали квартиру? Что поделаешь. И жили в закутье, в цокольном этаже, где солнце можно увидеть, если положить голову на подоконник, а стены источают сладкий канализационный аромат. Не продлили больничный? Что поделаешь, если организм не дает высокой температуры? Ручка портфеля оторвалась? Свяжем проволочкой. Что поделаешь, пора.

Самые ненавистные слова.

Иной раз закрадывалось сомнение. Уж слишком охотно рассказывала, как ходила беременная, какие муки претерпела во время родов, что испытала, когда ее мальчик подал голос... Она ли его родила?

С трудом переносил ее присутствие в комнате, постоянную беготню на двенадцати метрах, улыбку, с которой вносила щи со свиной головизной, словно суп-жюльен. Конечно, иногда и жалел ее, а когда-нибудь и любил: когда работал и чувствовал — удается. Но в такие минуты он любил даже своих врагов, хотя бы за то, что они — современники, а следовательно, станут свидетелями своего ничтожества и его торжества.

Приемка портретов комиссией длилась недолго. Походили взад-вперед, перекинулись парой слов. В самом деле, о чем говорить?.. «Это кто, Романцов или нет?» — «Он. Ну и рожа. А это Ядищева. Ничего баба, а?» — «А вот и Гарбузенок». — «Мишка? Ах-ха-ха-ха!..» И так далее. Через три минуты потеряли интерес.

— Заберем после обеда, — сказал один из них.

Почувствовал Тришка, однако, что портреты не слишком понравились. Не беда. Таких ценителей... Даже не вышел к ним из мастерской.

Один из портретов удался ему больше других — Матвея Селиха. Удалось передать и независимость этого незнакомого доселе человека, и тайную обиду в подрагивающих губах. Отчего копилась эта обида? На кого или на что была обращена? На людей или на судьбу?.. Не столь уж редка обида в лицах, и отличало Селиха лишь только ее сочетание с независимостью, на первый взгляд казавшееся дурной злобой. Вставало за штрихами сангины большее, нежели исправный работник сорока пяти-шести лет, — человек, очень надеявшийся на счастье, а проживший свои годы в тяжелом труде и, наверно, печальном быту. Есть и сейчас надежда в его пристальном, как у битой собаки, взгляде, но — поздно.

Чтобы подчеркнуть завершенность облика и судьбы, он написал его старше — лет на пять-шесть.

Удалась, пожалуй, и Ядищева — еще молодая, еще красивая, но недавняя беззаботность в ее нагловатых, навыкате глазах уже уступала место печали. Женщины ему всегда удавались с трудом. Мешало представление об их независимости, покое, недостижимом для мужчин совершенстве. А может, то, что до сих пор он их, женщин, не знал. «Мальчик, — спросила Ядищева, когда он с карандашом и блокнотом остановился около нее, — почему у тебя белая борода?» Заглянула в глаза и рассмеялась, будто увидела, что не знает он еще ничего. Мальчик! Вряд ли ей самой было больше чем тридцать лет.

А вот портрет Мити Брусова не получился, хотя он с охотой позировал во время обеденного перерыва и приходил продолжить сеанс в мастерской. Здоров и счастлив — единственное, что можно прочитать в лице.

В детстве Тришка страдал затяжными насморками, приучился шмыгать носом, даже если здоров. Позже мерзкая привычка исчезла и возвращалась только когда работал.

«Сочувствовать надо, а ты издеваешься над людьми», — говорил ему приятель-предатель. Издевался? Нисколько. Просто показывал, что нельзя скрыть тайные намерения и страсти. Сторожкие уши выдадут истинное назначение доверчивых глаз, нос перечеркнет ласковую улыбку, щедрый блеск зубов выдаст корысть и алчность.

«Человек заслуживает уважения и сочувствия».

Тришка расхохотался. Человек заслуживает? История это не подтвердила. Не говоря уже о том, что не подтвердила его, Тришкина, личная жизнь. Чем — заслуживает? Тем, что изо дня в день, сытый и голодный, в злобе и по привычке, душит себе подобных? Или тем, что для выживания использу-

ет все, от слезных желез до кулаков и зубов? За что его, Тришку, травили в школе, забивали в армии? За зло? Нет, за малый рост, узкие плечи. За вечный насморк, кривые зубы, прыщи на носу, за то, что уши оттопырены больше, чем у других. Уважения? Ха-ха.

«Ну и потом... что это за подпись?»

Подписывался он довольно разборчиво: Тришка. Но никому не удавалось тотчас уразуметь коротенькое словцо. Разбирали по буквам: Т-р-и... Тришка? Полное недоумение. Уж не издеваются ли над нами? Нет такой традиции.

Вот именно, — отвечал. — Потому. Мать моя — подкидыш, я — незаконнорожденный. Нет у меня настоящего корня, нет и традиции. Тришка я. Все. А вы, сударь, считаете, что имеете право на фамилию? Дед-прадед не переворачиваются в гробах?

Мир уже давным-давно идет не туда и не так. Жаждет не того, добивается ничтожного. Ликует от ненависти, наслаждается унижением, радуется от злобы.

Стало трудно работать по памяти, и он попросил Лену постоять у окна десять минут. Она вошла с опаскою, остановилась на пороге, как курица, подергала головой. Увидела набросок и замерла. Вот чего ему не хватало! Куриный взгляд и наклон головы. Разрешите, я постою на одной ноге, посмотрю одним глазом, лизну кончиком языка. Присяду на одну ягодицу, понюхаю одной ноздрей.

Вот что: всемирная посредственность будет ее портрет.

Поднял голову и увидел в маленьких глазах слезы.

— Что я тебе сделала, Триша?

Кинулась вон на каблучках, будто овечка на тонких копытцах. И еще: незаметная слеза должна стоять в чистых глазах. Почувствовал благодарность к Лене. Дурочка. Подумала, что он рисует ее портрет.

В обед он, как всегда, пошел в блинную. Нет, не любовь к блинам с маслом или сметаной влекла его туда, иная, столь же простая тяга — Уля-блинница, что стояла у раскаленной плиты или на раздаче в белом грязноватом халатике, наброшенном на голое тело.

Вопреки всем представлениям о женской красоте притягивала его Уля. Если бы пришлось делать ее портрет, не за что было бы зацепиться, не на чем задержать взгляд: сонное лицо, чуть подсиненные серые глазки, реденькие реснички... Что же влекло? Голые руки и ноги, приоголенные от жары груди? Нет, все девчата блинной одевались и выглядели одинаково. Что же?

Все несовершенства ее красоты были перед глазами: прижатые белой шапочкой толстые уши, плохо покрашенные белесые брови, нос уточкой... Улыбалась, ни на кого не обращая внимания, будто улыбка постоянно блуждала под розовой толстой кожей, как самописец показывая благополучие и покой в организме. В этом, наверно, и крылась тайна.

Когда подошла его очередь, он молчал — то была единственная возможность встретить подсиненные глаза. Другие раздатчицы сердились на зазевавшихся, Уля — нет, некуда торопиться, жизнь только начинается, — подняла реденькие ресницы.

— ...с маслом, — сказал он.

Все, больше она не посмотрит. Равнодушно отхлебнул чаю. Напялил кепочку-блин.

Походка у него была смешная, слишком широкие для своего роста делал шаги.

Всякий раз, вернувшись из блинной, он пытался набросать ее портрет. Похожести добивался быстро, но не удавалось передать вот это выражение

спелости, равновесия в желаниях и образе жизни. Интересно, спала ли она с мужчиной? Наверно, нет.

И вдруг понял, почему не удается и что. Энергии не хватало в ее движениях, а в лице — чувства. Схватил карандаш, набросал ее голой, с гримасой страсти, в том положении, в котором единственно и хотел видеть ее. Захихикал от собственного унижения — так все оказалось понятно и просто.

— Гляньте-ка, — услышал голос над ухом. — Блядей рисует. Ах ты, сукин кот.

Он оглянулся и увидел за спиной Синкевича, председателя цехкома, а в двери толпу людей. Он уже давно слышал голоса в красном уголке, но не обращал внимания, всегда к концу перерыва здесь собирались люди.

— Иди, х у д о ж н и к, отчитывайся.

Селих с трясущейся от негодования головой стоял перед своим портретом.

— ...мазило! Тебе быков рисовать, а не людей... Дармоед! Руки тебе обломать, зараза! Не берись, если не умеешь. Не позорь людей и сам не позорься...

Сорвал портрет с доски, рванул пополам, бросил под ноги. Пошел к выходу.

— Что ж ты человека изуродовал? — спросил Синкевич.

Изуродовал?

Скоро он остался один в красном уголке. Только за дверью кто-то все еще гудел и кто-то заходился от смеха.

— Триша... Тришенька... — послышался в углу, в сумраке, голос. — Хочешь, я чай поставлю? У меня кипятильник есть... Я два пирожка купила... Ты не бери к сердцу, Триша. Этот портрет гениальный. Ты сам не знаешь, какой это был портрет...

Кто это? Ах да, птичка с острым клювиком. Уронит кто-либо крошку — тук-тук, съела, взмахнут рукой — покорно отлетит.

— Отстань, — сказал он.

Никак не удавалось происшедшее уразуметь.

— Я подклею его, Триша. Они ничего не понимают в искусстве. Они...

С ненавистью поглядел на нее. Так захотелось пихнуть ее локтем, чтоб выкатилась в коридор.

— У меня один пирожок с капустой, один с творогом. Тебе какой?

— Отстань! — закричал он.

Лена все ж таки вскипятила чай, и он с неожиданной жадностью выпил стакан, отворачиваясь от нее, не в силах терпеть умильный взгляд, и локтем сбросил пирожок, что она подсовывала ему. Лена пирожок подняла, почистила, стала есть. Почти как преданная жена. На редкость жалкий и ничтожный человек.

А после чая опять появился Синкевич — с Ядищевой, Брусовым, Гарбузенком, Ковальчуком... Все озадаченно стояли перед своими портретами, хихикали у чужих.

— Эх, мальчик, — сказала Ядищева. — Разве я такая старая?

Только Брусов был удовлетворен, да Гарбузенок никак не мог принять решения: ему и нравилось и... С одной стороны, конечно... Но с другой...

Впрочем, все уже было ясно. Люди не выносят о себе правды, особенно, если эта правда — для всех. Не терпят о себе чужого суждения. Они хотят казаться моложе, красивее, удачливее, веселее, глупее, чем они есть.

— Ну, Тришка, — радостно сказал Синкевич, — будем тебя увольнять.

После школы он пытался поступить в художественное училище, но провалился с треском и загремел в стройбат. Уж как о н и там поплясали на нем. Только ненависть помогла выжить. Демобилизовавшись, устроился на завод и поначалу работал обрубщиком, потом формовщиком, подсобником, грузчиком... От пневматического молотка у него через неделю отнялись пальцы, от стука формовочных машин мозги к концу смены превращались в болезненное тесто. Когда поставили подсобником, едва не попал под болванки, когда перевели в грузчики, завез и свалил ящик редукторов не в тот цех. В конце концов начальство тоненько намекнуло, чтобы убирался с завода: «Обрыдло на тебя глядеть». Уйти? Но куда? Тут стало известно — рисует. Обрадовались: лучше платить дармоеду зарплату дежурного слесаря, чем рисковать жизнью своей или его. Он согласился. Надо же было кормиться: мать в конце концов выставили из института.

Между прочим, получив отворот и в панике пробегав неделю по другим институтам и даже школам, она успокоилась, присмирела, заткнула свой вечный фонтан, перестала хлюпать носом. Улыбка заиграла на сухих губах: «Тришенька, а у нас денег нет». Теперь она мечтала приобрести «Буковину». Некая знакомая, кандидат, умница и красавица, купила такую, имеет существенную прибавку к зарплате. Главное, приобрести хорошую книгу по вязанию, а клиентура появится. И еще она мечтала съездить к брату.

Чтобы купить «Буковину» и поехать в Салехард, нужны деньги. Где взять? Есть способы. Хотя бы попросить или занять у... «Не смей», — сказал он.

Брат ее приезжал еще раз, в минувшем году, ночевал в гостинице, поскольку у них негде: шкаф теперь стоял там, где можно было приткнуть раскладушку. Денег, между прочим, не оставил. Долго рассматривал его картины и наконец спросил: «Думаешь на этих уродах заработать?»

Дело не в нем, дураков на земле много, если не большинство, а в том, что она, мать, замерла с кастрюлей в руках. А вскоре после отъезда брата и сказала — вроде бы легкомысленно, вроде глупо, наивно, дескать, что хотеть от меня, старой женщины: «Тришенька, а почему бы тебе не написать что-нибудь простое и... хорошее?» Вот тогда он — впервые — и плюнул ей в лицо. Она и не поняла, что плюнул, утерлась, продолжила: «...пишут же другие, неталантливые, и получается... Заработаешь немножко, а потом...» Тогда он плюнул второй раз. Заплакала, пошла на кухню.

«Прости меня, Тришенька...», — просила ночью.

Но разве можно простить предательство?

Он не просился на свет. Она его родила и потому не имеет права жаловаться на судьбу. Вместе с ним она должна принимать эту муку.

А вы думали — радость?

Христос — на муку, а вы — на удовольствие?

Все на муку, кроме глупцов и тиранов.

Оглушенный случившимся, он забрал пропуск и пошел к проходной. Плевать он хотел на этот и на любой другой завод, на этих и на тех судей. На жалкую зарплату, на Синкевича, Селиха, Гарбузенка, на всех диких передовиков и ручных ударников — равно как и на самого себя. Завтрашний день нисколько его не волновал. Он, завтрашний, может и вовсе не приходить.

Однако у турникета остановился и повернул к блинной.

Обеденный перерыв заканчивался, в зальчике было пусто. Девчата собрались у столика под окном, постукивали ножами и вилками.

— Еще одного черт принес, — сказала Уля.

Поднялась, пошла на раздачу.

— Что тебе?

— Приходи к «Колосу» после работы, — сказал он.

Выражая неодобрение Тришке, она стояла боком, так что видны ему были только спелая щека да ухо, но тут дрогнули реденькие реснички, хоть на градус, а повернулась головка на гладкой шее.

— Что я там не видела?

— Посидим.

— Чего это я с тобой сидеть буду? — спросила сварливо, но еще на градус повернула голову, и он увидел ее опасливый подсиненный глаз.

Девчата за столом, услышав такой разговор, разом перестали жевать, во все глаза уставились на Тришку.

— Нравишься ты мне,— объяснил он. — Сдобная булка.

— А ты стручок гороховый.

Девчата тотчас рассмеялись.

— Сходи, Уля, — подала голос одна из них. — Хороший ресторан, потанцуете.

— Чего это я с ним танцевать буду? — еще сварливее произнесла, снова измерила Тришку взглядом и снова разочаровалась. Но разочарование на этот раз было сочувственное. — У тебя борода противная.

Никакого стыда Тришка сегодня не ощущал. Все они были одинаковые на этом заводе, и стыд — слишком роскошно для них.

— Где ты работаешь, хлопчик? — спросили из зала.

— Нигде. Уволили сегодня с завода. Проститься хочу с Улькой.

— Какой-то ты дурной, — сказала она. — Будешь есть или нет?

— Нет, — ответил Тришка. — Придешь?

А вообще-то ему было все равно, придет она или нет.

Оказавшись за проходной, он вдруг увидел, что — весна, солнце, хлюпает снег, текут ручьи по асфальту. Радость почувствовал, освобождение. Хорошо бы он, завод, сейчас бурно поднялся на воздух и медленно осыпался. Что-то подобное он уже испытывал. Когда? В восьмом классе, когда решил не ходить в школу? В десятом, когда она, ненавистная, осталась позади? Или когда понял, что, проглотив упаковку таблеток, которые мать принимала на ночь, можно спокойненько и навсегда уснуть?.. Подвела собственная неосмотрительность: бросил коробочку на пол, и мать поняла, вызвала «скорую». Или, наоборот, когда понял, что будет жить?

В общем, почувствовал, что ему хорошо.

Денег при расчете дадут рублей шестьдесят, немало. Если по рублю в день, хватит на двоих на месяц. Тридцать дней свободы. Ну, а потом... Ничего. Бог даст день, Бог даст и пищу.

Он шагал в легкой капроновой курточке, в которой проходил и осень, и зиму, кособочась от дождя и ветра, а теперь, в апреле, она была в самый раз. Ботинки, напротив, были тяжелые, зимние, на меху — мать купила осенью, сдав в скупку свой единственный, девичий еще, золотой перстенек. Шагал, не разбирая дороги, по лужам, и скоро ботинки отяжелели, набрякли, хорошо бы и обсушиться где-нибудь.

И тут обнаружил, что стоит у дощатого забора, за которым громоздились глыбы гранита, гудрона, валялись на спинах мощные спортсмены, вожди, воины, трудящиеся, торчали бронзовые носы и руки, вздымались каменные груди и медные лбы. Расставленные в разных городах и поселках, в парках и на площадях, они, как все предельно бездарное, могли быть привычны и неза-

метны, но на одном дворе, за забором, походили на останки странной, погибшей цивилизации. Здесь же стоял длинный деревянный дом — мастерские художественного комбината, скульпторов, оформителей, графиков, живописцев. В этом доме получил комнатку и приятель-предатель, двенадцать квадратов с видом на оставленную ветку узкоколейки, былками прошлогодней полыни, вековым мусором под окном.

Десять лет назад, еще в школе, у него возникла страсть рисовать экзотических животных. Принес 1 сентября альбом благородных леопардов, тигров, жирафов, слонов. Улучив момент, Тришка каждому из них прицепил по гигантскому фаллосу — учительница впала в истерику, ну а приятель впервые предал его.

Тоже когда-то был скромный, молчаливый, испуганный. Но чем чаще предавал, тем больше и увереннее говорил. «История отдельного человека, если пренебречь масштабом, — история человечества. История художника — история культуры. Кто не знает, какие ускорения набирает творчество, выцарапавшись к сознательному? Почему культура прошла путь от и до? А потому, что не было альтернативы у человечества: либо вырождение, либо... А если так, то почему не допустить, что есть шанс и у тебя, и у меня?» — «Спасибо за компанию, — ответил Тришка. — Обойдусь». Ничего глупее он не слыхал.

«Тебе придется мириться с жизнью. У тебя нет программы. Непонятно, с кем воюешь и ради чего». Он явно не понимал главного: только чувство — программа гения, доверие, которое он испытывает к самому себе.

Говорить с ним не о чем, но обсушиться можно. Не грех и занять десять-двадцать рублей.

Постучал.

— Ты? — И досада, и удовольствие отразились на лице. Однако стоял в двери, будто размышляя, впустить или нет. — Хорош. Снимай лапти.

Стоял рядом и с любопытством глядел на грязные и влажные пальцы ног. Брезгливо пододвинул тапки. Принудил вымыть под краном ноги, сполоснуть носки и только тогда спросил:

— Ну?

— Погнали с завода.

— Понятно. Что будешь делать?

— Поживем — увидим.

— А чего явился?

— Обсушиться. Чаю попить.

Хмыкнул: середина дня, время работы. Беспокойно поглядел на мольберт у окна.

— Можно глянуть?

Двинул головой на длинной и тощей шее, дескать, взгляни, если пришел.

— Ох, какая сладкая женщина, — сказал Тришка. — Можно, я ее оближу?

— Оближи, если голодный.

И Тришка лизнул, сладострастно всхлипнул.

— Одного не понимаю, чего я тебя терплю?

— Как это не понимаешь? Понимаешь. Знаешь, кто ты и кто я.

Приятель-предатель захохотал.

— Ну и гусь!

И еще стояли два мольберта с незаконченными работами. Маэстро многостаночник. Висели картины и на стенах, стояли в углу.

Из всех человеческих чувств два вели его особенно явно: жажда красоты и любви. Впрочем, это одно и то же чувство, две его обязательные стороны.

В каждой работе отрекался от сиюминутной жизни, доказывал приверженность к вечной красоте. Особенно любил женщин за стремление быть красивыми, покорно смирялся перед совершеннейшими из мужчин. Странно, что не добился до сих пор успеха у глазеющей публики. Впрочем, эта комнатка-мастерская — первый знак.

— Как точно рассчитано, — сказал Тришка. — В самом деле, нет человека, которому доставало бы красоты и любви. Самая неутолимая жажда. Однако — старая песня.

— Вечная, — поправил тот. — Все притязания проходят и забываются, кроме красоты и любви. Это главное, к чему стремится человечество.

— Чепуха, — заявил Тришка. — Человечество стремится к наслаждениям. А красота — лишь только путь к ним, предложение и зов. Предмет обмена и торга. Скоро тебе будет плохо.

— Когда? — полюбопытствовал равнодушно.

— Как только кончится базарный день.

Поразмышлял.

— Удивительно, — сказал он. — И этот человек собирается пить со мной чай. Понимаешь, что говоришь?

— Разумеется, понимаю. У меня есть опыт. Две жизни, по крайней мере, я уже проиграл. И ты проиграешь.

— Это как?

— Как большинство.

— Не понимаю.

— Само собой.

В том, что живет не первый раз, у Тришки сомнений не было. Который — этого не знал, но, по меньшей мере, третий, а может, и четвертый, пятый. Воспоминания не вмещались ни в две, ни в три жизни. Помнил, например, как гнали его соплеменники по горам, кидали вслед камни: идол, которого он сотворил из гранита, не приносил добычи. Видно, один из камней достиг цели, потому что новое воспоминание относилось уже к другому времени, иной стране: тащили на веревках к водопаду за то, что решился воспроизвести человеческое лицо. Потом — уже здесь, в России, пытали спицами, волокли за конем. Потом... Все жизни заканчивались обвинениями в богохульстве, предательстве, злодеянии. Однако на самом деле вина его была иная и единственная — трусость: знал, каким должен быть идол, приносящий добычу, но — не решился, высек пустого, бессильного, из дешевого серого гранита, а не могущественного базальта. Воспроизвел лицо, но то не было лицо Бога, а — жалкого, настороженного человека. Только здесь, в России, казнили его за иное: взялся за Троицу — не имел еще, неученый и бесталанный, права браться за нее.

И все же опять и опять получал право на новую жизнь: видно, имелось в его душе маковое зерно, с которым Создатель окончательно проститься не мог. Ныне — последний шанс.

— Не беспокойся, — сказал Тришка. — Тебе эта мука не угрожает. Ты проживешь единственную, но долгую и вполне бессмысленную жизнь.

В ответ тот схватил чайник и шваркнул заварку в раковину.

— Катись отсюда, гений, — сказал. — Надоел. Ты отнял у меня слишком много времени.

— А зачем оно тебе? Солить?

Стоит и трясется, как отбойный молоток, еще чуть-чуть и кондрат. Ладно, пускай живет. В конце концов, нужны и такие, всю долгую жизнь фиксирую-

щие красоту. Да, был и у него, как у всех, шанс, но ведь вышел, и теперь его смерть — сегодня ли, завтра или через сто лет — не изменит ничего. Поздно! Пошли ему, Тришке, Господи, короткую жизнь, дай сказать и умереть после Слова, не дай вымолвить то, которое унизит его. Не дай дожить до часа своего падения, дай низвергнуться самому, ринуться к земле, как птице, забравшейся слишком высоко.

Жаль только — не перехватил червонец, все ж таки — в ресторан.

Посреди заводской площади на огромном пьедестале стоял маленький памятничек Ленину — шаг вперед, с простертой к городу рукой. По слухам, пробовали ориентировать памятник и на завод, и на город, на запад и на восток. Дураки сами себе ставят неразрешимые задачи: и так нехорошо, и так плохо. В то время как разгадка была проста: не нужен здесь памятник. То же и соотношение с пьедесталом: пожалели рублей на основательный — отлили не вождя, а пигмея, решили выйти из кислого положения за счет постамента — получилась марионетка.

Он стоял перед памятником, задрав белую бороденку, и думал о том, кем мог быть Ленин в прошлых жизнях и кем в будущих. Нет, ничего не приходило на ум. С Марксом, например, все ясно: мог жить крупным торговцем, еще раньше менялой, еще — звездочетом. Впрочем, звездочетом мог быть и Ленин. Ну и, конечно, апостолом во времена Христа, проповедником типа антиохского Златоуста. В будущем мог оказаться учителем, доктором. На большее у Тришки фантазии не хватало.

Их, живших второй, третий раз, Тришка знал немало. У каждого жившего был, а у каждого живущего есть шанс еще раз прийти на землю. Думать о том, кто кем был в предыдущих жизнях и кем будет в следующих, с некоего дня стало любимым занятием — с того, как догадался, что мать когда-то была крестьянкой, имела девять дочек и сыновей. «Трудно тебе пришлось с таким выводком?» — спросил он. «Трудно, — ответила. — А ведь еще трех я схоронила. Мальчик умер от золотухи, а две девочки...» — и замерла над плитой, испуганно поглядела на него. Человек может многое вспомнить, если застать врасплох. Вовсе не так называемые великие получают право на новую жизнь, эти, напротив, редко. Особенно — политики, госдеятели, полководцы. Так много чужих жизней вбирают они в свою, что — хватит, все ясно с первой попытки. Может, потому так велика энергия некоторых из них, что чувствуют: эта жизнь единственная, надо взять от нее, то есть от людей, все, что они могут дать. А то, чего не могут, отобрать. Потому и ненавидел их — левых, правых, сегодняшних и вчерашних — всех равно.

А Уля? Можно ли представить ее в прошлой жизни? Чтобы понять, надо понаблюдать.

Блинная работала до семи, значит, она должна появиться с минуты на минуту. Он стоял, выглядывая из-за памятника, и, конечно, выглядел подурацки. Совсем не был уверен, что жаждет встречи, и намеревался, увидев ее, спрятаться, уйти незамеченным.

Увидел обновленное к Маю кумачовое полотнище над проходной, и совсем стало противно. В это мгновение Уля и появилась. Никогда не видел он ее в платье, всегда в белом халате с наколкой — так, казалось, и выйдет с завода. В блинной двигалась лениво, нехотя — казалось, так же поплывет за проходной, на воле. Но здесь она шла быстро, озабоченно, толстые ляжки уверенно вздрагивали под платьем, груди, поднятые лифом, оказались высокими, мощными, освобожденные волосы — обильными, рыжими.

Ничего не было в ней такого, что могло бы особенно нравиться, ни вместе, ни по отдельности, все было далеко от красоты, воспетой легионами и вагонами художников, но Тришка почувствовал, что вот пройдет она, не заметив, и жизнь его будет уже позади. Можно создать и разрушить мир, заставить людей признать свое ничтожество перед ним, Тришкой, а Ули у него не будет.

Он вдруг забыл ее имя.

— Ты! — крикнул, когда поравнялась и шагнула мимо. — Эй!

Не отозвалась, похоже, и не услышала его осипший голос.

— Подожди!

Уля, наконец, поняла, что истошные призывы относятся к ней, и оглянулась, приостановилась. Увидела Тришку, и некое вспоминание замерцало на идеально круглом, поросячьем лице.

Постыдную и позорную зависимость чувствовал Тришка, когда приближался к ней. То, что всего больше презирал в отношениях между людьми.

— Ну что, пойдем?

Опять трудное вспоминание проклюнулось в куриных мозгах.

Вылупилось.

— А, — произнесла с сожалением. — Прям не знаю.

Глядела на Тришку в упор, взвешивая за и против. Впрочем, здесь, за проходной, без контроля подруг, синенькие глаза косили меньше, а выражение было более согласительным: не так часто приглашают в рестораны, чтобы отказываться.

— Ладно, — сказала и посмотрела на часики. — Часа два у меня есть.

Название «Колос», видимо, подразумевало изобилие или, по меньшей мере, достаток, категория «ресторан» — некоторую роскошь. Оказалось — большая столовая с грязной дорожкой, а в меню — гуляш с рисом и водка. Впрочем, такому меню Тришка даже обрадовался: нужно уложиться в десять рублей.

Видно, Уля была здесь впервые — с любопытством оглядывалась. «Хороший ресторан», — заметила с удовольствием. Но дело, конечно, не в ресторане, а в том, что первый акт купли-продажи, столь свойственный миру вообще, а женщинам в частности, состоялся. Отношения мужчин и женщин — тот же аукцион: кто больше даст, тот раньше успеет. Отличие лишь в том, что товар живой, покупателя выбирает сам и учитывает не только платежеспособность.

Говорить им было не о чем, слава богу, официантка тотчас принесла гуляш и двести граммов. «За что пьем?» — Вид рюмочки и графинчика возбудил Улю, она улыбалась. Улыбка у нее была хорошая, доверчивая, и только поросячье ушко настороженно топырилось, раздвинув поток волос. «За любовь», — сказал он. Опять улыбнулась и подняла рюмочку: кто ж откажется выпить за любовь?

Тотчас плотные щечки порозовели, а глазки уютно потеплели.

— Ты правда художник?

— Правда.

— И картину можешь нарисовать? У меня в общежитии есть картина, «Девушка с ягненком» называется.

Вот как. Уля интересуется Рафаэлем.

— А человека можешь?

Тришка взял салфетку из грубой оберточной бумаги, достал фломастер

и, секунду поразмышляв, положил несколько линий: крахмальная наколка, нежная щечка, глазок. Уля обрадованно рассмеялась: «Возьму на память». Спрятала в сумочку. Ах, как нравится людям, когда на нежной скрипочке или печальной арфе исполняют их общий облик. Самое привлекательное во мне и есть главное. Но вот — на первый случай — еще одно выражение: маленькое несоответствие между доверчивым глазком и толстым настороженным ушком. И ничтожная морщинка — пока лишь только украшение — меж реденьких бровей. А если хотите — вот вам облик на будущее, на ближайшие пять или, скажем, десять лет.

Уля испуганно глядела на новый рисунок.

— Неправда, — сказала враждебно. — Не похожа. Разве у меня такое ухо?

Да нет, конечно же, не такое. И глаз не такой, и ухо, и рот, и общей суровости пока нет. Все это один из вариантов возможного, побочная тема в общечеловеческой симфонии, напоминание, исполненное альтовой группой, о том, что поджидает человека, если... Если пойдет след в след за толпами иных людей. Если будет желать и поступать, как желает и поступает непобедимое большинство.

Опыт человеческий говорит, что спасенья нет. Этот незаметный, случайный росточек все равно изуродует безобидный и стройный саженец, алчно выгнется, разрастется, станет оплетать иные мысли и чувства и, наконец, погибнет с отвращением ко всему живому и самому себе.

Настроение у нее упало, она печально и скучно глядела, как на маленькой площадке скачет подвыпивший народ.

— Может, и мы поскачем? — предложил Тришка.

— Не хочу.

Вот теперь глянула сущность: печальная женщина, которая догадывается, что счастья нет. Теперь бы и писать ее портрет, но не здесь, на салфетках, а дома, думая о ней сегодняшней и о той жизни, что ей предстоит.

— Пойдем, — сказала она.

На улице было темно. Мерзкие запахи весны заполняли заводской поселок, ползли из дворов, подъездов. Однако в предвкушении ожидаемых удовольствий люди вздыхают: о весна, лето! — не думая, что сопутствует и грядет за тем и другим.

Он уже мечтал остаться один. Но когда подошли к подъезду общежития и оставалось только проститься, увидел нетерпение тоже и на ее бледном от фонарей лице и испугался, что все это — запахи перекисшей капусты, жареного сала, молодая женщина рядом — единственный и последний раз. Вдруг захотелось забыть, что грядет за весной и летом, стать таким, как она, другие, не гением, которому все ясно и ничего не суждено, а ничтожеством, рядовой тварью, которой ничего не ясно, но суждено все.

— Ну? — униженно хихикнул он. — Не понравилось?

Угождай людям, если хочешь иметь удовольствия, найди в человеке самое привлекательное и запечатлей на радость вожделеющим поколениям, чем проще условия, тем увлекательнее игра. Мужчина — женщина — что может быть проще?

И он неожиданно для себя ущипнул ее за грудь, за сосок.

Если откровенно, по правде, только э т о и было ему нужно от нее.

Уля вздрогнула и удивленно поглядела на него.

— Одурел? — спросила.

Он рассмеялся.

— От тебя одуреешь, — и ущипнул за другую грудь.

Не сразу понял, что произошло. А произошло то, что она крепкой крестьянской рукой залепила ему оглушительную оплеуху, потом другую, третью, ударила в колено ногой.

— Козел паршивый! — крикнула, отскочив к подъезду. — Иди вон, позорник!

Иметь женщину — стало для него в последний год навязчивой идеей. Стыдно было признаться: в свои двадцать пять лет он еще не знаком с этой стороной жизни. Впрочем, и признаваться некому: не было ни женщины, ни товарища. Так же страстно и навязчиво хотел когда-то иметь друга, пока не понял, что друзей не бывает. Могут быть приятели, то есть попутчики, а друзей — нет. Стоило это понять — стало легче. Возможно, так же будет, когда поймет, что обладание женщинами не для него. Для таких, как он, нужны дома терпимости, отдал свои — двадцать, тридцать? сколько это может стоить? — и опять свободен. Можно купить женщину и сейчас, но где добыть денег?

Месяц назад, когда получал зарплату, на него пристально посмотрела кассирша Шурочка, и он дождался ее, купил бутылку крепленого вина. Она жила здесь, в поселке, в маленьком деревянном домике с кухней и комнаткой, на стене висела «Виноградница» с четырьмя — по углам — бабочками, под кружевной салфеткой громоздился цветной телевизор, огромная кровать с периной и пуховыми подушками высилась, как тожественный катафалк. Шурочка растапливала печь, а он сидел за столом, тупо глядя на экран телевизора, и стучал зубами от холода и волнения. И хотя комнатка согрелась быстро и Шурочка преданно глядела в глаза, поглаживала его белую бороденку, он все не решался, не знал — пора или не пора. «Ты меня ничем не заразишь? — спросила она ласково, когда допили бутылку. — Я тебе глаза выцарапаю, если что».

Непреодолимое отвращение чувствовал к ней Тришка. Такое, что когда Шурочка начала раздеваться, он держал ее за руки, мешая расстегивать пуговицы, спасаясь уже от иного позора, от немощи, бессмысленно гладил ее по спине и отворачивался, чтобы она не целовала его.

«Ты меня не любишь, ты меня не любишь!..» — твердила она, бодая пахнущей нашатырем головой. Господи, какая любовь?.. О чем она?

Что-то яростное прокричала вслед, когда уходил, чувствуя отвращение к жизни вообще.

А минувшим летом попал на какую-то свадьбу на окраине города и оказался рядом с девушкой, которую звали Жужу. Пили с ней, целовались прилюдно и в сарае, куда он завел ее во время второго застолья, и, казалось, все будет, свершится, но дурочка устроила крик, как девственница, повалились откуда-то дрова, ведра, грабли, а потом со свистом и улюлюканьем гнала его по улицам та бешеная пьяная свадьба, и он спасся, залетев в уборную на чьем-то дворе.

Мать таки уехала в Салехард. У брата родился внук, требовалась няня — прислал на дорогу сто рублей. Ох, как суетилась, собираясь, обещала вернуться через месяц, виновато глядела и радовалась. «Да поезжай ты скорей! — хотелось крикнуть Тришке. — Прекрасно обойдусь без тебя!» Однако знал: скажи нечто подобное — останется. Терпеливо, мученически молчал.

У поезда тоже металась, порываясь остаться, а когда наконец состав лязгнул, кинулась в тамбур и зарыдала, будто видятся в последний раз. Огромное облегчение испытал, увидев красные огни последнего вагона, и счастье, когда вернулся домой и не нашел ее здесь — шмыгающую, бегающую, безмолвно

вопрошающую. Свобода, одиночество, тишина. И это же облегчение утром: нет ее, нет, нет. Один! И вечером не будет, и следующим утром.

Только так и должен жить художник. Племя, семья или государство — объединения слабых. Сбиваются в стаи из страха: ты мне поможешь, я тебе. Вдвоем в два раза больше шансов спастись, втроем — в три. Потому в конце концов и образовалось человечество и не образовался человек. Спастись! — иной задачи не было. Будто человек может спастись.

Была надежда, что человек все же образуется, когда родился Бог. Но тут же возопили о вечной жизни, о спасении если не тела, то хотя бы души — ее-то впопыхах и растрясли. А когда и эта вера начала меркнуть, придумали светлое будущее — хоть немного, а поживем всласть.

Дни стояли долгие, он работал допоздна и не замечал ни звона трамваев, ни рева грузовиков — по улице шел транспортный грузопоток. Не было денег, но много ему и не надо: собрал банки, бутылки, сдал, купил хлеба и чаю. В конце концов сытость самое бессмысленное и безнадежное состояние. Человек должен быть голоден и физически, и душевно. Голоден не значит беден. Бедность и есть богатство, богатство — позорная нищета. Потребности нужно свести к минимуму, если нельзя к нулю. Он, например, когда потеплело, отказался от обуви, куда приятнее ходить босиком. Народ удивляется? Не так давно удивлялся, когда кто-то появлялся в обуви, а не босиком.

Вдруг сообразил, что ни разу не рисовал мать. Быстро, не задумываясь, сделал углем набросок. Рассмеялся: интересно, как она отнеслась бы к нему. В лице, как у старой зайчихи, вечный испуг, как у собаки — готовность служить. Лицо, однако, не передавало сущность. Нужна ее тощая фигура, длинные руки и ноги, сутулые плечи. Но и этого мало. Вот что: сковородку ей в руки и — посреди двери. Я не помешаю тебе, Тришенька? Съешь картошечки, голубчик. Знает, что помешала, что есть не станет, что Тришка заслуженно обругает, а все ж стоит. Как же надоела она и как хорошо, что ее нет. Нет ничего более постылого, чем назойливая любовь. Да и любовь ли? Не страх ли потерять единственный спасательный круг?

Как надоела она со своим вечным хлюпаньем или, к примеру, с ее запредельным по простоте отношением к так называемым естественным процессам и отправлениям: никогда не запирала дверь в туалете, откроешь — здравствуйте, сидит. Как пищеварение?.. Или выскочит на порог испуганная: у тебя понос, Тришенька? Газы в туалете такие ядовитые...

Все, все, все. Один, один.

Не то на пятый, не то на десятый день его счастливой одинокой жизни, то ли вечером, то ли утром в дверь позвонили, и на пороге возникла Лена, библиотекарша.

— Что случилось? Как ты нашла меня?

Поскуливала и попискивала от радости, как щенок, вновь обретший потерявшегося хозяина, и глядела так же восторженно, как обычно глядела мать.

Впрочем, понятно: в отделе кадров есть адрес. Но почему?

Она не отвечала, а все поскуливала и попискивала, оглядывалась.

— Ой, Тришенька, как мне у тебя нравится!.. Ты один здесь живешь? Ой, как здорово...

Голосок тоненький, на грани восприятия, еще чуть-чуть и — ультразвук.

Интересно, что ей уж так сильно нравилось? Окно с форточкой на уровне тротуара? Облупленные стены? Две ржавые кровати, что мать заполучила в общежитии института, списанные за ненадобностью?

— А грязно у тебя как! Разве так можно, Триша?.. Где у тебя веник, тряпка? Что это за халат? Мамин? У тебя есть мама?

И новая порция щедрой радости. Казалось, все чувства ее замыкаются на восторге.

Халат оказался в самый раз и по росту, и по всем неповторимым изгибам, что отличают людей. Он подумал, что старой она будет как две капли воды похожа на его несчастную мать.

Раздражало даже то, с каким почтением вглядывалась в новую его работу, перебирала другие, сваленные в углу.

— У тебя великое будущее, Триша. Ты сам не понимаешь, какое, ты...

— Перестань, — сказал он.

Уж в чем не нуждался, так в дешевых хвалах.

— Нет, в самом деле. Я таких работ не видела никогда. Да, совсем забыла: Синкевич сказал, чтоб приходил на работу. Селиха надо рисовать.

«Синкевич сказал». Кто ему, Тришке, вправе что-либо «сказать»?

— Пускай Синкевич сам рисует кого хочет.

Лене это показалось смешным, захихикала.

Через час уборка была закончена.

— Может, что-нибудь простирнуть?

Только этого не хватало.

— Тогда будем с тобой пировать!

И начала вынимать из сумки свертки, банки, а главное, две бутылки вина.

Тришка обрадовался: хоть какой-то смысл получит бездарное времяпрепровождение.

— За что пьем? — мечтательно спросила Лена.

— За любовь, — буркнул он.

— Согласна! За любовь!

И выпила до дна полстакана.

Выпил и Тришка.

А через минуту почувствовал, что не так уж ему противна эта девушка, а если взглянуть иначе, не с птичьего полета, а в узкую щелочку ее жалкой судьбы, то и привлекательна. Никому не принесет зла, обид, никого не заставит сожалеть о встрече с ней.

Однако радости тоже не принесет.

Руки у нее были красивые, даже совершенные, будто долетело эхо давней породы, чьей-то красоты, погибшей в неравной борьбе. Она поднимала их, потряхивая кистями, как колокольчиками, бросала на коленки, задерживала на весу — показывала ему и любовалась сама.

Он почувствовал неясную близость к ней.

Может быть, жило когда-то племя талантливых и племя совершенных физически. И те и другие были сотворены Богом, и смысл творения заключался в том, чтобы они встретились. Однако совершенное хрупко — побеждены, рассеяны, растворены иными племенами, родившимися не от Бога, а от одной из аминокислот.

Скоро, скоро руки ее загрубеют от мытья полов, стирок, чистки картошки, станут корявыми, как у его матери. Красивые руки становятся особо уродливыми. Захотелось потрогать их — такие ли, как у матери? — и он накрыл ее ладонь. Лена тотчас вцепилась в его пальцы, до боли сжала, выкрутила.

— Какой ты добрый, Тришенька, какой добрый!.. — бормотала она и вдруг начала целовать его ладонь.

Добрый? Никогда не знал за собой такого, так же как за другими. Доброта — тоже выражение тайной корысти, слабости, неспособности противостоять другим. Добр одичавший пес, что в драке ложится на спину, подставляя победителю брюхо и шею? Добр человек, поднявший руки в бою? Добр приятель-предатель, когда угощает чаем? Добра мать, что сбежала на край земли?

— Эй-эй! — вырвал руку. — Давай-ка выпьем. Я такого отродясь за собой не знал.

Смахнула со щеки две слезинки.

— Ой, Тришенька, ничего ты о себе не знаешь, ничего!

Доброты на земле нет, есть — сочувствие, как признание угрозы и для твоей жизни, тайной опасности, что кроется в каждом грядущем дне. Есть надежда отмолиться от рока, посочувствовав тому, кого он уже настиг.

Кто был добр к нему, Тришке? Ну, а для сочувствия он, слава богу, повода не давал и не даст. Скорее простится с жизнью, чем позволит себе сочувствовать. Тоже и сам — сочувствовать никому не станет.

Как, однако, блеснули ее птичьи глазки. Вот самый привлекательный облик: девушка в слезах. Чем чаще станет плакать, тем большим будет пользоваться успехом, — пока не выцветут от слез глаза. Равно и безобразной станет, когда выцветут, отольют положенный от природы объем соленой воды.

Она стала трезветь и задумываться. Или выговорила все, что чувствовала, с чем пришла? Очень задумчивы люди, когда нечего сказать. Тем не менее задумчивость была ей к лицу. Нечто сущее, женское выявляла она. Такое, что, опять же, взывало к сочувствию, приглашало к сопереживанию, единению, к такому же лирическому молчанию или, по крайней мере, замене словесной речи неким иным общением, более значительным.

Он положил руку на ее плечо, и она тотчас потерлась щекой: да, ты правильно понял, именно это нужно мне сейчас и всегда — твоя рука. Я слабая, я боюсь борьбы и жажду ласки, я не способна распоряжаться ни собой, ни другими и могу лишь только подчиняться и торопливо выполнять твои желания, я не понимаю, каков мир и какова я сама, мне никогда не приходило в голову изменить его и измениться, построить или разрушить, но я ни при какой погоде, ни днем, ни ночью, ни сегодня, ни завтра, ни во веки веков не изменю тебе, не...

Странное было выражение на лице, когда он валил ее на постель, рвал пуговицы и резинки, с таким выражением, верно, падают в ущелье, вдруг потеряв твердь, и летят, летят, не в силах управлять собой, пока не вырвется из горла крик. Крик этот — не мольба о помощи, не страх или отчаяние, он — известие, что все уже позади.

Кровь она вытирала хрустящими старыми газетами, что месяцами складывала мать под кровать, потом сползла с постели и косолапо зашлепала в уборную, он глядел на ее тощую спину, на плоские ягодицы с омерзением, а когда вернулась, он уже спал, отвернувшись к стене, вбившись в угол между кроватью и обшарпанной стенкой, не видел ее лица с дрожащей улыбочкой.

Проснулся оттого, что кто-то перебирал его волосы. Кажется, было светло и поздно. Кто это? Вспомнил. Рука, словно почувствовав, что проснулся, стала еще ласковее, настойчивее. Вот я, сторожу и охраняю твой покой. Будто бы сторожу и охраняю, а на самом деле жду решения своей участи, терпеливо, но настойчиво. Готова и нападать, и защищаться, и плакать. Как же, ого! Я отдала тебе все.

Не много же у тебя было, красотка. Из-за твоего жалкого богатства я должен потерять свободу?

— Сними руку, — сказал в подушку.

— Что? Что ты сказал? — тотчас наклонилась с полной готовностью: назови любое твое желание. Вот я, давно уже стою на задних лапках. И взгляд мой, голос — слаще меда и крепленого вина.

— Руку сними, — внятно повторил он.

Однако слабые так легко не сдаются. Что-что, а терпение у них есть. Мы будем ждать до гробовой доски. Им не приходит в голову, что верно и пожизненно ждут люди, которым ничего больше не остается и которые ни на что, кроме как на тупое ожидание, не способны.

— Отодвинься, мне жарко.

Сейчас станет обмахивать его платочком.

Нет, слава богу, отодвинулась, замолчала. Ждет.

Проснувшись второй раз, Тришка опять вспомнил и прислушался. Было тихо. Значит, лежит на самом краешке, на ребре кровати. Вот какая я незаметная, легкая, послушная. Даже дыхания моего не слыхать. Тебе со мной будет хорошо.

Открыл один глаз и увидел, что кровать пуста. Второй — не было Лены и в комнате. Значит, на кухне? Вот тебе и завтрак готов. Путь к сердцу мужчины лежит через желудок — кто из женщин не употреблял эти слова? Что ты предпочитаешь — омлет или глазунью? Что тебе готовит по утрам мать?

Но и на кухне не слышно никакого движения.

Он поднялся, заглянул на кухню и в туалет. Лены не было.

Тут на столе увидел записку: «Тришенька, прости меня».

Долго вглядывался в единственную строчку, не понимая, что она обещает, без мыслей и чувств.

Пришло письмо от матери. Равнодушно повертел конверт, бросил на подоконник. Что она могла написать? Пустые слова вызовут лишь только раздражение, а ему надо хранить покой — работать. Прочитает позже, когда выработает, израсходует энергию, что накопила за ночь душа.

Уже неделю он просыпался рано, как всегда, когда посещала подходящая мысль, а с ней и тревога, что не сможет ее осуществить. Поначалу она показалась такой необъятной и важной, что испугался, схватил веник и подмел полы, потом долго стирал под умывальником грязные носки и носовые платки и все оглядывался: что сделать еще, чем отвлечься? Не верил в сокрушительные идеи, к самому себе относился с подозрением, если приходило такое в голову.

Наскреб полтинник и пошел пить кофе в булочную, и там, за стойкой, прихлебывая и нетерпеливо обжигаясь, уразумел, что идея не так уж грандиозна, посильна. Однако возбуждение не проходило: есть разные уровни приближения к истине, и он чувствовал, что — приближается. Теперь главное не торопиться, приготовить душу к работе, чтобы не надеялась на легкий успех, а знала: будет ее трепать, мучить, пользовать много дней. Случаются идеи, которые осуществляются просто, будто собственной силой привлекая нужные запасы в душе, за них легко браться, весело работать. Нынешняя обещала трудную жизнь. Потому и откладывал начало, завершая старые работы, знал, что праздник приуготовления рассеется на тысячу знаков и надо будет собирать их, заново одушевлять. Откладывать начало надолго тоже опасно: душа меняется быстрее, чем кажется, и однажды, проснувшись, можно почувствовать себя другим. Этим и объясняется несовпадение замысла и конечного результата у всех художников, кроме трех-четырех имен за последние пятьсот лет.

Картина будет о них, гениях в новой жизни, о тех, у кого снова не совпали замысел и результат. Гении — не исключение, их много, только люди не знают об этом. Гениальность может выявляться через профессию — художника, философа, математика, — но вообще к профессии отношения не имеет. Профессия — это усердие, способности, талант. Разве не гениальна его бездарная мать?.. Тришка их, гениев, определял с первого взгляда: каждое измученное лицо — гений. Гений не сила, а слабость, он совершенен, а потому не может бороться с толпой. У них, гениев, особая, сквозная судьба и доля: не исчезать окончательно, а умирать и снова возрождаться. Много лиц, что попадались на улицах, он уже встречал в предыдущих жизнях, и они тоже порой вглядывались в его лицо, пытаясь вспомнить то, что когда-то объединяло их.

Вот идея: измученные гении валят мимо памятника Ленину из проходной.

С вечера решил — начинать. Проснулся еще раньше обычного, попил горького чаю с хлебом, закрыл форточку, чтоб не гремела улица, присел на ребро кровати.

И вдруг обнаружил себя праздно размышляющим о том, что опять потягивает картошкой из соседней квартиры, что шестьдесят рублей еще не получены, что почерк у Лены похож на старательный почерк матери, если судить по той строке.

Интересно, если предстоит возродиться снова, эта ли будет у него мать?

Между прочим, Лена забыла — или оставила нарочно? — хозяйственную сумку, с которой пришла в тот день, и значит, имеет предлог явиться опять. Возможно, эта сумка и мешала работать. Выставил ее за дверь.

Вот уж кому не возродиться, так это ей, Лене. Простимся в этой жизни навсегда.

Ниша за окном заложена решеткой и жестью — поминутно громыхала от шагов.

Не надо было дергать Улю за сиськи, мог получиться иной разговор.

Нет, не работалось. Что же, пуста идея?

Разорвал конверт, прочитал письмо. Как ожидал — восторги от долгой дороги, встречи, брата и внука, три страницы взахлеб. Ну, а в самом конце подарочек: «...пришли мне зеленую кофточку, шерстяные чулки, лифчик и бутылочку корвалола, здесь его в продаже нет». Вечно забудет самое необходимое, очень его рассердило это письмо. Решил, что ничего посылать не станет, обойдется, лето, а не зима впереди. Заглянул в шкаф — кофточка висела на самом видном месте, будто приготовленная к отправке, с раздражением захлопнул дверь. Даже за тысячи километров достает, мешает работать. Что за недоразумение природы его мать?

А может, не идея пуста, а душа? Такая вероятность даже обрадовала. Бог с ней, с душой, сердцем, желудком и пищеварением, все ничтожно рядом с работой и все имеет смысл только в ней.

Однако день явно пропал. Решил пойти на завод и получить, наконец, свои деньги. И сразу понял, что не сумка у порога мешает работать, не мать из Салехарда, не громыхание шагов за окном.

По дороге заглянул в аптеку, с облегчением узнал, что корвалола нет.

Огромный город, в котором он жил, был, в сущности, маленький. И не сравнительно там с Москвой или Лос-Анджелесом — с ними как раз соизмерим, а сравнительно с этим заводом на окраине. Завод, в свою очередь, вполне соизмерим с иными заводами — меньшими, большими, но никак не — с собственной проходной: тайная озабоченность возникала в лицах *перед* свер-

кающими турникетами, будто люди сомневались: пропустит? выпустит? — и явное облегчение — *за*, в какую бы сторону ни направлялся поток. Две равновеликие силы здесь взаимодействовали, и люди покорно отдавали свои жизни то одной, то другой.

Но сегодня третья сила влекла его на завод. Вся энергетическая мощь города ничего не стоила рядом с ней.

Он простоял у блинной четверть часа и не решился, несмотря на ту силу; пошел к проходной, но от проходной снова вернулся. «Уля! — раздался радостный крик, как только вошел, будто давно и с нетерпением ждали. — Твой пришел!» И тотчас все блинницы с надеждой кинулись к раздаточному столу, чтобы увидеть знаменитого, разглядеть прославленного, насладиться позорищем нелепого кавалера. А не увидев ничего особенного, лишь только растерянного человечка с козьей бородкой, чтоб возместить разочарование, начали хохотать. «Блин ему со сметаной на голову!» Уже и за столиками прекратили жевать, пялясь на Тришку, и тоже — на всякий случай, чтоб не прозевать удовольствие, не оказаться в убытке, — смеялись. И Уля смеялась — с выражением гордым, заслуженным: она подарила всем это маленькое торжество.

Тришка вышел. И когда шаркал к проходной в потоке безразличных шаркающих людей, понял, почему ему не удавалась картина: ненависти не было в ней. Он хотел примириться с миром, а мир мириться с ним не хотел. Он намеревался показать, какими они, люди, были и какими могли бы стать, а их удовлетворяло то, какие есть. Хотел показать путь к новой, а может, и вечной жизни, но она, вечная, им не нужна, — только нынешняя минута, удовольствие, всеобщий и поглощающий оргазм. Что ж, надо показать толпе, что ожидает ее.

Представил их возмущение, когда закончит работу, негодование — почувствовал, что воинственные клики толпы воодушевляют его. Почувствовал, что с этой Работой он проживет еще одну, быть может, самую лучшую свою, удачную и содержательную жизнь. И, может быть, получит право на еще одну.

— Тришенька! — услышал счастливый голос и увидел сияющие птичьи глаза. — Я знала, что ты придешь! Я знала!

Лена стояла перед ним.

— Я каждый день хожу мимо твоего окна!

Кажется, она не понимала, сейчас ли кинуться на шею или немного погодя.

— Я тебя так ждала!

— Уйди с глаз, — сказал он. — Отвали.

А поскольку она не двигалась, заступив дорогу с выпученными, грязно подкрашенными глазками, отстранил рукой.

Порой он удивлялся тому, что существуют большие города. Почему люди сбиваются в новые племена, как могут жить, завидуя и ненавидя? А впрочем, — то же: в сонмищах больше зла, но больше и удовольствий. Равное наслаждение приносит и грех в оправе праведности, и праведность, оконтуренная грехом. В сонмище больше надежды перемешать эти понятия, а получив свое, запутать мерзкий след. Он, Тришка, счастливым чувствовал себя только наедине с собой. И что ему до всех них вместе и каждого в отдельности — до этой серенькой курочки, что забежала вперед и маячит на углу, в том числе?

Плачет и улыбается, вот я, на всю мою несчастную жизнь — твоя.

Что ж, пусть получит то, что заслуживает. Он направился к ней, кивнул в сторону своего дома.

— Пошли.

Слезы в бесцветных глазах — единственное, что примиряло с ней.

Работа была закончена. Обыкновенно он не испытывал никакого желания показывать свои картины кому бы то ни было, давно миновало время, когда казалось важным мнение людей. Работал отнюдь не ради известности и вовсе не для того, чтобы удовлетворять чувства других. Творчество начинается там и тогда, когда художник удовлетворяет свое чувство, и кончается там, где в расчет берется хотя бы один человек.

Закончив картину, он повернул ее к стене. Работа получилась такая, что и сам он не имел права всуе взглядывать на нее. Уходил из дому, чтобы не оставаться наедине с ней, не думать, не вспоминать, но постоянно чувствовал, что и она ждет встречи с ним. Возвращаясь, робел и страшился: такова ли, как ему кажется? Не изменилась за час расставанья? Не разочарует, не изменит, не предаст?

Нет, оставалась верна. Снова поворачивал к стене, чтобы не развращаться зрелищем совершенного и не развращать ее слишком сильной привязанностью.

От той, первой идеи он отступил. В конце концов — верно: человек достоин сочувствия. Не одни свои — тысячелетние грехи наследует он и несет на плечах.

Он заложил в картину не только ненависть, но и добро. Мрачные лица наделил не свойственной им надеждой, легкомысленные — сомнением, к которому не располагало строение лица, бодрые и вечно веселые — печалью. Нет, не природу поправлял, а судьбу. Показывал людям, что они делают с человеком, и человеку — что тот делает с самим собой.

В один из этих дней вошла Лена и произнесла обычное, наскучившее: «Гениально, Тришенька, гениально». Он вытолкал ее в шею, потому что не имела права хвалить немощным голосом, а должна опуститься на колени и молчать.

Однако пришел день, когда захотелось показать ее, — так счастливые молодожены идут к людям, чтобы потом любить друг друга еще сильнее.

Но кому? Где тот, хотя бы отчасти достойный человек?

Мать — вот кому хотелось показать. Но она, судя по письмам, не собиралась возвращаться и только назойливо требовала кофточку и корвалол. Пусть торчит в Салехарде, если брат дороже, чем сын. Разве написал бы он эту картину, будь она рядом, здесь?

И вдруг понял, что должен сделать. Завтра открывается молодежная выставка, и он обрушит свою работу н а н и х.

Конечно, правильнее было бы не осквернять ее распутным зрелищем и торжищем, представить их липучим глазам не Картину, а, к примеру, фигурку одичавшей от похоти Ули, но — надо взорвать их праздник. Пора заявить, что Он — пришел.

Выставки вошли в моду, публики было много. Много и знакомых лиц — Тришка отворачивался от них.

Как обычно, некий молодой свадебный генерал с умеренным пафосом произнес речь, перерезал ленточку. Ленточка, видимо, знак чистоты, девственности, встречи с искусством один на один. Но публика повалила в зал, как солдаты в бордель. В этой толпе Тришке ничего не стоило прощемиться со своей картиной, забранной в холщовый чехол.

Со стучащим, как копер, сердцем он ворвался одним из первых, остановился в середине огромного зала, сорвал чехол и поставил ее перед собой.

Сейчас, сейчас послышатся воинственные клики, начнется побоище, станет ясно, кто Он и кто — остальные, кто истинно, а кто в суете сует. Кто доктор человечеству, а кто парикмахер, кто имеет право на новую жизнь, а кто и эту получил вопреки и случайно. Ну? Подходите. Готовьте ваши старинные яды. Вот она, Работа, что будет жить, даже если Тришкины сердечные сосуды лопнут от торжества.

Публику, что является на открытие выставок, он знал хорошо. В целом она составлялась из двух видов, различавшихся прежде всего инстинктами: у одних плевательные, у других глотательные. Первые приходят пожевать и отвергнуть, вторые — пожрать, переварить и забыть.

И те и другие не понимают ничего.

И все они шли мимо него.

Нет, сказать, что вовсе не обращали внимания, нельзя, даже и останавливались на минуту. Склонялись, чтобы прочесть имя автора. «А-а, Тришка», — будто имя что-то сообщало им.

Равно презирал и тех и других.

Но вот — вот Главный зритель! Вот кто издаст боевой клич. Сразу заметил Тришку, понял, зачем он здесь. Приблизился, остановился. Улыбнулся скромной, покорной улыбкой, которая так располагала людей. «Хорошая работа, — сказал уверенно. — Я тебя поздравляю. Человечество достойно вполне — разве не так?..»

Он говорил еще и еще. Взял под руку, приобнял за плечи. Окликал и подводил каких-то доброжелательных, основательных людей. И все согласно кивали мудрыми головами: «Да, достойно. Вполне».

Привлекал и случайных зрителей. «Как вы находите?» — «Интересно, — отвечали, потупившись. Боязно случайному говорить на равных с художниками. Робко поглядывали на Тришку: не добавить ли на рубль-другой еще? — Замечательно. Оригинально».

Однако Тришка давно не слушал... Понял, что слабость, которую всегда чувствовал в душе, победила. От этой слабости и пытался объединить и примирить ненависть и любовь. А если примирить, то и примириться. И еще понял: не было никакой гениальности. Был маленький невезучий человечек, мечтавший выцарапаться из нищеты и безвестности, спасти свою ничтожную, но единственную жизнь.

Он снял картину с подрамника, аккуратно сложил вдвое, вчетверо и пошел к выходу. В первую же мусорную урну и опустил ее.

В надежной мужской компании, сгруппировавшейся у подвального магазинчика, с одним стаканом на троих он провел конец дня, потом долго пил пиво за неким сарайчиком уже в другой, еще более надежной компании и наконец прирулил домой, возглавляя третью. Долго не попадал ключом в замок и не сразу заметил листочек под дверью. Такие подсовывала Лена, и он пнул его ногой. Снова откуда-то взялись вино и водка, а среди ночи совсем уж никому не известный человек, рыжий, нечесаный и немытый, с волосами до плеч, принес сумку пива. И никто не был пьян, все было замечательно и дружелюбно, так что даже листок на полу, напоминавший о Лене, не раздражал его. Позже он решил поглядеть, что же она сообщает ему, и поднял листок. «Катя умерла, — прочитал, — похороны в субботу». Спрятал телеграмму, и никто ничего не заметил.

Тот рыжий, что принес пиво, любовно глядел на Тришку и все порывался что-то сказать.

— Что? — спросил Тришка.

— Я хочу показать тебе решение одной чудесной задачи: «Дама с собачкой». Можно?

— Валяй.

Рыжий тотчас схватил лист, начал быстро исписывать его формулами.

— Вот, — сказал рыжий. — Здорово? Математический фольклор — моя слабость.

— Ты кто? — спросил Тришка.

— Математик.

— Студент?

— Нет.

Оказалось, не приняли в университет, но — тем лучше. Зачем тратить время на пустые науки? Он работал смотрителем сторожевых собак на заводе, а в свободное время решал задачи.

— Чего ты хочешь?

— Хочу доказать «Большую теорему» Ферма. XVII век.

— Ты гений? — сочувственно спросил Тришка.

— Да.

Когда рассвело, промчался первый трамвай и гости исчезли, он снова прочитал текст телеграммы. Не поверил ни одному слову. Не раздеваясь, лег, засунул голову под подушку.

Ему приснился паршивый фантастический сон: будто умерла мать. Он стоял рядом с ее братом, своим дядькой, и глядел, как ее закапывают в мерзлую землю. «Корвалол привез?» — спросил дядька. «Привез». — «Молодец, — похвалил тот. — Бросай». И он бросил две бутылочки в могилу. «Порядок, — сказал дядька. — Теперь твоей вины нет».

Проснулся оттого, что звонили в дверь. По характеру звонка — она, Лена. Звонила долго, настойчиво. Потом прошуршал и прощемился под дверь листок. Через минуту увидел, что заглядывает в окно. Очень хотелось встать и показать ей кукиш. Отправилась к трамваю на тощих, как у матери, ногах.

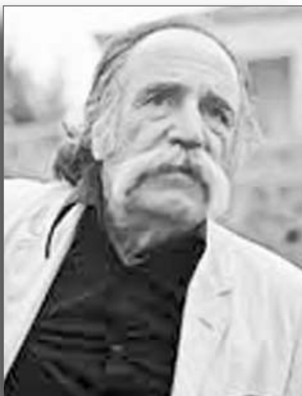
Что-то вчера случилось? Вспомнил о телеграмме и тотчас прогнал это воспоминание. Этого не могло быть.

Попил крепкого чаю, завесил окно шторой. Подумал и завесил поверху одеялом. Отключил провода звонка. Закрыл дверь на два оборота ключа.

Так вот и будет жить, пока она не вернется, не шмыгнет на пороге простуженным носом: «Вот и я, Тришенька. Как ты здесь, без меня?»

Тогда и начнет, может быть, снова работать. Напишет что-нибудь действительно простое и хорошее, единственно ради того, чтобы подтвердить ее веру: он — Гений. И еще ради того, чтоб встретиться с ней в новой жизни.

1990, 2010



УИЛЬЯМ САРОЯН

Предлагаемые вниманию читателя произведения Уильяма Сарояна охватывают период творчества от первых проб пера до зрелой поры. Все три произведения при жизни автора публиковались всего лишь один раз: рассказ «Живые и мертвые» — в сборнике «Трижды три» (1936), эссе «Папина бессонница» (1950) — в альманахе конгрегации армянских католиков-мхитаристов на острове Св. Лазаря в Венеции, рассказ «Чудодейственная грампластинка» — в газете «Saturday Evening Post» от 19 октября 1963 года. Особый интерес представляет «Папина бессонница»: она раритетна не только как публикация текста, но и по своему существу — как исповедь и, как знать, может, этим объясняется ее появление в церковном альманахе.

Как правило, Сароян отмахивался от критиков. Здесь же он сам критикует себя. Это пишет человек, удостоенный Пулитцеровской премии (1940), «Оскара» (1943), шести премий имени О'Генри за лучший рассказ года и т. д., но эти достижения в прошлом, они уже его не удовлетворяют. Он не хочет писать по-старому, а по-новому — еще не получается. Это рассказ об ответственности, о требовательности, о мужестве писателя.

Все три произведения в русском переводе публикуются впервые.

Папина бессонница

Когда моему отцу исполнилось тридцать три и у него к тому времени народилось четверо детей, он стал страдать бессонницей и ночью, и днем. Так продолжалось до тридцати семи лет, когда его не стало.

О покойном отце сын может узнать всякую всячину, которая долгое время мало что значит до тех пор, пока вдруг не станет значить много, и даже очень. Мне стали рассказывать о том, что более тридцати лет назад, в последние годы своей жизни мой отец не мог спать, и я не мог понять, отчего он лишился этого дара.

Сам я относился к этой теме с некоторым чувством превосходства, поскольку я-то спал крепко. Я засыпал в тот же миг, как укладывался в постель, и мог проспать всю ночь, ни разу не проснувшись, а вот мой отец — не мог.

Он вставал и ходил взад-вперед в темноте или включал где-нибудь свет или зажигал лампу (сомневаюсь, было ли у них электричество; скорее всего, не было) или свечу и садился читать или писать. Он непрерывно делал заметки для книг, которые собирался однажды создать.

Я же способен был спать на уроках в школе, уронив голову на сложенные руки. Я погружался в глубокий сон, и мне снились деньги и любовь, но в основном деньги. Столь искушенный во всем, что касалось сна, я не мог взять в толк, отчего не спалось отцу. Я мог лишь догадываться о самых очевидных причинах его бессонницы.

Во-первых, он был беден, а от этого любой мужчина может лишиться сна. Во-вторых, он старался жить жизнью писателя в краю, где каждому трудоспособному мужчине полагалось быть поденщиком. В-третьих, он всегда стремился довести начатое дело до конца. Поэтому он все время делал записи о том и о сем.

Да, при таких обстоятельствах человек вполне мог потерять сон, и в конечном счете, жизнь. Но и у меня не было денег, однако же я мог спать; я тоже пытался стать писателем в той местности, в которой это пытался делать он, и мое положение было ничуть не лучше, но я мог при этом выспаться; я тоже стремился закончить начатое и вел записи обо всем, но мог спать.

Значит, если мой отец не мог спать, должно быть, он был не таким сильным, как его сын, то есть я.

Поэтому данное обстоятельство и вызывало у меня то самое чувство превосходства.

Когда у тебя отец-неудачник, в этом есть свои преимущества. Конечно, в этом, наверное, есть и недостатки, но насколько я помню, для меня это недостатком не являлось.

Иной раз мне даже становилось жаль отца. Жестокий мир калифорнийских виноградников оказался ему не по зубам, а для меня — нет и не будет таковым.

Он был слишком ранимым для этого мира, говорил я себе. Он плохо усваивал уроки жизни, говорил я.

В последние три года своей жизни отец переносил бессонницу особенно тяжело, но есть немало свидетельств тому, что он стал страдать ею задолго до этого.

Бессонница началась у него еще когда он был мальчиком и жил в Битлисе, что в Армении. Поначалу он спал хорошо, но ему приходилось вставать посреди ночи и работать, чтобы прокормить своих братьев и сестер и платить за свою учебу. Затем он не спал ночами, чтобы научиться писать наболевшие стихи и рассказы, которыми он хотел поделиться, поэтому он недосыпал, когда ему было лет двенадцать-тринадцать или четырнадцать. Но такая бессонница или потеря сна совсем другое дело: это намеренное бодрствование, так как у тебя есть дела поважнее сна.

Однако на самом деле нет ничего важнее сна, и мы начинаем осознавать это, когда хотим заснуть и желаем сна, но не способны уснуть.

В любом случае такой добровольный отказ от сна, о котором я говорил, был хорошо мне знаком вплоть до тридцатилетнего возраста. Потом я понял, что пора угомониться, восстанавливать свои силы, за всем поспевать, спать, так я и сделал.

Я, разумеется, ложился очень поздно, но и спал допоздна. Я ложился в два, в три или четыре часа ночи, но спал до полудня, а то и дольше. Я познал освежающее действие дополнительного сна — пробуждения через пять часов и повторного погружения в сон еще на два, три или четыре часа.

Очевидно, моему отцу повезло меньше. Очевидно, он не пришел к осознанию того, что заслуживает такого сна. Думаю, он считал, что если несостоявшийся писатель наслаждается таким сном, то это равносильно признанию своего поражения и тому, что это ему безразлично. Но ему-то было небезразлично.

К тридцати годам у меня не было оснований сомневаться в своем успехе, в некотором роде. Я опубликовал с полдюжины книг и стал признанным писателем.

Поэтому я не испытывал снисхождения к папиной бессоннице. Во всяком случае, до тех пор, пока его бессонница не передалась мне и я, как говорится, на собственном опыте узнал, отчего он лишился сна. И почему я тоже не мог спать.

Иными словами, когда мне пошел тридцать четвертый год, у меня тоже началась бессонница и по ночам, и в другое время суток. Наверное, я мог бы поспать днем, но это был бы уже не тот сон. И я знал отчего — я тоже понял, что потерпел неудачу, пусть по-своему, но все же это была неудача. Я добился успеха, но не того, что надо. Ибо ничего хорошего из этого не вышло. Возможно даже, что неудачи моего отца были не такими провальными, как мои.

Его неудачи, очевидно, были чище, неподдельнее моих. Он и не начинал. Я же сумел начать, но, начав, не достиг ни одной достойной цели. Я только и делал, что писал, ел, пил и веселился, как говорится. Я только и делал, что наслаждался жизнью и девочками, которым нравилось наслаждаться жизнью со мной. Я только жил в свое удовольствие и ни о чем не задумывался (но вы понимаете, что я имею в виду).

Пожалуй, я задумывался о Боге; я никогда не мог не думать о Боге. Я думал о правде или об *относительной* правде и об истине или об относительной истине и тому подобных вещах такого рода. Я знал, что не смогу ничего изменить, поэтому и не пытался.

Вот как папина бессонница окончательно укоренилась в моей жизни, и меня осенило — вот, оказывается, с чем он столкнулся!

Это сильно усложнило мою жизнь, потому что если чувствительный, беспокойный, неугомонный, ранимый писатель не может лечь спать и восстановить свои силы еженощно крепким сном, то очень скоро ему не поздоровится.

С ним происходят нехорошие вещи. Портится зрение. Расстраиваются нервы. Мысли приходят в беспорядок. Сны бессвязны. Химия его души, так сказать, прокисает. Он внезапно обнаруживает, что ненавидит больше, чем любит. Он вдруг обнаруживает, что не способен милосердно относиться к вещам, к которым полагается быть милосердным. Он теряет или начинает утрачивать свою истинную силу. Он теряет свой завод. Сердце у него не железное в тех случаях, когда оно должно быть железным, и лишено нежности, когда должно быть нежным.

Без освежающего глубокого сна его одолевают сомнения из-за всего на свете, а сомнения — конец всему, начало конца. Сомнения — конец здоровью, стилю, личности, росту, совершенству, достижениям.

Без внутреннего спокойствия, которое служит опочивальней для души, писатель умирает от сомнений.

Осознавая, что я не достиг намеченной цели, зная, наконец, что я писал не так, как был бы должен при безграничных возможностях своего писательского дарования, понимая, наконец, что я не был искренен с собой или Богом, я начал понимать бессонницу своего отца, и вскоре это понимание, эта бессонница лишили меня того искусства, которое у меня было до тех пор, пока я не стал осознавать, что потерпел крах.

Я не хотел писать по-старому, потому что утратил всякий вкус к подобному писательству, но в то же время, я (совсем как мой отец когда-то) не мог подняться на более высокий уровень мастерства. Так что между нежеланием эксплуатировать свои старые приемы и неспособностью обрести новые я был совершенно выбит из колеи, а моя душа — изгнана из моего тела, которое является для нее единственным разумным пристанищем.

Так я, наконец, проникся состраданием к бессоннице моего папы, к его неудачам и ранней смерти. Так я стал испытывать сострадание к мучениям своих ближних, каковы бы ни были на то причины. Так я познал, какой ужасной пыткой становится жизнь человека, который выживает. Так я возлюбил искаженные болью лица тех, которые ненавидят, и мучаются, и не знают, что им поделать с этой мукой. Ибо лишенные сна, терзаемые, затравленные и исступленные — это те, кто по той или иной причине обрече-

ны страдать и страдают, и я один из них, такой же несчастный, уродливый, вкусивший их поражения и отчаяния. Безумных, обезумевших от страданий, я теперь должен уважать и, по возможности, любить, хоть это и непросто полюбить такое стремительное поражение. Чудаков, обездоленных, помешанных отныне я признаю своими братьями и забочусь о них, ибо все они оказались в таком состоянии из-за невзгод и внутренних терзаний, которые возникли давным-давно не из них самих, а от Бога, от их ближних, от чужаков, от заклятых врагов.

Пусть никто не гордится плохим здоровьем, невезением, заурядными достижениями, плохим стилем, плохими отношениями с окружающим миром, ибо никто не застрахован от дурных болезней, известных человеку, и личность каждого — сырье для превращения в маньяка, преступника, сумасшедшего.

Пусть никто не кичится крепким сном, ибо это случайность, а случайности бывают с каждым. Пусть неудачники, злыдни и дурачки будут любимы своими братьями сильнее всех остальных. Пусть это станет первой обязанностью человека перед человеком — повернуть ход болезни вспять и вернуть детям более легкую возможность терпеть поражения и делать это благородно.

Пусть никто не будет немилосердным даже к массам, живущим в невообразимом самодовольстве, не способным даже ощутить драматизм помутнения рассудка, преступления или возвышенные просчеты. Хорошие люди должны знать, что безумные обезумели от усилий, и они должны знать, что никогда нельзя потешаться над усилиями, как бы безумец ни перебарщивал.

Я пережил короткую жизнь своего отца на три года, но его бессонница теперь стала моей, и остаток моей жизни будет временем жестокой борьбы, ибо мне нужно восстановить и усовершенствовать свой былой стиль жизни либо выработать новый, но при этом я буду лишен сил, которые дает освежающий сладостный сон, тот сон, что должен быть возвращен каждому из нас.

Чудодейственная грампластинка

В 1921 году вскоре после того, как мне минуло тринадцать, я ехал домой из центра Фресно, прижав к бедру заводной фонограф «Виктор с одной грампластинкой». А ехал я на велосипеде.

От того, как я обращался с велосипедом, будучи рассыльным Почтово-телеграфной компании, он разваливался.

Ко времени выхода в свет моей первой книги у фонографа отказал моторчик, и пока я впервые в жизни путешествовал по Европе в 1935 году, его отдали Армии Спасения.

Зато пластинка сохранилась у меня до сих пор, и я питаю к ней особую привязанность.

Мои теплые чувства к ней объясняются тем, что каждый раз, когда я ее прослушиваю, мне вспоминаются события, развернувшиеся у нас дома, как только я привез фонограф и пластинку.

Фонограф обошелся мне в десять долларов, пластинка — в 75 центов, причем новеньких. Я заработал эти деньги за первую неделю работы посыльным, плюс к ним 4 доллара 25 центов были у меня с собой.

Моя мама только что вернулась с фабрики Гуггенхайма, где, судя по выражению ее лица, она расфасовывала инжир по пакетам весом восемь унций — самым непопулярным среди упаковщиков, потому что полный

рабочий день на укладке пакетов весом восемь унций по столько-то за штуку приносил всего полтора или самое большее — два доллара. А на упаковке пакетиков весом четыре унции можно было заработать три, а то и четыре доллара, что по тем временам были неплохие деньги и очень приветствовалось, если учесть, что работа у Гуггенхайма или на других упаковочных фабриках — у Розенберга или Индерридена была сезонной, а сезон никогда не длился долго.

Когда я, волнуясь, вошел в дом с фонографом, прижатым к бедру, мать посмотрела на меня взглядом, судя по которому, день выдался на восемь унций. Однако она промолчала, и я промолчал, водружая фонограф на круглый стол в гостиной; убедившись, что внешние детали при перевозке не пострадали, и не обнаружив дефектов, я снял пластинку с поворотного диска, к которому продавщица прикрепила ее резинками, осмотрел с обеих сторон и заметил, что мать наблюдает за мной. Наконец, когда я принялся заводить фонограф, она заговорила вкрадчивым и вежливым голосом, что, как мне было известно, являлось признаком того, что все это ей не по нраву. Она сказала по-армянски:

— Вилли, что это там у тебя?

— Это фонограф.

— Где ты раздобыл этот фонограф?

— У Шермана и Клея на Бродвее.

— Тебе что, *отдали* этот фонограф у Шермана и Клея?

— Нет, я заплатил за него.

— Сколько ты заплатил, Вилли?

— Десять долларов.

— Десять долларов большие деньги для нашей семьи. Может, ты *нашел* эти десять долларов на улице?

— Нет, я получил их за первую неделю работы рассыльным. А пластинка стоила 75 центов.

— А сколько со своей первой зарплаты ты принес домой на всю семью — на арендную плату, на еду, на одежду?

— Четыре доллара и двадцать пять центов. Я получаю всего четырнадцать долларов в неделю.

Итак, пластинка установлена на фонограф, и я собираюсь опустить иглу на вращающийся диск, как вдруг замечаю, что мне лучше все бросить и смыться, что я и делаю, причем вовремя. Сначала я хлопаю дверью на заднем крыльце, потом ею хлопает мать.

Бегая вокруг дома, я осознаю две вещи: во-первых, что вечер прекрасный, и во-вторых, что отец Левона Кемаляна, очень почтенный человек, стоит перед своим домом на той стороне улицы и наблюдает со слегка отвисшей челюстью. Он староста Первой Армянской Пресвитерианской церкви; он родом не из Битлиса, как мы; он не Сароян, поэтому такое зрелище ошеломляет его. Очевидно, Такуи Сароян и ее сын носятся вокруг дома не для разминки или спортивного состязания. Тогда зачем же?

Я приветствую в духе добрососедства мистера Кемаляна, перебегая из переднего крыльца в гостиную, где я быстренько опускаю иглу на пластинку, и несусь в столовую, откуда можно наблюдать, как воздействует музыка на мать, и если понадобится, выскочить во двор через заднее крыльцо. Как только мать возникла в гостиной, из фонографа полилась музыка.

На мгновение мне кажется, будто она собирается пренебречь музыкой и продолжать погоню, но затем вдруг происходит то самое, отчего эта пластинка раз и навсегда становится моим сокровищем.

Мать останавливается, может, просто перевести дух, может, прислушаться к музыке; еще не известно наверняка.

Пока звучит музыка, я не могу не заметить, что мать либо очень устала гоняться за мной, либо и впрямь слушает музыку. Потом я замечаю, что она несомненно слушает музыку. Я вижу, как ее внимание переключается с погони на фонограф. Я вижу, как она берет один из шести плетеных стульев, оставшихся со времен моего отца, с 1911 года, и пододвигает его к круглому столу. Я вижу, как она садится. Я замечаю, что на ее лице уже не осталось ни следа усталости и гнева. Мне вспоминается страдающий безумием библейский персонаж, которому встречается человек, музицирующий на арфе. Я стою в дверях гостиной, и когда мелодия прекращается, подхожу к фонографу, снимаю иглу с диска и выключаю мотор.

Не глядя на меня, мать обращается ко мне, на этот раз по-английски:

— Ладно, эту штуку мы оставляем. — Затем ласково, по-армянски: — Поставь, пожалуйста, еще раз.

Я быстро, в несколько оборотов завожу фонограф и вновь ставлю иглу на диск.

На этот раз, когда игла подходит к концу пластинки, мать говорит:

— Покажи, как это делается.

Я показываю, и в третий раз она заводит пластинку самостоятельно.

Музыка, конечно, прекрасная, но всего лишь мгновение тому назад она сердилась на меня за то, что, по ее мнению, бóльшая часть моего недельного жалования бездарно потрачена на какой-то дурацкий хлам. Потом она услышала музыку; да, что-то ей приоткрылось, а именно: деньги не только не потрачены зря, а дальновидно вложены.

Она прокрутила пластинку шесть раз, а я так и сидел у стола в гостиной и просматривал маленький каталог пластинок, бесплатно предоставленный мне продавщицей у Шермана и Клея. Потом она спросила:

— Ты принес всего одну пластинку?

— Вообще-то на оборотной стороне есть еще одна песня.

Я вернулся к фонографу, перевернул пластинку и поставил на это место.

— А что это за песня?

— «Песнь об Индии». Я ее раньше не слыхал. В магазине я прослушал только первую, под названием «Чио-Чио-Сан».

— Что значит «Чио-Чио-Сан»?

— Наверное, так называется песня. Хочешь послушать вторую, «Песнь об Индии»?

— Да, прошу тебя.

Теперь, когда остальные члены семьи пришли домой и услыхали музыку из гостиной, войдя, они увидели новенький фонограф; мать сидит на плетеном стуле прямо перед ним и слушает.

Зачем мне понадобилось столько лет так бережно хранить и лелеять эту пластинку? А затем, что пластинка почти мгновенно приобщила мою маму к искусству, и она начала догадываться, что ее сын не напрасно ценит некоторые вещи выше денег, и возможно, выше еды, питья, крова и одежды.

Через неделю она во всеуслышание объявила за ужином, что пора выделить из семейного бюджета некоторую сумму на приобретение второй пластинки, и пожелала знать, что там еще можно найти. Я достал каталог и пробежал по названиям, но для нее это был пустой звук, поэтому она велела мне отправиться в магазин и выбрать нечто «hrashali», что по-армянски означает «чудесное», что я с удовольствием исполнил.

Теперь, спустя 42 года, когда я снова слушаю эту пластинку и пытаюсь понять, что же тогда произошло, то думаю — это банджо так ее проняло, это банджо говорило с ней искренне, как со старинной знакомой, которую понимают с полуслова и безгранично любят. Аккорды банджо и голос кларнета помнили все былое, принимали все нынешнее и ожидали всего, что

могло выпасть на ее долю, отзывались эхом из повести о японке, которую покинул американский моряк; гобой твердил слова, саксофон захлебывался эмоциями: «Фокстрот (на мотив Дж. Пуччини в аранжировке Хьюго Фрея) Пол Уайтман и его оркестр. 18777-А».

После этого случая, когда я подвергался нападкам родни из-за некоторых моих, по их представлениям, чудачеств, мать всегда терпеливо вставала на мою защиту, пока не выходила из себя, и тогда она в сердцах восклицала:

— Слава Богу, он не бизнесмен.

Живые и мертвые

I

Я сладко спал у себя в комнате, и было уже три часа пополудни, когда вломился без стука писатель по имени Пит. Судя по тому, как слишком уж нервно рванули дверь, я догадался, что это он собственной персоной. Мне даже не пришлось открывать глаза, чтобы убедиться в этом *после* того, как он вошел, — судя по запаху, кое-кому не мешало бы сходить в баню, а я не знал, кому еще, кроме Пита, не мешало бы помыться, и потому решил не просыпаться. Я знал, что ему хотелось поболтать, а у меня как раз не было ни малейшего желания заниматься болтовней в это время суток.

Если спишь в такой час, когда всем, кроме бездельников, полагается бодрствовать, то понимаешь, насколько нелепы мирская суета и трескотня, и тебе приходит в голову мысль о том, что наш мир был бы лучше приспособлен для страданий, если бы все перестали чесать языками и отправились спать, именно в три часа дня, когда спать считается признаком духовного разложения современного человека и безнравственностью. Наверное, сон — это одна из исключительных привилегий простого смертного. Пожалуй, недосыпание — это основная причина того, что человеку не сидится на месте и он жаждет бурной деятельности.

Был теплый день, солнечный луч падал мне на лицо, проникая сквозь веки в мои бездонные глубины — в прошлую жизнь, туда, где накапливается минувшее, освещая огромное пространство во мне, и я чувствовал себя как скала безмятежным и очень неподдельным. Как-нибудь испытайте это… Может, вам невдомек, как далеко вы находились от того места, где вы сейчас, под черепной коробкой и кожей, но если вы существуете и осознаете это, то, возможно, вы везде побывали и все видели и только что попали домой, и вот мой девиз — «наш мир должен уразуметь, как и когда спать». Бодрствовать может каждый, но сколько нужно безмолвной восточной мудрости, чтобы уложить свое усталое тело при свете солнца и возвращаться к истокам нашей земли.

Пит — неплохой парень и иногда способен написать простое предложение по-своему, смысл которого соответствует его замыслу. Обычно, вопреки его ароматам, общение с ним мне не претит. Он пребывает в возбужденном состоянии, но это оттого, что он изо всех сил пытается сказануть нечто этакое, отчего все встанет на свои места, и утром все проснутся с просветленной душой и улыбкой на лице.

Во сне я — глубокий мыслитель. Поэтому я негодую, когда люди неуважительно относятся к святости молитвы и неприкосновенности уюта. Однако же, когда я бодрствую, я — образчик благовоспитанности.

На столе две литровые бутылки дешевенького пива, открывалка, стакан и пачка сигарет «Честерфилд». Пит откупорил бутылку, налил себе

стакан, отпил, прикурил сигарету, затянулся, а я встал и потянулся — вот и вся моя гимнастика.

— Боже праведный, — сказал Пит, — как ты можешь спать в такое время? Как ты не понимаешь, что мир сходит с ума? Бедняки мрут как мухи. Гибнут от голода и холода. А ты себе потягиваешься в этой норе, будто так и надо. Можно выпить?

Я ответил, что он может распоряжаться всем, что мне принадлежит, а он говорит:

— Истинный добренький буржуа. Но меня не проведешь. Такая благотворительность не устоит перед революцией. Они пытаются нас подкупить дешевыми бакалейными лавками и бесплатной арендой, но мы восстанем и сметем их.

Я зевнул и распахнул окно. Занавеска заколыхалась от свежего потока воздуха, я вдохнул его полной грудью и опять зевнул.

— Кого ты собираешься сметать? — спросил я.

— Не смеши меня, — сказал Пит. — Нужно покончить с тиранией. Они так и норовят заткнуть нам глотки фашизмом, но это им даром не пройдет.

— О ком ты? — спросил я.

— О начальстве, — сказал Пит, — черт бы их побрал.

— Да ты за десять лет и одного дня-то не отработал, — сказал я. — О каком еще начальстве ты говоришь?

— О крысах, — сказал Пит. — О кровососах-капиталистах — морганах-мелонах и прочей шушере.

— Они такие же жалкие существа, как ты, — сказал я. — Ставлю десять против одного, что если бы ты встретился с Морганом, то понял бы, как он близок к смерти. Он бы отвалил тебе два-три миллиона долларов, чтобы оказаться на твоем месте, только бы не быть писателем. Он бы выложил все до последнего гроша, чтобы стать таким же молодым, как ты. Морган — старик. Недолго ему осталось жить на белом свете. Он может отдать концы в любую минуту. А у тебя впереди добрых сорок лет, если не споткнешься где-нибудь и не раскроишь себе черепушку о пожарный гидрант.

— Все это буржуазные разговорчики, — сказал Пит. — Я говорю о *двадцати пяти миллионах голодных мужчин, женщин и детей Америки*.

— Каждый может проголодаться, — сказал я. — Даже богатые — между приемами пищи.

— Не смеши меня, — сказал Пит. — Я говорю про голод, а не про то, что есть нечего.

Он налил себе еще стакан пива и плеснул пеной на свой жилет, вытер и сказал, что ему очень хочется, чтобы я не был таким фашистом и стал бы честным коммунистом и трудился бы на благо людей во всем мире.

— Я не фашист, — сказал я. — Я даже не знаю, что это значит.

— Что это значит? — воскликнул Пит. (Очень нервный писатель — выплеснул пиво на жилет и раскричался.) Ты не знаешь, что значит «фашизм»? Я тебе скажу, что значит. Это значит затыкать рот прессе. Оно означает — конец свободе слова. Конец свободной мысли.

— Ну, это не так уж страшно, — сказал я. — Без свободы слова всегда можно обойтись. Ведь и сказать-то особенно нечего. Жизнь не прекратится, если прекратится свобода слова. Все, за исключением пары-тройки ораторов, будут жить как прежде. Вот увидишь, без ораторов мы не заскучаем.

— Все это чушь собачья, — сказал Пит. — Можно еще сигаретку?

— Ты взволнован, — сказал я. — Что у тебя на уме?

— Только между нами, — сказал Пит. — Меня прислал местный комитет партии, чтобы получить с тебя один доллар.

— У-у, — сказал я, — а я-то думал, ты действительно переживаешь за бедных.

— Я переживаю за бедных, — заверил меня Пит.

— А на что тебе доллар? — поинтересовался я.

— Чтобы помочь с выпуском следующего номера газеты «Молодой рабочий», — сказал Пит.

— Какой еще к черту «Молодой рабочий»? Мало того, что вы, обормоты, в жизни не работали, вы и дурака-то валять как следует не умеете.

— В следующем номере будет мой рассказ, — сказал Пит.

— Куда он денется, — сказал я. — Надеюсь, вам не собрать денег на следующий выпуск.

— Это мой лучший рассказ, — сказал Пит.

— Все равно он никуда не годится, — сказал я.

— От него их прогнившие души вывернутся наизнанку, — сказал Пит.

— Налей-ка себе еще пива, — предложил я. — Откупорь вторую бутылку. Ты вот как рассуждаешь. Сидят там у вас двадцать-тридцать недоумков, которым хочется стать писателями, и ни один не знает, с чего начать и что сказать. Для вас коммунизм — школа сочинительства.

— Я о многом говорю в своем рассказе, — сказал Пит. — Я выкладываю все начистоту.

— Что же ты говоришь? — спросил я.

— Много чего, — сказал Пит. — Вот дождись и прочитай. Он называется «Довольно голодных маршей».

— Дождусь, — сказал я, — с удовольствием.

— Ты должен дать мне этот доллар, — сказал Пит. — Я шесть недель не приносил ни единого доллара, и они уже на меня косятся.

— А что если ты не принесешь им доллар? — спросил я.

— Мне полагается быть активным членом, — сказал Пит.

— Воинственным членом, — сказал я.

— Да, — сказал Пит.

— Вы, ребята, ни дать ни взять войну затеяли, — сказал я. — Туго у меня с деньгами. Нашел к кому обращаться за долларом. Почему бы тебе не пойти на Монтгомери-стрит. Почему бы тебе не проявить свою коммунистическую воинственность и не попытаться выцарапать этот доллар у Флейшакера или Спрекельса?

— Они наши враги, — сказал Пит. — Ненавидят нас всеми фибрами своей души.

— Ну, а вы в них души не чаете? — спросил я.

— Мы их тоже всеми фибрами, — сказал Пит.

— Прямо одна большая счастливая семейка, — сказал я. — Вот тебе доллар, и катись к чертям собачьим. Принесешь мне свой рассказ, когда напечатают. А вдруг ты скрытый Достоевский. От тебя так разит, что ты вполне можешь оказаться великой личностью. Когда ты собираешься сходить в баню?

— Послезавтра, — сказал Пит. — Спасибо за доллар. Думаешь, мне нравится разгуливать в грязной одежде, без денег и немытым? При коммунизме у нас повсюду будут ванны.

— При коммунизме, — сказал я, — ты будешь точно такой же, как сейчас, только писать станешь хуже, потому что нечем будет выворачивать наизнанку прогнившие души и не останется прогнивших душ, чтоб их выворачивать. Когда ты сюда вломился, я спал. Почему бы вам, ребята, не рассылать циркулярные письма вместо того, чтобы заявляться самолично?

— Почтовые расходы не по карману, — сказал Пит. — Можно, я возьму три-четыре сигареты?

— Забирай всю пачку, — сказал я.

Он направился к двери, потом обернулся еще взволнованнее, чем прежде.

— Они хотят, чтобы ты пришел сегодня вечером на собрание, — сказал он. — Просили, чтобы я сделал тебе особое приглашение на вечернее собрание.

— Вы забавляете меня, ребята, — сказал я.

— Это не какое-нибудь скучное собрание, — сказал Пит. — Будет похлеще, чем кино. Придет очень остроумный докладчик.

— Вечером я иду играть в покер, — сказал я. — О современной экономике можно больше узнать за картами.

— Жду тебя на собрании, — сказал Пит.

— Может, и загляну, — сказал я. — Если проиграюсь, точно загляну. Если выиграю, останусь в игре и попытаюсь выиграть столько, чтобы уехать из города.

— Все хотят, чтобы ты вступил в партию, — сказал Пит, — они считают, что коммунизм нуждается в людях с твоим чувством юмора.

— Членских взносов они хотят, — сказал я.

— Ты мог бы хоть что-то совершить для своих ближних?

— Я всегда даю на чай и парикмахеру, и чистильщику обуви, и официантке, — сказал я. — Раз в неделю даю полдоллара за газету мальчишке-разносчику. Вношу свою скромную лепту.

— Все это буржуазные разговоры, — сказал Пит. — Увидимся на собрании.

— Если только проиграюсь, — сказал я.

Он закрыл за собой дверь и поспешил в коридор. Я распахнул все три окна и сделал глубокий вдох. Солнце по-прежнему сияло, я опять потянулся и погрузился в сон.

II

Потом в комнату вошла моя бабушка, окинула все гневным взором, бормоча что-то себе под нос, взяла со стола книгу и раскрыла, уставилась в незнакомый шрифт и с досадой и негодованием захлопнула, словно нет на свете ничего нелепее книги.

Я знал, что ей хочется поговорить, потому притворился, что сплю.

Моя бабушка лучшая из всех женщин, с которыми я имел честь встречаться, может, даже самая неподражаемая из всех ныне здравствующих женщин в возрастной группе «кому за семьдесят», но, как я всегда говорю, всему свое время и место. В нашей безумной стране вечно проводят конкурсы для малых детей, но я ни разу не слыхал о конкурсах для бабушек. На конкурсе бабушек моя старенькая бабуля завоевала бы все какие ни есть серебряные кубки с золотыми или там голубыми ленточками, и я обожаю ее, но сейчас мне хотелось поспать. Она не умеет ни читать, ни писать, ну и что? Она знает жизнь лучше, чем Джон Дюи и Джордж Сантаяна вместе взятые, а они знают немало. Можете ее спросить, сколько будет дважды два, и она возмутится и повелит не донимать ее детскими вопросами, но все-таки она гениальна.

Сорок лет назад, говорила она, кто-то попросил одну недалекую женщину по имени Оскан рассказать про свою поездку в село Гультик, и та встала и поведала всем: «Там есть куры. Когда подзывают кур, то говорят “цып-цып-цып”. Там есть коровы — они мычат — “му-му-му”».

Она так и закипела от слов глупой женщины. Она стала вспоминать старую родину и прошлую жизнь. Я знал, что она заговорит о своем муже Мелике и раскричится, поэтому встал и улыбнулся ей.

— И это все, что она могла рассказать? — спросил я. — Цып-цып-цып и му-му-му?

— Она была непроходимая тупица, — сказала бабушка. — Поэтому, наверное, ее отправили в школу и научили писать и читать. В конце концов ее выдали замуж за мужчину, который хромал на левую ногу. Один калека заслуживает другого. Почему в такой день ты не гуляешь в парке?

— Да вот, захотелось поспать после обеда, — сказал я.

— Ради все святого! — воскликнула бабушка. — Мой муж Мелик с утра до полуночи скакал верхом на вороном коне по лесам и горам, пил и горланил песни. Стоило горожанам его узреть, они разбегались и прятались. Дикие курды из пустыни при нем дрожали от страха. Мне стыдно за тебя, — сказала она. — Валяешься тут со своими дурацкими книжонками.

Она взяла первую попавшуюся книгу, раскрыла и с отвращением заглянула в нее.

— Что тут написано? — спросила она.

— Это великая книга очень великого человека. Его звали Достоевский, — поведал я. — Он русский.

— И слышать не хочу про русских, — сказала бабушка. — Мало они нам гадили. О чем он тут пишет?

— Обо всем, — ответил я. — Он учит, что мы должны любить ближнего своего и быть милосердными к слабым.

— Опять вранье, — сказала бабушка. — Разве хоть один народ проявил к нам милосердие? Посреди зимы он отправился в Стамбул.

— Кто? — спросил я.

— Мелик! — прокричала она. — Мой муж, — сказала она с горечью в голосе. — Кто же еще? Кто бы осмелился пуститься в такую даль, да еще посреди зимы? Он сказал мне: «Я привезу тебе из Стамбула цветастую шаль и ожерелье». Конечно, он был пьян, но он был мой муж. Я родила ему семерых детей до того, как его убили. Если бы его не убили, было бы больше, — стенала она.

— Говорят, он был жестокий, — сказал я.

— Кто это говорит такие гадости про моего мужа? — возмутилась бабушка. — Его раздражали дураки и слюнтяи, — сказала она. — Тебе бы не помешало стать таким, как он.

— Я могу скакать верхом, — сказал я. — Выпивать и петь песни я тоже люблю.

— В этой-то стране? — сказала бабушка. — Куда ты поедешь на лошади в этой стране?

— В публичную библиотеку, — сказал я.

— И они упекут тебя в каталажку, — сказала бабушка. — Куда ты привяжешь лошадь?

— К дереву, — сказал я. — Перед публичной библиотекой растут шесть небольших деревьев.

— Сядь на лошадь в этой стране, — сказала она, — и они тебя в маньяки запишут.

— Уже записали, — сказал я. — Клевета разносится, как лесной пожар.

— И тебе безразлично? — спросила она.

— Совершенно, — сказал я. — С какой стати?

— Может, это правда? — предположила она.

— Гнусная ложь, — ответил я.

— Когда тебя недолюбливают, это полезно для здоровья, — изрекла бабушка. — Моего мужа Мелика одинаково ненавидели и друзья, и недруги. *Люто* ненавидели. И он это знал, но все делали вид, что его любят. Они его боялись, поэтому притворялись, будто любят. Сыграем в *скямбиль*? У меня есть карты.

Она опять оказалась в одиночестве, как юная девушка.

Я встал, сел за стол напротив нее и прикурил одну сигарету для нее, другую для себя. Она перетасовала и сдала три карты мне и три себе. Перевернула следующую карту, и игра началась.

— По десять центов? — спросила она.

— По десять или пятнадцать, — сказал я.

— Ладно, пятнадцать, но я играю лучше тебя, — сказала она.

— А вдруг мне повезет, — сказал я.

— Я не верю в везение, — сказала она, — даже в картах.

Мы говорили и играли. Я проиграл бабушке три игры. Заплатил ей. Но дал полдоллара.

— Разве с тебя столько причитается? — спросила она.

— Немного меньше, — сказал я.

— Ты не врешь? — сказала она.

— Я никогда не вру, — сказал я. — С меня сорок пять центов. Ты мне должна пять центов.

— Пять пенни? — сказала она

— Или один пятачок, — сказал я.

— У меня три пенни, — сказала она. — Я дам тебе три пенни и останусь должна два.

— Делаешь успехи в арифметике, — заметил я.

— Американские деньги сбивают меня с толку, — сказала она. — Но разве кому-нибудь удавалось меня обсчитать?

— Никому, — заверил ее я.

— Никто не посмеет, — сказала она. — Я пересчитываю деньги монетку за монеткой. А если есть кто-то поблизости, я прошу, чтобы еще раз пересчитал для меня. В Ханфорде был один жуликоватый бакалейщик, — продолжала она. — Тигранян. Взял с меня лишних три цента. Шесть фунтов сыру. Пять человек пересчитывали для меня деньги и сказали, что он взял на три цента больше. Я выждала неделю и снова пошла к нему в магазин. За эти три цента я стянула три пачки сигарет. Своруй у вора, и Господь возрадуется. Никогда еще сигареты не доставляли мне такого блаженства, как те, что я стянула у Тиграняна. Пять человек пересчитывали. Думал, я старая женщина. Думал, сойдет с рук. Я пошла в магазин и ни слова не сказала. Доброе утро. — Доброе утро. Чудесный день. — Чудесный день. Фунт рису. — Вот фунт рису. Он отвернулся, чтобы взять рис, а я стащила три пачки сигарет. Ха-ха-ха! — рассмеялась бабушка. — Своруй у вора, и Господь возрадуется на небесах.

— Но ты взяла слишком много, — сказал я. — В пятнадцать раз больше.

— В пятнадцать раз? — сказала бабушка. — Он обсчитал меня на три цента, а я стянула у него три пачки сигарет, ни больше ни меньше.

— В конечном счете, вы, наверное, квиты, — сказал я, — но неужели ты веришь в то, что Господь радуется, когда ты воруешь у вора?

— Конечно, верю, — сказала бабушка. — Разве не сказано то же самое на трех языках — армянском, курдском и турецком?

Она произнесла эти слова на курдском и турецком.

— Я бы тоже хотел говорить на этих языках, — сказал я.

— Курдский, — сказала бабушка, — это язык сердца. Турецкий — музыка. Турецкий течет, как струя вина, плавно, сладостно и ярко. А наш язык, — кричала она, — это язык горечи. Мы испробовали много смерти, поэтому наш язык отягощен ненавистью и гневом. Я слышала только одного человека, который умел говорить на нашем языке так, словно это речь божественных людей.

— Кто же этот человек? — спросил я.

«Всемирная литература» в «Нёмане»

— Мелик, — сказала бабушка. — Мой муж Мелик. Если он был трезв, то говорил тихо — насыщенным, густым и мягким голосом. Если был пьян, то рычал, как лев, и казалось, это Господь на небесах с горя проклинает племена и народы всей земли. Я не слышала, чтобы кто-нибудь умел так говорить, неважно, на трезвую голову или во хмелю. Ни здесь, ни на старой родине.

— А когда он смеялся? — спросил я.

— Когда Мелик смеялся, — сказала бабушка, — его смех был подобен океану прозрачной воды, что взлетала от радости до луны.

Уверяю вас, моя бабушка завоевала бы все какие есть в мире серебряные кубки и золотистые ленты.

Теперь же она сердилась, разгневанная трагической поэзией своего народа.

— И ни один из вашего отродья *opegh-tsapegh* не сравнится с ним, — кричала она. — Только мой сын Ваган еще немного на него похож, а после Вагана вы все мне чужаки. Вот мое самое большое горе.

Opegh-tsapegh не поддается переводу. Оно приблизительно означает «скопище случайных субъектов». В применении к кому-либо подразумевает, что данный человек не заслуживает никакого доверия. Напротив, это очередной дуралей, которого нужно сосчитать, внести в перепись и позабыть. Короче, это каждый встречный-поперечный.

— А когда он плакал? — спросил я.

— Не было такого, чтобы мой муж плакал, — сказала бабушка. — Когда другие мужья запирались в своих домах и запугивали своих жен и детей, мой супруг скакал в горы, пил и сквернословил. Если он и плакал в горах, то в одиночестве, и только Бог был свидетель его слабости. Он всегда возвращался, ругаясь громче прежнего, затем я укладывала его в постель и сидела над ним, любуясь им.

Она присела со вздохом и опять с возмущением оглядела комнату.

— Эти книги, — сказала она. — Не понимаю, что ты надеешься в них вычитать. Что в них такого? Что ты собираешься в них найти?

— Я и сам не знаю, — сказал я.

— Ты все прочитал? — спросила она.

— Некоторые по два-три раза, — ответил я. — Некоторые — всего страничку оттуда, отсюда.

— Что же в них есть такого?

— Ничего особенного, — сказал я. — Иногда — блеск и хохот, или же напротив, мрак и гнев. Хотя не всегда.

— Ну, — сказала бабушка, — те, кого учили писать-читать, на поверку всегда оказывались самыми глупыми и худшими женами. Эта безмозглая Оскан ходила в школу, и когда она открывала рот, все, что она могла выговорить, было: «Там есть куры. Когда подзывают кур, то говорят “цып-цып-цып”». Это и есть мудрость?

— Невинность, — сказал я по-английски.

— Не понимаю этот нелепый язык, — сказала она.

— Замечательный язык, — сказал я.

— Это оттого, что ты тут родился и не знаешь ни одного другого языка — ни турецкого, ни курдского, ни слова по-арабски.

— Нет, — сказал я, — это оттого, что это язык, на котором говорил и писал Шекспир.

— Шекспир? — сказала бабушка. — Это еще кто?

— Величайший на свете поэт, — сказал я.

— Вздор, — сказала бабушка. — Был у нас бродячий певец, который ходил из города в город, когда я была девочкой двенадцати лет. Он был страшен как смертный грех, зато мог читать стихи на шести языках, весь

день и всю ночь напролет, и ни единого слова по бумажке, ни единого слова наизусть, каждая строка сочинялась прямо у нас на глазах. Его звали Безумный Маркос и давали мелкую монету за исполнение, и чем больше давали денег, тем больше он хмелел и говорил еще более прекрасными стихами.

— У каждой страны, у каждого народа и каждого века свой поэт и свое понимание поэзии. Английские поэты писали, а твои поэты читали, — сказал я.

— Но если они поэты, — сказала бабушка, — почему они писали? Поэт живет, чтобы петь? Может, боялись потерять и забыть хорошую строку? Почему они записывают каждую мысль? Боятся запамятовать?

— Не без этого, — сказал я.

— Хочешь поесть? — спросила она. — У меня есть капустный суп и хлеб.

— Я не голоден, — ответил я.

— Пойдешь гулять сегодня вечером? — спросила она.

— Да, — сказал я. — Сегодня в городе будет важное собрание философов. Меня пригласили послушать и поучиться.

— Хватит тебе заниматься ерундой, — сказала бабушка.

— Это не ерунда, — возразил я. — Эти философы собираются объяснить, как сделать мир лучше — устроить рай на земле.

— Что за ерунда, — сказала бабушка. — Этот мир остается тем же самым, каким его знают все люди, и он может быть каким угодно.

— Это буржуазная болтовня, — сказал я по-английски. — Эти философы, — сказал я, перейдя на армянский, — переживают за бедных. Они хотят раздать бедным состояние богатых. Они утверждают, что таким образом все исправится и все станут счастливы.

— Бедны — все, — сказала бабушка. — Самый богатый человек в мире не менее беден, чем самый бедный. По всей земле царит нищета духа. Я никогда не встречала в людях такой скаредности. Отдай им хоть все деньги на свете, они все равно останутся бедными. Это меж Богом и людьми.

— Они не верят в Бога, — сказал я.

— Верят или нет, — сказала бабушка, — все равно — между ними и Богом. Я не верю в зло, но разве от этого зло перестанет существовать?

— Я все равно пойду, — сказал я, — просто послушать, что они говорят.

— Значит, я останусь дома одна? — сказала она.

— Сходи в кино, — предложил я. — Ты знаешь, как найти кинотеатр у нас по соседству. Это недалеко. Сегодня вечером будут показывать хорошую картину.

— Одна? — сказала бабушка. — И не подумаю.

— Завтра сходим вместе, — сказал я. — Послушай вечером радио. Я не задержусь.

— Есть у тебя книжки с картинками?

— Конечно, — сказал я.

Я протянул ей книгу «Жизнь королевы Виктории», насыщенную изображениями этой прекрасной пожилой дамы.

— Эта дама тебе понравится, — сказал я. — Она была королевой Англии, но ее уже нет на свете. В книге полно картинок — от рождения до кончины.

— Ах, — воскликнула бабушка, разглядывая ранний портрет королевы. — Она была хорошенькой девушкой. Ах-ах, увы, увы, нет теперь этих прекрасных людей.

И пошла на кухню.

Я снял свою старую одежду и залез под теплый душ. Вода освежила мою кожу, и я запел.

«Всемирная литература» в «Немане»

Я надел свежевыстиранную сорочку и темный костюм. Пошел на кухню, поцеловал бабушкину руку и вышел из дому. Она стояла у окна и смотрела вниз — на меня.

Потом подняла окно и высунула голову.

— Парень, — крикнула она, — выпей немного! Нельзя быть таким серьезным.

Бабушка с голубыми лентами.

— Будет сделано, — пообещал я.

III

Итак, жизнь человека — и каждый миг его существования во сне или наяву, в сознании или без оного — начинается с нуля; и начало столь же далеко в прошлом, как и конец — в будущем. Шагая в город, живо и на удивление безболезненно я смотрел на мир и вспоминал. Иногда, даже в искусственном и фантастическом мире, который мы создали, мы способны достичь такого состояния, в котором боли нет, и на мгновение кажется, что и не будет никогда. Я говорю *на удивление безболезненно,* потому что здесь, при данном раскладе идей и предметов, который мы называем нашим миром, боль, испытываемая живыми существами, является более естественной, чем ее отсутствие, и вот по какой причине: ведь в основе устройства нашей жизни и этого мира лежит напряжение, а не легкость. Выполнение всех, даже самых простых действий, требует усилий, и по-моему, такое положение вещей противоестественно.

Я имею в виду не праздность, которая неизбежно ведет к вырождению. Я имею в виду только легкость и непринужденность. Изящество, которое всем живым существам — птицам, рыбам, кошкам, рептилиям (кроме человека) даровано природой. Я имею в виду внутреннее изящество, естественную раскованность формы, неотъемлемую подлинность бытия.

Именно *бытия*, но в нашем мире легкость и подлинность труднодостижимы из-за множества преград, ограничивающих повсюду тело и душу человека: обременяющие и мучительные идеи цивилизации, запутанность реального мира, в котором мы рождаемся и от которого нам, кажется, деться некуда. Но самое главное препятствие в том, что мы скованы миллионами ошибок прошлого, которые отчасти благородны, наполовину восхитительны, наполовину благочестивы, но в большинстве своем гнусны, жалки и плачевны.

Мы знаем, что угодили в этот трагический капкан; и все, что мы делаем, несет на себе печать рокового наследия ошибок; и все наши действия причиняют боль и усложняют жизнь даже простейшим живым существам, бытию, дыханию и росту; и наши страдания только усугубляются нетерпимостью, разочарованием и отчаянными, несбыточными надеждами на освобождение, мечтами о том, что наша реальность вдруг станет мирной и благоприятной, что движение обретет внезапную и нескончаемую естественность и божественность.

Так, от безысходности, мы обращаемся к очевидной стороне нашей проблемы — к материальному, и говорим, что вот если бы у всех было достаточно еды, жилья и удобств, то опять все в мире стало бы хорошо и человек вновь обрел бы подлинность своего естества и возрадовался.

Так это или нет, но в пять часов вечера я направлялся в город, насвистывая веселую американскую песенку, ощутив себя на миг абсолютно настоящим и ничем не обремененным. Короче, чувствовал себя вполне счастливым, как вдруг, без всякой видимой причины, во всяком случае, без *новой* причины, весь мир, заключенный в пространстве и времени, пока-

зался мне сущим абсурдом, безумием, и вместо того, чтобы изумиться, что было бы с моей стороны философично, я почувствовал себя несчастным и принялся осмеивать трагизм усилий человека, живого ли, мертвого.

Хуже того, я увидал ребенка, который смотрел в окно и плакал. И это тоже указывало мне на то, что наши усилия в корне ошибочны, ибо если безгрешный ребенок не может увидеть в мире ничего хорошего, то очевидно в нем хорошего мало. А мы только растем и примиряемся с ним, так как примирение легче несогласия, и мы обманываем себя, убеждая себя в том, что все в порядке, хотя на самом деле мы испытываем день за днем предостаточно страданий, чтобы сознавать, что все отнюдь не в порядке.

— Вот тут лучше всего мне бы напиться, — сказал я, — но из всех возможных видов бегства от реальности этот самый низменный. Поскольку человек бежит в никуда или, во всяком случае, в мир еще более хаотичный, хотя и более величественный, чем наш, а возвращается с притупившимися чувствами и оглохшей душой в мир, покинутый совсем недавно.

Из всех индивидуалистов пьяница — самый нелепый и полный эгоист, который взлетает и падает в мире собственных ощущений, хотя пьяницы были и долго еще будут почти что божьими детьми, самыми верными адептами вселенского.

— Безумие, — сказал я, — идиотизм, порча и заблуждение, жестокость, грязь и смерть, гордыня и напыщенность, боль, бедность и рождение, и дети мира сего, вечно сидя у окна, плачут от его враждебности. Так и есть. Пусть изучают евангелие от Маркса и рождаются на свет в России, и тогда им не придется смотреть в окно; они с гоготом поскачут по улицам Москвы, словно горные козлы, и никогда не будут знать горя, ибо их отец Маркс будет поблагороднее даже самого Господа Бога. Аминь.

Я немного приуныл. Мне стало противно или, как бы сказала моя бабушка по-армянски, тоскливо. Что, впрочем, и бывает моим нормальным состоянием, кроме тех случаев, когда я нахожусь в окружении других людей, и тогда мое нормальное состояние таково — противостоять возможному заблуждению по возможности смехом, поскольку смех, хоть и во многом не имеет смысла, по крайней мере, он менее вреден, чем заблуждение, и менее высокопарен, чем безудержная откровенность, которая рискованней неприкрытой безответственности. Вообще-то меня больше всего восхищают мудрецы, которые примиряются с трагической обязанностью быть безответственными до тех пор, пока искренность не станет естественной и благородной, а не искусственной и порочной, как ныне.

Я направился к Баррел-хаусу на Третьей улице, что в Сан-Франциско, где человеческое страдание ходит взад-вперед в кошмарных обличьях некогда смертных существ, ныне развеянных сильным ветром, как семена большого одуванчика, или искалеченных, как раздавленное насекомое, которое еще ползает, пока еще в нем теплится жизнь. Эти изломанные тела и умерщвленные души бредут по улице, идут в никуда и возвращаются в никуда.

А я стоял на улице, чистенький, беззаботный, обеспеченный и уверенный в себе, и злился на себя и на весь мир, который так обошелся с этими людьми, и задавался вопросом, что я намерен с этим делать. Воздух перенасыщен запахом страха, гниения — разложения плоти и души, растраченной впустую животной энергии вперемешку с гнусным зловонием, которое источали двери и окна дешевых ресторанов. И я сказал: «Набери же полные легкие запаха погибели человеческой, человека живого, но все же мертвого, в грязи тлеющего, но все же живого, и пусть зловоние этой смерти пропитает кровь твою, и пусть эта смерть станет смертью твоей, ибо эти люди братья твои, каждый из них — ты сам, и когда они умирают, это ты умираешь, и если они не могут выжить, это ты не можешь выжить,

даже если ты отречешься от мира сего и уйдешь в себя, все равно ты умрешь».

Ну и как с этим быть? Вот он, тот, кого еще можно спасти. Мальчик, намного моложе тебя, растерзанный жестокостью нашего мира, но еще достаточно юный, чтобы мог спастись. И что сможешь ты для него сделать? А мальчик прошел мимо, слеп, глух и нем, но все еще живой, ползающий, как раздавленное насекомое, вытягивающий себя за волосы навстречу очередному мгновению жизни, страдания и страха.

А вот искалеченный старик. Его ноги перехвачены тугой петлей долгих лет мученичества. Его лицо — личина грешника в аду, живущего на земле. А как быть с ним?

Будь джентльменом, подай ему десять центов на кофе и пончики. Унижай его снова и снова, и пусть его рука в тряске схватит мелкую монетку, пусть его прогнившая душа примет ничего не стоящую подачку от здорового и сильного. И старик прошел мимо. А на той стороне улицы захудалые святые из Армии Спасения проповедуют и молятся, поют и просят милостыню у голодных, чтобы распространять Святое Евангелие истины, а голодные им ничего не жертвуют.

Когда грянет революция, эти люди будут причислены к сонму богов, а их сыновья придут на землю невинными и цельными, и в них не будет семени греха, алчности или зависти, жестокости или ненависти, и они вырастут богами более великими, чем их отцы, а дочери этих почивших людей будут двигаться по земле с гибкостью пантер, с кошачьей сноровкой и грациозностью. И когда грянет революция, нищете и всем заблуждениям на земле придет конец.

В самом деле. Нужно только окосеть, ослепнуть, оглохнуть, топтаться в мирской грязи, смеяться и горланить песни.

Я вошел в Баррел-хаус и сел за столик.

Подошел официант по имени Никора и начисто протер столик, который стал влажным. И стоит угрюмый, подвыпивший. Его темные итальянские волосы взволнованы и утомлены, но при этом равнодушны. В жизни много тягот, *paesano*, но у меня хорошая работа: выпиваю весь день напролет, какое мне дело до тягот? Жена, двое детей да я. А когда разразится революция, Никора будет подавать выпивку своим братьям в большом саду под солнцем.

— Привет, Ник, — сказал я.

— Здорово, парень, — сказал он. — Пропустишь стаканчик?

— Можно, — говорю я. — Как жена?

— А, в порядке, — сказал он. — Нездоровится ей. Готовится рожать.

— Поздравляю, — сказал я, а он отправился в бар и принес выпивку.

Поставил передо мной и говорит:

— Я вот что тебе скажу: мой тебе совет — не женись. Сначала жена, потом дети, потом аренда, потом хлеб, потом ребенок падает и ломает руку, потом жена в слезы, потом ты напиваешься и разбиваешь окно и колотишь посуду, потом приходит брат жены, и заваривается каша, потом ты с ним дерешься, потом попадаешь за решетку, потом сидишь в тюрьме и думаешь: ах ты боже мой. Малый, не женись. Уж я-то знаю и не хочу, чтобы пострадал такой же парень, как я.

— Хорошо, Ник, — сказал я.

Я залпом выпиваю свой виски, который течет, обжигая все мое нутро, и мне становится хорошо-хорошо; я словно широкий жест во вселенной, здорово, я веселюсь и вместе с тем очень горжусь собой: кто это я?

Не волнуйтесь за меня, ребята, а волнуйтесь за себя. Я в полном порядке. Ребята, я заказал Нику еще виски, потому что решил напиться и хохотать, как мой дед Мелик на старой родине, когда напивался. И Ник принес

мне еще, и я проглотил выпивку. Ребята, все в норме. И я заказал Нику еще, и он принес. Я и этот стаканчик опустошил. Все нормально, ребята. Потом еще. И тогда я расхохотался, но не громко, а про себя, там — на старой родине, на вороном коне, в горах, у истоков, ругаясь и распевая песни.

IV

Выпивка расширяет кругозор, усиливает внутреннее зрение, возвышает наше «я». Глаз все меньше воспринимает предметы этого мира и все больше — предметы, закономерности и ритмы другого — большого и бесконечного, великой вселенной воспоминаний, реального и вечного мира истории, легенды человечества на этой земле. Конечно, до тех пор, пока кое-кто не окажется под столом. Тогда на смену величию приходят чувственная буря и беззаконие, и закон всемирного тяготения перестает действовать в разгар комедии и трагедии. Расстояния нереальны, плоть и душа существуют не в одиночку в одном месте и времени, а во всех местах и во все времена, в том числе в будущем. Короче, человек оказывается в нелепом и славном положении идиота.

Жест расцветает во вселенной, драматичный и значительный, говоря «я знаю» — искусный язык телодвижений. Голова кивает «да» и «нет». Язык разбалтывается от хаоса миллиона языков. Душа смеется, плоть пускается в пляс. И сидя за столиком в затемненном салуне, человек странствует по всему миру. Возвращается и снова уходит, размахивает руками и декламирует, мотает головой, смеется, поет и скачет.

Я немного напился, сидя за столиком. Никора — мой духовный наставник, приходил и уходил, поучая меня, что делать и чего не делать, дабы жить счастливо в этом мире.

Мне хотелось, чтобы и Паула напилась бы со мной за компанию, сидя напротив, чтобы мне было видно ее белое лицо и бездонные печальные глаза, и полные печальные губы, и дерзкий печальный носик, и маленькие печальные ушки, и каштановые печальные волосы. Мне хотелось взять ее за печальную руку и пойти с ней по жестким тоскливым улицам нашего темного мрачного города, и дойти до большой удручающей комнаты с добротной подавляющей кроватью, и возлечь с ее красивым меланхоличным телом, и всю ночь напролет вести с ней тихие грустные беседы в перерывах между долгими безрадостными объятиями, а утром пробудиться от глубокого тягостного сна и упрятать нашу скорбную наготу под дешевую серую одежду и устроить развеселый роскошный завтрак.

Тогда я зашел в телефонную будку, бросил в щель пятачок и набрал ее номер. Наверное, я ошибся номером или забыл его, потому что девушка, взявшая трубку, оказалась не Паулой. У нее не было тихого печального голоса Паулы. У нее был зычный печальный голос.

— Это судьба, — сказал я, — или что-то в этом роде.

Короче, я поговорил с ней. Телефон — великое изобретение. Если вы наберете неправильный номер, большой разницы не будет, потому что трубку все равно возьмет девушка, даже если она не та, которая у вас на уме. И все упирается в судьбу при небольшой поддержке благородной механики нашего века.

Что толку ошибаться номером, если не удается немного поболтать? Куда девается христианская доброта и любовь к ближнему, когда вешаешь трубку, если тебе отвечает девушка с зычным печальным голосом только потому, что ты никогда с ней не встречался?

— Юная леди, — сказал я, — я накачался мерзким виски в Баррелхаусе на Третьей улице. Запрыгивайте в первый же трамвай и приезжайте

«Всемирная литература» в «Немане»

прямо сюда выпить. Потом мы возьмем такси в ресторан «Универсум» на Колумбус-авеню и поужинаем спагетти с цыпленком-табака. Мы будем сидеть за столиком и разговаривать, а потом будем гулять по городу и осматривать его достопримечательности. Когда мы устанем, то сходим в кино или, если вы предпочтете, пойдем на собрание коммунистов и присоединимся к нашим товарищам в пении Интернационала и разделим их ненависть к богатым.

Девушка бросила трубку с ожесточенным печальным грохотом. Я набрал номер, услышал один гудок, два, три, четыре гудка, а потом Паула взяла трубку.

Мы поговорили по проводам с помощью электричества. Наши голоса проходили под городом и над ним. Каждый из нас был незримым. И в то же время переговаривались тысячи других людей.

— Алло, — сказала Паула.

— Алло, — сказал я.

— Как поживаешь? — спросила Паула.

— Отлично, — сказал я. — А ты?

— Отлично, — сказала Паула, — что случилось?

— Ничего, — сказал я. — А разве что-то случилось?

— У тебя очень серьезный голос, — сказала Паула.

— Минутку, — сказал я, — прикурю сигаретку.

— Ладно, — сказала Паула, — я тоже прикурю.

Я сделал затяжку и почувствовал себя все менее и менее беззаботным.

— Алло, — сказала Паула.

— Алло, — сказал я.

Я услышал, как она выпускает дым, и даже это показалось мне печальным. Я представил себе ее круглое печальное лицо.

— Как поживаешь, Паула? — спросил я.

— Нормально, Майк, — сказала она. — А как ты, Майк?

— Я тоже, — ответил я.

— Наверное, нам обоим паршиво, — сказала Паула.

— Нет, — сказал я. — Мне хорошо.

— Вчера вечером я ходила в кино, — сказала Паула.

— Молодец, — сказал я. — Понравилось?

— Очень, — сказала Паула. — Как в жизни.

— Ты плакала? — спросил я.

— Нет, — сказала Паула. — Я смеялась. Это был фильм про влюбленных — юношу и девушку. Новое поветрие в кино. Сначала у них было много неприятностей, но в конце концов они поженились.

— А что потом? — спросил я.

— Кино кончилось, — сказала Паула.

— Это буржуазная пропаганда, — сказал я. — Однажды я смотрел такой фильм. Они тоже поженились.

— Наверное, это были те же самые юноша и девушка, — сказала Паула.

— Универсальные мужчина и женщина, — сказал я.

Потом я разозлился на себя за то, что опять умничаю. Я говорил не то, что я хочу, и не так, как хочу, и разозлился.

— Послушай, Паула, — сказал я. — К черту это кино.

— Конечно, к черту, — сказала Паула.

— Паула, — сказал я, — приезжай в город и поужинай со мной.

— Не могу, — сказала Паула, — у меня свидание.

— С кем? — спросил я.

— С моим другом, — сказала Паула.

— Ясное дело, а кто он? — спросил я.

— Молодой адвокат, — сказала Паула. — Ты его не знаешь.

— Зачем ты идешь на свидание с молодым адвокатом? — спросил я.
— Он очень образованный парень, — сказала Паула.
— Это не имеет значения, — сказал я.
— Знаю, — сказала Паула.
— Скажи ему, что у тебя недомогание, — посоветовал я, — и приезжай в город, поужинай со мной.
— Не могу, — сказала Паула.
— Что ты такое говоришь? — сказал я.
— Мы собираемся пожениться, — сказала Паула. — Как в кино.
— Да ты шутишь, — сказал я.
— Загляни в «Экзаминер» в следующее воскресенье, — сказала Паула. — Там мое фото, его фамилия.
— Бог ты мой, — сказал я.
— Я его люблю, — сказала Паула.
— Да уж наверное, — сказал я. — У тебя безумно влюбленный голос. Ты сошла с ума.
— Мы поедем на Гавайские острова, — сказала Паула.
— Послушай, Паула, мне нужно видеть тебя сегодня вечером. Выходи замуж, раз уж тебе так хочется. Мне все равно. Но мне нужно тебя видеть сегодня вечером. В котором часу ты расстанешься с молодым адвокатом?
— Ты не можешь меня видеть, — сказала Паула. — Когда мы вернемся с островов, мы будем жить в большом доме на холмах в Беркли.
— Ты спятила, — сказал я.
— Может, и спятила, а может, и нет, — сказала Паула. — Скоро узнаем.
— Да уж, — сказал я.
— Я бы хотел познакомиться с адвокатом, — сказал я.
— Нельзя, — сказала Паула.
— Вот как, — сказал я.
С полминуты мы промолчали.
— Ладно, Паула, — увидимся как-нибудь случайно в трамвае.
— Конечно, — сказала Паула. — Мир тесен. Пока, Майк.
— Пока, Паула, — сказал я.

Я вернулся к столику, и Ник снова начал подавать мне выпивку. Чем больше я пил, тем хуже мне становилось. Когда я вышел на улицу, шел дождь. Дождик был ласковым, а воздух чистым и свежим. Я пошел пешком по мокрым печальным улицам в клуб «Рено» на Гири-стрит. Я зашел туда, и одно место для игры в покер оказалось свободным. Я сел и купил фишек на десять долларов. Мне везет, когда я подвыпивший. Апостолос из греческого ресторана сдавал карты. Я играл два часа и выиграл четыре доллара.

Потом я пошел на Филмор-стрит, где собрались коммунисты, и стал подниматься по лестнице.

— Я немного навеселе, — сказал я, — и Паула выходит замуж за адвоката. Пит хочет спасти мир, а моя бабушка тоскует по Армении. Жена Ника рожает очередного ребенка. И послушайте, товарищи, если я не поднимусь по этой лестнице без усилий, то упаду и расшибу голову, товарищи. Какая будет польза от того, что у всех будет хлеб, товарищи? Какая будет польза, если у всех будут коврижки, товарищи? Какая будет польза, если у всех все будет, товарищи? Все — это еще не все, товарищи, и живые не живы, братья, живые — мертвы, братья, даже живые не живы, братья, и вы никогда ничего с этим не поделаете.

Вступление и перевод с английского Арама ОГАНЯНА.

ДЖОН АПДАЙК

Джон Апдайк — один из самых значительных писателей США послевоенного поколения. Впечатляет уже простое перечисление его литературных наград: от Гуггенхаймовской стипендии 1959 года до золотой медали Академии искусств. Между ними две Пулитцеровские премии. Есть и одна скандальная — британского журнала «Литературное обозрение» (2008) за худшую эротическую сцену в литературе.

Апдайк создал без малого 30 романов, из которых, кажется, только один написан на злобу дня — «Террорист» (2006). Он попробовал силы в жанре семейной исторической саги, у него есть политическая фантасмагория «Переворот» (1978), имеется опыт приближения к магическому реализму «Бразилия» (1994), есть фантазия «Гертруда и Клавдий» (2000). Но чаще всего Апдайк, «певец среднего класса», писал о людях обыкновенных. Правда, иногда он помещал своих персонажей в весьма странные обстоятельства: к примеру, сродни тем, которые выпадают героиням «Иствикских ведьм» (1984). Но происшествия с изрядной примесью дьявольщины только оттеняют обыденность.

Стихам его повезло меньше — Апдайк слишком знаменит как прозаик, так что его поэзия может восприниматься как записки на полях, хобби, причуда гения. Это восемь сборников! Девятый — с характерным названием «Конечная точка» (Endpoint) — вышел уже после его кончины. Он сам о себе писал, что начал сочинять стихи легкого жанра, а потом попытался привнести ясность и живость в стихи серьезные. В его стихах много интеллекта — то там, то здесь серьезные цитаты-эпиграфы, мелькают (а порой просто пестрят) имена знаменитых ученых и художников. Стихи нередко сдобрены иронией. Порой она проступает явственно и недвусмысленно, а иногда скрывается в легких облаках афористичных строк.

Литературная репутация Апдайка бесспорна. Ее не испортит даже не слишком удачная строчка из нашего перевода. Будем надеяться, что таких строк не будет чересчур много — и что небольшая подборка убедит читателя в том, что в пантеон классиков впускают не каждого.

История религии

(краткий курс)

Перволюди боялись *маны*.
Страх согнал людей в племена,
Породил тотемизм, и ани-
Мизм, и колпак колдуна.

Колдуны хорошо учились,
Стали пугал плодить подряд,
Что со временем воплотились
Кто в легенду, кто в зиккурат.
Многорукий и многоликий,
Рос и ширился божий круг —
И тогда, в простоте великой,
Некто выдумал Высший Дух.

Дух надмирный и всегуманный,
Выше всех запредельных сфер —
Не дозваться... И снова *маны*
Мы боимся, как в век пещер.

Экспозиция

А он ведь есть, бесплотный мир теней.
Нет? Ну так объясните, вы умней,
Откуда может знать фотопортрет,
Жив человек на фото или нет?

А фото — знает! Видел я не раз:
Лицо бледнеет, выраженье глаз
Другое... Легким облаком у губ —
Не выразить, язык тяжел и груб! —
Потусторонний отблеск, пелена,
Едва заметна, но всегда видна.

И фото, будто запредельный зуммер,
Сигналит: человек-то умер, умер, умер...

Слишком поздно

Проснулся нынче утром я
И вдруг увидел пальцы ног.
Мои старинные друзья,
Как позабыть о них я мог!

Ребенком знал наперечет,
Считал по ним до десяти,
Засунуть ухитрялся в рот,
Чтоб самый маленький найти.

Я пуще глаза их берег,
Мне ближе не было родни.
Но вот состарились они,
Я стал, увы, от них далек.

И чтобы не сгореть с тоски,
Я спрятал их скорей в носки.

С детьми на свалке

За день до развода
Беру детей в путешествие
В страну отслуживших свой срок чудес.
Дети радуются: тут, на свалке,
Любая блестящая штуковина
Глядится классной игрушкой.

Да и мне тут нравится.
Посреди пустыни из отличных опилок
Высятся пирамиды кинескопов.
Автомобильные свечи поблескивают
Самородками в оползнях стружки.
Мотор, почти новый, в луже цвета павлиньих перьев...
И так хочется взять себе что-нибудь!

Но нельзя. Потому что
Все эти штуки попали сюда
Не случайно. Но мои ребята
Радостно бродят среди всякого хлама,
Будто голодные, впервые увидевшие
Витрину роскошного гастронома...
«Осторожней! — кричу. — О стекло не порежьтесь!»

Отзывается хриплым эхом
Жестянка. Целлофановые ленты
На ветру развеваются, словно знамена.
Чайки плачут. Мои мальчишки
Откопали игрушечный автомобильчик,
Вдребезги заигранный чужим ребенком,
И совещаются: как сделать, чтобы поехал?

Не получится.
«Не поедет!» — добавляю
Последнюю каплю в переполненную чашу потерь.
Хочется освободить и дом, и судьбу
От того, чему путь — на свалку.
Дочка тащит голую куклу без ног,
Надежда теплится в мутных стеклянных глазенках,
Но ничего не поделаешь.
«Здесь поиграй, — говорю ей. — Здесь.
Домой мы ее не возьмем».

Середина пути
(отрывок из поэмы)

...В истории времен спокойных нет,
От века перемены — пульс планет.
В мильонах книг кошмаров череда:
Не пощадила никого Орда...
Природе равнодушной все одно,
Помрем мы или будем дуть вино.
И могендовид в гетто, смерти знак,
И в черном Конго страшная резня,
И эпохальный всполох Нагасаки —
Пройдут, как великаны древней саги.
Дня Судного страшится человек,
Но кончен век — и начат новый век.
И вновь земля раскинулась, маня,
Упрашивает Зло: «Возьми меня!
Приди и насладишься снова мной...»
И вновь земле беременеть войной.

Нет, лучше жить, как древле дикари:
Брать только то, что просится: бери!
Мгновения скрывают нечто втуне,
Ничто нам не дано. Всё — дар фортуны.
Присмотримся: вот луч закатный светит,
И травы росные сияют на рассвете,
И утро молодо, и весел ясный день,
И светел вечер, уходящий в тень.
Вот дышит тополь в облаке листвы,
А короеды тайно точат швы.
Лес — миллиард смертей, но он живет.
Весь в перегной уходит, но дает
В апреле зелень гуще и сочней.
Пух тополиный вьется средь корней:
Миг пролетит, и стебель прорастет,
И под травокосилкой смерть найдет.
Всё гармонично. Всякий злак полезен.
Восхищена собой любая плесень.

Цени свой труд. Лишь за одни деянья
Просить у неба можно воздаянья.
Цени другого и его дела,
Хотя от них бывает много зла.
Будь терпелив к простым его грешкам:
Он, как и ты, идет по головам.
Не убивай (по крайности как зверь).
Не сомневайся (верь — или не верь).
А если не раздеть кого-то трудно,
Уверься, что желанье — обоюдно.

Мы все равно пойдем червям на корм.
Как ворвань Вера, если Время — шторм.
Но постоянства в шторме не найти,
И в те же волны дважды не войти.
Так поплывем! Хоть учит Гераклит,

Что воды точат времени гранит.
Ты обречен, родившись. В этом суть.
Прости себе конец — и позабудь.

Добро и Зло порой так странно схожи.
Туманен промысел твой, мудрый Боже!
Любой кумир всегда таит изъян:
Что Супермен, что Пятилетний План.
Искус политиканского кокетства,
И целей, что оправдывают средства,
И клятв, что призывают громко, вслух
Убить в себе бессмертный вольный дух —
Известны миру. Были прецеденты.
Не верь ни королю, ни президенту.
Паллиатив один лишь человечен,
Небросок он, но мудростью отмечен.
Восходит на мечтах людское тесто,
Но в Книге Счастья очень мало текста...

Голая обезьяна

(после прочтения — быть может, чересчур дотошного — трудов Д. Морриса по антропологии)

Век динозавров кончился. Кочевья
Приматов потянулись на деревья.
Сменил сухую жвачку из жуков
Им рацион орехов и плодов,
Глаз стал острей: теперь не слизняка,
А сливу ловко в рот несла рука.

Прошел ледник. Пока леса редели,
Они еще кормились, как умели,
Но райское окончилось житье.
Оставив птицам логово свое,
Ко львам и антилопам, в даль саванн,
Спустились стаи бывших обезьян

И разом облысели. Что стряслось?
Да просто бегать по жаре пришлось:
С гепардами вступая в состязанья,
Приматы гибли от перегреванья.
Природа вмиг поставила предел —
И выжил тот, кто легче всех потел.

Дрянной охотник, был он худ и гол,
И потому орудья изобрел.
Открылась слабым истина простая:
Тот будет сыт, кто нападает стаей.
На острие пещерного копья
Возникло Племя, а за ним Семья

Пришла, и моногамный тет-а-тет
Сменил звериный промискуитет.

Природа, самке эструс обменяв
На месячные, выдала ей прав
Любовных больше — стал незыблем *Lex*
Privata брачной жизни: секс.

Природа, увлекаясь, прихотливо
Нарисовала страстные извивы
На ушках; округлила груди, чтобы
Напоминали древний просверк попы:
Примат цивилизованный — фасадом
Сперва интересуется, не задом.

...Дабы унять дрожь эрогенных зон,
Примат придумал способ: нынче он
Идет на вечеринку пить коктейли.
Когда вы там кого-то захотели
Потрогать — вместо страстного соития
Сойдитесь в жарком споре о событиях.

Мы топим в ваннах запахи природы,
А если с кем-нибудь своей породы
Столкнемся на бегу твердим: пардон!
(Особенно когда крупнее он.)
Давить в себе порыв порвать врага
Сподручней, если водится деньга,

Ну а кому иного не хватает,
Тот вечно строит да изобретает...
О, зверя нет возвышенней на свете!
С одной женой, на небольшой планете,
От зависти страдая и тоски —
Он должен жить по-человечески!

Кое-что о французах

Мосье *Этьен де Силуэт*,
Похоже, черное любил:
У нас анфас портрета нет,
Но профиль чрезвычайно мил.

Спокойно дожил до седин
Жак Гильотен, в душе добряк.
Он зуб имел на всех — один,
Что падал вниз со звуком *хряк*!

Являясь в свет, мосье *Ампер*
Играл блистательную роль:
Он за обедом, например,
Съедал по двести двадцать вольт.

А странный тип *Дагер (Луи)*
Нырнул в химический раствор.
Достав на свет, его спасли.
Он на стене висит с тех пор.

Вступление и перевод с английского
Юрия МАСЛОВА.

Архангел

И оникс, и кедр, и бронзовые сосуды, погруженные в неподвижную воду, — все это — подношения мои. Порфир и тик, жасмин и миро — все это — дары мои. Сверкающие сандалии мои потускнели от гвоздичной пыли. Крылья мои напитаны нектаром. Глаза мои — алмазы, — в их гранях отражается червонное золото. Лицо мое — маска из слоновой кости. Люби меня. Выслушай обещания мои.

Холодная вода будет каплями стекать по узорам искусной чеканки на бронзовых сосудах. Толстогубые чаны в благоухающих подвалах покрыты испариной. Сады плодоносят без устали на островах моих. Можно насытиться одними их листьями. Обрезки ветвей не лежат на тропинках. Виноградные лозы растут без присмотра. Даже семечки ягод сладки, как орехи. Чему улыбаешься ты? Знаком ли тебе голод?

Безупречно искусство строителей. И клинок тончайшей ковки не протиснуть между стыками. Суженные брусья тщательно вытесаны. Где нужно крепление, в древесину вбиты клинья поперек волокон. Потолки высоки ради прохлады, ровные ряды черепицы спасают от первого же дуновения мглы. Хоть окна и распахнуты, свес крыши так широк, что в комнаты не проникнет ни капли дождя, а только его дух. Пол устлан циновками безукоризненной чистоты. Огонь горит в чаше из черного камня, на холмике мягкого пепла. Знаешь ли ты, каково оказаться без крова?

Что же тогда омрачает жизнь твою? Удовольствия мои так же неповторимы, как нескончаемы. Стопка кремовой, жесткой, тряпичной бумаги верже со слоистыми срезами. Морщинки на смеженных веках женщины настороженно вздрагивают, как только коснется их утренний свет. Широкая травяная глотка поглощает мячик. Добрый улов, леденцовое солнце слепит зрителей. Ярмарка в исчезнувшей богадельне. Белые руки танцовщиц, тафта, белые руки лиловые изгибы музыка ее одержимость славит белые запястья восхваляет белые руки и обрез белой бумаги эвклидово доказательство пифагоровой теоремы ее сжатая красота пестрота старинного медяка найденного в соленом песке. Мельчайшие блестки в чернилах, которыми начертаны буквы в словах — твоих собственных. Какие-то мгновения детства, вызванные из памяти или выдуманные. Карточная игра втроем в теплом свете витражного абажура, твои родители, из сострадания, молчаливо желают тебе выиграть. Зал скульптора Бранкуша. Тишина. «Сосны и скалы» Сезанна и «Кружевница» в Лувре, не длиннее твоей вытянутой руки.

Эти лучики я раздвину до ширины реки. Ничто не пропадет, ни единой крупинки из праха воспоминаний, и да приумножатся они в тысячу тысяч раз. Люби меня. Обними. Подойди ко мне, прикоснись там, откуда сочится мед. Не бойся. Разве могут мои посулы быть пустыми? Нефрит и корица — ты сомневаешься в их существовании? Почему ты отворачиваешься? Разве песнь моя не струится, словно бальзам? В руках моих груда яблок и старинных книг. Я не причиню вреда. Нет. Останься. Оцени. Твоя похвала мне есть и похвала тебе. Постой. Послушай. Я начну сызнова.

Задачник

1. Ночью *A*, хотя и спит с *B*, мечтает о *C*. *C* находится в самой отдаленной точке (если рассматривать изображение в двухмерном пространстве) или в апогее выгнутой подъездной дороги. Может, так преломляется во сне дорога к дому, который некогда они делили друг с другом. Ее фигурка, хоть и уменьшена в перспективе, живописна, одета в томатно-красное лет-

нее платье. Ее голова откинута назад, руки — на бедрах, ноги расставлены широко и уверенно. Она держится с вызовом, возможно, смеется. У него создается впечатление о мощной женской жизненной силе. Его тянет к ней. Он просыпается озадаченный. Сон лежащей рядом с ним *В* безмятежен. Она уверена, что *А* любит ее. И в самом деле, *А* бросил *С* ради нее, чтобы доказать это.

ВОПРОС. Кого он предал больше, *В* или *С*?

2. *А* живет в семи кварталах от приглянувшейся ему прачечной. И в 3,8 милях от своего психиатра. Среднее время в пути до него при плотном уличном движении составляет 22 минуты. Обычный сеанс вместе с до- и послесеансовыми разговорами длится 55 минут. Обычный цикл стирки в машинах с вертикальной загрузкой, которые предпочитает прачечная, занимает 33 минуты. Психиатр и прачечная находятся на одном направлении.

ВОПРОС. Может ли *А* загрузить свое белье в автомат по дороге к психиатру и успеть вернуться раньше, чем оно будет украдено?

ВОПРОС НА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ БАЛЛ. Если встреча с психиатром назначена на 3 часа дня, а городской квартал примем за одну восьмую (1/8) мили, и если *А* организует обе очистительные процедуры по очереди, причем стирку оставит на потом, и если цикл просушки, который стоит четвертак (25 центов), длится четверть часа (15 минут), а средняя загрузка требует две просушки, в противном случае белье будет слишком влажным и осмотическим путем вымочит рубашку на груди, то в котором часу *А* сможет пропустить стаканчик? Округлить до минуты.

Рассчитать то же для двух стаканчиков.

Рассчитать то же для трех стаканчиков с мокрой рубашкой на груди.

3. У *А* четверо детей. Двое в колледже, двое ходят в частную школу. Ежегодные расходы на колледж составляют $6300 на каждого, на частную школу — $4700. Годовой доход А равен *n*. Три седьмых (3/7) от *n* идут на налоги — федеральному правительству и штату. Одну треть (1/3) получает *С*, которая благоустраивает подъездную дорогу. Общие расходы на образование составляют пять двадцать первых (5/21) от *n*. Еженедельный сеанс у психиатра стоит $45, стирка в прачечной — $1,10. Для облегчения вычислений считать эти расходы единственными расходами *А*.

ВОПРОС. Сколько еще *А* может так продержаться? Округлить до недели.

4. Кубический ярд гравия стоит $13. Кузов самосвала вмещает 3¼ кубических ярда. Подъездная дорога *А* имеет ширину 8 футов, 6 дюймов и описывает эллипс, фокусами которого являются два старых крокетных колышка, отстоящих друг от друга на 31 ярд. Прямая, перпендикулярная к линии между колышками и пересекающая эту линию посередине, касается обочины подъездной дороги всего в девяти шагах, если мерить шагами подрядчика. Он — крупный мужчина и носит 12-й размер обуви. Он говорит, что толщина слоя гравия на пригородной подъездной дороге должна быть, желательно, полтора дюйма (1½), если больше, то образуются впадины, если меньше, не получится аппетитного хруста, подобно мраморным шарикам, шуршащим в кофейной банке.

Помимо этого эллипс соединен прямым ответвлением с Плезант-авеню. Длина ответвления относится к радиусу эллипса как $\sqrt{2}$ к π.

В довершение ко всему, к базовой стоимости за каждый самосвал прибавляется $10,50 за час работы водителя плюс время от времени бесплатная банка пива по $1,80 за полдюжины.

ВОПРОС. Зачем *А* все это надо?

5. Психиатр считает, что *А* переживает рост, измеряемый духовной дистанцией до *С*. Однако, по закону Тристана, привлекательность обратно пропорциональна достижимости. Достижимость в чем-то пропорциональна духовной дистанции. По мере того как духовная масса *М* уменьшается в размерах при удалении от нее, ее притяжение пропорционально возрастает. Существует кривая, на которой притяжение пересиливает здравый смысл, хотя видимым источником притяжения может оказаться иллюзия, как и видимое положение всех звезд, кроме ближних.

ЗАДАЧА. Постройте эту кривую. Найдите звездную точку, в которой разум *А* перестает его слушаться.

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ. Выше, говоря «в чем-то пропорциональна», мы подразумеваем 3/7.

Закон Мидаса гласит: Обладание ослабляет ощущение ценности, причем мгновенно.

6. *В* красавица. Ясные синие глаза, голубенькая джинсовая мини-юбка, милые голубые прожилки на тыльной стороне ее шелковистых коленок. *С* стремительно удаляется — томатно-красное пятнышко в нерастревоженной безмятежной синеве. Все четверо детей *А* получили стипендии. Его психиатр переехал с кушеткой в помещение, обшитое ореховыми панелями и устланное плюшевыми коврами, прямо над прачечной — лестничный пролет — всего 22 ступеньки. Гравий резко подешевел из-за экономического спада. Погожий день, сияющий небесно-голубой понедельник.

ЗАДАЧА. Что-то тут не так. Что именно?

Перевод с английского Арама ОГАНЯНА.

ГЕОРГИЙ ПОПОВ

Откуда течет «Нёман»*

9 декабря 1977 г.

Пришла Светлана Евсеева, радостная, сияющая, почти счастливая, какой я никогда ее не видел.

— Двадцать четыре дня сидела в Королищевичах и написала поэму. О любви, но не только о любви. Представьте себе, пустыня... Впрочем, этого не передашь, это надо прочитать. Через неделю я принесу ее Татьяне Семеновне (машинистке), а когда она перепечатает, дам прочитать вам. В Королищевичах читал Велюгин, он, кстати, талантливый поэт, и ему поэма очень понравилась. Он даже сказал, что ее надо печатать не здесь, а в «Новом мире»... Но я хочу, чтобы вы прочитали. И сказали мне всю правду, как поэма, по-вашему, получилась или не получилась.

Я сказал, что прочитаю с удовольствием. Светлана заговорила о пользе чтения рукописей друг друга. По ее словам, когда она жила в Москве, то часто давала читать свои стихи другим поэтам, и их не только похвалы, но и критика ее как-то воодушевляли, толкали писать. А здесь она одинока, оторвана, и часто бывает, что ей просто-напросто не пишется.

13 декабря 1977 г.

Вот новость — Макаенок наконец и взаправду уходит! Аксенов, секретарь ЦК КПБ, уже подписал соответствующее решение. Главным редактором «Немана» назначен Анатолий Кудравец...

4 января 1978 г.

Состоялась передача власти. От ЦК присутствовал Петрашкевич, от Союза писателей — Шамякин. Петрашкевич произнес краткую речь, полагая, что на этом все и кончится. Но тут встал я.

— Нам приятно, что ЦК дал высокую оценку деятельности Макаенка на посту главного редактора. Со своей стороны, мне хотелось бы сказать несколько слов от имени неманцев...

Упор я делал на человеческие и партийные качества Макаенка. Не секрет, сказал я, что в Белоруссии сильны антирусские тенденции. Пусть только в руководстве Союза писателей, но они, эти тенденции, безусловно есть. В этих условиях требуется мужество, чтобы, будучи белорусским писателем, в то же время проводить правильную политику по отношению к русским, живущим в республике. Макаенок обладал таким мужеством. Для нас, неманцев, он был не просто талантливым драматургом и чутким редактором, — он был нашим ходатаем, защитником, что, быть может, еще важнее.

— Спасибо тебе, Андрей!

После меня выступил Шамякин, за ним Макаенок, наконец, и сам Кудравец. Потом мы вчетвером — Петрашкевич, Шамякин, Кудравец и я — отправились к Макаенку «отметить» это дело. Я не хотел идти, но Макаенок рассердился: «Не валяй дурака!» И пришлось смириться. Не хотелось обижать Макаенка. Здесь,

* Окончание. Начало в № 12, 2010 г., № 1, 2, 3, 4, 7, 8, 2011 г.

после второй рюмки, Петрашкевич принялся читать монолог из своей новой пьесы. Я слушал и молчал. Остальные хвалили: «Здорово! Молодец!» Обиднее всего, что хвалил... Макаенок!

Итак, факт совершился. (...) Перед началом церемонии Тамара Алексеевна, наш корректор, сказала: «Георгий Леонтьевич, а можно Петрашкевичу задать вопрос?» Какой, спрашиваю. «Почему?» Да, этот вопрос сейчас у всех на устах. К нам приходят, нам сочувствуют. Жалеют журнал. Боятся, что он начнет линять, сползать и наконец превратится в бледное, заурядное издание, каких миллион.

27 января 1978 г.

Год «Неман» завершил хорошо. Прибыль составила 308,1 тысячи рублей.

Заказ на 1978 г. достиг 160 000 экз. Это успех — и большой успех. Но... издательство снизило план со 148 000 до 145 000 экз. и распорядилось печатать, начиная со второго номера, только 148 000 экземпляров.

Нежирно!

4 февраля 1978 г.

Сегодня утром в Несвиже умер Аркадий Кулешов.

3 марта 1978 г.

Пришел Дмитрий Павлович Мороз, известный книголюб, и положил на стол газету:

— Читайте!

Это была «Пионерская правда» за вторник 16 ноября 1943 года. В газете, на первой странице, было сказано следующее:

«Орден «Победа» — высший военный орден. Им будут награждаться лица высшего командного состава за успешное проведение таких боевых операций одного или нескольких фронтов, в результате которых в корне меняется обстановка в пользу Красной Армии».

Вот так-то!

Анекдот... Его рассказал Саша Приходько, помощник и т. д., в присутствии Михаила Шибалиса. Приходит Жуков к Сталину и подает план разгрома немцев под Сталинградом. Сталин молча берет план и кладет его в стол. «Что вы, товарищ Сталин?»— «Надо сначала согласовать с полковником Брежневым, товарищ Жуков!»

21 марта 1978 г.

Все возвращается на круги своя. Вот и мы дожили до времен, когда «Литературная газета» превратилась в «Северную пчелу», а Александр Чаковский — в Фаддея Булгарина.

Александра Борисовича, видите ли, задели резкие слова Янки Брыля в его адрес. Он, разумеется, обиделся, и сильно обиделся. Как так, у него-то, у Александра Борисовича, нет глубины и талантливости? Это он-то пишет не с чистыми руками и не с чистым сердцем? И — сразу с жалобой в ЦК КПСС: «Обижают! А я выдвинут на Ленинскую премию!» Ну, а из ЦК КПСС позвонили в ЦК КПБ, здесь вызвали на «ковер» (к Александру Леонтьевичу) нового главного, сделали ему серьезное внушение, сказали, что, возможно, придется делать оргвыводы.

Что ж, оргвыводы так оргвыводы. Я спокоен. Какую-нибудь пенсию дадут, не пропадем. Как писал Твардовский, «еще мне в жизни будет трудно, но чтобы страшно — никогда!» Больно и обидно только, что подобные вещи — литературное фискальство — возможны в наше время и в нашей стране. Чаковский может замалчивать или поносить кого угодно — «Литературная газета» в этом смысле не стесняется, — а его не трожь! А сам же, наверно, болтает, что перед критикой, как перед богом, все равны.

С грустью думаешь и о Ленинской премии. Иногда кажется, что она превратилась уже не в ленинскую премию, а в перстень с бриллиантами. Константин Симонов, Александр Чаковский... Кто следующий?

23 марта 1978 г.

Ну и заварилась каша.

Звоню Янке Брылю:

— Пришло письмо из Подмосковья. Переслать или придете сами?

Брыль попросил переслать.

— Что слышно? — спрашивает.

Объясняю, что публикация кое-кому не нравится. «Кому именно?» Да Александру Чаковскому, говорю. «Вот каста неприкасаемых!» Я сказал, что и я эти слова употребил вчера в разговоре с Анатолием Козловичем. Задетые в блокнотных записях и есть каста. Каста неприкасаемых.

А вчера — собрание партгруппы. Кроме наших товарищей присутствовали Козько, Козлович и Круговых. Короткий доклад Кудравца. Прения... Все выступавшие отмечали, что сама по себе публикация замечательная. Жаль, проскочили резкие выражения, которые и задели кое-кого. И все, в том числе и Круговых, говорили о романе «Блокада» — слабый, настолько слабый, что о нем всерьез и говорить нельзя.

Только воротился с работы — звонок от Макаенка: «Приди, я завтра иду к АТК, надо поговорить». Прихожу. Пока толковали о том о сем, явился Шамякин. Разговор продолжили уже за столом. У Макаенка отношение к публикации двойственное. Что-то ему нравится, что-то не нравится. Шамякину больше не нравится, чем нравится. И оба они, кажется, недолюбливают Брыля.

Завтра они пойдут к АТК, то есть к Кузьмину, хотят посоветовать ему не раздувать это дело, во всяком случае, не выносить его на бюро ЦК КПБ. «Обсудим на совместном заседании бюро и президиума Союза писателей, вкатим Попову выговор или строгий выговор, и хватит!» Но из верхов звонили самому Машерову, и это серьезно осложняет дело. А если вынесут вопрос на бюро ЦК, тогда что, спрашиваю.

— Тогда, братка, придется расстаться с работой и персональной пенсией, — сказал Шамякин.

Я ушел в половине девятого. Шамякин еще остался.

24 марта 1978 г.

Звонил Брылю.

— Как настроение, Иван Антонович?

— За вас переживаю. Жалко, что пострадаете вы и журнал.

— Ну вот! А меня больше беспокоит, что пострадаете вы и Евгений Иванович!

— А Евгений Иванович что?

— Как же, он выдвинут на Ленинскую премию, могут и не дать. Чаковский, говорят, страшен в гневе.

— Дадут! Положение у Танка прочное! Вы скажите, что вам грозит, что слышно?

— По слухам, меня собираются уволить с работы и лишить персональной пенсии, вот и все.

А через час пришел Макаенок с Любовью Ивановной, своей женой. Взял у меня тринадцатую зарплату, уплатил членские взносы. Пока он платил, мы с Любовью Ивановной сидели и толковали о всякой всячине. Между прочим она сказала: «Вчера, когда вы ушли, они с Шамякиным еще долго сидели, часа два. Андрей все ругался с Иваном Петровичем, все доказывал ему...» Вернулся Макаенок, сказал, что договорился с Кузьминым о встрече. Вчера говорили, что пойдут вдвоем с Шамякиным, сегодня же оказалось, что идет один. По правде сказать, я не жду от этого похода ничего хорошего.

— Я позвоню. Обязательно. Ты только не переживай.

Вечером ждал звонка. Нет и нет... Наконец раздается, подхожу, беру трубку.

— Извини, замотался, забыл... Но встреча не состоялась. Кузьмин занят страшно — выступал на каком-то вечере... Договорились, что встретимся завтра на похоронах Ширмы и обо всем потолкуем. Я тебе позвоню. Обязательно. Часов в пять. Только не переживай.

Что ж, доживем до завтра, как говорится.

* * *

Читал — под настроение — о Пришвине, о его жизни сразу после войны, когда он познакомился с академиком Капицей.

Встретилась интересная дневниковая запись:

«Ученый вроде Капицы и писатель вроде Пришвина мнят о себе, что если таких честных людей, таких <u>советских</u> людей заставить отказаться от себя и делать, как приказывают глупые люди, то это будет вредом обществу, и против этого надо стоять...»

1 апреля 1978 г.

Все кончается. Кончилась и эта история, отнявшая у меня столько нервов.

В общем-то все были на стороне «Немана» и неманцев. Приехавшая из Москвы по каким-то своим делам Екатерина Шевелева пришла и заявила, что она в восторге от Янки Брыля. Из Гродно прилетел Борис Клейн — посоветовать, как надо вести себя в этой ситуации. Он тоже не нашел в записях ничего крамольного. Писатель, тем более такой писатель, как Янка Брыль, имеет право на свое мнение.

— Я пойду к Петру Мироновичу... Я ему все скажу, нельзя так расправляться с честными людьми!.. А если потребуется, то, приехав в Москву, позвоню Суслову, — сказала Шевелева.

Один Макаенок остался безмолвным. Как тогда позвонил в канун похорон Ширмы, так с тех пор и не подает голоса. Первое время я ждал — все-таки обещал человек переговорить не с кем-нибудь, а с самим Кузьминым. Потом и ждать перестал.

Не явился он вчера и на закрытое совместное заседание партийного бюро и президиума Союза писателей. Кстати, не пригласили ни Спринчана как групорга, ни Савеличева как редактора отдела прозы, имеющего к публикации непосредственное отношение. Таким образом, я оказался в полном одиночестве. Кудравец не в счет. Тот все время твердил одно и то же:

— Это было до меня... Я ничего не знаю... Я лично этого никогда бы не напечатал... — Последнюю фразу он повторил трижды, как бы подчеркивая свою абсолютную непогрешимость.

Вообще-то обсуждение прошло нормально. Большинство отнеслось к Брылю и к редакции с полным пониманием и даже сочувствием. Критика носила вполне доброжелательный характер. Исключение составляют разве что только двое — Калачинский и Клевко. Эти мои бывшие друзья (ох уж эти друзья!) настойчиво требовали, чтобы я «честно и открыто» признал свои ошибки. Мне же не хотелось «признавать», потому что я и сейчас не считаю, что публикация была ошибкой... Так мы и разошлись, оставшись каждый при своем мнении.

С достоинством, хотя и не без колебаний, вел себя Брыль.

В итоге — мне вынесли предупреждение по партийной линии. Формулировка примерно такая: «Заместитель главного редактора, он же переводчик тов. Попов Г. Л. заслуживает сурового наказания. Но учитывая его многолетнюю работу в журнале, ограничиться предупреждением».

* * *

На другой день, то есть 29 марта, я позвонил Янке Брылю. Он обрадовался, сказал, что еще вчера хотел позвонить, после заседания, но они пошли с Пименом Панченко пешком, домой он, Брыль, вернулся поздно и не решился звонить, беспокоить в такой час.

А сказать ему хотелось... спасибо. Он очень доволен моим выступлением — и не потому, что я хвалил его, Брыля, как писателя, а потому, что повел себя честно, не рвал на себе рубаху и не вилял хвостом.

Выступления Калачинского и Клевко вызвали у него омерзение и негодование. «Бездарные дураки!» Круговых и Шамякин тоже произвели неприятное впечатление. Особенно Шамякин и особенно аналогией с Буниным, который, будучи в эмиграции, поругивал Горького... Отсутствие Макаенка объясняется его желанием остаться в стороне и тем самым выглядеть чистеньким в глазах всесильной братии московского литературного мира. Ему, Брылю, даже кажется, что Шамякин метит на должность Максима Танка, а Макаенок — на должность Ивана Шамякина. Но это, по-моему, уж слишком. Макаенок за должностями никогда не гонялся.

Но вот беда — новая беда! История с Брылем срикошетила, попала снова в меня, уже вторым заходом. Как раз в эти дни в Главлите читали окончание второй части повести «За тридевять планет». Читали, разумеется, архибдительно, в шесть глаз и, конечно же, нашли уйму крамолы. И вот результат: мой бедный Эдик Свистун уже не просто обрезан, а намертво зарезан. Формально публикация отложена на два-три месяца — пусть, мол, забудется брылевская история, — ах, как страшен Александр Борисович Чаковский!.. Но фактически это конец. Вряд ли я пойду на то, чтобы сесть и переписать повесть заново. А Главлит в лице Александра Михайловича Маркевича требует именно этого...

19 апреля 1978 г.

Тоска, тоска... Мною овладела тоска — тоска по северу. Ложусь и встаю с мыслью о том, как я достаю путевки и как мы втроем, с Валентиной и Юлькой, садимся на теплоход и едем по старому каналу в Ленинград и обратно.

Север, север, старая Русь, заповедная, хотя меня ничто не связывает с этими местами, — все же они тянут, манят, влекут... Иногда в голову приходит что-то чудное, совсем невероятное — вот поеду (или поплыву, какая разница), окунусь с головой в эту древность и святость, потом, уже в Ленинграде, схожу на Волково, поклонюсь великим страдальцам за землю русскую, все усилия и жертвы которых, кажется, оказались все-таки не напрасными, и мне станет легче. Может быть, прибавятся силы — перенести, пережить всю ту шумиху и неразбериху, которые несмываемым позором ложатся на светлое чело твое, Русь...

Кротости и тишины севера — вот чего мне захотелось, до тоски и бессонницы.

29 апреля 1978 г.

История с публикацией Брыля все еще остается в центре внимания читающей публики.

В прошлый четверг в автобусе встречаю Порецкого и Пренскую, первооткрывателей поэмы Гуссовского «Песнь о зубре»: «Ну вы и молодцы! И что начальство нашло в публикации? Все верно! И перевод... Какой прекрасный перевод!»

А в институте народного хозяйства, где состоялась читательская конференция по моей книге «Поездка в Тростёну», меня окружили библиотечные работники: «Как Брыль? Сильно пострадал?» Я объяснил, что Брыль в общем-то не пострадал, если кто и пострадал, так это я, переводчик и публикатор, и... в ответ услышал сочувствия. И что любопытно: и эти читатели, библиотекари, не нахо-

дят у Брыля ничего крамольного. Просто мы привыкли к критике сверху вниз, а не снизу вверх, только и всего.

Кстати сказать, читательская конференция прошла обыкновенно. Выступавшие хвалили, чувствовалось, что рассказы и повести им понравились, но — выступавших-то было всего четыре человека. Остальные (человек сто с небольшим) пришли из любопытства: а какой он, живой писатель?

Очень хорошо сказала одна преподавательница: «У Георгия Попова добро переходит из рассказа в рассказ...» Присутствовавший на конференции Михась Мушинский ухватился за эту фразу: «Вашей мысли могли бы позавидовать профессиональные критики и литературоведы...»

Я сидел, слушал и думал, как труден путь от писателя к читателю. Продавцы книжных магазинов в большинстве своем равнодушный народ, им все равно, чем торговать. Библиотекари настолько тонут в огромной массе поступающих книг, что разобраться в этой массе, отличить подлинно талантливое от посредственного им бывает трудно даже с помощью библиографических бюллетеней. Да к тому же и оценки, содержащиеся в этих бюллетенях, как и в публикуемых журналами рецензиях, чаще всего бывают поверхностными и приятельски-субъективными.

6 мая 1978 г.

Юбилей прошел тихо-тихо. Ни наград, ни премий — ничего! Несколько телеграмм, несколько телефонных звонков да — еще — в «ЛіМе» безобразный портрет. Вот и все.

В редакции выпили. Пришел Макаенок. Поставил бутылку коньяка и сказал, что у него лежит для меня подарок. Поехали на такси. Оказалось, подарок — это оленьи рога. Они валялись у него с полгода или больше, и вот нашел предлог, чтобы избавиться.

Среди телеграмм особенно дорогие от Таси и Саши из Анжерки, от Янки Брыля, Василя Витки и Николая Алексеева. А из звонивших порадовали двое — Алена Василевич и Максим Танк.

Вчера развеселила меня нежданная встреча. Иду по проспекту, смотрю — в книжном киоске лежит моя книга «За тридевять планет». Это через полтора-то года после того, как она вышла! Спрашиваю, откуда взялась. Продавщица отвечает: «Да сегодня привезли со склада. Сколько, спрашиваете?» — Посмотрела в накладную и назвала цифру: 48 экземпляров! Сегодня подошел опять, поинтересовался — разобрали до единой книжки! Ну и чудесно, думаю, так-то лучше! Кстати сказать, из Москвы сообщили, что ВААП все же дает рекламу на книгу «За тридевять планет». Запросили еще один экземпляр, хотят послать его (по запросу) не то в Венгрию, не то в США, наши вааповцы точно не знают.

...Весна. Сегодня первый теплый день. Деревья зеленеют, трава прет и воробьи орут как сумасшедшие.

14 мая 1978 г.

В четвертом номере «Литературного обозрения» напечатана заметка «Субъективность или субъективизм?» — по поводу нашей брылевской публикации.

Вот с этого и надо было начинать! Не стучаться в вышестоящие инстанции, не требовать расправы, а взять и опубликовать заметку «по поводу», то есть сделать то, что и принято делать в таких случаях.

А так ведь грустно очень получается. Сначала звонки, звонки, звонки, затем экстренное заседание, строгое решение, Попова, как виновника, чуть с лица земли не стерли, во всяком случае, даже 60-летие никак не отметили, еще бы, чуть ли не враг народа, а потом, в довершение всего, — эта заметка!

Да и заметка-то так себе, куцая, жалкая и в высшей степени неубедительная. Неведомый автор, «литератор» (судя по всему, этим «литератором» является Сырокомский, правая рука Чаковского) только и нашел, что Янка Брыль замахивается на Сервантеса, Томаса Манна, Джона Голсуорси и... Мухтара Ауэзова!

Всего же, что касается самого Чаковского и других современников, не решился цитировать и комментировать. Значит, нечистые руки и нечистые сердца — все это так и есть? Иначе надо было бы опровергнуть, товарищ «литератор»!

18 мая 1978 г.

Брыль написал повесть. Она пойдет в 9-м или 11-м номерах «Маладосці» за этот год. Повестью уже заинтересовался журнал «Дружба народов».

— Не возьметесь ли вы перевести ее?

Я сказал, что с удовольствием.

— Тогда я так и напишу Сергеевой, скажу, пусть заказывает вам перевод.

И — после паузы:

— Кстати, я получаю много писем, еще больше звонят по телефону. И — отовсюду: из Казахстана, Ленинграда, с Украины... Отовсюду! И все письма очень теплые, доброжелательные!

23—27 мая 1978 г.

По всему городу стоят щиты, рекламирующие спектакли Витебского театра. Среди них и спектакль по Аленкиной пьесе «Скорые поезда». Реклама опубликована и в газете «Вечерний Минск». Аленка схватила газету и утащила к себе.

Скоро должна решиться и судьба новой ее пьесы — «Цель и средства»: ее дали для прочтения министру культуры.

После худсовета директор Купаловского театра повез пьесу Макаенку — он теперь почти безвыездно живет на даче. Макаенок прочитал и сказал, что пьеса ему нравится. Не годится лишь название — не кассовое, как он выразился. Потом пьесу Аленка отнесла в министерство. Там ее читали Алесь Божко, еще кто-то, и все нашли (об этом мне говорил Божко), что пьеса очень хорошая, ничего равного сейчас в нашей драматургии нет. Раевский молодец, что заметил и поддержал, ему надо за это объявить благодарность и т. д. и т. п.

Я заметил Божко:

— Вы бы поддержали девку материально, она же второй год нигде не работает.

Божко заверил, что поддержит и материально. А что касается работы, то и это поправимо: у них создается какая-то коллегия, может быть, удастся...

Итак, читает министр. Ему и принадлежит последнее слово.

5 июня 1978 г.

31 мая появилась в продаже моя книга «Память». Обложка-одёжка хуже некуда, цена фантастическая — два рубля... Боюсь, мало найдется охотников!

В первый день иду по проспекту, гляжу — очередь у книжного лотка, — человек пять-десять. Но берут не мою книгу, а все Бунина, Бунина...

Вот так-то!

24 июня 1978 г.

Приезжает Брежнев. По этому поводу Минск чистится, подметается, словом, приводится в порядок. Вдоль улиц развешиваются флаги.

Вчера приходит участковый милиционер и говорит:

— Вы знаете, что к нам в город приезжает гость? Так вот, просьба очистить балкон от белья, чтобы, знаете, не болталось и не портило вида.

А вечером на дороге, пересекающей микрорайон, появилась милицейская машина. Из машины вышли товарищи с рупорами и стали «очищать» те же балконы.

Выглядело это забавно, даже смешно.

— Дом тридцать седьмой... На балконе восьмого этажа... Снимите белье... Снимите белье!.. И в течение двух дней — в субботу и воскресенье — прошу на балконе ничего не вешать, в том числе и веревки...

И — немного погодя:

— Дом сорок первый... Пятый этаж... Что вы развесили простыни, как флаги... Вас же предупреждали!.. Повторяю: снимите белье... Снимите белье!..

Территория в нашем микрорайоне очищена от всякого хлама. В срочном порядке проложены дорожки, между ними посеяна трава. Жаль только, что нельзя заставить эту траву расти побыстрее, так сказать, в ударном порядке...

30 июня 1978 г.

Сегодня завершилась моя без малого 19-летняя работа в журнале «Неман». Ухожу на пенсию, потому что так надо Кудравцу и кому-то в ЦК КПБ, вероятнее всего — Петрашкевичу.

Что ж, надо так надо, работа найдется и дома. Скучать не придется, я вообще не знаю, что это такое — скука, — буду приводить в порядок архивы и — писать, переводить, словом, жить.

Завтра уезжаю в д. Белое, это под Сморгонью. Кстати, завтра же уезжает в деревню и Янка Брыль. Будем набираться сил для новой борьбы. Нам сдаваться рано.

23 августа 1978 г.

Без малого два месяца пролетели, как две минуты. Деревня, острые приступы холецистита и панкреатита (в день возвращения из деревни), и вот лечкомиссия, новый корпус, палата № 603.

Восемнадцать дней полной отрешенности от мира. Хорошо еще, что соседи по палате оказались интересными — каждый по-своему — людьми. Сначала Кебич, директор завода имени Кирова, затем Капич, преподаватель высшей партийной школы, без пяти минут доктор наук. В разговорах топили время.

Оказалось, хотя люди мы разные, все же настроены одинаково. Складывается впечатление, что все, вся страна, живут ожиданием перемен. Сейчас все так зажато, так придавлено, что временами кажется — и дышать нечем. Нужно что-то делать, чтобы люди перестали слепо повиноваться, полагаясь во всем на княгиню Марью Алексевну, и начали — снова — думать, взвешивать свои поступки и учиться ответственности за общее дело.

1 сентября 1978 г.

Санаторий «Аксаковщина». Встреча с бывшим членом военного совета 18-й армии Николаем Васильевичем Ляпиным. Слова, слова, эпитеты самой превосходной степени и, наконец, переходит к фактам. Но, бог мой, что за факты!

«Леонид Ильич, понимая значение вьючного транспорта, дает директиву об уходе за конским составом и его сбережении.

...Военный совет поручил Леониду Ильичу разработать ряд листовок к венгерскому населению. Всего было распространено более 30 наименований листовок тиражом более 1,5 миллиона экземпляров».

8 октября 1978 г.

Друскеники

Год близится к концу. Трудный год... Удары в спину сыпались один за другим. Первым нанес такой удар Макаенок, потом Кудравец, потом Хомченко.

Из «Немана» выгнали, пенсию дали низшую, и не с июля, как я ожидал, а с августа. Вдобавок Кудравец лишил меня премии за второй квартал. Лишил и не сказал об этом. И вот — еще один сюрприз — Хомченко обрадовал: обещал книгу на 79-й, на 80-й, а теперь, когда на меня посыпались всяческие шишки, перенес еще на год — на 81-й.

Но самая большая обида — это, конечно, Макаенок. Мало того, что первым нанес удар в спину, — после моего ухода из «Немана» даже не позвонил ни разу. Ну да бог с ним. Очередное разочарование в людях и не больше.

Надо жить. И — работать. Впрочем, жить — это и есть в первую очередь работать. Когда человеку невмоготу, когда действительно «со смаком глотнул бы кислую пулю», единственное спасение в работе.

Итак — работа, работа и работа!

10 декабря 1978 г.

Вчера звонил Янка Брыль. Только что приехал из Москвы. В «Дружбе» перевод одобрен. Пойдет летом. В «Советский писатель», по его мнению, соваться пока вряд ли стоит с книгой переводов: там ведь членом редсовета Иван Шамякин...

29 декабря 1978 г.

Что-то рука все реже и реже тянется к дневнику.

Странное дело: когда работал, времени на все хватало, а перестал работать, то есть ходить на службу, и время, кажется, стало поджимать.

Хочется еще что-то сделать, сказать что-то о времени, в которое я жил и продолжаю жить. И вот встаю, как и прежде, в четыре, а иной раз и в три ночи, сажусь и пишу. В нынешнем году, который подошел к концу, я завершил «Кунцендорф», написал рассказы «Диаманты и перлы», «В шести часах на автобусе» и «Сонеты Петрарки». В будущем мне надо сделать рассказы «Кедр величиной с ноготок», «Перевод с белорусского» и «Греческая фамилия». Хотелось бы вернуться к «Эдику Свистуну» и достроить начатое здание, то есть написать еще одну часть, но — настроение не свистуновское...

Год был необыкновенно трудный, меня много били, и били, в сущности, несправедливо, но, может быть, и эти синяки и шишки пойдут в дело. У писателя ничто не должно пропадать — ни хорошее, ни дурное, — на то он и писатель.

Не знаю, вернусь ли я к этому дневнику, и как скоро вернусь, если вернусь, поэтому в конце, так сказать, напоследок два слова о тебе, моя Валя-Валентина, моя жена, мой соавтор и мой редактор. Ты первая поддержала меня в беде. Ты говорила: «Ничего, проживем!» — и я верил, что проживем. Ты говорила: «Проживем, даже если тебе не дадут пенсии и перестанут печатать тебя в “Немане”!» — и я опять верил, что проживем. Собственно, сейчас я пишу без перспективы и надежды напечатать где-либо написанное. Ты и это поняла: «Главное, чтобы что-то было написано, и написано хорошо, честно, а напечатать — напечатается. Если не сейчас, то потом, пусть даже после твоей смерти...»

Спасибо тебе, моя Валя-Валентина, моя Алексеевна, за эту поддержку. Спасибо за помощь, за советы, за заботу, за все доброе, что ты сделала и продолжаешь делать для меня, для наших детей и внуков.

С Новым годом тебя и — надеюсь — с новым счастьем!

ЕЛЕНА ПОПОВА

Его время

В юности мой отец сотрудничал с редакцией газеты небольшого сибирского городка. Как раз в это время у него самого умер отец, мой дед. Отец пришел в больницу к знакомому хирургу, о котором как-то писал очерк. И тот сказал — хочешь, узнаем, отчего твой отец умер? Они пришли в мертвецкую, и на глазах моего молодого отца хирург вскрыл его отцу грудную клетку, вынул сердце и показал тот самый клапан и тот самый сосуд, из-за которых все и произошло. После этого сунул в карман пачку папирос и отправил домой. Отец выкурил всю эту пачку за одну ночь и после этого курил тридцать лет.

История отчасти объяснима тем, что у моего отца тогда было уже начальное медицинское образование — фельдшерская школа, но только отчасти... Это был характер.

Есть такая арабская поговорка: «Человек больше похож на свое время, чем на своих родителей». Мой отец был похож на свое время. Он был абсолютный материалист и только в последний год своей жизни, бывало, задумывался — а все-таки что-то, должно быть, есть... там, за видимой линией горизонта, нашей реальностью.

Способностей он был незаурядных, памяти блестящей.

На фронте он встретил женщину, которую полюбил и по-мужски взял под свою защиту, мою мать. Ее отец был довольно крупным политическим деятелем в Нижнем Новгороде, достаточно сказать, что он переписывался с Крупской, женой Ленина, и лечился в кремлевской больнице. Он погиб в Соловецком лагере уже в начале массовых репрессий, а через несколько лет в один из гулагов за ним отправился его старший сын. Моя мать, человек талантливый и умный, не могла даже получить высшее образование и большую часть своей жизни была вынуждена заниматься домашним хозяйством. Так что отец, искренний коммунист и честный человек, уже к концу войны корреспондент военной газеты, заполняя принятые тогда пространные анкеты, когда дело доходило до родственников жены, был вынужден «грешить», изворачиваться и лукавить, и под этим двусмысленным прессингом прожил годы...

Конечно, он знал изнанку жизни, но хранил это знание в дальних отсеках своей памяти, предпочитая смотреть на окружающее через «розовые очки». Это был его выбор. Думаю, этот выбор с ним разделяла добрая половина его поколения. Распад Советского Союза он воспринимал как катастрофу.

Он разделял коммунистические идеалы и считал, что они — высшее достижение человечества, помехой всему — несовершенство человеческой природы.

В жизни моего отца было три главных любви, три страсти. Моя мать, литература, как таковая, и журнал «Неман».

Журналу «Неман» он отдал лучшие, самые зрелые годы своей жизни. Он стоял у его истоков, вкладывал душу и энергию... Думаю, и «Неман» при нем пережил свой расцвет — большие даже по тем временам тиражи (до 160 тысяч подписчиков) и всесоюзную известность.

Пишущих людей он любил, пишущих талантливо любил вдвойне. Такие чувства, как зависть, ревность, авторское самолюбие, были ему неизвестны. Обнаружив талантливого автора, он испытывал чистую, незамутненную радость и со всеми этим делился. Редактором был редким, высокой культуры, высочайшего уровня самообразования. Над чужим текстом работал, как над своим, не жалея сил. Таких редакторов я, наверное, больше и не встречала...

К проблемам белорусского языка и белорусской литературы относился с уважением, тактом и особенным пониманием. Последние двадцать лет своей жизни очень много переводил с белорусского на русский. Значение русского языка в культурном пространстве бывшего Союза, да и современного СНГ, трудно переоценить. Когда-то в смутном средневековье европейскую культуру объединила и спасла латынь, в современной Восточной Европе исторически эта роль была отведена русскому языку.

Конечно, это был заработок. Но отец относился к нему искренно, добросовестно, выдавая качество. Смею думать, что он внес свою немалую лепту в популяризацию белорусской литературы и ее проникновение в европейский контекст.

Он любил цитировать строки Достоевского из его известной речи на открытии памятника Пушкину — о русской отзывчивости и братстве со всеми людьми, имея в виду лучшие проявления русского духа. Прожив в Белоруссии сорок пять лет, он дышал этим воздухом, любил ее природу и ее людей, и она была тоже его страной, его Родиной, как и далекая уже Россия.

От редакции

Писательские дневники — жанр специфический, рассчитанный в первую очередь на читателя подготовленного, способного видеть значительно шире того, что в самом тексте обозначено пунктирно. Принято считать, что дневники пишутся для себя, поэтому у рядового читателя к ним, как правило, очень доверительное отношение: себе-то ведь врать не будешь!

На самом деле, любой дневник — вещь достаточно субъективная. И в плане отбора для него наиболее интересного, важного из всего происходящего вокруг. И уж тем более, в плане оценок того или иного человека, того или иного события. В нем — жизнь, которая в той или иной степени отражена сквозь призму авторского мироощущения, его писательской и гражданской позиции. Что само по себе, согласитесь, тоже достаточно любопытно.

Именно так надо относиться и к дневникам Георгия Попова.

Конечно, у многих писателей старшего поколения, хорошо знавших Андрея Макаёнка, свое мнение о том, какую роль сыграл знаменитый драматург в небывалом взлете журнала «Нёман», будучи главным редактором этого издания. Небывалом даже для того, далеко не бедного на читателя времени.

Кто-то, вероятно, удивится, что порой, казалось бы, совершенно второстепенному событию (но, опять-таки, второстепенному для кого: для автора? для читателя?) Георгий Попов уделяет очень много внимания, а, например, о смерти Кулешова пишет одной сухой короткой фразой: «Сегодня утром в Несвиже умер Аркадий Кулешов». А ведь для белорусской литературы это была огромная и, в общем-то, неожиданная утрата: умер он, едва отметив свое 64-летие.

Но опять-таки: дневник — не литературоведческая статья, а душевная исповедь.

И уж с чем точно не поспоришь, так это с тем, что у автора замечательный стиль, благодаря которому, казалось бы, рядовой жизненный случай превращается в маленькое литературное произведение.

Кстати, вдумчивый читатель, не понаслышке знающий о современном литературном процессе, возможно, обратил внимание на то, что у Георгия Попова иногда упоминаются произведения, которые редакции приходилось с трудом пробивать в печать, но которые (сегодня это уже очевидно) так и остались в той литературной эпохе, выполнив свою, возможно, и очень важную на тот момент миссию. И это тоже яркая характеристика своего времени. И повод задуматься нынешним писателям, уверенным, что творят «на века»: все в этом мире относительно.

В любом случае, дневник Георгия Попова — очень важный документ, относящийся к целой, уже ушедшей, литературной эпохе. Литературной эпохе, которая на страницах тогдашних газет и журналов запечатлелась несколько однобоко. А уж о том, что касалось писательского быта, выходящего за рамки рабочего стола (кроме, конечно, сухих газетных заметок о встречах с читателями, поездках на заводы и фабрики и т. д.), равно как и жизни литературных изданий, и вовсе писать было не принято.

Ну, а поскольку большинство страниц дневника Георгия Попова так или иначе связаны с «Нёманом», то, надеемся, у наших постоянных, преданных читателей эта публикация вызвала особый интерес.

Кстати, в дневнике название нашего журнала пишется через «е». Это не описка, поскольку «ё» в названии появилось лишь в конце 80-х годов.

Ниже мы публикуем короткие воспоминания о «Нёмане», навеянные дневниками Георгия Попова, других участников литературного процесса семидесятых. Этими воспоминаниями мы открываем новую нёмановскую рубрику: «После публикации».

Журнал «Нёман», мы похожи с тобой

В остатке памяти

Белорусский русскоязычный журнал «Неман» в 70-е годы стал особенно популярным, широко известным за пределами республики, его выписывали и в Сибири, и на Сахалине, и где угодно, в том числе и за рубежом. Печатались оригинальные русскоязычные тексты, но особенно много пропагандировалась белорусская литература. Конечно, с почти миллионными тиражами московского «Нового мира» он соперничать не мог, но стремился брать с него пример. В редакции работали талантливые литераторы, возглавляли журнал драматург А. Макаенок и прозаик Г. Попов. На это время приходится апогей творчества и славы А. Макаенка, его пьесы ставятся, без преувеличения, по всему Советскому Союзу. Его знают, величают, к нему идут, он приглашает в журнал именитых авторов. Например, Евгения Евтушенко, опубликовавшего в «Немане» в начале 70-х годов свою грандиозную поэму «Под кожей статуи Свободы». Макаенок вхож в правительство, ЦК партии, к секретарям и самому Машерову. Депутат Верховного Совета. Словом, был «на коне». Конечно, значительную часть журнальной работы выполнял, «тянул», его «зам» Г. Попов, руководивший отделами и всей «текучкой». Однако не устранялся от своих обязанностей и главный редактор: вопрос, что печатать, решал он. Да и читал много, работал с авторами, улаживал споры, поднимал тираж. В журнальной политике хотел, мне кажется, подражать независимому Твардовскому.

По крайней мере, мы, читатели, не чувствовали, что между главным редактором и его заместителем существуют какие-то непреодолимые противоречия или конфликты. Работали оба, чувствуя ответственность. Старался и Макаенок, чьи «неманские» заслуги, мне кажется, не следует преуменьшать. По жизни своей это был человек щедрой души, большого таланта, принципиальный, чуткий на справедливость, отзывчивый, способный поддержать и, если надо, защитить.

Владимир ГНИЛОМЕДОВ

Что предшествовало покорению «Арарата»

Мой дебют в журнале «Неман» можно отнести к разряду необычных, в чем-то даже комичных. Я еще только входил в курс дел в отделе очерка и публицистики. А на партийном собрании коммунисты редакции неожиданно доверили мне еще и «руководящий портфель» партгрупорга. За какие заслуги доверили? — спросите вы. Отвечаю: на то время я был самым молодым сотрудником в редакционном коллективе, а стало быть, и самым легким на подъем, что в партийной работе ценили.

Недели через две подоспела пора «сбора партийного урожая» — членских взносов. Большого труда эта процедура не составляла: в день зарплаты, как правило, можно было получить и гонорар за публикации в вышедшем в свет очередном номере журнала, и партийцы, что называется, были при деньгах. Партвзносы я собрал, но в ведомости оставалась незаполненной одна графа против фамилии Макаенок. Он же как назло который день в редакции не появлялся, закрыть ведомость, естественно, я не мог, а в парткоме Союза писателей ждали мой отчет

о собранных взносах. В полный рост встал известный вопрос: «Что делать?» Дальнейший ход событий был таков. После семнадцати часов редакционные кабинеты обычно пустели, я же оставался на рабочем месте, ждал: авось заявится Макаенок, хотя бы на исходе дня — за ним водилось и такое. Где-то около восьми вечера в коридоре послышались шаги, скрипнула дверь, и порог комнаты, где находился наш отдел, переступил Георгий Леонтьевич Попов. В отсутствие главного именно он тянул редакционный «воз».

— Засиделся, вьюноша? Неужели дома не ждут? — спросил зам.

— Ждут, конечно... Я вот рукописи читаю и тоже жду — вдруг заглянет Макаенок, как вы сейчас, — безнадежно вздохнул я и объяснил вкратце ситуацию.

— Ах ты, разахты! Что делать-то будем? — уже всерьез озадачился и Попов. — Сейчас Андрей Егорович на даче, пьесу дописывает. Собирается лететь за рубеж... Не упустить бы его. Да-с, ситуация...

Вспомнив пословицу, что утро вечера мудренее, мы сменили тему разговора. Слово за слово — потекла беседа в ином русле. Солировал, понятное дело, Георгий Леонтьевич. По всему выходило, что он искал (и нашел-таки!) подходящего слушателя, чтобы выговориться, а литературные и окололитературные истории-импровизации в его почти актерском исполнении (особенно байка, или быль, про то, как даже «кредитному драматургу» Макаенку было не по силам устоять под напором утреннего визитера, живого классика Владимира Короткевича, и Андрей Егорович, «душа нараспашку», клал под язык таблетку и шел в ближайшую сберегательную кассу снимать со своего счета энную сумму), воспринимались как занимательные и правдоподобные, что заметно улучшало мое настроение. Попов, полагаю, на это и рассчитывал...

Андрей же Макаенок не появился в редакции и на следующий день. Зато в субботу ни свет ни заря меня поднял на ноги телефонный звонок. Я снял трубку.

— Разбудил, наверное, извини. Это Макаенок.

— Господь с вами, Андрей Егорович, я не спал, — соврал я.

— Звоню из аэропорта. Скоро посадка на самолет. А вчера поздним вечером Попов передал, что ты озадачен и ищешь меня.

— Было дело — искал. За вами должок — партийные взносы. А вы же улетаете... Мне-то как быть?

— Да не горюй ты! Зайди в понедельник в ВААП (было в те годы Всесоюзное агентство по охране авторских прав. — ***Прим. ред.***). Попроси девчат, чтобы подсчитали мои гонорары за прошлый месяц. Узнаешь, сколько там «накапало», будь другом, заплати взносы за меня...

— Я понял, Андрей Егорович...

— Вот и ладушки! А должок, как ты говоришь, я непременно верну. С процентами. Честное партийное, — сказал, завершая телефонный разговор, Андрей Макаенок.

Белорусское отделение ВААПа располагалось в комнате по соседству с нашим отделом — мне хоть тут повезло. Переадресовываю девчатам просьбу Макаенка, чьи пьесы в семидесятые годы ставили в сотнях театров по всему Союзу, и получаю справку. Выясняется, что гонорар маститого драматурга «вылился» в четырехзначную цифру — деньги на его счет и вправду «капали» нехилые. Я прикинул — получалось, что партвзносы Макаенка тянут аж на 67 рублей, моя же тогдашняя зарплата была — 120. Свою законную зарплату я к тому времени отдал законной жене, и «стрельнуть» 67 рэ из семейного бюджета на нужды партии шансов у меня, увы, почти не было. Ничего не оставалось, как пройти «с шапкой по кругу», благо у коллег по перу червонцы в заначках еще водились.

А партийный долг Андрей Егорович вернул, причем вернул с процентами, как и обещал. Бутылку армянского коньяка «Арарат» мы «покорили» втроем: Макаенок, Попов и ваш покорный слуга — литсотрудник отдела очерка и публицистики.

Таким вот и запомнил я свой дебют в «Немане» на исходе весны семьдесят шестого года прошлого уже века.

Иосиф КАЛЮТА

Был и есть для нас, для меня

Ученые говорят, что в нашей галактике все создано Творчеством Темной Материи. Поэты верят в Творчество. Но вот называть Творчество Темной Материей... Как-то не поворачивается язык.

Было у меня время: покинула меня Любовь, положительная Материя, и я узнала, что такое — Развод. Развод — это Костер.

«Нет Дыма без огня». Дым этот был от сырости тлеющего предосеннего бурелома. Но, вероятно, Темная Материя плеснула в это тление то ли бензин, то ли спирт... Заполыхало!

Прихожу на какое-то собрание-заседание в конференц-зал нашего административно-творческого Особняка. Скромно присела слева на одно из последних незанятых мест. И мужчины, такие приветливые прежде, вдруг встают один за другим и, оставляя соседство со мной, переходят оттуда, где теперь я одна, туда, на правую сторону, где теперь они все вместе.

Осудили меня?.. Приговорили меня к остракизму! Я здесь — о семидесятых годах прошлого века. Оглядываюсь, заглядывая в прошлый мой личный век, вижу в нем и лирические стихи мои, и печатающий их журнал «Неман».

И, мне кажется, «Неман» тоже для меня — жизнь моя личная. А тогда, а давным-давно, выбежала я из общественной жизни Особняка, и — куда?

— Если этот Особняк для меня — чужой, то «Неман» — журнал для меня родной!

Позабыла я, чему учила меня Василиса Прекрасная, позабыла про то, что «утро вечера мудренее». До утра было предалеко, а до редакции совсем близко. И ринулась я туда, как на станцию «Скорой помощи».

— Скорее — на площадь Победы!

Может быть, мне Драматург поможет разобраться в моей запутанной пьесе? Где, где Андрей Макаенок?! На даче? Где это?..

И попросила я заместителя Главного, Георгия Попова, отвезти меня к Драматургу на дачу: может быть, поможет мне Драматург разобраться в моей личной запутанной пьесе?..

Узнала: как административный Особняк, так и Журнал даже к члену своей редколлегии может вдруг обернуться совсем не улыбчивым лицом.

Нельзя являться в гости без приглашения, тем более, ко временно одинокому мужчине: многие свободные и несвободные женщины питали к нему не всегда желательный для него интерес.

Гляжу отсюда туда, в то прошлое мое, и вижу ту себя как бы со стороны. Вот, это — я.

Сижу за чужим холодным столом, цежу из чужого бокала кислоту своего сухого вина. И — от меня ни объяснений, ни извинений. Рвутся слова наружу, но остаются внутри голосовых связок, сомкнутых каким-то анабиозом. Умея объяснять Любовь, я Развод объяснять не умела. Ни людям, ни странам, ни коммуналкам, ни особнякам, объясняя Развод, Развода не объяснить.

Андрей Макаенок... По-моему, это был человек резкой правдивости.

Мне нравилась бескомпромиссная смелость его, отражающая натиск некоторых, рвущихся к нему в знакомцы или даже в друзья. Вот и я тогда это его обращение с «некоторыми» на себе испытала.

Произнес ли он вслух эти слова? Может быть, и нет, но они в моей голове прозвучали:

— Я вас сюда звал? Идите туда, откуда пришли!

И, казалось, уходит моя душа в пятки.

— Если этот Журнал для меня — чужой, то и этот Город для меня — не родной!

Но — нет! «Неман» не стал для меня чужим, и для Минска я не в отчуждении.

По-прежнему приносила в журнал я свои стихи, но уже не напрямую, не самому главному. Отдавала их редактору отдела поэзии Брониславу Спринчану. Отвечала на письма стихотворцев, присылающих свои работы в журнал. Отве-

чала пространно и добросовестно. Мне казалась нужной эта работа журнала с начинающими и уже кое-что умеющими писателями. Надо же и учиться! Литинститута в Минске нет. В любой столице, где поэты учиться не могут или не хотят, в их творчестве можно найти признаки провинциализма. Вот один из них: открывать давно открытое и, повторяя чужое, выдавать его за свое.

Журнал «Неман» Андрея Макаенка был для белорусских русскоязычных поэтов классическим журналом, как для меня, когда я училась в Москве, «Новый мир» Твардовского.

Я радовалась существованию в моей жизни журнала «Неман».

— Журнал «Неман», тихо радуюсь я Тебе.

«Тихо», потому что бурная радость вначале — бурный развод потом. Не было у меня уже больше ни с кем и ни с чем разводов. С редакторами были добронравные отношения. И книжка стихов уже в жизнь выходила. И деньги должны были явиться вот-вот.

Дома был Ремонт. Эти бессовестные ремонтники все сделали, но запросили вдруг сумму свыше той, о какой был договор:

— Принеси деньги, тогда уйдем!

И опять я — в редакцию, и опять к редактору Главному:

— Светлана, у меня при себе таких денег нет. Но... Подожди.

Ушел. Скоро вернулся. С деньгами.

Дня через три рассказала про чудо это Спринчану. Бронислав рассмеялся:

— Андрей обошел всю редакцию и у каждого попросил денег. Взаймы. Так это — тебе!

Андрей Макаенок умер неожиданно. Почти молодым. Совсем не седым. И Спринчана в редакции уже нет. И редакторы отдела поэзии приходили и уходили...

Глядя на некоторых из них, я вспоминала Андрея Макаенка: если Главному нравились небанальность мысли, эмоциональность ритмики и образность, то давал он стихам свое «Добро!».

Ошибки? Главный не разменивал свои разговоры по мелочам. «Мелочи» заметит-поправит редактор отдела поэзии. Печально: я встречала редакторов, какие ничего не увидят, ничего не исправят и не сумеют ничему нужному научить! Годы... Годы идут...

Не было у меня больше никаких разводов, а сердцу больно: не забыло оно тот, главный развод.

Не обвиняю я в этом разводе ни ближних людей, ни чужедальних. Обвиняю Темную Материю, отрицательное Творчество, отталкивающее родственников-людей и родственные страны друг от друга. Впрочем... Темная Материя тоже нужна, хотя бы для того, чтобы узнать: Развод для обеих сторон — это как хворь, — нехорошо!

Годы... Годы летят!

Журнал «Нёман», на мой взгляд, мы похожи с тобой. В солидном возрасте уже — и ты, и я. И тебе, и мне, чем старше, тем крепче желается закончить незавершенное, а начатое, не откладывая в долгий ящик, успеть завершить.

Двадцать первый век... Это вам не средневековье, где рукописями подкармливали костры. Здесь книжные прилавки полны ходовых книг. Но рукописи в письменных столах лежат, как в больницах лежат на «сохранении» женщины в ожидании своего «звездного» часа. Рукописи — это зачатие и жизнь до рождения. Рождение — это выход в печать.

Государственные издательства, догадываюсь, — хворают. Догадываюсь потому, что они авторам стихов предъявляют бюллетени — свои отказы.

Стихи — беженцы. Беженцы ищут защиты от кризисов смутных литературных времен. Беженцы просят убежища в журналах! Журналы для стихов — принимающие беженцев, крепости. Для моих стихов в государстве Белорусского Языка журнал-белорус «Нёман» — это не только Крепость, но и дружественное Посольство русскоязычной литературы.

Светлана ЕВСЕЕВА

Поэзия — на две родины

Судьба Глеба Горбовского, номинированного на Премию Союзного государства, безраздельно принадлежит Беларуси и России. И не только потому, что корни у великих славянских литератур близкие, сопричастные и очень даже часто общие. Так сложилась судьба у замечательного российского (ленинградского) поэта, что Витебщина, да и вся Беларусь, стали ему родными и близкими. В нашей стороне им написаны сотни стихотворений...

А кому из больших русских поэтов не близка Беларусь? Листаю том, составленный еще в советские годы замечательным поэтом и переводчиком Иваном Бурсовым — «Братья родные» (отметьте: ударение на первом слоге!), вышедший в «Современнике» в 1986 году. «Есть в Буге остров одинокий...» (Александр Грибоедов). «Князь Всеслав в железы был закован, / В яму брошен братскою рукой...» (Иван Бунин). «Через Минск шли части фронтовые, / На панов шли красные бойцы...» (Демьян Бедный). «Но буду помнить я ту ночь под Молодечно, / Московских танков гул в бушующем лесу...» (Владимир Луговской), «Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом, / По мертвому плачущий девичий крик...» (Константин Симонов), «Сожженное селение у Сожа, / В осенней отраженное реке...» (Яков Хелемский), «Возле Прони-реки, / у безвестного града Пропойска, / Дремлет дуб без верхушки, / Как вонзенное в землю копье...» (Иван Бурсов)... У каждого из них была своя дорога через Беларусь. Чаще — фронтовая, когда в душу и сердце впитывались не просто красоты природы, а боль и трагедии, увиденные и услышанные возле Бреста и Несвижа, Гродно и Мозыря... Открываю прозу Константина Паустовского и Константина Симонова, вгрызаюсь в очерковые заметки Александра Твардовского 1944 года и думаю о том, что все большие и малые беды белорусы и русские разрешали вместе. В одном общем и неделимом порыве. Может быть, поэтому столько «адресной» поэзии посвящено Беларуси поэтами, чьи музы, чье вдохновение и талант выросли в Рязани и Вятке, в Калуге и Твери, Пскове и Нижнем Новгороде, Ростове и Архангельске... Может быть, поэтому первоклассные строки Андрея Вознесенского и Бориса Дубровина написаны в Беловежской пуще... И конечно же, только поэтому одну из своих лучших книг — «Брестская крепость» — Сергей Смирнов посвятил первым дням войны в Беларуси...

Но не только «поэтическая география» сближает Глеба Горбовского с нашей страной. Сама судьба распорядилась так, что у поэта в каждодневном его пути — то ли в Петербурге-Ленинграде, то ли на Витебщине — было множество встреч с белорусами. Из самых ярких — встреча с Геннадием Андреевичем Шичко, излечившим Горбовского от страшного недуга и этим самым подарившим поэту еще многие лета счастливого миросозерцания. И когда я приезжаю в пуховичскую деревеньку Груд на Минщине, неподалеку от Марьиной Горки, где родился ученый и врач Геннадий Шичко, я думаю и о Горбовском, мысленно читаю его стихотворения. А в Петербурге, на его «белорусских» улицах, напоминающих нам о многих адресах писателей, ученых, деятелей искусства, просветителей из Беларуси, тоже читаю Горбовского, «прохаживаю» город его стихотворениями.

Белорусский Петербург для меня — это драматург Аркадий Пинчук, актриса Ирина Мазуркевич, искусствовед и живописец Давид Гоберман, детский писатель Леонид Каминский, военный публицист Сергей Мартынкевич, профессор политологии Николай Лабуш... Родные, близкие люди, которые увезли с собой на берег Невы кусочек белорусской памяти — о Минске, Мозыре, Калинковичах, Пуховичах, Бобруйске, Василевичах... И это ощущение родства с холодным и возвышенным городом еще больше проявляется у меня, когда открываю книги Глеба Горбовского. Поэта, сумевшего разглядеть Беларусь и сохранившего в своей душе настоящую Россию.

Максим ВЕЯНИС

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ

Стансы

Глядеть в окно в полночный час,
писать стихи о шуме ветра,
пока не примет мозг приказ:
уснуть под скрипочку рассвета...

Так было прежде, в дни побед,
когда душа топталась в танце.
Но тот мотив, тот пируэт —
свершен! Зима наводит глянцы,
и нужно сердце утеплять,
и нужно верить в пользу стужи,
и кофе пить...
И вот уж — глядь! —
ты стал развалиной снаружи...

Снаружи! Но — не изнутри!
Печальный факт, а сколько смысла.
Гори, звезда моя, гори,
покуда я дождем не смылся,
не растворился в швах земли,
не испарился песней в тучу!

...Блажен, кто весел... на мели.
Кому вся жизнь — забавный случай.
Кому не мыслить — кофе пить,
не сомневаться — делать позы
и непосредственностью быть:
познав шипы — шипеть на розы.

В дубовой роще

В дубовой роще кабаны,
распашка почвы острым носом...
Но нам зверюшки не нужны,
мы смущены другим вопросом.

Дубы... Неужто эта плоть
не сознает, не зрит, не внемлет?
И можно резать, и колоть,
и жечь ее: все зла приемлет?..
Мышь перед гибелью пищит,
комар стенает в паутине,
а эта силища — молчит,
как щит погибель не отринет.
Добро б осинка или клен,
а то ведь дерево — как крепость!
...И вспомнил я, как был влюблен,
парализован счастьем слепо.
Пили меня — я во хмелю,
терзай секирой — я помешан,
руби, — а я в ответ: «Люблю,
люблю тебя!» — и голос нежен...
...Ах, жизни гордые сыны,
деревья, полные молчанья,
и вы, должно быть, влюблены,
и ваша немость не случайна.
Там, где земля, как птица, вьет
круги в неизмеримой глуби,
недаром только то живет,
что полюбило иль полюбит!

* * *

Всего-то пути: от шоссе до деревни.
Ручей перейти да подняться к домам.
Но грянул такой истерически-резвый,
тропический дождь по окрестным холмам!

Дремучий, как чаща, — не сразу пролезешь:
рискуешь завязнуть в стоячей воде...
И вдруг я заметил, что сырость — не бесит,
хоть влага петляет в моей бороде.

В кошелке в кисель отсырели журналы,
расплавилась соль и огруз сахарок,
но тело какая-то пьянь пеленала,
а сердце дурацкий качал ветерок!

И я говорил монотонно и чинно,
бросая в сумятицу молний слова:
«Старик, а ведь ты у меня — молодчина...
Старик, а ведь ты у меня — голова...

И мы поживем, поторчим, похлопочем
и молнию впустим в сырые глаза...
Мильоны пустых металлических бочек
кати по холмам — мировая гроза!»

...Неужто и правда — не все отзвучало,
и жизнь не успела меня искрошить,
и можно сначала, и нужно сначала,
как в первое утро, явиться и жить?!

Высота

Исследуя прибор любовно, как мечту,
сказал в т о р о й пилот: «Теряем высоту...»
Без паники сказал. Как в гости пригласил.
А п е р в ы й о прибор окурок погасил.
Сквозь старенький мотив, что распевал мотор,
я слушал этот их веселый разговор.
Под нами, точно лед, воздушная струя.
И там, под этим льдом, спит родина моя.
Была под нами ночь, как плот. И на плоту
беспомощные мы —
теряли высоту.

...Наверно, я устал: который год подряд
улыбки расточал, хотя и не был рад.
Когда просила жизнь всю кровь, а не кивок, —
вертлявою рукой маскировал зевок.
Коль был необходим рывок с постели в ночь,
я сердце утешал: всего не превозмочь,
ты — слабенький сосуд, ты — редкостный фарфор...
«Теряешь высоту!» — показывал прибор.
...Страна моя, любовь, услышь меня в ночи.
Хотя бы — над собой подняться научи.
Хотя бы — над судьбой, а там уж я найду
иное удальство, иную высоту!

...И вот в т о р о й пилот повеселел, расцвел
(а п е р в ы й — хоть бы что! — и бровью не повел).
Лишь Солнце над Землей да стрелка на шкале —
все выше, как душа, притихшая во мгле,
все выше, как любовь, познавшая обвал...

И долгим был подъем. Но кто-то — выше звал!

Последний день

Я знаю: это будет в среду.
Февраль, метель, остывший чай.
Придет сосед и по секрету
шепнет на ухо: «Выручай...»

Я дам ему трояк зеленый,
и он уйдет в свою страну,

в свои владенья — окрыленный!
И через час начнет войну.

А я открою ларчик песен
и прочитаю наугад
о том, что этот мир чудесен
сейчас и век тому назад.
Стемнеет. Я сочту добычу,
потери вычту... Об одном
забыв, что этот день обычный
для многих был — последним днем.

Матери

Предвоенные дождики лета,
на Варшавском вокзале цветы!
...Я впервые на поезде еду.
Десять дней до Великой Черты.
Провожает меня, задыхаясь
от улыбок и жалобных слез,
мама... мама моя молодая,
золотой одуванчик волос!
Умоляла попутчиков слезно
присмотреть за мальчишкой в пути...
Слышишь, мама, гудок паровозный?
От вагона, дружок, отойди!
...Мы расстались. И время проворно
понесло нас по рельсам своим.
Напиталась война... И тлетворный
над дорогой рассеялся дым.
Далеко мы заехали, знаю.
До седин. И тебе не в укор —
все я вижу: не ты, а иная
провожает меня до сих пор.
Вижу лето и солнце, как мячик,
над перроном. И люди в купе.
Золотистых волос одуванчик
все мелькает в нарядной толпе.
Провожает меня исступленно,
за окном продолжает бежать...
И уже до последнего стона
будет в жизни меня провожать.

Живое

Василию Белову

В этой хате — уйма кошек!
«Тетя Катя, что за блажь?
Штук пятнадцать! Много все же...» —
«Так возьми пяток. Уважь.

Что, не нравится подарок?
На, плесни им — молока...»
Кроме взрослых экземпляров
есть еще и мелюзга.

Не для томного лежанья
на подушечках тугих —
для шныryянья и лаканья,
для шуршанья держат их.

Спали, двигались, дышали —
разной масти и систем.
Есть с прозрачными ушами,
есть и лысые совсем.

Есть еще козел бодучий,
гусь в собачьей конуре...
Пес Полкан в кошачьей куче
верховодит во дворе.

Все — молчком. Никто не воет.
Не бунтует, не искрит.
«Что поделаешь?.. Живое...» —
тетя Катя говорит.

«Ну а дети? Где же дети?»
Тетя Катя смотрит в даль.
Неужели не ответит?
Невпопад коснулся? Жаль...

Тетя Катя вжала плечи,
закрутила руки в жгут:
«Дети выросли... Им легче.
Дети в городе живут...»

«Сябрына»: литература стран СНГ

ВАЛЕРИЙ НАДТАЧАЕВ

Противоборство спецслужб

Беларусь накануне Второй мировой войны

Утром 1 сентября 1939 года немецкие войска без объявления войны перешли в наступление с трех направлений: с севера — из Восточной Пруссии, с запада — из Восточной Германии и с юга — из Словакии. Немецкая авиация начала бомбардировку польских городов, аэродромов и коммуникаций, военно-морской флот — обстрел порта Гдыни, полуострова Вестерплатте.

Так началась военная фаза операции по разгрому и захвату Польши, вошедшая в анналы истории как план «Вайс», завершающая собой целый комплекс мероприятий политического, дипломатического, военного, информационно-пропагандистского и специального характера.

Открытое давление на Польшу началось 21 марта 1939 года с предъявления польскому правительству ультиматума с требованием передачи Германии Данцига (Гданьска) и прокладки экстерриториальной автострады и железной дороги через «Польский коридор». Дальнейшие события показали, что это, как и в случае с Судетами, был только повод[1]. Только в случае с Польшей его оказалось недостаточно. Возможно, повлиял факт заключения 25 августа 1939 года англо-польского договора о взаимопомощи. Так или иначе, но Гитлер отложил назначенное на 26 августа вторжение в Польшу. Однако полностью остановить запущенный механизм наступления оказалось невозможно. Командование некоторых немецких частей получило приказ об отмене перехода границы, когда они уже успели захватить ряд польских населенных пунктов и железнодорожных станций[2].

Если предположение в части, касающейся переноса срока наступления, верно, то решение руководства Германии предварить план «Вайс» операцией под кодовым названием «Гиммлер» можно рассматривать как создание дополнительного повода. И действительно, целью данной операции, а по сути своей — провокации, явилось информационно-пропагандистское обеспечение вторжения фашистских войск в Польшу. Операция предусматривала проведение трех провокаций в Хохлиндене, Питшене и Глейвице. Первые две оказались неудачными, так как немцы не смогли предъявить общественности ни снимки, ни тела убитых «польских» солдат. Как выяснилось в ходе Нюрнбергского процесса, в качестве «поляков» шеф германской тайной полиции Мюллер использовал заключенных антифашистов из концентрационного лагеря в Заксенхаузене. Трупы убитых не показали из-за боязни опознания их местными жителями. Чтобы убедить мир

---

[1] 23 мая 1939 года на встрече с высшим военным руководством Гитлер заявил, что «Данциг — это не тот объект, который является нашей главной целью». См. Шрайбер Г. Вторая мировая война в международных исследованиях // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. — М.: «Весь Мир», 1997. — С. 16.

[2] Волков Ф. Д. За кулисами Второй мировой войны. — М.: Мысль, 1985. — С. 14.

в вероломстве поляков, требовались... поляки. В сложившейся ситуации Мюллер решил пожертвовать своим агентом — германским гражданином польской национальности, которого хорошо знали в округе. Вечером 31 августа после инсценировки захвата радиостанции в Глейвице агент зачитал в эфире обращение антигерманского характера, призывающее поляков к войне. После этого его застрелили. Однако Мюллер счел, что одного убитого поляка маловато, и гестаповцы убили еще одного гражданина Германии польской национальности, а его труп подбросили к зданию радиостанции. Таким образом, нападавших стало двое[1]. Вскоре фотографии убитых «поляков» с соответствующим комментарием появились во всех международных информационных агентствах.

Германское вторжение в Польшу поставило кабинеты Даладье и Чемберлена перед очередным выбором: либо вновь проигнорировать акт агрессии, как это произошло в свое время с Австрией и Чехословакией, либо объявить Германии войну. Выбрали второй вариант. В период с 3 по 10 сентября войну Германии объявили Франция и все страны, входящие в состав Британской империи. Однако вслед за объявлением войны не последовало никаких военных действий, что позволило немцам, не опасаясь за свои тылы, то есть за свой Западный фронт, сосредоточить основные силы против польской армии. Как видим, первыми предали Польшу ее «друзья».

Еще один участник большой европейской политики — Советский Союз оказался перед не менее сложным выбором. Договор о ненападении от 23 августа 1939 года, более известный как пакт Молотова-Риббентропа, и особенно секретные протоколы к нему, давали повод для обвинения СССР в соучастии германской агрессии.

Дискуссии на эту тему не окончены и по сей день. До сих пор над историографами довлеет их принадлежность к конкретной стране или нации. А ведь с точки зрения управления как науки, договор и последующие шаги СССР — это не что иное, как выбор альтернативы из ограниченного количества вариантов. Позиции Англии, Франции и Польши известны — отказ от сотрудничества с СССР в деле противодействия агрессору. С востока угрожает Япония. Очевидно, что в тех конкретных исторических условиях заключение договора о ненападении обеспечивало «жизненно важные интересы» Советского Союза в том виде, как их понимало руководство страны. К тому же договор позволил СССР избежать войны на два фронта: 15 сентября 1939 года Япония подписала мирные соглашения с Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой.

Сегодня, например, США и их союзники под эгидой защиты своих жизненных интересов и борьбы с международным терроризмом проводят военные операции против суверенных государств. Югославия, Афганистан, Ирак уже обрели «демократию по-американски». На очереди, если поверить прессе, Иран и Северная Корея. Так что прецедентов подобного рода более чем достаточно.

Выбирать приходилось из двух зол. Ввести войска в Польшу — означало разделить ответственность за агрессию. Именно на этом варианте так настаивала немецкая сторона. Не принять участие в предстоящем разделе — значит пустить немецкие танки под Минск. Сомнительно, что второй вариант мог вообще рассматриваться. Даже Черчилль, в то время военно-морской министр Англии, выступая 1 октября 1939 года по радио, признал целесообразность ввода советских войск на территорию Польши, который обеспечивал безопасность России против германской угрозы[2].

Уже 4 сентября новый нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов в беседе с германским послом Шуленбургом вынужден был объяснять, почему

---

[1] Овсяный И. Д. 1939: Последние недели мира. — М.: Политиздат, 1981. — С. 282—286.

[2] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов /ФСК РФ, Академия ФСК РФ. — М.: Книга и бизнес, 1995. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 87.

советские войска медлят с вводом в Польшу. Пришлось сослаться на «неожиданно быстрые» германские военные успехи и неготовность Красной Армии к выступлению[1]. На очередной встрече 9 сентября Молотов заявил о мобилизации свыше трех миллионов человек и о необходимости еще 2—3 недель для завершения подготовки. Сквозь вуаль заявления явно проглядывала попытка оказать психологическое воздействие на вероятного противника[2].

Выясним, зачем были необходимы еще 2—3 недели? По расчетам Народного комиссара НКО К. Е. Ворошилова, мобилизационные возможности немцев составляли 7 миллионов человек. Следовательно, СССР должен был «поставить под ружье» либо такое же количество, либо большее. Отсюда и задержка с вводом войск. Логично предположить, что И. В. Сталин нисколько не обольщался заверениями в дружбе со стороны Германии и элементарно подстраховывался. Это подтверждается конкретными шагами.

В конце августа 1939 года в Смоленске состоялось совещание партийного актива Белорусского особого военного округа (БОВО), на котором выступил командующий округом командарм 2-го ранга М. Н. Ковалев. Он говорил о необходимости сохранения полной боевой готовности частей и соединений в приграничных районах, о продлении запрета на отпуска и длительные командировки военнослужащих, вывод войск в лагеря, а артиллерии на полигоны[3].

По времени совещание совпало с началом формирования 76 новых дивизий шеститысячного состава. С учетом их общее число соединений в РККА должно было достигнуть 173. Руководству НКВД СССР предстояло сформировать 76 новых особых отделов. Почти одновременно Верховный Совет СССР принял закон «О всеобщей воинской обязанности». Таким образом, Красная Армия полностью завершила переход на новый принцип формирования. 4 сентября 1939 года нарком обороны своим приказом на месяц задержал увольнение более 310 тысяч бойцов и младших командиров, отслуживших свой срок. А 6 сентября под видом призыва на большие учебные сборы начинается скрытая мобилизация приписного состава в 6 военных округах. На западных рубежах были приняты меры по усилению обороны укрепрайонов.

Помимо этого наркоматы обороны, иностранных и внутренних дел СССР в период с 5 по 7 сентября 1939 года подготовили и направили в Политбюро информационно-аналитические документы о Польше и ее «кресах всходних».

Получив директиву ГШ и НКО о готовности к переходу советско-польской границы в ночь на 15 сентября 1939 года, командование, штаб округа и ОО НКВД БОВО передислоцировались из Смоленска в Минск. Спустя два дня начался заграничный поход.

Объединенная советская группировка включала в себя 7 армий, конно-механизированную группу, отдельный стрелковый корпус и другие формирования, в то время как германские группы «Юг» и «Север» — 5 армий[4]. При этом основные силы польской армии участвовали в боях против немцев. Сопротивление советским войскам со стороны польских воинских формирований не носило масштабный характер, что позволило к 25 сентября освободить всю территорию Западной Белоруссии. Войскам БОВО, согласно данным польских авторов, противостояло 45 тысяч человек, половина из которых представляла собой невооруженную толпу, не сведенную даже в конкретные воинские части. Границу с БССР при-

---

[1] Волков С. В., Емельянов Ю. В. До и после секретных протоколов. — М.: Воениздат, 1990. — С. 153.

[2] Для войны с Польшей, располагавшей шестисоттысячной армией и вынужденной в этом случае вести войну на два фронта, вполне хватило бы сил двух округов — КОВО и БОВО, тем более что к 9 сентября основная часть польского войска была уже разгромлена вермахтом.

[3] Третьяк С. А. Воссоединение Беларуси // Армия. — 1999. — №4. — С. 34.

[4] Волков С. В., Емельянов Ю. В. До и после секретных протоколов. — М.: Военное издательство, 1990. — С. 153.

крывали части корпуса пограничной стражи численностью в 8 тысяч человек, а также около 2 тысяч военных моряков из состава Пинской флотилии. Наиболее боеспособной являлась самостоятельная оперативная группа «Полесье», насчитывавшая 17 тысяч человек[1].

Несмотря на явный успех, по решению высшего военного руководства 26 сентября на базе войск группировки были образованы два фронта — Белорусский и Украинский. В состав Белорусского фронта вошли 3-я, 4-я, 10-я и 11-я армии, 23-й стрелковый корпус, Дзержинская конно-механизированная группа и Днепровская флотилия. Всего 200 тысяч 802 солдата и офицера.

Указанные шаги, по мнению автора, можно рассматривать как довод, что военно-политическое руководство СССР не исключало возможность военного столкновения с Германией осенью 1939 года.

Накануне ввода советских войск в Польшу наряду с приготовлениями политического и военного характера осуществлялась подготовка по линии органов государственной безопасности. 8 сентября на базах наркоматов внутренних дел Украины, Белоруссии и УНКВД по Ленинградской области начались учебные сборы. От НКВД БССР в них приняли участие 50 оперативных сотрудников и 150 оперативно-политических работников погранвойск. В ходе сборов были сформированы оперативно-чекистские группы (ОЧГ). От БОВО — 4 группы по 40—55 человек каждая[2]. Руководство всеми белорусскими ОЧГ возлагалось на группу в составе начальника 4-го (особого) отдела ГУГБ НКВД СССР старшего майора госбезопасности В. М. Бочкова[3], наркома НКВД БССР старшего майора госбезопасности Л. Ф. Цанаву[4] и начальника 3-го отдела (контрразведка) НКВД БССР старшего лейтенанта госбезопасности Ачасова.

16 сентября 1939 года наркомом НКВД СССР Л. П. Берия подписан приказ, регламентирующий задачи и деятельность ОЧГ «на занятых территориях»[5]. После ввода войск в Польшу оперативно-чекистским группам предписывалось занять все учреждения связи, банки и хранилища, типографии, редакции газет, государственные архивы, в том числе и архивы спецслужб, а также тюрьмы. Руководители местной полиции, жандармерии, пограничной охраны и филиалов 2-го отдела генштаба, «контрреволюционных партий» и «белогвардейских эмигрантских монархических организаций» подлежали аресту. Помимо этого на личный состав ОЧГ возлагались задачи по организации надежной охраны электростанций, водопроводов, продскладов, элеваторов и хранилищ горючего, борьбе с грабежами, бандитизмом, спекуляцией, регистрации и изъятию у всего гражданского населения огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и радиопередатчиков.

Особые отделы с началом мобилизационных мероприятий были приведены в полную боевую готовность и укомплектованы по штатам военного времени за счет прикомандирования сотрудников из других органов госбезопасности и призыва запасников. Им предстояло решать те же задачи, что и оперативно-чекистским группам. В остальном их основные задачи по борьбе с контрреволюцией, шпионажем, диверсией, вредительством и всякого рода антисоветскими проявлениями в РККА, РКВМФ, пограничных и внутренних войсках НКВД не претерпели изменений.

---

[1] Назаўсёды разам / Пад рэдакцыяй М. П. Касцюка, І. Я. Навуменкі. — Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1999. — Ст. 87.

[2] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов / ФСК РФ, Академия ФСК РФ. — М.: Книга и бизнес, 1995. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 71—72.

[3] Бочков В. М. (1900—1981), генерал-лейтенант. В 1938—1940 годах — начальник 4-го (особого) отдела ГУГБ НКВД БССР, в 1940—1944 годах — прокурор СССР, одновременно в июле—декабре 1941 года начальник Особого отдела НКВД Северо-Западного фронта.

[4] См. Раздел «Краткий биографический справочник».

[5] Архив МВД РБ.

Накануне и в период похода по дипломатическим каналам, а также в средствах массовой информации проводились мероприятия по информационно-пропагандистскому обеспечению ввода советских войск, а армейская контрразведка и комиссары на местах принимали меры к своевременному выявлению лиц, допускающих антигосударственные (антисоветские) высказывания. Личному составу советских войск разъяснялось, что они пришли в Западную Белоруссию и Западную Украину в целях защиты коренного населения от фашистской угрозы и освобождения белорусских и украинских братьев от власти помещиков и капиталистов. Особое внимание обращалось на необходимость охраны жизни и имущества всех граждан, независимо от национальности, лояльного отношения к польским государственным служащим и военнослужащим, не оказывающим вооруженного сопротивления. Войскам фронта предписывалось действовать решительно, при встрече с немецкими частями не давать им повода для военных провокаций, не допускать захвата ими районов, заселенных белорусами и украинцами, при необходимости давать вооруженный отпор.

К моменту ввода советских войск на территорию Польши часть страны находилась под немецкой оккупацией. В своей ноте польскому послу от 17 сентября правительство СССР объявляло: «Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному Командованию Красной Армии дать приказ перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии»[1].

Одними из первых в боевые действия с поляками вступили украинские пограничники. По специальному заданию полевого командования силами 19-го и 22-го погранотрядов НКВД УССР были ликвидированы польстражницы Островок и Белозурка.

Особенность ситуации заключалась в том, что ни СССР, ни Польша не находились в состоянии войны друг с другом. Маршал Э. Рыдз-Смиглы[2] в своем приказе войскам 17 сентября подчеркивал: «С Советами не воевать, только в случае атаки с их стороны либо попыток разоружения наших частей... Войска, к которым подошли Советы, должны вступать с ними в переговоры в целях вывода гарнизонов в Румынию или Венгрию». Благодаря этому приказу значительных военных действий между польскими и советскими войсками не было. Согласно польским источникам, зафиксировано около 40 случаев оказания сопротивления силами пограничных патрулей, а также бои под Кобрином, Гродно, Вильно и Белостоком. Наиболее упорные баталии развернулись 20—21 сентября в Гродно, в ходе которых 15-й советский танковый корпус потерял 12 танков, 47 человек убитыми и 156 ранеными[3].

В ряде случаев помощь войскам Белорусского фронта оказали повстанческие отряды и революционные комитеты, созданные бывшими членами КПЗБ[4] еще до прихода частей РККА. На территории Пинского повета повстанцы разоружили полицию, осадников и отряды польских войск, заняли железнодорожные станции Юхновичи и Молотковичи, местечко Иваново, установили контроль за железной дорогой Брест—Гомель и шоссе Пинск—Брест и в течение четырех дней до под-

---

[1] Волков С. В., Емельянов Ю. В. До и после секретных протоколов. — М.: Воениздат, 1990. — С. 157—158.

[2] Рыдз-Смиглы Э. (1886—1941), генеральный инспектор армии, фактический диктатор Польши с 1935 года, маршал. Командующий армией в советско-польской войне 1920 года. В сентябре 1939 года главком; после нападения Германии бежал в Румынию.

[3] Назаўсёды разам: Да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР / Пад. рэд. М. П. Касцюка, І. Я. Навуменкі. — Мн.: БелЭн, 1999. — С. 87—88.

[4] Коммунистическая партия Западной Белоруссии была распущена в 1938 году по решению Коминтерна.

хода советских войск держали их. Повстанцы активно действовали на Гродненщине, в Коссовском уезде, Ивацевичах, Скиделе и других населенных пунктах[1].

В результате военной операции войска Белорусского фронта к концу сентября заняли территорию Западной Белоруссии и вышли к демаркационной линии. Не обошлось и без столкновений с немецкими войсками. Так, 17 сентября части немецкого 21-го армейского корпуса восточнее Белостока понесли потери убитыми и ранеными в результате налета советских бомбардировщиков. Вечером 18 сентября у местечка Вишневец (17 км южнее Столбцов) немецкая бронемашина обстреляла расположение 6-й стрелковой дивизии, погибло четыре солдата. Имели место факты пленения военнослужащих с обеих сторон. Но все эти эпизоды носили скорее случайный характер, а конфликтные ситуации разрешались мирным путем.

Потери войск Белорусского фронта составили 996 человек убитыми и 2 тысячи ранеными. Для сравнения — потери немецких войск составили 10,6 тысяч убитыми, 30,3 тысяч ранеными и 3,4 тысячи пропавшими без вести, а Польши — 66,3 тысячи убитыми, 133,7 тысяч ранеными и около 420 тысяч попавшими в плен[2].

Ввод советских войск в Польшу выявил серьезные недостатки в боевой готовности частей и соединений, организации взаимодействия и тылового обеспечения. Особые отделы, отвечавшие за своевременное информирование военного командования о «недочетах в состоянии частей и соединений РККА», не могли оставить данный вопрос без внимания[3]. Информируя военно-политическое руководство о состоянии танковых бригад Белорусского фронта, начальник Особого отдела П. Г. Бегма отмечал неудовлетворительную организацию марша: «По 22-й танковой бригаде (тбр) — до сих пор не прибыло Т-26 — 125 шт., Т-38 — 6 шт., БХМ (боевая машина химической защиты) — 4 шт., и 181 вспомогательная машина.

На 2 октября с. г. к месту сосредоточения 27-й тбр в г. Гродно не прибыло танков: Т-26 — 8 шт., БТ-7 — 26 шт. и 11 других машин. По 2-й тбр — 25 машин, из которых [местонахождение] 13 танков до сего времени не установлено.

Для розыска машин 24 сентября направлен командир роты боевого обеспечения капитан Орлов с тремя красноармейцами, который до сих пор не возвратился. Где находится, неизвестно»[4].

Танки выходили из строя в результате поломок, аварий и отсутствия горючего. По этому поводу можно заметить, что в мирное время за такую организацию марша снимают с должностей, а в военное — отдают под трибунал. С таким уровнем подготовки командиров и механиков одержать победу очень и очень сложно.

Как известно, для обеспечения быстрых темпов наступления необходимы хорошо оборудованные дороги. Отсюда задача наступающих войск — не дать их разрушить, а если это не получилось, то быстро восстановить их пропускную способность. Таким образом, между качеством дорог, по которым ведется наступление, и успехом наступающих войск — прямая зависимость. А теперь посмотрим, как решался этот вопрос в войсках Белорусского фронта. Из спецсообщения фронтового особого отдела: «30% командного состава не имеют револьверов, а 40% рядовых без винтовок. Техническим имуществом части обеспечены

---

[1] Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 / А. А. Коваленя, А. М. Литвин и др. — Мн.: БЕЛТА, 2005. — С. 31.

[2] Назаўсёды разам / Пад рэд. М. П. Касцюка, І. Я. Навуменкі. — Мн.: БелЭн, 1999. — С. 88.

[3] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов / ФСК РФ, Академия ФСК РФ. — М.: Книга и бизнес, 1995. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 248.

[4] НАРБ. — Ф. 4 п. — Оп. 21. — Д. 1739. — Л. 59.

исключительно плохо. За двенадцатичасовой рабочий день производилась перешивка только 15—18 километров железнодорожного пути, тогда как при наличии технического имущества и правильной организации работ свободно можно перешивать по 30 км. (В СССР железнодорожная колея была шире, чем на Западе, поэтому требовалась перешивка. — *В. Н.*).

В своих мемуарах Маршал Советского Союза А. И. Еременко отмечал серьезные недостатки и в тыловом обеспечении войск: «За неделю похода в Западную Белоруссию (без серьезных боев) выявлены существенные недостатки в работе наших тыловых органов, которые с перебоями снабжали войска, особенно горючим. Пришлось связаться с фронтовым командованием и потребовать ускорить подвоз горюче-смазочных материалов»[1]. Проблему нехватки горючего решали путем переливания его из одних танков в другие. Так было в Новогрудке, Волковыске и Белостоке. Но это послевоенные, отредактированные воспоминания. Другой же непосредственный участник этих боев военнослужащий батальона связи 15-го танкового корпуса капитан Селезнев оценивал ситуацию более жестко. В беседе от 28 сентября 1939 года он заявил: «Хорошо, что мы имеем дело с Польшей, у которой ничего нет, но если бы мы воевали с Германией, то при таком обеспечении она бы нас разбила»[2]. А начальник разведотделения штаба ВВС 10-й армии майор Коробков в беседе с начальствующим составом военно-воздушных частей подчеркивал: «В эту операцию опять повторили действия врага народа Тухачевского, который в 1920 году сделал так, что тыл был оторван от фронта. Так получилось и сейчас. Тыл оторван на 100—150 км»[3].

За период с 17 сентября по 9 октября 1939 года сотрудники особых отделов Белфронта арестовали 353 человека, в том числе: советских военнослужащих — 40 человек, гражданского населения — 313 (сотрудников и служащих польской полиции — 80, агентов полиции — 9, бандитов — 58; по остальным 166 информация отсутствует. — *В. Н.*). С гражданским населением все ясно — для ареста было достаточно принадлежности к перечисленным в директиве НКВД СССР от 15 сентября 1939 года категориям граждан. Но за какие прегрешения брали своих?

40 военнослужащих арестованы за различные преступления: за контрреволюционную агитацию — 3, за измену Родине — 5, за превышение власти — 4, за отказ от присяги — 5, за членовредительство — 2, за антисоветские высказывания — 2, за мародерство — 10, за дезертирство — 5. По 4 арестованным информация отсутствует[4]. В течение 12 октября 1939 года арестовано еще 2 военнослужащих (один за убийство и мародерство, второй — за контрреволюционную агитацию), а также двое дворян и два бандита[5]. Факты говорят сами за себя: каждый четвертый арестован за мародерство и лишь каждый 8-й — за так называемые «политические» преступления.

7 октября 1939 года Л. Ф. Цанава докладывал секретарю ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко о результатах следственной и агентурной работы в Западной Белоруссии: «Нами установлено, что в ряде мест в состав крестьянских комитетов сумели проникнуть классово-враждебные элементы, в том числе: попы, ксендзы, бывшие коменданты полиции, торговцы... Дальнейшим следствием по делам арестованных на территории Западной Белоруссии вскрываются крупные агенты 2-го Отдела польского главного штаба. В их числе:

1. Крупных представителей из помещиков, князей, дворян и капиталистов, подозреваемых в шпионаже, — 241 человек.

---

[1] Еременко А. И. Помни войну. — Донецк: «Донбасс», 1971. — С. 120.

[2] НАРБ. — Ф. 4 п. — Оп. 21. — Д. 1739. — Л. 12.

[3] НАРБ. — Ф. 4 п. — Оп. 21. — Д. 1739. — Л. 73.

[4] НАРБ. — Ф. 4 п. — Оп. 21. — Д. 1739. — Л. 116.

[5] НАРБ. — Ф. 4 п. — Оп. 21. — Д. 1739. — Л. 132.

2. Реакционных представителей правительственной администрации:

а) воевод, старост, их заместителей, бурмистров и их ближайших помощников — 318;

б) руководителей местных органов полиции, жандармерии, пограничной охраны и 2-го Отдела Генштаба — 569.

3. Руководителей контрреволюционных партий и активных членов контрреволюционных партий — 128.

4. Бандитов — 88.

5. Кулаков, бежавших из СССР в Польшу и связанных с польской разведкой, — 30.

6. Агентов польской разведки и провокаторов — 334.

7. Белогвардейцев — участников белогвардейской монархической организации — 9.

8. Осадников, связанных с польской разведкой, — 110.

9. Агентов политической полиции — 171.

10. Обвиняемых в шпионаже — 449.

11. Прочий контрреволюционный элемент — 211»[1].

Приведенный перечень социальных групп и категорий, подвергнувшихся репрессиям, показывает, что НКВД проводил «зачистку» территории от реальных и потенциальных «враждебных» элементов. Политика массовых репрессий по отношению к мирному населению не могла не вызвать ответную реакцию. В ряде случаев местные жители создавали партизанские отряды, которые пополнялись бывшими военнослужащими польской армии.

Спустя некоторое время на повестку дня встал вопрос борьбы со спекуляцией. В октябре 1939 года руководство НКВД БССР докладывало П. К. Пономаренко: «Занятие РККА западных областей не только вызвало всплеск контрреволюционных высказываний, но и спровоцировало спекуляцию. Многие ответственные работники, злоупотребляя служебным положением, вывозили из Польши мануфактуру, продовольственные и промышленные товары». Среди них — народный комиссар здравоохранения Новиков, его заместитель Эпштейн, народный комиссар юстиции Лодысев и начальник Новогрудского управления связи Соловейчик»[2].

Ввод войск на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины «реанимировал» задачу борьбы с дезертирством и членовредительством. По данным Особого отдела БОВО, за период с января по 15 марта 1940 года из войск округа дезертировали 398 человек. В результате принятых ОО НКВД БОВО, территориальными органами, командованием БОВО мер удалось задержать 247 человек. Из оставшихся в розыске 148 человек 99 бойцов дезертировали в пути следования в Ленинградский военный округ (ЛВО)[3]. Напомним, что в указанный период войска ЛВО участвовали в советско-финляндской войне. Возможно, основную часть дезертиров составляли лица, призванные из западных районов БССР и УССР, но это был тревожный звонок, свидетельствовавший об общем падении воинской дисциплины.

Один из участников расширенного заседания Главного военного совета комдив П. И. Батов, затронувший вопрос нарушения дисциплины в период войны с Финляндией, предложил создать исправительные дисциплинарные батальоны. Другие участники, настроенные более решительно, призывали к созданию штрафных батальонов. Как известно, последнее предложение было реализовано в ходе Великой Отечественной войны.

---

[1] НАРБ. — Ф. 4 п. — Оп. 21. — Д. 1683. — Л. 4—9.

[2] НАРБ. — Ф. 4 п. — Оп. 21. — Д. 1679. — Л. 239.

[3] НАРБ. — Ф. 4 п. — Оп. 1. — Д. 2082. — Л. 98.

Деятельность особых отделов Белорусского Особого военного округа на территории Литовской республики

Осень 1939 года оказалась на редкость насыщенной различными политическими событиями. 28 сентября вслед за советско-германским договором о дружбе и границе СССР подписал советско-эстонский договор о взаимопомощи и... получил право создать базы военно-морского флота на островах Сааремаа и Хиумаа на правах аренды. Одновременно Советский Союз получил возможность арендовать несколько аэродромов и разместить на территории Эстонии две дивизии и авиацию. 5 октября был подписан советско-латвийский договор о взаимной помощи, по которому Латвия предоставила СССР право создать военно-морские базы в Лиепае и Вентспилсе, базу береговой артиллерии, а также несколько аэродромов. А 10 октября — аналогичный договор с Литвой. СССР получил право разместить гарнизоны советских войск в городах Вилейке, Алитусе, Приенайе и пользоваться восемью посадочными площадками для авиации. В соответствии с договором СССР передал Литве город Вильно (Вильнюс) и Виленскую область БССР, образованную после вступления войск Красной Армии на территорию Польши[1].

Данный шаг вызвал негативную реакцию со стороны советского военного командования и гражданского населения. В связи с этим особый отдел БОВО даже подготовил специальную докладную «О настроениях в связи с заключением Договора о взаимопомощи между СССР и Литвой», в которой, в частности, отмечалось: «...военные, в том числе старший и высший командно-политический состав, выражают недоумение, а большинство жителей открыто выказывают недовольство переходом к Литве. Спрашивают, почему этот вопрос не был решен плебисцитом. В Вильно только 5% литовского населения, еврейского — 35%, а остальные — поляки (под поляками подразумевали в том числе и белорусов-католиков. — *В. Н.*) и русские. Так почему же отдают Литве?»[2]. Еврейская община Вильно даже обращалась к советскому командованию с ходатайством о принятии города в состав СССР. Евреи опасались, что в Литве они столкнутся с притеснениями на национальной и религиозной почве.

Согласно советско-германским договоренностям, Литва «отошла в сферу советских интересов». Взамен СССР вывел свои войска с части оккупированной им польской территории. В результате новая советско-германская граница прошла по линии рек Нарев — Западный Буг — Ярослав — Сан. Согласно донесению начальника политуправления Белорусского фронта дивизионного комиссара Иванова в ПУ РККА, «...отход происходил организованно. 5 октября 1939 года части 6-й кавдивизии отошли на линию установленной новой границы. Передача города Соколов немецкой армии произошла в 19.30 в дружественной обстановке, отвечающей требованиям заключенного договора между СССР и Германией»[3].

Начальник 5-го отделения Особого отдела НКВД Белорусского фронта лейтенант Мухортов сообщал из Волковыска: «...11-я, 10-я, 4-я армии в результате военных действий зашли на «немецкую территорию» и впоследствии в октябре 1939 года отошли на рубеж новой границы»[4].

23 ноября 1939 года Особый отдел НКВД БОВО был переведен на новые штаты и передислоцирован в г. Минск. Часть сотрудников военной контрразведки, прибывших из других регионов, были отправлены к местам прежней службы,

---

[1] Волков С. В., Емельянов Ю. В. До и после секретных протоколов. — М.: Военное издательство, 1990. — С. 166—167; Сінчук І. І. Віленскі канфлікт 1920—1939 // ЭГБ: У 6 т. — Мн., 1994. — Т. 2. — С. 285.

[2] НАРБ. — Ф. 4 п. — Оп. 21. — Д. 1739. — Л. 150.

[3] НАРБ. — Ф. 4 п. — Оп. 21. — Д. 1739. — Л. 22.

[4] НАРБ. — Ф. 4. — Оп. 21. — Д. 1739. — Л. 34.

часть получили назначения в особые отделы БОВО. Военнослужащих, призванных из запаса, демобилизовали. В подчинении особого отдела округа остались особые отделы 3-й, 4-й, 10-й и 11-й армий, а также отдельных частей и соединений, в том числе и расположенных на территории Литвы.

Размещение советских воинских контингентов на территории Литвы, Латвии и Эстонии внесло серьезные изменения в оперативную обстановку в Балтийском регионе. В целях упорядочения вопросов оперативного обеспечения советских военных гарнизонов за рубежом НКВД СССР издал соответствующую директиву, в преамбуле которой отмечалось: «Нахождение частей Красной Армии и Военно-Морского Флота на территории дружественных нам иностранных государств, с которыми заключены договоры о взаимопомощи, создает особые условия их оперативно-чекистского обслуживания.

Разведывательные органы иностранных государств, несомненно, предпримут все зависящие от них меры к широкому использованию открывающихся для них возможностей проникновения в части РККА и РККФ в шпионских целях.

С другой стороны, повседневное общение начальствующего и красноармейского состава с населением страны, на территории которой части дислоцируются, ставит перед особыми органами задачу тщательного наблюдения за поведением его в целях своевременного выявления и пресечения случаев дискредитации высокого звания представителей Красной Армии и Флота Советского Союза»[1].

Впервые советские воинские контингенты и особые отделы оказались на территории суверенных стран, имевших собственные институты власти и управления, свое национальное законодательство. Военные контрразведчики оказались в непривычной для них обстановке. В частности, в Литве им противостояли не только национальные спецслужбы, но и разведки других зарубежных государств. Кроме того, после вхождения Виленского края в состав Литвы на ее территории оказались агенты польских разведывательных и контрразведывательных органов, полиции, уголовные, а также враждебно настроенные по отношению к титульной нации элементы.

Изучение опыта прошлого помочь не могло — ни царская военная контрразведка, ни советская подобной практики не имели. Начальнику ОО НКВД по БОВО майору госбезопасности П. Г. Бегме предстояло организовать противодействие зарубежным разведкам с «чистого листа». Нарушая хронологию событий, отметим, что ему, по всей видимости, удалось успешно справиться с поставленными задачами, о чем свидетельствует факт награждения его в 1940 году орденом Красной Звезды и избрание депутатом Верховного Совета БССР.

На территории Литвы советским военным контрразведчикам противостояли опытные противники в лице разведслужб Германии, Франции, Англии, Японии и Италии. Германия не случайно поставлена на первое место. Немецкая разведка действовала напористо и, по сравнению с другими, наиболее открыто. По данным Особого отдела БОВО, руководство германской разведкой осуществлял военный атташе полковник Юст. Основные центры шпионажа находились в Ковно (Каунас) и Вильно (Вильнюс). Два немецких агента — Мария Сикорская и Елена Баркус, проживавшие в Вильно, отвечали за сбор информации о советских войсках и передачу сведений в Ковно перевербованному литовскому агенту Ионасу Бартозевичюсу.

Планирование мероприятий по борьбе с подрывной деятельностью иностранных разведок осуществлялось с учетом сведений об объектах их первоочередного интереса, методах и способах сбора разведывательной информации, агентурной базе. И что характерно, в основе лежала информация, которую особые отделы добывали самостоятельно.

---

[1] Директива НКВД СССР № 4/59594 от 19 октября 1939 года. См. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов / ФСК РФ, Академия ФСК РФ. — М.: Книга и бизнес, 1995. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 110.

Армейские контрразведчики установили, что германская разведка проявляла интерес к работе штабов советских воинских частей, уровню теоретической и практической подготовки штабных офицеров, учебным задачам, изучала мнение командиров и солдат по вопросу возможных войн, отношение к договору между Германией и СССР. Разведывательный опрос советских командиров, как правило, проводился в местах общественного пользования, в поездах. В качестве собеседников выступали «лояльные» к СССР граждане Литвы, корреспонденты так называемого «левого направления». В последующем контакт закреплялся путем втягивания военнослужащих Красной Армии в совместное употребление спиртных напитков, знакомства с женщинами.

При проведении вербовочной работы германская разведка ориентировалась на этнических немцев, литовцев, белорусов и русских. Французская и английская разведки отдавали предпочтение полякам и литовским чиновникам.

Литовская разведка предоставляла свои услуги французам, англичанам и финнам, в том числе и для работы против СССР. Между тем еще 28 октября 1939 года представители РККА и Литовского правительства заключили соглашение о сохранении военной тайны, согласно которому в литовских и советских средствах массовой информации воспрещалось разглашать сведения о дислокации, составе, вооружении и боевой подготовке литовских и советских войск в Литве. Впрочем, это не мешало вести разведку друг против друга. Литовцы, например, неоднократно предпринимали попытки установить места дислокации особых отделов и личности сотрудников военной контрразведки, называя последних «политическими жандармами ГПУ при войсках». Спустя три недели после подписания соглашения комендант г. Вильно приказал начальникам полицейских отделений города и Виленского уезда собирать сведения о войсках СССР. Инициатором этого выступил 2-й отдел штаба Виленского соединения.

Против советских войск активно проводилась разведка с использованием технических средств. Так, по данным Особого отдела по 16-му отдельному стрелковому корпусу (оск), на узле связи в г. Вильно литовская разведка организовала пункт по прослушиванию телефонных переговоров между штабами частей 16-го оск на участках Ново-Вилейка—м. Олита (совр. г. Алитус, Литва. — *В. Н.*), Ново-Вилейка—Порубанок. Одновременно проводилась радиоразведка с использованием военных пеленгаторов. В дальнейшем перехваченные радиограммы штабов 16-го корпуса и 5-й стрелковой дивизии (сд) доставлялись в шифрбюро 2-го отдела штаба литовских войск для дешифровки.

Вскоре военные контрразведчики выявили одного из агентов 2-го отдела, инженера Плавуцкого, возглавлявшего группу чернорабочих и электромонтеров, проводивших ремонт здания штаба 5-й дивизии. Инженер проводил скрытую фотосъемку военного городка и личного состава. Более того, чтобы чаще наведываться в штаб, он умышленно выводил электропроводку из строя. В сложившейся ситуации по инициативе особого отдела соединения командование проинформировало литовского военного представителя о неоднократных фактах недобросовестного исполнения обязанностей инженером Плавуцким. После этого инженер перестал появляться в штабе.

Литовская разведка предпринимала настойчивые попытки установить место расположения Особого отдела 16-го корпуса. Один из рабочих, ремонтировавших Дом Красной Армии, заявил, что в полиции ему под угрозой ареста приказали установить кого-нибудь из «политических жандармов НКВД». Попытки использовать в этих целях рабочих не приносили желаемого результата. В ряде случаев наспех завербованные из этой категории агенты обращались к советскому командованию и сообщали о своем сотрудничестве с литовской полицией или разведкой. Тем не менее от тотальной вербовки вольнонаемных рабочих литовцы так и не отказались. Дело в том, что литовское правительство потребовало от своих спецслужб обеспечить тщательное наблюдение за сотрудниками советских органов госбезопасности, введенных вместе с войсками на территорию Литвы.

Предпринимались попытки внедрить в окружение войск тайных агентов полиции под видом строителей. Но так как эти люди не являлись специалистами, разоблачить их не составляло особого труда. Нередко в этом помогали сами рабочие. Так, 17 января 1940 года к комиссару 10-го истребительного авиаполка обратился уволенный кочегар Хемич, работавший в гараже авиагородка, и сообщил, что агент тайной полиции Станкевич, проживающий в Ново-Вилейке, поставил ему задачу по сбору сведений о советских воинских частях, расположенных на ж/д станции Порубанок. В случае выполнения задания обещал трудоустроить, в противном случае — арестовать.

В январе 1940 года в поле зрения особистов попали несколько польских семей, прибывших в местечко Прены (г. Пренай, Литва). Поляки проявляли повышенный интерес к командному составу, к политико-моральному состоянию частей, а также к мерам взыскания, применяемым в РККА за совершение различного рода проступков.

Привлекла внимание контрразведки и содержательница ресторана, которая через свою дочь устанавливала контакты с военнослужащими Пренайского гарнизона. Выяснилось, что дочери вменялось в обязанность организовывать случайные знакомства советских офицеров со своим «братом», в роли которого выступал агент-вербовщик. В дальнейшем именно он занимался обработкой русских кавалеров.

В местечке Прены, где дислоцировался 142-й стрелковый полк, хозяин единственного ресторана оказался агентом литовской разведки. Видимо, после вербовки его не очень хорошо обучили методам выведывания, так как «прокололся» он по причине полной некомпетентности, напрямую расспрашивая посещающих его командиров о состоянии полка, боевой технике и командном составе. Особисты подставили любопытному хозяину ресторана своего агента. Уже в ходе первой встречи литовец буквально осыпал нового знакомого вопросами разведывательного характера. В ход пошли старые, но надежные способы — дармовая выпивка и женщины. Но в данном случае литовец просчитался, а контрразведка получила канал сброса дезинформации.

В декабре 1939 года сотрудники Особого отдела 5-й сд заинтересовались парикмахером, проживающим в местечке Олита. Через некоторое время контрразведчики установили, что парикмахер Грон, он же Арон, он же Берн Георгий Вениаминович является агентом литовской разведки. Работа в парикмахерской обеспечила Грону широкий круг знакомств из числа местных жителей. Впоследствии это обстоятельство оказало ему неоценимую услугу, так как большинство командного состава размещалось по частным квартирам. Не вызывая подозрений, парикмахер под различными предлогами посещал эти дома и «случайно» знакомился с советскими военнослужащими. Разведопрос проводил достаточно профессионально. Выдал его некто Хозанович Бора Менделевич, у которого квартировал политрук 19-го зенитно-артиллерийского дивизиона Демченко. Он предупредил офицера, что Грон является агентом тайной полиции.

В Олите активно работала германская разведка. Явки со своей агентурой немцы, как правило, проводили в ресторане клуба «стрельцов» (молодежная организация профашистского толка. — *В. Н.*).

Особые отделы не только выявляли агентуру спецслужб иностранных разведок, но и сами проводили активные мероприятия. К их числу можно отнести внедрение источника в литовскую гвардию и продвижение его на должность помощника командира батальона. Через возможности командования принимались меры, направленные на затруднение деятельности литовских спецслужб. Во время ремонта штаба 5-й сд некто Чукайтис, хозяин одного из магазинов в м. Олита, поставлявший материал для ремонта здания, поручил своему работнику Лазаревичу пересчитать все танки, бронемашины и орудия на территории соединения. Лазаревич не выполнил задание, сославшись на жесткий режим охраны. По его словам, их не только никуда не пускали, но даже без необходимости не разговаривали с ними.

В работе особых отделов за рубежом немаловажное значение приобрел вопрос отслеживания обстановки среди различных социальных групп населения. Касаясь отношения литовской элиты к вопросу о будущем своей страны, майор госбезопасности П. Г. Бегма отмечал: «Крупные чиновники, офицеры и буржуазные круги Литвы не верят в прочность договора о взаимной помощи между СССР и Литвой, так же как и не верят, что советское правительство передало литовскому государству Виленскую область навсегда. Со стороны этих прослоек ведется пропаганда среди своих соплеменников, что советская власть все равно в текущем году заберет Литву и установит здесь Советскую власть (так и произошло летом 1940 года. — ***В. Н.***), поэтому на каждом шагу к нам прислушиваются, изучают нас, не скупясь на провокационные методы»[1].

Провокации действительно имели место. Но в ряде случаев командование и контрразведка просто перестраховывались, зачисляя в разряд провокаций то, что в действительности таковым не являлось. Например, факт распространения листовок в местах проживания комсостава 5-й стрелковой дивизии в январе 1940 года сочли провокацией. Между тем, листовки были написаны на литовском языке и содержали призыв к забастовке на почве недовольства экономической ситуацией. К тому же местом проживания комсостава являлось литовское местечко, где большинство составляли местные жители.

Знание всех этих нюансов позволяло контрразведке не только организовывать эффективное противодействие разведывательно-подрывным устремлениям иностранных спецслужб, но и проводить активные наступательные мероприятия.

30 октября 1939 года началась советско-финляндская война, серьезно изменившая военно-политическую и оперативную обстановку не только в Балтийском регионе, но и во всей Европе. Негативные последствия этого шага для СССР не замедлили сказаться уже в ближайшее время. В декабре 1939 года состоялась конференция министров иностранных дел Эстонии, Латвии и Литвы, на которой были приняты решения о воссоздании «Балтийской Антанты» и об усилении помощи Финляндии[2]. С началом войны эстонский генеральный штаб организовал передачу Финляндии разведывательных сведений о Советском Союзе. Из Эстонии и Латвии отправлялись партии добровольцев для участия в боевых действиях против советских войск.

14 декабря 1939 года по решению Лиги Наций СССР был исключен из этой организации. Ряд стран оказали военно-техническую помощь финской армии. В частности, Англия, Франция и Швеция направили в Финляндию более 500 самолетов. Из США, Норвегии, Италии и других стран осуществлялись поставки вооружения. Одновременно разрабатывались планы создания экспедиционного корпуса союзников численностью свыше 100 тысяч человек для высадки на севере в помощь финнам[3].

Все эти события привели к тому, что в начале 1940 года в Вильнюсе стали активно распространяться слухи о предстоящей войне между Англией и СССР. Обсуждалась также вероятность войны между СССР и Германией.

Подобные тенденции не остались вне поля зрения военной контрразведки БОВО, о чем свидетельствует выдержка из спецсообщения: «Внешне Литовское правительство везде и всюду подчеркивает свои дружеские отношения к великому народу СССР, в то же время искренне сочувствует руководителям финляндской банды, и мы имеем точные данные о том, что Литовское правительство предоставляет возможность вербовать из числа своих граждан добровольцев для

---

[1] НАРБ. — Ф. 4 п. — Оп. 21. — Д. 2082. — Л. 58.

[2] Волков С. В., Емельянов Ю. В. До и после секретных протоколов. — М.: Воениздат, 1990. — С. 179.

[3] Волков С. В., Емельянов Ю. В. До и после секретных протоколов. — М.: Воениздат, 1990. — С. 176.

финляндской армии. Так, например, отставной летчик капитан Маркикус проводит вербовку летчиков-добровольцев для французской и финляндской армий.

Разрешение на подобного рода деятельность было получено от начальника авиации литовской армии генерала Густайтиса. Уже завербован ряд пилотов и унтер-офицеров. По другим данным, кроме специалистов в Литве вербуются добровольцы для Финляндии, которых отправляют туда торговыми пароходами. Но принимает ли правительство Литвы участие в этом, нам неизвестно. Такими данными мы не располагаем»[1].

При этом литовские военные и чиновники не исключали возможность советизации Литвы, Эстонии и Латвии. Характеризуя данную ситуацию, начальник Особого отдела БОВО П. Г. Бегма сообщал в адрес секретаря ЦК КП (б) Б П. К. Пономаренко: «Подобная клевета ведется внутренними буржуазно-националистическими партиями Литвы, которые дерутся между собой за портфели министерства, используя колебания правительства в связи с неустойчивым положением Виленской области, где поляки стоят острой оппозицией к литовскому правительству и ведут заговорщицкую и диверсионную работу против данной страны. Только на днях была раскрыта крупная организация, состоящая из поляков, которая вела свою работу на подрыв государственного строя в Литве...»[2].

Внутриполитическую обстановку в Литве в тот период действительно трудно назвать стабильной. И дело не только в советском военном присутствии. Имел место кризис власти, обусловленный внутрипартийной борьбой между двумя основными партиями — христианскими демократами и национал-социалистами («Союз таутинников». — *В. Н.*). Нередко жертвами межпартийных склок становились высокопоставленные офицеры и генералы. В частности, таутинники настояли на снятии с должности командующего литовской армией только за публикацию нежелательной для них статьи в прессе. Правда, он отказался подать в отставку. Но здесь главное то, что внутри общества не было единства.

28 января 1940 года группа высокопоставленных офицеров литовской армии в рамках ответного визита посетила штаб 16-го отдельного стрелкового корпуса. После завтрака, больше походившего на вечернее застолье, завязалась непринужденная беседа. Находясь под влиянием алкоголя, один из литовцев, полковник Спрингаускас, в беседе с начштаба корпуса комбригом Семеновым заявил, что офицеры литовской армии находятся в подавленном состоянии, так как считают, что в текущем году на их территории неизбежно разразится война.

Активизировалась антисоветская информационно-пропагандистская кампания, направленная на дискредитацию политики СССР и Красной Армии в глазах мировой общественности, подрыв морально-боевого духа советских военнослужащих. При этом широко использовались возможности средств массовой информации. Рупором антисоветской пропаганды стал журнал «Ревю Балтик», выходивший в Таллине с февраля 1940 года на английском, французском и немецком языках. Журнал явно ориентировался на европейского читателя.

С начала 1940 года участились случаи арестов местных граждан, обслуживавших советские войска в Прибалтике, что также свидетельствовало об ужесточении позиции официальных властей.

Отсутствие соответствующих документальных источников не позволяет ни оценить все масштабы этой враждебной деятельности, ни категорично утверждать, что она существенным образом повлияла на политико-моральное и боевое состояние советских войск. Скорее всего, она имела внешнюю направленность и предназначалась правительствам и аудитории западных стран. Уместно предположить наличие причинно-следственной связи между неудачами Красной Армии в «незнаменитой», по словам поэта А. Т. Твардовского, войне и усилением раз-

---

[1] НАРБ. — Ф. 4 п. — Оп. 21. — Д. 2082. — Л. 64.
[2] НАРБ. — Ф. 4 п. — Оп. 21. — Д. 2082. — Л. 60.

ведывательной и информационно-пропагандистской деятельности западных спецслужб и организаций.

«Незнаменитая» война самым неожиданным образом сказалась на состоянии боеготовности войск БОВО. П. Г. Бегма докладывал руководству о том, что в результате отправки на Ленинградский фронт вооружения, техники и другого военно-технического имущества ряд частей округа перешли в разряд «ограниченно боеготовых». Действительно, какую задачу мог выполнить артиллерийский полк, оставшийся без тягачей и даже конских упряжек.

Советско-финляндская война завершилась 12 марта 1940 года. Потери Советского Союза составили более 100 000 человек, Финляндии — около 23 000. Красная Армия продемонстрировала неготовность к ведению боевых действий в сложных условиях и, по всей вероятности, подтолкнула Гитлера к принятию окончательного решения о подготовке к агрессии против СССР.

В сложившихся условиях советское военно-политическое руководство не могло обойтись без всестороннего анализа состояния дел в военном ведомстве. В конце марта 1940 года состоялся внеочередной Пленум ЦК ВКП (б), в ходе которого К. Е. Ворошилов подвел неутешительные итоги войны. Затем 17 апреля прошло расширенное заседание Главного военного совета, на котором также рассматривались результаты боевых действий РККА.

В своих выступлениях участники совещания отмечали, что войска понесли огромные потери по причине неподготовленности командного состава. По мнению исследователя А. В. Исаева, основная проблема заключалась в другом. В декабре 1939 года против 3 финских дивизий, находившихся в долговременных укреплениях на Карельском перешейке, советское командование бросило 5 стрелковых дивизий 7-й армии. В то время как наступление следовало вести силами не менее 9 соединений. Вспомним, как 300 спартанцев задержали продвижение огромного персидского войска у Фермопил.

На совещании также отмечалось, что командный состав РККА действовал робко, пассивно. Большинство спешно выдвинутых, вместо репрессированных, молодых командиров не обладали достаточными навыками управления войсками в бою, не смогли организовать взаимодействие, правильно решать вопросы разведки, маскировки, инженерного и материально-технического обеспечения боя, пользоваться техническими средствами связи. Все это вело к неудачам, большим потерям и вместе с тем позволяло хорошо обученным финским войскам в условиях знакомого для них театра военных действий при меньшем количестве сил успешно отражать атаки советских войск, стойко удерживать большой фронт в течение первых месяцев войны.

В качестве одной из причин поражений новый нарком обороны С. К. Тимошенко[1] с присущей ему прямотой и эмоциональностью упомянул обыкновенную «брехню». Речь идет об очковтирательстве. В аграрном секторе схожее явление называют приписками. К этому следует добавить неисполнительность.

Нельзя сказать, что вышеперечисленные вопросы командование РККА игнорировало. Например, Военный совет БОВО уделял большое внимание оперативной подготовке командиров и штабов, а выявленные недостатки становились предметом разбирательств. Так, еще в ходе зимних тактических учений 1939 года выяснилось, что самыми слабыми вопросами в работе штабов являются организация взаимодействия и связь. Отмечалось, что «штабы не добились еще непрерыв-

[1]Тимошенко С. К. (1895—1970), Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза (1940, 1965). В 1940—1941 годах нарком обороны СССР. В 1941—1942 годах главнокомандующий Западным и Юго-Западным направлениями, в 1941—1943 годах командующий войсками Западного, Юго-Западного, Сталинградского и Северо-Западного фронтов. В 1945—1960 годах командующий войсками ряда округов.

ности в управлении войсками, что очень часто связь и управление теряются, особенно при перемещениях и налетах авиации»[1]. Однако поднять эти вопросы на качественно новый уровень не удалось ни к моменту ввода войск на территорию Польши, ни во время советско-финляндской войны. Эта проблема сохранила свою актуальность и в начальный период Великой Отечественной войны, когда из-за отсутствия должного взаимодействия и связи советские войска понесли неоправданно огромные потери.

Мероприятия органов НКВД БССР и особых отделов БОВО накануне Великой Отечественной войны

Вхождение западноукраинских и западнобелорусских земель, а затем и прибалтийских республик (Литвы, Латвии и Эстонии) в состав СССР привело к установлению общей границы с Германией. На территории Белоруссии основная нагрузка по контрразведывательному обеспечению государственной границы легла на Управление пограничной охраны и внутренних войск НКВД БССР. Оперативной работой на сопредельной территории занимался 5-й (иностранный) отдел УГБ НКВД. Вывод Особого отдела БОВО из состава республиканского наркомата внутренних дел в определенной мере ограничил его доступ к информации о деятельности спецслужб Германии, получаемой по каналам органов госбезопасности и внутренних дел БССР. Между тем фашистские спецслужбы активно наращивали свое присутствие на оккупированной территории Польши.

В декабре 1940 года нарком НКВД БССР Л. Ф. Цанава сообщал в адрес секретаря ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко о 30 отделениях и разведпунктах гестапо и погранполиции, находящихся в полосе ответственности 86-го, 87-го, 88-го и 89-го погранотрядов и занимающихся заброской агентуры на территорию СССР[2].

Докладная раскрывает отдельные результаты работы советских органов госбезопасности за границей. В документе указаны явочные квартиры, резиденты немецкой разведки, агенты-вербовщики, должностные лица германских спецслужб, их домашние и служебные адреса. Возникает лишь сомнение в том, что разведработой на советской территории занимались филиалы гестапо. Для подобных целей существовал Абвер[3]. Можно предположить, что неточность была допущена по причине недостаточной осведомленности оперработников и самого Л. Ф. Цанавы. Вспомним, что агенты литовских спецслужб еще в конце 1939 года называли особистов «политическими жандармами ГПУ». К слову, немцы также недостаточно хорошо представляли себе структуру контрразведывательных органов СССР.

В феврале 1941 года в результате целенаправленной закордонной работы НКВД БССР удалось установить местонахождение разведшколы в г. Штеттине, где готовились кадры для ведения военного шпионажа, выявить ряд сотрудников германской военной разведки. Активное участие в закордонной работе наряду с 5-м (иностранным) и управлением погранвойск принимал 3-й отдел (контрразведка) УГБ НКВД БССР.

---

[1] Краснознаменный Белорусский военный округ. — Мн.: Беларусь, 1973. — С. 132.

[2] НАРБ. — Ф. 4 п. — Оп. 21. — Д. 2091. — Л. 1—15.

[3] Абвер образован в 1919 году на правах отдела военного министерства Германии и официально значился как контрразведывательный орган рейхсвера. В 1938 году на базе Абвера создано управление «Абвер-заграница» при штабе верховного главнокомандования вооруженных сил Германии (ОКВ).

В поле зрения белорусских чекистов попал резидент германских разведорганов «Конечный»[1]. Вскоре закордонными источниками была вскрыта значительная часть его агентурной сети, явки. В мае 1941 года закордонный агент «Забытый» (НКВД БССР) передал сообщение о предстоящей войне: «Резидент немецкой разведки «Конечный», направляя разведчиков в СССР, заявил им: «Я могу теперь сообщить вам, что война Германии с СССР висит почти на волоске. Вы еще успеете вернуться, а затем вместе с армией я и вы встретим наших родных в СССР»[2]. Назывался и срок — не позднее 20 июня 1941 года.

«Конечный» был не единственным резидентом, имевшим право самостоятельной работы с агентурой. Бывший офицер российской царской армии Ломакин по кличке «Дерницкий» также отвечал за заброску агентов на территорию Советского Союза (БССР). Вербовкой агентуры занимались братья Шлыковы, Михаил и Иван. В сводках НКВД упоминался и руководитель «Белорусского комитета самопомощи» Н. В. Щорс, проводивший вербовочную работу среди белорусских националистов. Впрочем, последние не представляли собой значительной силы по сравнению с украинскими и польскими националистическими организациями.

Мероприятия по усилению оперативного прикрытия госграницы в ряде случаев позволили своевременно обезвредить засылаемых на нашу территорию диверсантов. Так, 17 июня 1941 года на участке 86-го пограничного отряда были задержаны 5 немецких агентов. В ходе допроса диверсанты сообщили, что получили задание взорвать железнодорожное полотно на перегоне Столбцы—Барановичи (близ д. Осиповщина), на перегоне Лида—Молодечно (в районе Гавье) и в районе ж/д ст. Лунинец. Выяснилось, что они прошли трехдневные курсы в г. Ламсдорф (пригород Берлина). Всего на курсах обучалось 50 человек. 18 июня 1941 года на участке 87-го погранотряда (г. Ломжа, БССР) были задержаны еще два диверсанта из числа выпускников указанных курсов. Было установлено, что они входили в состав группы из 40 человек и имели задачу осесть в районе г. Лунинец. С началом войны им предстояло путем подрыва железнодорожного полотна вызвать крушение поездов и парализовать движение на ж/д станции Лунинец.

Немцы активно проводили авиаразведку советской территории. В связи с этим нарком иностранных дел В. М. Молотов 21 апреля 1941 года вручил германским представителям соответствующую ноту. Но при этом по дипломатическим каналам довели до сведения Геринга, что советским пограничникам запрещено открывать огонь по самолетам-нарушителям. СССР во что бы то ни стало стремился оттянуть начало войны.

Активизация разведывательно-подрывной деятельности со стороны германских спецслужб совпала по времени с усилением подпольной работы на территории западных областей БССР. Несмотря на очевидное сходство — нити управления уходили за границу, имело место весьма существенное различие — хозяева были разные. Не меньшую активность проявляли поляки, в ряде случаев поддерживаемые разведкой Великобритании.

В Белостоке в доме польского ротмистра Вельчинского особисты обнаружили подземный тайник с большим количеством оружия и боеприпасов, предназначавшихся для проведения диверсионно-террористических актов в тылу советских войск[3].

---

[1] Ковальский Эдмунд, 40 лет, бывший капитан разведпляцувки информационного реферата при ДОК-3. Добровольно перешел на службу к немцам.

[2] НАРБ. — Ф. 4 п. — Оп. 21. — Д. 2468. — Л. 19.

[3] Остряков С. З. Военные чекисты. — М.: Воениздат, 1979. — С. 136—137.

В декабре 1940 года органы НКВД БССР вскрыли и пресекли деятельность повстанческой организации «Легия Подляска», во главе которой стоял капрал бывшей польской армии Станислав Корженевский[1]. В результате в руки чекистов попала вся документация организации, которая хранилась на хуторе Корженевского Евгения в Клещельском районе Брестской области. Выяснилось, что по структурному построению организация представляла собой округ, разделенный на семь обводов. В свою очередь обвод включал в себя по 5—6 районов, состоящих из 2—3 населенных пунктов. Во главе обводов и районов стояли коменданты. Деятельностью всей организации руководил штаб во главе с С. Д. Корженевским, известным как подполковник Наленч. Всего по данному делу НКВД арестовал 104 человека.

На западе Белоруссии перед войной был ликвидирован «Союз вооруженной борьбы», насчитывавший около 2 500 участников. Организация состояла из бывших польских офицеров, сведенных в 8 батальонов. В руки чекистов попали 4 склада с оружием и боеприпасами.

Всего в 1940 — начале 1941 гг. органами НКВД СССР было вскрыто и ликвидировано 66 резидентур германской разведки, разоблачено свыше 1 600 фашистских агентов, из них около 1 400 человек — в западных районах Советского Союза[2].

[1] НАРБ. — Ф. 4 п. — Оп. 21. — Д. 2090. — Л. 1—4.
[2] Остряков С. З. Военные чекисты. — М.: Воениздат, 1979. — С. 172.

ЗОЯ ЛЫСЕНКО

От новой «Сильвы» до «Голубой камеи»

Заметки искушенного зрителя о Белорусском музыкальном театре

Перемены в административном и художественном руководстве

Поклонники Белорусского государственного академического музыкального театра не могли не заметить, сколько существенных перемен произошло в его стенах в течение последнего сезона. А все началось с того, что в феврале 2010 года здесь неожиданно поменялось руководство. Практически сразу после того, как театр покинул его директор и художественный руководитель Алексей Николаевич Исаев, на должность нового директора был назначен Александр Евгеньевич Петрович — опытный и компетентный работник театральной сферы.

На художественное руководство творческим коллективом новый директор не претендовал, однако при отсутствии в театре главного режиссера и главного балетмейстера ему поначалу довелось решать и все творческие вопросы. Очень важным для него было на тот момент — укомплектовать труппу всеми необходимыми специалистами, руководителями основных творческих цехов.

И благодаря усилиям нового директора в середине 2010 года в театре на должность художественного руководителя был назначен заслуженный работник культуры Республики Беларусь Адам Османович Мурзич — известный вокальный педагог, ученики которого успешно проявили себя не только в белорусской опере и оперетте, но и в ведущих музыкальных театрах России.

Перед вновь назначенным художественным руководителем в первую очередь были поставлены две основные задачи: принять ряд необходимых мер, направленных на поднятие певческой культуры солистов и постановочной культуры спектаклей в целом — чтобы театр соответствовал званию «академический». Ведь известно, что в его репертуарной политике в последние годы предпочтение отдавалось мюзиклам, основанным на микрофонном звучании. А это привело к тому, что вокалисты, вольно или невольно подстраиваясь под более легкую манеру исполнения, не требующую полной опоры на дыхание, стали терять вокальную форму, и им уже трудно было справляться с партиями из классического репертуара. Более того, оказалось, что даже в венских опереттах применялись микрофоны: и верхняя подзвучка, и так называемые журавлики, расположенные вдоль рампы. Одним лишь волевым решением — взять и запретить — изменить сложившуюся ситуацию было невозможно. Поэтому в первую очередь началась конкретная работа с солистами, с которыми стали проводить уроки не только по вокалу, но и по сценическому движению и актерскому мастерству, что, в свою очередь, необходимо было для улучшения состояния спектаклей текущего репертуара. Некоторые из мюзиклов, на постановочную культуру которых было больше всего нареканий, вообще сняли с проката. Пришлось снять и классическую оперетту — «Принцессу цирка» Кальмана, — прежде всего потому, что это певческий спектакль и в нем очень явно проявлялись проблемы вокального характера. По большому счету, следовало бы снять и «Летучую мышь» Штрауса — одну из старейших постановок театра. Однако им на смену необходимы новые класси-

ческие постановки. А чтобы полностью изменить репертуарную афишу театра, понадобится не один сезон, поэтому все это время проводится планомерная работа по обновлению спектаклей текущего репертуара, находящихся в незавидном вокальном и оркестровом состоянии.

Творческие цеха возглавили энтузиасты

Объектом пристального внимания нового руководства сразу же стала и балетная труппа театра. Здесь ситуация резко изменилась после того, как пять лет назад свою должность покинула главный балетмейстер заслуженная артистка России Нина Дьяченко, благодаря которой танцовщики театра узнали, что такое настоящий балет и для которых стали привычными ежегодные зарубежные гастроли (о чем ранее нельзя было даже и помыслить). С уходом Дьяченко труппа стала терять свою былую конкурентоспособность, и ее численность быстро начала уменьшаться... Без нового опытного руководителя ей грозил неминуемый откат к тому незавидному состоянию, когда танцовщики ограничиваются лишь исполнением балетных номеров в спектаклях текущего репертуара.

В первой половине 2010 года, когда в театре еще не было художественного руководителя, только что назначенный директор, как уже отмечалось, параллельно решал и все вопросы творческого характера. В частности, началась работа именно с балетной труппой театра — речь шла о новой версии балета белорусского композитора Владимира Кондрусевича «Мефисто», поставленного на этой сцене в 2002 году народным артистом Беларуси Владимиром Ивановым. Композитор существенно переработал свое произведение, написав к нему пролог и создав, по существу, новую редакцию музыки, а балетмейстер-постановщик осуществил новую хореографию балета. Дирижером-постановщиком обновленного балета является Николай Макаревич. В сравнении с первой версией изменилась и концепция постановки: если раньше «Мефисто» относился к неоклассике, то сейчас он стал современным балетом. Это произведение отличается точностью и логичностью драматургического построения, единством музыки и хореографии, а само сценическое действие — необычной динамикой и зрелищностью. В премьерном спектакле, выпущенном в июне 2010 года, главные партии исполняли лучшие солисты балетной труппы — Виталий Красноглазов, Григорий Кruковский, Рина Ивакири. Невзирая на все трудности, с которыми пришлось столкнуться при возобновлении этой постановки, она стала бесспорным творческим успехом театра на новом и непростом этапе его развития.

Вполне закономерно, что после этого директор театра предложил Владимиру Иванову возглавить балетную труппу. Однако Владимир Владимирович как никто другой знал все ее проблемы, главная из которых заключалась не только в недостатке высокопрофессиональных танцовщиков, но и в их общей численности. Для него, профессионала экстра-класса, в прошлом выдающегося танцовщика, а ныне педагога и балетмейстера, это означало невозможность настоящей работы — о новых серьезных постановках при таком раскладе сил даже говорить не приходилось. К тому же, при переходе на постоянную работу в Музыкальный театр он терял свою профессорскую должность. И все же любовь к сцене победила — после долгого колебания Владимир Иванов дал свое согласие возглавить балетную труппу театра, и это совпало с началом сезона 2010/2011.

— Как правило, танцовщики — не балетмейстеры, — говорит Владимир Владимирович. — И я тоже не являюсь балетмейстером от природы, но так сложились обстоятельства, что мне довелось им стать. И здесь есть нюансы: одно дело — ставить балеты, и совсем другое — руководить труппой, что очень нелегко. Теперь нам в театре дали «зеленую улицу», но к новым постановкам приступать еще рано: сначала необходимо поднять труппу до нужного профессионального уровня и постараться воссоздать прежние постановки, а также «под-

чистить» балетные номера в спектаклях текущего репертуара. Ранее здесь долгое время шел одноактный балет «Испанские миниатюры», поставленный Ниной Николаевной Дьяченко. Задуман он был в свое время интересно, но теперь стал представлять из себя жалкое зрелище — и не только из-за утраченного уровня исполнения, а потому, что весь обветшал. Нужно было срочно менять декорации, заново настраивать свет и т. д. Мы решили уйти от так называемых черных кабинетов — нашли светлый задник из другого спектакля, и когда свет заиграл иначе, то и танцовщики стали выглядеть лучше. Этот спектакль, основанный на характерном танце, должен сохраниться в нашем репертуаре. Ведь сегодня во всех театрах только и говорят, что характерный танец уходит, но ничего не делают, чтобы его возродить. А у нас он есть, и мы можем его показывать, не боясь, что нас станут упрекать в копировании репертуара Большого театра. Однако основная проблема — кадровая. Вот ушла из театра ведущая пара — Рина Ивакири и Григорий Круковский, и на какое-то время мы снова потеряли недавно обновленный балет «Мефисто», потому что этих танцовщиков заменить некем. Все более талантливые выпускники хореографического колледжа ежегодно направляются в Национальный академический Большой театр оперы и балета, и к нам могут попасть лишь те, кого туда не взяли…

С 2000 года в этом творческом коллективе не было и главного режиссера. И здесь нужно отметить, что все сорок с лишним лет существования театра ему постоянно не везло на этих специалистов. Время от времени они появлялись, некоторым из них, например, Вячеславу Цюпе, удалось оставить после себя очень яркий след, но в силу множества объективных и субъективных причин надолго здесь никто так и не задержался.

Но, как известно, на творческих путях-дорогах часто встречаются неожиданные повороты. В середине 2010 года, после 11-летнего перерыва, в Минске снова появилась Сусанна Цирюк, которая ранее на протяжении десяти лет была режиссером белорусской оперы, а с 1999 года ее жизнь и творчество были связаны с Санкт-Петербургом. Здесь она работала в Мариинском театре, параллельно ставила спектакли в других российских театрах и за рубежом, позднее на протяжении шести лет являлась главным режиссером Ростовского музыкального театра. И вот 11 лет спустя ее, обладательницу многих российских и зарубежных театральных наград, пригласили в Минск, в Национальный академический Большой театр, для постановки оперы «Снегурочка» Римского-Корсакова. Параллельно Сусанна Цирюк получила приглашение и от директора Музыкального театра на постановку американского мюзикла (о чем речь пойдет ниже), а затем ей предложили должность главного режиссера, которую она и заняла в декабре 2010 года. И сразу же в планах театра на ближайшую перспективу появилась ее следующая постановка — оперетта «Сильва» Кальмана. Именно такого спектакля — из классического репертуара — театру в последние годы больше всего не хватало.

— Театр должен вызывать к себе интерес, быть качественным и стильным, что для меня, например, очень важно, — говорит Сусанна Юрьевна. — В понятие «стиль» я вкладываю единство режиссерское, хореографическое и сценографическое, и естественно — музыкальное, раз это музыкальный театр. Я сторонник того, чтобы труппа видела разные стили, разный режиссерский почерк, и для этого нужно приглашать известных и востребованных постановщиков. В репертуаре должны быть спектакли разного жанра: классические оперетты и комические оперы, мюзиклы, классические и современные балеты, а раз театр академический — то и классические оперы.

А в начале 2011 года в театре произошло последнее важное назначение: на должность главного дирижера был приглашен молодой, 37-летний маэстро Олег Лесун, ранее работавший в Национальном академическом Большом театре оперы и балета. Он закончил магистратуру Белорусской государственной академии музыки сначала по специальности «фортепиано», затем — по специальности «оперно-симфоническое дирижирование». И хоть говорят, что дирижер — про-

фессия второй половины жизни, поскольку требуется слишком много времени, чтобы по-настоящему ею овладеть, однако Олег Лесун, имея за плечами серьезную академическую базу и необходимую оперно-симфоническую закалку, уже давно доказал свою профессиональную состоятельность. «Базовой основой музыкального театра является оркестр, поэтому главный дирижер должен быть здесь первым лицом, воплощением музыкальной культуры», — подчеркивает художественный руководитель театра. В свою очередь, Олег Лесун отмечает, что жанр оперетты — производный от оперы, следовательно, наряду с классической опереттой в театре нужно ставить комические и классические оперы. Должное внимание следует уделять и оркестровым симфоническим программам. На серьезном материале труппа будет только повышать свой профессионализм — ведь театр должен оправдывать звание академического.

Итак, в результате перечисленных преобразований под крышей Музыкального театра собралось целое созвездие талантливых руководителей основных творческих цехов. Более того, впервые в его штате одновременно есть и художественный руководитель, и главный режиссер. В коллегиальном руководстве творческим процессом обозначились два наиболее важных на тот момент направления: изменение репертуарной политики театра и повышение постановочной и исполнительской культуры всей труппы. Вновь назначенные главные специалисты стали разрабатывать ряд проектов, по своей направленности и жанровой принадлежности новых для этого театра.

Постановки последнего сезона

Первый спектакль (не считая балета «Мефисто»), к постановке которого решил приступить новый директор, была музыкальная комедия В. Ильина и В. Лукашова «Моя жена — лгунья», премьера которой состоялась в июле 2010 года. Легкий для восприятия музыкальный материал, несложная пьеса с быстро развивающимся сюжетом, основанным на комедии положений, — все это способствует созданию веселого развлекательного спектакля. Традиционно — это эксцентричная комедия, в которой молодая жена, единожды безобидно солгав своему мужу, вынуждена идти на еще большую ложь и на невиданные ухищрения ради того, чтобы его вернуть.

Для постановки этого спектакля была приглашена режиссер белорусской оперы Галина Галковская, которая, судя по всему, стремилась раскрыть более глубокие психологические аспекты поведения героев, однако заданность пьесы и жанра в целом все же взяли свое. В результате убедительных психологических характеристик так и не получилось, а чисто комедийные коллизии, являющиеся основой спектакля, приобрели чересчур форсированный характер — вместо ожидаемой динамики действия зритель наблюдал суетливые мизансцены с чрезмерно громкими возгласами персонажей, вплоть до того, что актеры иногда срывались на банальный крик. Ощущалась установка на одноплановую подачу образов с какой-то одной ярко выраженной доминантой, что сделало практически всех героев трафаретными, а их действия и реплики предсказуемыми, невзирая на закрученность сюжета. И это лишний раз служит доказательством того, что если актеры на сцене выглядят «как-то не так», то виноваты в этом прежде всего постановщики. А между тем в спектакле занят ряд ведущих солистов театра, способных выполнить самую сложную режиссерскую задачу.

Наиболее удачным эпизодом в постановке является небольшая, но по-настоящему комедийная сцена с участием народной артистки Беларуси Натальи Гайды, исполняющей роль начальницы детского приюта, где для жены-лгуньи ее друзья «одалживают» новорожденных. Артистка без никакого форсирования и напускного эпатажа показывает действительно гротесковый образ этакой леди-карате — экстравагантной не только в своем облике, но и в поступках. И зритель лишний

Наталья Гайда и Александр Осипец в спектакле «Аршин мал алан».

раз убеждается, что творческий диапазон Натальи Гайды с годами только расширяется, и она с легкостью выступает в любой характерной роли, невзирая на то, что в предшествующие десятилетия главным для нее было амплуа героини.

Для дирижера-постановщика спектакля Марины Третьяковой это первая крупная работа в театре. Поначалу ощущался дисбаланс оркестра и солистов, которым явно приходилось напрягаться, пробиваясь сквозь «инструментальную завесу», что не способствовало адекватному восприятию происходящего на сцене — исполнителей порой просто не было слышно. Однако если динамическая палитра оркестра может изменяться по воле дирижера, то даже при условии идеального звукового баланса постановка останется прежней, поэтому вряд ли можно гарантировать ей долгую сценическую жизнь.

Но уже открытие сезона 2010/2011 было ознаменовано яркой, в чем-то даже сенсационной, премьерой музыкального ревю «Однажды в Чикаго» по мотивам бродвейских мюзиклов в постановке Сусанны Цирюк (тогда она еще была приглашенным российским режиссером). Андрея Галанова, дирижера-постановщика этого спектакля, всегда отличает безошибочное чувство стиля. В основу сюжета данного сценического произведения положена невероятная история о двух убегающих от чикагской мафии музыкантах, нашедших прибежище в женском оркестре, хорошо всем известная по фильму «В джазе только девушки». Все действие спектакля наполнено приключениями саксофониста Джо и контрабасиста Джерри, которые вынуждены были превратиться в красоток Джозефину и Дафну. В роли Джо-Джозефины попеременно выступают Дмитрий Якубович и Сергей Спруть, а в роли Джерри-Дафны — Денис Немцов и Денис Мальцевич. В этих чрезвычайно эксцентричных ролях артистам удается не только органично и убедительно выглядеть, но и выразить глубину настоящих человеческих чувств. В образе самой яркой героини — солистки оркестра Шугар Кейн — очень интересна Леся Лют, которая для многих показалась неожиданной в этом, несвойственном для нее амплуа. Зато зритель в очередной раз убедился, как широк творческий диапазон талантливой артистки — ведь кроме потрясающего вокала она владеет всем арсеналом чисто актерских выразительных средств. И ее героиня получилась самой многогранной, наделенной обилием черт характера и психологических характеристик: она одновременно импульсивная и терпеливая, беззащитная и смелая, расчетливая и преданная, и при этом — обладающая непреодолимой силой притяжения. И все остальные исполнители в этом спектакле подобраны так, что в целом получается очень слаженный актерский ансамбль. Значительное место в постановке отводится балету, что придает всему действию дополнительную зрелищность (балетмейстер-постановщик Елена Дмитриева-Лавринович).

Вскоре, в ноябре, состоялась премьера музыкальной комедии Узеира Гаджибекова «Аршин мал алан». Это совместный проект Белорусского государственного академического музыкального театра и Азербайджанского государственного академического театра оперы и балета, который посвящался 125-летию со дня рождения классика азербайджанской музыкальной культуры и осуществлялся при поддержке Посольства Азербайджана в Беларуси, а также при содействии министерств культуры обеих стран. Режиссером этой совместной постановки является заслуженный деятель искусств Азербайджана Хафиз Гулиев, балетмейстер — народная артистка Азербайджана Медина Алиева.

Белорусским исполнителям, конечно, нелегко было вживаться в непривычный музыкальный стиль, осваивать восточные мелодии и ритмы, и особенно — очень своеобразную певческую манеру, богатую на мелизмы. Как отмечает дирижер-постановщик Марина Третьякова, оркестру также непросто было справляться с несвойственной для европейской музыки полиритмией. Однако в этом произведении композитор сумел совместить восточный характер музыки с европейским типом оркестровки. В постановке заняты в основном молодые актеры: в роли главного героя Аскера попеременно выступают Евгений Ермаков и Сергей Спруть, в роли очаровательной Гюльчохры — Маргарита Александрович и Наталья Дементьева. Необыкновенной была премьера этого спектакля, когда для исполнения главных ролей в Минск приехали ведущие солисты азербайджанской оперы Инара Бабаева и Фарид Алиев. А в мае 2011 года во время очередного показа спектакля за пультом стоял дирижер Азербайджанского государственного академического театра оперы и балета Эйюб Кулиев.

Как известно, постановлением Совмина в сентябре 2010 года было утверждено Положение о проведении республиканского конкурса театрального искусства «Национальная театральная премия». В начале текущего года на конкурс было представлено 26 постановок от драматических и музыкальных театров республики, в том числе и спектакль «Аршин мал алан». Конкурс проходит в два этапа в следующих номинациях: «Лучший спектакль», «Лучшая режиссерская работа», «Лучшая мужская роль», «Лучшая женская роль», «Лучшая работа художника-постановщика», «Лучшее музыкальное оформление спектакля», «Лучшая современная белорусская постановка». К концу апреля определилась десятка номинантов, вышедших в финальную часть конкурса, среди которых и спектакль «Аршин мал алан». Ожидалось, что с 31 мая по 5 июня пройдет так называемая театральная неделя, в ходе которой на сценах минских театров на суд жюри и зрителей будут представлены вышедшие в финал спектакли. Но неожиданно завершающую часть конкурса Министерство культуры перенесло на сентябрь, резонно посчитав, что в конце театрального сезона зрительский интерес к театральным событиям падает, а в начале сезона наоборот — возрастает. Так что в сентябре любителей театрального искусства ждут новые яркие впечатления и, возможно, — совсем неожиданные сюрпризы.

Но вернемся к сезону 2010/2011. В январе балетная труппа театра представила на суд зрителя две возобновленные постановки, объединенные в вечер балета: одноактный балет «Кармен-сюита» Ж. Бизе—Р. Щедрина и дивертисмент из балета «Щелкунчик» П. Чайковского. «В свое время Валентин Елизарьев возмущался, что Театр музкомедии копирует репертуар Большого театра, — говорит Владимир Иванов. — Но если бы мы отказались от этих спектаклей, то лишились бы такого классного хореографического наследия. К тому же эти балеты у нас идут не в елизарьевской хореографии, а в классической, так что никакого копирования здесь нет. Я ведь сам танцевал «Кармен-сюиту» в хореографии и постановке Валентина Елизарьева — это один из моих любимых спектаклей. Но наш спектакль тем и отличается, что идет в самой первой, оригинальной хореографии и иной постановке». Как известно, «Кармен-сюита» создавалась специально для Майи Плисецкой, а ставил этот балет на нее знаменитый кубинский балетмейстер Альберто Алонсо. В репертуаре Белорусского музыкального театра этот

спектакль появился в 1995 году: тогда перенос его оригинальной версии на минскую сцену осуществил народный артист России Гедиминас Таранда, который в свое время был партнером Майи Плисецкой в этой постановке.

Сегодня в возобновленном спектакле почти все исполнители — новые. Так, Виталий Красноглазов, ранее исполнявший партию Тореадора, ныне репетитор, и при возобновлении спектакля его знания и опыт очень помогли. В образе Кармен теперь предстала ведущая солистка Ольга Лядская, которая работает здесь с момента основания труппы. «Из прежнего репертуара я перетанцевала практически все сольные партии, но ведущих так и не было, — говорит Ольга, — и Кармен была для меня недосягаемой мечтой. После того, как из театра ушла наш главный балетмейстер, я тоже ушла — в декретный отпуск, решив, что в профессии у меня все уже было. И нужно ли говорить, какое творческое удовлетворение я испытываю сейчас! Работать в этом спектакле мне не трудно, потому что за плечами — школа и опыт, которыми я обязана Нине Николаевне Дьяченко». Партнерами Ольги Лядской в «Кармен-сюите» сегодня являются Сергей Глух, Игорь Ханцевич (единственный из первоначального состава) и Евгений Раукуть.

Во втором отделении балетного вечера идет дивертисмент из балета «Щелкунчик». (Отметим, что здесь также нет никакой связи с хореографией и постановкой данного произведения Валентином Елизарьевым). На сцене Музыкального театра этот балет появился в 1996 году — в классической хореографии Василия Вайнонена и постановке Нины Дьяченко. «Пока мы смогли возобновить только дивертисмент, который можно показывать как одноактный балет, — говорит Владимир Иванов. — Ведь спектакль какое-то время не шел, в труппе появились новые танцовщики, не выросшие на классике, поэтому требуется время для его полного возобновления. К концу текущего года мы планируем завершить эту работу». А пока можно лишь сказать, что этот зрелищный и легкий для восприятия дивертисмент, включающий в себя сюиту характерных танцев и па-де-де в исполнении самых молодых солистов труппы, публикой принимается восторженно.

Музыкальный руководитель и дирижер этих балетных постановок Николай Макаревич отмечает, что для оркестра это счастливая возможность соприкоснуться с двумя шедеврами мирового музыкального искусства. И отрадно, что профессиональный уровень оркестра, состав которого обновился процентов на восемьдесят, позволяет сегодня такую музыку исполнять.

А в феврале в театре прошла очередная премьера, которую все средства массовой информации назвали сенсационной. И действительно, подобных постановок, отличающихся такой широтой и размахом и построенных по законам современного шоу-бизнеса, на этой сцене никогда не было. Речь идет о мюзикле «Голубая камея», авторами которого являются известный российский композитор и продюсер Ким Брейтбург и не менее известный поэт-песенник Карен Кавалерян.

Как автор и продюсер нового проекта, Ким Брейтбург лично приступил к реализации своего творческого замысла. Вместе с ним в Минск приехала Валерия Брейтбург — педагог Российской академии музыки имени Гнесиных, являющаяся музыкальным руководителем постановки, а также известный московский режиссер и хореограф Николай Андросов, среди многих премий которого достаточно назвать одну — «Национальное достояние России». Еще до начала репетиционного процесса члены постановочной группы провели кастинг, в котором приняли участие около 800 человек — в основном студенты творческих вузов. В результате на главные роли в спектакле наряду с профессиональными актерами были назначены молодые люди, не имеющие никакого театрального опыта, но обладающие незаурядным талантом. Значительное количество «народных артистов» оказалось также в составе вокального ансамбля, который в данной постановке несет на себе очень существенную нагрузку, но еще больше — среди участников хореографической группы, исполняющей современные молодежные танцы различных стилей и направлений.

В этом необычном спектакле, построенном по всем законам театральной постановки, все же прослеживаются некоторые характерные признаки масскультуры — его создатели используют обилие средств сценической выразительности, присущих современному эстрадному шоу. Тяготение спектакля к масскультуре выражается и в том, что у него нет дирижера-постановщика. «Голубая камея» идет под инструментальную фонограмму, так называемую минусовку; более того — в некоторых массовых сценах используется фонограмма-плюс, что и вызывает понятное раздражение у истинных театралов, которым ничто не заменит живое дыхание оркестра. И зияющая чернотой оркестровая яма во время этого феерического представления только усугубляет их эстетские переживания. Но такого диссонанса не возникает у тех, для кого самое главное в этой постановке — поп-музыка сама по себе, к тому же сдобренная качественным и зрелищным шоу. Так что в оценке этого спектакля очень многое зависит от зрительской установки. И определенное раздражение будет неизбежным при его сравнении с классическим мюзиклом. (Но если следовать такой логике, то и музыкальная комедия по сравнению с оперой должна вызывать раздражение…) Оригинальность спектакля «Голубая камея» в том и заключается, что ему нет аналогов, его не с чем сопоставить, и более-менее объективно оценить его можно лишь вникнув в авторский замысел.

— После того, как мною создано уже более пятисот песен, как и любому композитору, мне захотелось попробовать себя в иной, более крупной форме, — говорит Ким Брейтбург. — Ведь песня — жанр ограниченный, и можно сказать, однообразный, по большому счету, концертные программы уже себя исчерпали. Сегодня мировая тенденция такова, что количество сольных концертов сокращается, а количество мюзиклов, подобных нашему, возрастает. Я не претендую на создание произведений, в которых являюсь дилетантом, в принцине — я занимаюсь тем же самым, только преподношу это в новой, оригинальной форме. И в этом мне теперь помогает музыкальный театр, к которому я никогда не был равнодушен. При помощи театральной постановки можно решать более художественные, а потому и более интересные творческие задачи, например, есть возможность ярко выписать характеры персонажей. Музыкальный спектакль имеет цельную и завершенную форму, увлекательную сюжетную линию, красивое оформление и привлекает зрителя своей зрелищностью. Да и работать с театральными артистами, профессиональными вокалистами сегодня мне в определенной степени интереснее и плодотворнее, чем с эстрадными исполнителями.

В основе сюжета данного произведения — события из Екатерининской эпохи, в центре которых — небезызвестная княжна Тараканова и граф Орлов. Автор либретто сосредоточился на одной главной теме — истории любви этих двух персонажей, не касаясь острых социальных и политических перипетий, в которые была вовлечена главная героиня. Как отмечает Ким Брейтбург, музыку он писал уже на готовый текст, в котором его вдохновляли полные глубинного смысла и неожиданных интересных переходов стихотворные строки признанного поэта и драматурга. Развитие главной темы, завязанной на стремительном развитии взаимоотношений главных героев, сопровождается обилием всевозможных событий, наполненных самым разным содержанием и имеющих самую разную эмоциональную окраску, что, в частности, выражается в использовании различных поэтических жанров и стилей. Отсюда вытекает и жанрово-стилевой синтез в музыкальном материале, состоящем из различных небольших композиций (можно сказать — песен), отличающихся как тематической и смысловой законченностью, так и жанровой определенностью. Если говорить обобщенно, то это поп-музыка в самом широком смысле, где есть элементы и классики, и рока, и современные музыкальные стили типа ай-рен-би. Развернутой музыкальной драматургии, присущей классическому мюзиклу, в этом произведении нет, однако в нем прослеживается определенный лейттематизм, поддерживающий единство всей композиции, и что самое главное — характеры персонажей раскрываются именно посредством ярких музыкальных характеристик, в которых

улавливаются и романсовые, и фольклорные интонации, и лучшие черты берущей за душу отечественной песни… И всем этим композициям присуща одна общая черта — яркий мелодизм. Вообще главной ценностью в этом музыкальном материале являются красивые запоминающиеся мелодии, которым автор сумел придать яркое ритмическое своеобразие. Композитор отмечает, что в соответствии с музыкой в танцах, без которых немыслима эта постановка, есть некий стилистический симбиоз: это и классика, и модерн, и такие современные стили, как хип-хоп (где особенно выделяются очень сильные молодые исполнители брейк-данса, отобранные по кастингу).

В этом произведении есть все — и драма, и лирика, и юмор. Соответственно и персонажи подаются во всем многообразии их характеристик. Так, на роль княжны Таракановой было назначено три исполнительницы: солистка театра Илона Казакевич, прошедшая по кастингу студентка университета культуры и искусств Екатерина Муратова и наша именитая эстрадная певица Ирина Дорофеева, которая имеет в своем репертуаре не одну песню Кима Брейтбурга. Играть в премьерном спектакле довелось именно Дорофеевой. Конечно, опыт выступления на эстраде у нее большой, а вот на театральных подмостках… Поэтому за смелость творческого эксперимента публика сразу же наградила певицу аплодисментами, едва она появилась на сцене. У этого персонажа в спектакле имеется пять выразительных музыкальных номеров. Первый из них решен в стиле ай-рен-би с большой долей романтической лирики и является своеобразной визитной карточкой княжны Таракановой, впервые явившейся публике в сопровождении клевретов. Далее по ходу развития сюжета у нее будет захватывающий романс, два любовных дуэта с графом Орловым и наполненная горечью и отчаянием ария «Плачь — не плачь», связанная с ее заточением в Петропавловскую крепость. Именно в этой сложной музыкальной композиции Ирина Дорофеева наиболее убедительна — здесь ей мастерски удается показать всю глубину эмоций и тонкие оттенки чувств своей героини. Понятно, что каждая из трех исполнительниц данной роли имеет свою доминанту. Илону Казакевич, несомненно, выделяет ее театральный опыт как в вокале, так и в актерском мастерстве; юную Екатерину Муратову — своеобразный драйв в интерпретации образа и тяготение к эстрадной исполнительской манере.

В роли графа Орлова выступают два исполнителя — ведущий солист театра Дмитрий Якубович, который играл в премьерном спектакле, и отобранный по кастингу Дмитрий Максимович. В раскрытии этого образа упор делается на вокальные партии с использованием различных по характеру и стилистике композиций, наиболее эмоционально насыщеными из которых являются проникновенно-лирическая «Нежданная любовь», а также надрывно-драматическая «Любовь убита выстрелом в упор», где требуется также и недюжинное актерское мастерство. Несомненно, что начинающему исполнителю здесь нелегко соперничать с артистом, имеющим большой сценический опыт.

А вот острохарактерную роль Шустова, резидента секретной службы и придворного интригана, доверили только профессионалам — артистам Виктору Циркуновичу и Сергею Сутько. Этот образ с яркой отрицательной харизмой выписан авторами, пожалуй, тщательнее других и наделен многогранными психологическими характеристиками, которые раскрываются как посредством музыкальных, так и драматических выразительных средств. В премьерном спектакле в этой роли блистал Виктор Циркунович, о котором сам Ким Брейтбург отзывается с восторгом. Этот актер на сцене может все — он относится к числу редких артистов синтетического склада, способных выполнить любую режиссерскую задачу.

В роли императрицы Екатерины также выступают профессионалы — ведущие солистки театра Маргарита Александрович и Людмила Станевич. Это единственный персонаж мюзикла, требующий академической манеры исполнения, так что обе солистки здесь оказываются в привычной для себя атмосфере. Однако учитывая, что костюмы и внешний облик персонажей создавались в соот-

Ольга Лядская и Сергей Глух в балете «Кармен-сюита».

ветствии с исторической эпохой, сценический образ Екатерины Великой должен как можно более точно соответствовать тому представлению, которое сложилось о ней на протяжении веков. Поэтому молоденькая, изящная Маргарита Александрович в нарядах императрицы и напудренном парике чисто визуально не вписывается в этот образ, хотя исполняет свою роль безупречно. Ее — нынешнюю приму — так и хотелось видеть в образе княжны Таракановой… А вот Людмила Станевич по своей фактуре — вылитая Екатерина, даже как будто портрет императрицы, используемый в сценографии, с нее писался.

Есть в спектакле острохарактерный образ француза Нуаре, секретаря княжны Таракановой — этакого нарумяненного и напомаженного «галантерейного мужчинки», который разделяет увлечение своей госпожи и пребывает в грезах о недосягаемом объекте воздыхания. С этой очень непростой ролью довольно хорошо справились прошедшие по кастингу Денис Боеревич и Антон Жуков; однако не просто хорошо, а блистательно ее мог бы сыграть кто-нибудь из ярко-характерных актеров, которые, несомненно, есть в театре. Ведь для того чтобы провести этот образ через весь спектакль в тональности возвышенной романтичности (как это задумано у авторов) и не преступить ту невидимую грань, за которой кроются пошловатые штампы и стереотипы, нужны и сценический опыт, и исполнительский такт.

С учетом участников массовых сцен этот спектакль «многонаселенный», посему пришлось изготовить около двухсот сложных и роскошных исторических костюмов по эскизам художницы Марианны Сычевой. А сценография художника-постановщика Григория Белова выглядит насколько яркой и богатой, настолько и сложной — с обилием крупных и мелких деталей, которые с одного посещения спектакля вряд ли удастся рассмотреть, не отрывая глаз от сценического действия. Чего здесь только нет — и скользящий по живой глади воды корабль, и бегущие по небу облака, и падающий хлопьями снег, и мерцающие звезды, среди которых пролетают хвостатые кометы... Но такое многообразие изобразительных средств в следующей картине может неожиданно смениться весьма лаконичной и условной сценографией, и это уже воспринимается не как полистилистика, а скорей — как изобразительная эклектика, где трудно уловить какую-то единую художественную концепцию.

Пожалуй, только сценография и вызывает некоторое ощущение дисгармонии в этом спектакле, зато его постановка — безупречна. Сразу ощущается уверенный

и неординарный почерк мастера, который в одном лице сочетал колоссальную работу режиссера и балетмейстера. Даже те, кто не принимает этот спектакль, называя его попсовым шоу на сцене академического театра, отдают должное его постановочной культуре.

— Спектакль «Голубая камея» задуман нами как сетевая постановка, — говорит Ким Брейтбург. — Он уже идет в Уфе и Красноярске, предполагается, что будет происходить обмен исполнителями главных ролей: например, некоторые артисты из Минска поедут на спектакль в Красноярский или Уфимский театры, и наоборот. Ведь такая практика в театральном мире существует. Это вызывает интерес к новому исполнителю, что создает дополнительный резонанс постановке и как следствие — привлекает в театр дополнительную аудиторию. Ведутся серьезные переговоры по постановке этого спектакля в Кремлевском Дворце. И если этот проект состоится, то и у белорусских артистов будет возможность принимать в нем участие.

А в марте состоялась премьера оперетты Имре Кальмана «Сильва» в постановке новых главного режиссера и главного дирижера. Следует отметить, что за последние шесть лет это первое обращение театра к классике. «Сильву» не зря называют «опереттой номер 1» — ведь без малого сто лет она победоносно шествует по подмосткам мира и бьет все рекорды по количеству постановок. Впервые появившись в репертуаре Белорусского театра музкомедии в 1972 году, сегодня это произведение переживает здесь свое четвертое сценическое воплощение. И в каждой из постановок блистала Наталья Гайда — сначала в роли Сильвы, затем — в роли бывшей «красотки кабаре», удачно превратившейся в княгиню. Нынешняя постановка Сусанны Цирюк в плане развития сюжета также во многом тяготеет к раскрытию образа бывшей «красотки кабаре», однако при этом не затеняется и образ главной героини — Сильвы. Режиссер создала свою, авторскую версию либретто, в котором для каждой из героинь получилась своя линия развития в сюжетной канве спектакля. Музыкальный материал идет без изменений, однако специально для Натальи Гайды сделан вставной номер, который ярко оттеняет созданный ею образ и органично вписывается в постановку (ария Мадлен из первого акта оперетты «Бал в “Савойе”» Пауля Абрахама с написанным Сусанной Цирюк текстом).

— Спектакль по-прежнему мой, хоть теперь я выступаю в нем в ином амплуа, — говорит Наталья Гайда. — Музыка в нем ведь та же, и сегодня я, как и прежде, пою: «Гей, друг любезный, мы живем только раз!..» и даже немножко танцую чардаш… Но, предположим, играть сегодня Сильву с чисто психологических позиций мне было бы уже неинтересно; другое дело — показать душевное состояние зрелой женщины, которая столько внутренне перестрадала, вспоминая, как она вышла на сцену, давшую ей все то, чего не может дать титул княгини…

На главные роли в постановке назначено по три исполнителя. В премьерном спектакле в образе Сильвы предстала Маргарита Александрович, в образе Эдвина — Антон Заянчковский. Дуэт этих артистов на сегодняшний день — самый сильный в театре. В целом весь актерский ансамбль, включая хор и балет, работает слаженно и четко, в соответствии с режиссерской концепцией, которая не только для зрителей, но и для самих исполнителей во многом является непривычной. Дело в том, что Сусанна Цирюк — яркий представитель авторской режиссуры. «Мой постановочный принцип прост: в спектакле не должно быть характерных для оперетты «швов», возникающих при переходе от диалогов к пению и далее — к танцу, — говорит режиссер. — Артисты хора и балета не должны заметно отделяться от солистов-вокалистов, все исполнители на сцене должны представлять из себя единый ансамбль — только в таком случае может получиться цельная постановка». И действительно, в спектакле существует некий балетно-хоровой ансамбль, поддерживающий практически каждую мизансцену с участием основных персонажей и помогающий соединять их в непрерывное сценическое действие. Так что тот зритель, который ожидал снова увидеть любимый фрагмент оперетты в его традиционной постановке, возможно, оказался разочарованным. К примеру, выходная ария Сильвы превратилась в кон-

цертный номер, исполняемый на сценической площадке кабаре. Нет на сцене и зажигательного чардаша, который определяет всю музыкальную атмосферу оперетт Кальмана. По словам балетмейстера-постановщика Елены Дмитриевой-Лавринович, венгерская национальная хореография не стала основой при постановке танцев в спектакле, так как его хореографический и пластический рисунок подчиняется общей режиссерской концепции, где акцент делается не на национальной основе произведения, а на эпохе его создания, совпавшей с расцветом эстетики модерна.

И действительно, каждый раз при просмотре спектакля не покидает ощущение, что для постановщиков самым главным было подчинить все средства сценической выразительности не раскрытию музыкальной драматургии произведения, а визуальному отображению основных черт эстетики модерна. Например, это очень ярко отображается в костюмах персонажей, особенно — артисток хора, когда они дефилируют по авансцене, как по подиуму. Да, костюмы очень красивые, и главное — стильные (художник — Татьяна Королева-младшая), но специальные проходки хористок с целью их демонстрации воспринимаются уже как идея-фикс.

Отдельно следует сказать о сценографии «Сильвы». Тот, кто видел предыдущую постановку Сусанны Цирюк, а именно мюзикл «Однажды в Чикаго», даже не заглядывая в программку, узнает почерк того же художника-постановщика — Татьяны Королевой-старшей. И хотя не совсем корректно сравнивать мюзикл с опереттой — ведь это разные музыкальные жанры, однако эти два спектакля явно объединяет общность их сценографического решения — лаконизм, конструктивизм декорационных установок, и самое главное — неповторимый авторский стиль. То же касается и светового решения, для которого характерна особая притемненность сцены, вытекающая из общей сценографической идеи (художник по свету обоих спектаклей Ирина Вторникова). Однако в «Сильве» световая партитура намного сложнее и изысканнее, здесь с ее помощью выделяется также особая стильность сценического интерьера и костюмов персонажей. Да, налицо визуально-стилевое единство в оформлении сцены, однако насколько оно соответствует характеру музыки Кальмана и вообще — постановочной эстетике классической оперетты? Ведь единство содержания и формы — суть любого произведения искусства.

Есть в новой постановке «Сильвы» и своеобразные современные «штучки», среди которых — спонтанные оплеухи партнерам, наносимые нежными ручками в изящных перчатках, и ответные невинные шлепки; катание персонажей по полу, когда не хватает слов для выяснения отношений; и даже настоящий мордобой (правда, изобретательно и красиво поставленный). Так что пищи для рассуждений (или осуждений) этот спектакль предоставляет достаточно. Но при этом вряд ли кто станет отрицать, что постановка сделана уверенной мастерской рукой и по своим принципам тяготеет к современным европейским тенденциям.

Пожалуй, только хоровые партии в этом спектакле напоминают атмосферу прежних постановок, что тешит сердце старых театралов (хормейстер-постановщик Светлана Петрова). Однако нужно заметить, что по своему месту и значению в спектакле хор сегодня выглядит намного выигрышней — многие его участники исполняют, по существу, роли второго плана, показывая очень даже неплохую хореографическую подготовку. И уж наверняка в спектакле никого не разочарует звучание оркестра под управлением Олега Лесуна с его мастерством тонкой выразительности и нюансировки, не говоря уже о звуковом балансе, позволяющем хорошо слышать солистов.

И последняя премьера, которой закрывался театральный сезон, состоялась 21 июля. Это своеобразный музыкальный фейерверк в двух отделениях, объединенный общим названием «Любовь по-итальянски». В первом отделении была показана одноактная комическая опера итальянского композитора Гаэтано Доницетти «Колокольчик». Блистательная музыка с неожиданными изобретательными и комичными переходами, восхитительные мелодии — то, что притягивает в этом

произведении больше всего. А также незамысловатый и одновременно запутанный сюжет, основанный на комедии положений с постоянными переодеваниями и розыгрышами. Вот таким легким для восприятия произведением театр приобщает зрителя к итальянскому оперному искусству первой половины XIX века. Режиссер-постановщик комической оперы — Анна Моторная, чье творчество всегда отличается безупречностью музыкальной культуры; дирижер-постановщик — Олег Лесун, который работой над этим произведением, подтвердил новую направленность театра на оперный жанр; хормейстер-постановщик — Светлана Петрова, работающая практически во всех музыкально-сценических жанрах. В главных ролях заняты ведущие солисты театра Антон Заянчковский, Виктор Циркунович, Наталья Дементьева, Леся Лют, Андрей Морозов, Сергей Сутько.

Второе отделение этой своеобразной премьеры имеет свое название — «Шлягеры неаполитанского квартала» — и представляет из себя музыкальное ревю из популярных неаполитанских песен, объединенных в сквозное сценическое действие посредством остроумно придуманного сюжета. Зрителя здесь привлекает особая напевность и изящество мелодий, пронзительная лирика и большая экспрессивность, присущие неаполитанской песне. Режиссером-постановщиком ревю является Сусанна Цирюк — большой мастер подобных построений; дирижер-постановщик и хормейстер-постановщик — те же, что и в первом отделении. Разумеется, что в числе исполнителей — ведущие солисты театра.

Однако знакомство основной массы публики с последней премьерой ушедшего сезона состоится уже в новом театральном сезоне, который откроется 1 сентября именно музыкальным фейерверком «Любовь по-итальянски».

А 11 сентября зрителя ждет очередная премьера театра — балет Геннадия Гладкова «12 стульев», который был создан композитором в 1986 году по музыке, написанной им к одноименному телефильму, хорошо известному советской публике. Балетмейстером-постановщиком спектакля является Дмитрий Якубович — один из ведущих солистов-вокалистов, который кроме актерского имеет образование балетмейстера и уже успешно зарекомендовал себя в этой сфере. По жанру это эксцентрический балет, пластика которого отличается определенной эклектикой, где есть элементы и классики, и модерна, и других хореографических стилей. Дирижер-постановщик балета — Николай Макаревич, которому близки современные музыкальные стили. В отличие от других балетных спектаклей, у этого есть и режиссер — Анастасия Гриненко, также известная своей приверженностью к современным музыкальным стилям и успешной постановкой мюзиклов. Главные партии исполняют ведущие солисты балетной труппы Виталий Красноглазов, Игорь Ханцевич, Евгений Яцкевич, Игорь Вершинин.

Симфонические и камерные программы

Стало очевидным и еще одно направление в деятельности театра — кроме постановки спектаклей здесь очень активно стали работать над разнообразными концертными программами, напоминающими филармонические. Так, еще летом 2010 года был запущен долгосрочный концертный проект «Музыкальные вечера с Александром Анисимовым». Этот дирижер, возглавляющий Национальный симфонический оркестр Республики Беларусь, с удовольствием принял предложение подготовить цикл программ с симфоническим оркестром Музыкального театра. Первая из них состояла из «итальянского» и «французского» отделений. В первом отделении прозвучал цикл из четырех концертов А. Вивальди «Времена года»; а во втором — музыка П. Дюка, Ж. Бизе, Ш. Гуно, К. Сен-Санса. Почитателям классической музыки особенно запомнился второй концерт этого цикла, который прошел в ноябре 2010 года и в котором наряду с симфоническим оркестром принимал участие хор Музыкального театра, а также солистка белорусской

оперы Оксана Волкова и солистка Пермской оперы Ирина Крикунова. В первом отделении этой интересно составленной программы звучала музыка П. Чайковского — арии, дуэты и хоры из опер «Пиковая дама» и «Евгений Онегин», а также великолепное «Итальянское каприччио», давшее название всему концерту. Во втором отделении — музыка из опер итальянских композиторов — Дж. Россини, Дж. Пуччини, В. Беллини, А. Понкьелли, а также популярное Адажио Т. Альбинони.

Большое оживление, если не сказать фурор, вызвал состоявшийся в декабре 2010 года оркестровый проект, творческими вдохновителями которого стали дирижер Григорий Пентелейчук и пианист Дмитрий Найдич — французы украинского происхождения. С симфоническим оркестром Музыкального театра они подготовили концерт классической музыки в двух отделениях, программу которого составили Девятая симфония А. Дворжака («Из Нового Света») и Третий концерт для фортепиано с оркестром С. Рахманинова. Однако в театре не оказалось настоящего концертного рояля (что и не удивительно), а все попытки где-то одолжить его оказались безрезультатными. Так что пианисту вместо «Стейнвея» или хотя бы «Ямахи» пришлось довольствоваться театральным «Августом Ферстером» с его маломощным звуком. И тем не менее эта программа вызвала большой резонанс среди музыкальной общественности, более того — симфонический оркестр театра представил ее на XXII Международном музыкальном фестивале имени И. Соллертинского, который ежегодно проходит в Витебске.

Сегодня в репертуарную афишу театра входит целый ряд разнообразных оркестровых программ. Например, одна из них, под названием «Волшебный мир оперетты», составленная из лучших номеров опереточной классики, является визитной карточкой театра. Эту программу подготовили дирижер Юрий Галяс и режиссер Анна Моторная. И на выездных концертах именно по ней у зрителя складывается впечатление о Музыкальном театре в целом. Программа «Сказки Венского леса», получившая свое название по одному из самых знаменитых вальсов Иоганна Штрауса, подготовлена дирижером Мариной Третьяковой и режиссером Анастасией Гриненко. Кроме вальсов, полек и другой танцевальной музыки этого композитора в ней звучат отрывки из его оперетт в исполнении солистов театра. Под руководством приглашенного дирижера Андрея Галанова подготовлена оркестровая программа «Мюзикл-гала», в которой звучат арии и дуэты из мировых мюзиклов «Вестсайдская история», «Призрак оперы», «Чикаго», «Notre Dame de Paris», а также хиты Барбары Стрейзанд, Фрэнка Синатры, Луиса Армстронга и другие популярные произведения. Главный дирижер Олег Лесун в феврале текущего года представил публике свою первую оркестровую программу в этом театре — вечер балетной музыки. Весной началась его работа над проектом Адама Мурзича «Баритоны Беларуси поют о любви». В этой программе, включающей в себя номера как из опереточного, так и оперного репертуара, наряду с ведущими солистами Музыкального театра заняты солисты белорусской оперы. Примечательно, что половина из участников этого концерта — ученики Адама Мурзича.

В начале июня состоялся удивительный по своей неординарности проект «Шедевры мировой классики в музее под открытым небом», который осуществлялся при поддержке Министерства культуры, Минского городского и Минского областного исполнительных комитетов. Беларусь уже давно приняла прекрасную европейскую традицию проведения подобных фестивалей. На сей раз в рамках названного проекта была подготовлена концертная программа «Волшебная ночь классики в музее под открытым небом», местом проведения которой стал Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта. И что особенно интересно, в ней приняли участие солисты ведущих театров России и Беларуси: Илья Говзич — Государственный академический Большой театр России (Москва); Лариса Юдина — Мариинский театр (Санкт-Петербург); Эдуард Мартынюк, Станислав Трифонов, Илья Сильчуков — Национальный академический Большой театр

оперы и балета Республики Беларусь; Наталья Гайда, Маргарита Александрович, Антон Заянчковский, Лидия Кузьмицкая, Леся Лют, Сергей Сутько, Виктор Циркунович — Белорусский государственный академический музыкальный театр.

Солисты лучших театров братских стран исполняли классические хиты из популярных мировых опер и оперетт в сопровождении симфонического оркестра Белорусского государственного академического музыкального театра под управлением главного дирижера Олега Лесуна. Звучали произведения Ж. Бизе, Дж. Верди, Р. Леонкавалло, В.-А. Моцарта, Дж. Пуччини, С. Рахманинова, Н. Римского-Корсакова, Дж. Россини, П. Чайковского, Ф. Легара, И. Кальмана, И. Штрауса.

В Музее народной архитектуры и быта ранее проводились фольк-фестивали, но подобная программа здесь представлялась впервые. И в связи с этим, по словам художественного руководителя театра, являющегося автором данного музыкального проекта, определенная доля волнения все же присутствовала: соберется ли на территории этого специфического музея достаточное количество любителей классической музыки? Однако результат превзошел все ожидания — полностью было занято не только полторы тысячи специально обустроенных мест (что гораздо больше, чем в зрительном зале театра), но большое количество публики еще собралось вокруг импровизированной концертной площадки. Кроме того, гости этого необычного культурного мероприятия до начала концерта с удовольствием знакомились с экспозицией музея.

Своеобразной новинкой прошедшего сезона был также цикл вечеров романса, подготовленный режиссером Анной Моторной. И как оказалось, любители оперетт и музыкальных комедий с удовольствием приобщались и к камерной музыке, проникнутой лиризмом, задушевностью и глубокой эмоциональностью. И это неудивительно, ведь романс объединяет два целительных потока — поэзию и музыку, силу воздействия которых трудно переоценить. Этот проект оказался важным и для солистов театра, поскольку только способствовал повышению их вокальной культуры и исполнительского мастерства.

И совершенно необычный проект камерной музыки был подготовлен театром по предложению телеканала ОНТ для участия в традиционных «Музыкальных вечерах в Мирском замке». Автором концепции «Вечера старинного романса», который прошел 18 июня у стен величественного памятника средневековой архитектуры, является художественный руководитель театра Адам Мурзич. Концертная программа, подготовленная им, рассчитана на участие в ней всех солистов театра, хора и оркестра под управлением дирижера Юрия Галяса. Публике были представлены настоящие хиты этого музыкально-поэтического жанра, такие, как «Я встретил Вас…», «Ямщик, не гони лошадей», «Глядя на луч пурпурного заката», «Бубенцы» и многие другие, выдержавшие проверку временем. И что немаловажно, эта программа вошла в репертуарную афишу театра, пополнив цикл вечеров камерной музыки, которые уже заимели свою зрительскую аудиторию.

В течение последнего сезона в театре были поставлены спектакли всех присущих ему жанров: классическая оперетта, музыкальная комедия, американский и российский мюзиклы, балет и даже итальянская опера. То есть налицо — расширение жанрового диапазона постановок. Кроме того, широкое развитие получили проекты филармонического характера — оркестровые и камерные программы, которые, с одной стороны, свидетельствуют о возросшем исполнительском уровне оркестра и качестве художественного руководства театра в целом, а с другой — об интересе к этим программам публики. Так что театр на новом этапе своего развития приобрел и новые формы творческой деятельности, и обрел новый круг своих почитателей.

Фото Сергея СУЛАЯ.

ЕЛЕНА МИНЧУКОВА

Его узнавали по голосу

Заслуженный артист Республики Беларусь, профессор Белорусской академии искусств Илья Курган стал диктором в 1949 году. Ему довелось вести парады, читать официальные сообщения и правительственные указы, быть ведущим детских, юношеских и музыкальных программ, а также знаменитого «Театра у микрофона», работать на озвучивании документальных фильмов («Моя республика», «Батька Минай», «Люди с черными душами», «Кастусь Калиновский», «Георгий Скорина», «Могилы не молчат», «Бессмертный гарнизон», «Глобус Наполеона», «Якуб Колас» и других). В «Золотом фонде» Белорусского радио до сей поры хранятся радиопостановки с его участием: «Фрося» Змитрока Бядули, «Незабываемые дни» Михася Лынькова, «Знамя бригады» Аркадия Кулешова, «Прымакі» Янки Купалы и прочих. Немало и радиокомпозиций, среди которых наиболее знаменит «Курган» Янки Купалы. Илья Курган отдал радио почти полвека своей насыщенной событиями жизни. Сейчас мастеру слова восемьдесят пять, однако он по-прежнему работает — теперь на ниве педагогики в БГУКе и Белорусской академии искусств.

Впервые я увидела Илью Львовича в сентябре 1995 года, когда училась на первом курсе Университета культуры по специальности «режиссер документального кино». Это случилось в небольшой комнатушке ДК МТЗ, где и помещалась на первых порах наша студия. Молодые, бесшабашные, шумные до невозможности, бравирующие всем, чем только возможно, мы бушевали в своей «студийке», и вдруг... Дверь тихонько открылась, и вошел ОН. Увидев такой ералаш, он, пожалуй, не сразу и сообразил, что тут происходит. Но что меня больше всего поразило в тот первый миг — его глаза. У него были на удивление добрые глаза! Такого светлого и ясного взгляда я уже давно ни у кого не встречала. А потом начались занятия по сценической речи, которые Илья Львович вел на пару с Галиной Алексеевной Дягилевой — художественным руководителем театра «Зьніч». В ту пору я уже вовсю строчила стихи и нередко читала свежерожденные строки Кургану, чтобы выслушать его мнение и получить совет. Помню, как после написания первой и далеко не совершенной пьесы в стихах меня внезапно ошеломила абсолютно нежданная и потому наиболее ценная из всех прочих похвала: «Псих ненормальный». В его устах это были не просто слова — Илья Львович говорил искренне. К сожалению, после первых двух курсов сценречь закончилась. Но уже будучи не в силах жить без этого завораживающего голоса, а главное, без доброго взгляда его серых глаз с лучиками морщинок вокруг, я продолжала поддерживать с ним телефонные отношения. И вот однажды…

Неприятности всегда случаются как-то внезапно. В апреле 2000-го, когда я, ожидая своего первого ребенка, снимала дипломную работу, встал вопрос об озвучивании — необходимо было прочесть стихи, причем так, чтобы уложить их под нужное изображение. Все существовавшие на тот момент варианты лопнули. А сроки поджимали. В середине мая намечался эфир. Оставался единственный выход. Единственный и последний! Я позвонила Илье Львовичу. Это случилось накануне Пасхи. В принципе, в душе я уже подготовилась к отказу — все-таки пожилой человек, перенесший три инфаркта, держащийся лишь на таблетках, безумно занятый в театрах и академии.… Где ему взваливать на себя такую ношу, да еще под вечер

праздничного дня? Каково же оказалось мое изумление, когда он согласился. И согласился с радостью! На телевидении, узнав, что озвучивать будет Курган, поначалу не поверили: «Илья Львович? Ну надо же!» Естественно, студия звукозаписи освободилась мгновенно, хотя до этого втиснуться между двумя процессами было довольно трудно, ибо график являлся достаточно плотным. Но имя — одно его имя! — действовало как волшебный талисман! Перед тем как отправиться в знакомую каморку, Курган взглянул на мою обеспокоенную физиономию и пошутил: «Ну, Тигрович пошел». И я рассмеялась. Первую часть моих «Истоков» мы записали с двух дублей, но не потому, что он опростоволосился, — просто я задала ему задачу, немыслимую для любого другого чтеца: уложить определенное количество куплетов в минуту и тридцать восемь секунд. И он уложился с точностью до полусекунды! Две другие части были прочитаны и записаны с первого дубля. И как прочитаны! С той поры трилогию «Истоки» все, кому довелось услышать ее в фильме, просто не представляют себе без неповторимого кургановского тембра, спокойно, без актерских завываний и передергиваний отливающего строфу за строфой и ненавязчиво расставляющего угаданные каким-то провидческим чутьем смысловые акценты. И так случилось не только с моим произведением. Когда-то, в далекие шестидесятые, после озвучивания в эфире одного из стихотворений Аркадия Кулешова, в студии раздался звонок. Звонил сам Кулешов: «А я и не знал, что такие хорошие стихи написал!» — признался классик.

В эфире Илья Курган.

Так кто же он — этот человек, которого почти на протяжении полувека называли Человеком-легендой, достоянием республики, белорусским Левитаном и, наконец, просто — Золотым голосом Беларуси? Илья Курган… Диктор Белорусского радио. Сегодня ему восемьдесят пять, но он по-прежнему в строю — в качестве консультанта по речи присутствует на репетициях актеров Купаловского театра и Театра белорусской драматургии, преподает в Академии искусств и в Университете культуры и искусств. И все это — несмотря на перенесенные инфаркты и постоянные проблемы со здоровьем. «Меня спасает только работа!» — то и дело повторяет он. И этому вполне можно верить — с детства он был необыкновенным ребенком, читающим не приключения и фантастику, а Софокла, Аристофана и Еврипида…

Итак, детство… Он родился двадцать шестого мая двадцать шестого года в Борисове в семье Льва Ильича и Хаси Ароновны Эйдельманов. В честь деда его нарекли Ильей. А следом за ним в тридцатом году на свет появился брат Иосиф, в тридцать пятом — Даниил, а в тридцать седьмом — Аркадий. В тридцать четвертом году, как раз перед рождением Данилы, семья перебралась в Минск. В столице мама устроилась работать во Фрунзенское районо, отец — на завод имени Кирова. Как и все мальчишки, Илюша, конечно же, участвовал в дворовых драках. Тогда это было очень распространено: дом на дом или улица на улицу. Насмотревшись фильмов типа «Александра Невского», ребята устраивали побо-

ища с вырезанными из дерева щитами и мечами. Зимой катались на санках с горки, которая находилась в нижней части улицы Маркса.

Домашнее хозяйство по тем временам больше напоминало деревенское. Основными блюдами были картофельные, в том числе и драники, которые Илья Львович до сих пор очень любит — особенно со сметаной. В то время Эйдельманы занимали второй этаж барака, находившегося на улице Красноармейской. Как и все дети, мальчик имел свои обязанности по хозяйству: наколоть или напилить дров, принести воды из колонки, покормить живность и так далее. Младшие братья старались помочь. Трудолюбие было семейным качеством: и отца, и мать трудно было представить без работы. Кроме того, мама просто обожала читать. Причем не что-нибудь, а классику — Пушкина, Толстого, Чехова, Бунина. Натаскает воды из колонки, поставит лохань для стирки, а рядом — томик приспособит. Трет грязное белье и читает. Сын перенял ее любовь к книге. Гораздо позже, в эвакуации, он, шатаясь от голода, будет посещать библиотеку, чтобы насладиться творениями греческих драматургов и философов… А вот учился он более чем неровно: бесконечно любил литературу и с удовольствием занимался по всем гуманитарным предметам (хотя писал по большей части интуитивно, совершенно не зная правил) и при этом ни на йоту не переваривал точных наук. Правда, с первой учительницей ему повезло: Степанида Ивановна оказалась педагогом дореволюционной закалки, да и разглядела что-то в маленьком худощавом мальчике с пытливыми, хотя и немного плутоватыми глазами. Именно с ее легкой руки он стал читать вслух стихотворения и тексты различных прозаических художественных произведений всему классу. Его даже прозвали «патефоном».

А потом грянула война. Вместе с родителями и двумя братьями (средний — Данила — в начале июня был отправлен на дачу по путевке от отцовского завода и спустя несколько месяцев закончил свою жизнь в «душегубке») и тысячами других беженцев Илья последовал по Московскому шоссе на восток. Идти было неимоверно тяжело. Немцы на бреющем полете расстреливали людей из пулеметов. Хорошо, если по сторонам от дороги возвышался лес. Хуже, когда простирались поля. Тогда мама бросалась телом на младшего братишку, чтобы защитить его от пуль. Наконец добрались до Куйбышева. Но поскольку ни у кого не было ни денег, ни теплой одежды (дом в Минске оказался разрушен при бомбежке в первые же дни войны), то решили податься в Самарканд. Оттуда отца, несмотря на его недуг, связанный с ногами, призвали в армию. Он почти сразу же попал в котел Сталинградской битвы и уцелел лишь чудом…

Мама устроилась буфетчицей в столовую, а шестнадцатилетний Илья работал сначала ночным сторожем, потом ассенизатором (чистильщиком уборных) и только после этого попал в литографию, где и познакомился с отставным морячком, демобилизованным по ранению, который подбил его поступать в Институт инженеров морского флота. Несмотря на отсутствие среднего образования, Илья поступил, однако голод не дал возможности продолжать обучение. Пришлось перебраться в железнодорожный техникум и одновременно подрабатывать в мастерской при железной дороге. Спустя какое-то время группу учащихся техникума, в том числе и его, послали в Ташкент — на паровозоремонтный завод, причем в самый что ни на есть трудный цех — котельный. Постоянный грохот и ночные смены — для измученного недоеданием подростка это оказалось непосильной ношей. И вот однажды, когда ему просто до ужаса хотелось спать, он огляделся и, не заметив поблизости никого, забрался прямо в паровозный котел, пролез поглубже и, примостившись между трубами (он же худенький был, как щепка!), уснул. При этом паренек додумался прихватить с собой кувалду, и именно это спасло ему жизнь. Проснулся он от того, что стало не просто душно — обжигающе жарко. Оказалось, рабочие решили взяться за ремонт именно его котла. Он начал кричать, но его никто не услышал. Тогда, уже почти издыхающий, он схватил кувалду и принялся изо всей силы колотить ею по чему попало. Снаружи сообразили, что внутри есть кто-то живой, и стали поливать решетку

из брандспойта. У Ильи еще хватило дыхания выбраться из люка, после чего, не сказав ни слова, он упал в обморок.

По возвращении из Ташкента он записался в организованный при техникуме кружок самодеятельности. Репетиции захватили целиком. А тут еще и некий парень по имени Гриша, игравший до войны в Театре на Малой Бронной, подбил его ехать в Москву — поступать в театральный. Поскольку для учащихся техникума проезд на железной дороге был бесплатный, он и поехал. Но в святая святых дали «от ворот поворот». Оказывается, для поступления требовалось наличие десятилетки, а тот липовый «экстерн», с которым он поступал в мореходку, не прошел. Пришлось вернуться в Минск, тем более что там также был открыт театральный институт. Мама все еще оставалась в Самарканде, на месте былого дома громоздились руины, и поэтому первые дни ночевать приходилось на вокзале. Но и тут судьба неожиданно смилостивилась: спустя несколько дней после возвращения Илья неожиданно столкнулся с отцом. Радость огромная, однако следом за ней встала еще одна проблема: слышать о театральном отец не желал. Пришлось для отвода глаз поступить в БГУ на заочное отделение журфака. Это успокоило грозного родителя. А сын тем временем держал экзамен в вожделенный храм искусств. Приемная комиссия во главе со знаменитым Евстигнеем Афиногеновичем Мировичем — одним из создателей Купаловского театра — отбирала строго. Илья предстал перед ней в довольно-таки оригинальном виде: на нем красовались немецкие солдатские брюки и брезентовая трофейная куртка, привезенные отцом из армии, а на ногах — калоши, надетые на мамины чулки и подвязанные шпагатом, — чтобы не сваливались при ходьбе. Но умные педагоги обращали внимание не на одежду, а на талант. И вот Илья — студент! Начались трудовые будни. В эти же годы пришло и первое незабываемое чувство. В их группе училась невероятно красивая девушка с редким именем Жанна и с поэтичной фамилией Лель. Когда юноша впервые увидел ее, по спине дрожь пробежала. Да и после при одном только взгляде на нее он терялся. И вот однажды… Шли они всем своим курсом по проспекту Сталина (теперь проспект Независимости. — *Авт.*), приближаясь к мосту над Свислочью. А мосточек был не то что теперь — каменный, с тротуаром, с бетонной оградой. Какое там! В ту пору он являл собой скромное деревянное сооружение с невероятно узкими перилами. И вот эта Жанна возьми да и скажи: «Кто пройдет по перилам моста, того я поцелую». Врожденное бретерство и тайная любовь, разрывавшая душу, придали Илье смелости, и он вскочил на бортик и пошел. Пятьдесят метров! Однокашники затаили дыхание. Однако ему повезло: безумцев, как и младенцев, все-таки Господь бережет. Спрыгнув на землю, он при всей компании получил свой честно заработанный поцелуй.

Впрочем, вскоре Жанна оставила учебу. А по окончании третьего курса Илья познакомился с Ириной Андреевой — в то время еще абитуриенткой, а потом и первокурсницей театрального института. Влюбился и вскоре соединил с ней свою судьбу. Как оказалось — навсегда… Но тут — новые беспокойства. В связи с переходом на хозяйственный расчет в театрах шло сокращение штатов, и первый выпуск актеров театрального оказался никому не нужен. Да, Илья получил направление в Витебский театр имени Якуба Коласа, однако новоиспеченная супруга должна была учиться еще три года и по этой причине ехать с ним не могла. А жить вдали друг от друга казалось немыслимым! И он решил подождать ее. Стал присматриваться к минским театрам, однако пытаться устроиться куда-то на работу было бесполезной тратой времени. И тогда со своими былыми сокурсниками он занялся… бродяжничеством. Стали ездить по райцентрам и показывать свои дипломные спектакли. Но по мере наступления осени энтузиазм начал ослабевать. И тут Илья услышал по радио объявление о конкурсе на диктора и решил попробовать. Тем более что, когда он учился на последнем курсе, всю их группу пригласили на радиопрослушивание. Илья читал перед микрофоном стихотворения Аркадия Кулешова, и после «испытания» к нему подошел Владимир

Илья Львович с автором очерка — Еленой Минчуковой.

Михайлович Юревич и предложил остаться работать на радио. Тогда он отказался, а теперь... Здание радио находилось на Революционной. Он отправился туда с намерением победить и — победил! А 1 ноября 1949 года уже приступил к своим новым обязанностям. Однако первое истинно боевое крещение произошло чуть позже — 21 декабря все того же 1949-го. Советская держава отмечала великое событие — семидесятилетие Сталина. За несколько минут до начала эфира редактор принесла в дикторскую текст.

— Я и тогда уже читал без подготовки, — вспоминает Илья Львович. — Во-первых, так интересней, а во-вторых, если предварительно познакомишься с материалом, то при прочтении исчезает самое главное — острота восприятия, настроение. А ведь без последнего диктору никак нельзя! Впрочем, порой просто некогда было знакомиться. И вот я получаю текст, заверенный подписями почти десятка редакторов и цензора — завлита. Начинается эфир. И вдруг я вижу: на странице черным по белому напечатано: «Сталін — прычына бяздольнасці нашых салдат…» А нужно, разумеется, «баяздольнасці». Всего одна буква пропущена, а какая огромная разница! Я на ходу исправляю допущенную ошибку, но после эфира вылетаю из студии, набираю номер отдела пропаганды и вызываю редактора Марию Васильевну Рымар. Она прибегает в дикторскую и с порога: «Илюша, что-то не так? Что случилось?» Я ей и говорю: «Сядьте! Сначала сядьте!» Она села. Тогда я протягиваю ей листки, где под каждой цитатой стоит роспись: «Сверено», и говорю: «Читайте!» Она читает и от волнения ничего не замечает. А потом вполголоса сквозь слезы: «Илюшенька! Илюша!» Я успокоил ее: «Не волнуйтесь, Мария Васильевна, прозвучало правильно. Но вы все-таки своей рукой вставьте в текст пропущенную букву». Она, бедная, аж побелела вся: «Спасибо тебе, спасибо за детей моих!»

Сколько таких ситуаций будет подстерегать его впереди! К примеру, однажды во время ночного эфира его напарница Галина Сидельникова начнет читать текст о событиях во Вьетнаме, а там окажется такое предложение: «Так, гасцінна ў Савецкім Саюзе яшчэ нікога не прымалі». Машинистка вставила лишнюю запятую! Галина и выдаст: «Так, гасцінна ў Савецкім Саюзе яшчэ нікога не прымалі». Знаков Ильи она просто не поймет. А наутро по «Свободе» передадут, что Советский Союз устами Белорусского радио официально заявил, что в их стране никого гостеприимно не принимают! Недаром на радио существовала пословица: «Слово — не воробей. Поймают — вылетишь!» Правда, были и курьезные случаи. Объявляя поутру какую-то детскую программу, Илья оповестил: «Десять часов пятнадцать детей. Начинаем передачу для детей». Разумеется, ему потом буквально проходу не давали: «Ну ты, братец, даешь! За десять часов — пятнадцать детей!» А одна из его коллег умудрилась высказать такой перл: «Ва ўрадавых ложках знаходзіліся таварышы…» — перепутала «ложкі» с ложами, в результате прозвучало довольно пикантно!

— К тому же существовал строгий техконтроль, — вспоминал Илья Львович. — Все, что вылетало из твоих уст, фиксировалось на ленту. И когда ты где-то опростоволосился, сразу давали послушать. Поэтому откреститься: мол, такого не говорил! — было просто невозможно. Да и цензура не дремала. Ведешь, к примеру, с площади репортаж о ходе демонстрации, а сзади у тебя стоит какой-то «дядя» и через плечо заглядывает в текст. Что ж поделаешь? Система! Чтобы как-то смягчить ее железную хватку, был придуман нестандартный выход: редакция стала привлекать к участию в репортажах наших белорусских писателей. Дикторы, естественно, говорили по тексту — с подписями и со штампом Главлита, а они рассказывали своими словами обо всем, что видели перед собой. Тут уж предугадать и проверить было невозможно. А живые реплики, выданные непосредственными свидетелями происходящих событий, так оживляли передачи! То, что мы предлагали радиослушателям, являлось действительно стоящим. Мы стремились не только произнести текст, но и дотянуться до сердец людей. Чтобы, несмотря на весь официоз, было слышно, что говорит ***Человек!***

Однако, как появился Илья Курган? Абсолютное большинство даже близких друзей, товарищей и коллег и по сей день считают, что Курган — псевдоним. Мол, жил до войны с Янкой Купалой, на вступительных экзаменах читал его поэму «Курган», да и в радийные анналы вошли только два исполнения этого произведения — народного артиста СССР Бориса Викторовича Платонова и Ильи Львовича Кургана. В действительности же все происходило не так. Как-то в начале пятидесятых Илья написал небольшую статью под названием «Пусть растут дети» и подписал свою работу фамилией «Курган».

— Через некоторое время меня пригласило руководство радио и предложило официально поменять фамилию: мол, звучит несколько нелепо — «диктор Белорусского радио Илья Эйдельман»! Я поговорил с отцом, с мамой, и они согласились. Тогда я переоформил документы и с той поры стал именоваться Ильей Курганом. Но мало кто знает, что Курган — это девичья фамилия моей мамы. В семейном архиве даже сохранились две фотографии: на одной запечатлены четыре человека — мы с братом Иосифом, наша мама и дядя, а на другой — я сижу на могиле своего дядьки — Давида Кургана…

Долгое время после того, как Илья Курган стал диктором, в его душе бродили надежды о возвращении в театр. Да — где там! Радиожизнь закрутила. Напряжение было огромным. Порой приходилось в прямом эфире переводить текст с ленты телетайпа, где тот был набран по-русски. И все знали, Курган — единственный, кто способен на такое. И потому его любили. Но и завидовали тоже. Однажды один горе-коллега написал на него бумагу в министерство: мол, пьет на рабочем месте и спаивает своих коллег. А именно этого «стукача» Илья Львович жалел и, несмотря на его профнепригодность, ставил на незначительные эфиры: читать объявления и прочее. Чтобы не выкинули вообще. У него ведь семья! И вот получил «благодарность». В тот раз руководство его отстояло. Все понимали, что такого специалиста, как Курган, на радио больше нет. Однако на сердце, столь открытом и доверчивом, остался незаживающий рубец. И все-таки, несмотря на предательство, Илья Львович не согласился подписать бумагу, свидетельствующую о непрофессионализме своего недоброжелателя. Благородство было у него в крови…

Разумеется, что при таком образе жизни он не мог не срываться. И хотя делал это после работы, иногда случались накладки. В декабре 1968 года из-за подобной накладки едва не сорвался прямой эфир большого государственного торжества.

— Вечером читал я в студии очередной материал и вдруг увидел, как через стекло аппаратной коллеги делают мне какие-то знаки, вроде бы даже с чем-то поздравляют. Отчитал эфир, выхожу, а меня ошарашивают новостью: оказывается, мне присвоили звание заслуженного артиста республики. Значит, надо бежать в магазин — проставляться за звание. Как раз в то время у нас гостил сам Левитан. И я, понимая, что одной рюмкой сегодня не решу все вопросы и,

следовательно, завтра мне будет несладко, предложил Юрию Борисовичу — раз уж он оказался в Минске да и приключился такой повод, — подменить меня. Тот согласился, но с условием, что начальство утрясет все с Москвой. Начальство утрясло. А вот с пропуском оказалось сложней. Поздно! И пропускное бюро оказалось закрытым. Ночь, естественно, мне поспать не удалось. А наутро — эфир! И какой! Конференция руководителей компартий всего мира, прибывших в Минск по приглашению самого Брежнева! Утром направились мы с Левитаном во Дворец спорта. В фойе на Юрия Борисовича буквально набросился корреспондент Московского радио и тут же потащил его во вторую студию на интервью. Мы договорились: я поднимусь в свою студию, а Левитан, как освободится, тоже подойдет туда. Однако минуты текли, а он не появлялся. Хотели послать людей, да к тому времени все хождения по Дворцу были уже запрещены. Позже выяснилось, что Левитана с его временным пропуском задержали внизу. И тут на меня накинулся редактор: мол, если мы не начнем, то ты представляешь, что сделают со всеми нами, начиная от руководителя Радиокомитета и кончая тобой? Стали искать текст — текста нет! Первый, залитованный, — у Левитана, а тот остался внизу. А время эфира неумолимо приближается. В конце концов (не иначе как чудом) у одного из корреспондентов отыскался какой-то, может, третий экземпляр на русском языке. Разобрать в нем что-либо — дело сложное. Помятый, исчерканный… Но выбирать не из чего. Еще не совсем пришедший в себя после ночного празднования, я сел к микрофону и за секунду до того, как Машеров произнес: «Товарищи!» — успел озвучить бесконечный список из имен и «титулов» всех присутствовавших на конференции руководителей зарубежных компартий. А нужно заметить, там встречались такие фамилии, что их и дома, сидя в кресле, не сразу без запинки выговоришь. И только значительно позже я обратил внимание на то, что у редактора, который во время моего репортажа держался за стол, посинели пальцы... После окончания эфира я попытался встать — и не смог: болела спина. И тут-то вылетает из своей «темницы» Левитан: «Как?! Кто?! Кто читал?!» — «Илья читал», — отвечают ему. «Как читал?! Ведь текст же у меня!» Он, бедный, пребывал в шоке. Мы пожали плечами: отыскался, мол, какой-то экземплярчик. И тогда он подбежал ко мне, схватил за плечи и выдал: «Вам не нужен Левитан, есть у вас Илья Курган!»

А художественным руководителем дикторской группы Илья Курган стал и вовсе необычным образом.

— Однажды мы с женой и Володей Бузуком, который поначалу работал актером, а позже — диктором на телевидении, отправились на юг — к морю. В первый же день основательно отметили встречу и решили идти в вагон-ресторан за «продолжением». И вдруг в соседнем вагоне повстречали нашего нового начальника — председателя белорусского Гостелерадио Василия Петровича Нестеровича. Пришлось пригласить его в купе. Бузук вместе с Нестеровичем отправились в наше купе, а я поспешил в вагон-ресторан. Купил, что требовалось, и только хотел отправляться обратно, как вдруг выяснилось, что дверь заклинило — ни туда ни сюда. «Ну, — думаю, — пропал! Что подумает шеф? Остался в ресторане и забыл про все на свете!» Принялся я раздумывать, что же мне делать. Подошел к внешней двери, подергал, гляжу — открыта. Я долго размышлять не стал. Рассовал покупки по карманам и незаметно вылез наружу. Дело происходило поздно вечером. Вокруг — ни души. Так что наблюдать за моими акробатическими трюками было просто некому. Выбравшись на подножку, я на ходу подтянулся и перелез на ступеньки соседнего вагона. «Раз открыта дверь наружу из вагона-ресторана, значит, и в следующем вагоне она должна быть открытой», — подумал я. Но — увы! — дверь оказалась запертой. Что делать? На задней стенке вагона я обнаружил лесенку, которая вела на крышу. Я быстро поднялся по ней и высунул голову над вагоном. И тут меня окатило густой струей горячего дыма. Пришлось лезть на крышу. Я надеялся, что наверху есть столбики, прикрытые крышкой, как некогда в старых вагонах, — да где там! Одни низкие круглые «шашки», за которые едва и

рукой ухватишься. Я, конечно, цеплялся что было сил, и все-таки на поворотах меня заносило. Правда, в том состоянии, в котором я находился, мне и море казалось по колено. Поэтому едва дорога выровнялась, я бесстрашно пошел по крыше вагона. Добрался до следующего, спустился на ступеньки, дернул дверь и вдруг понял, что путешествие оказалось напрасным: во время движения поезда осторожные проводники запирались весьма тщательно. «Что ж, — решил я, — значит, придется коротать часы на подножке». Сказано — сделано: примостился я у двери, и тут вдруг почувствовал, что меня неумолимо клонит ко сну. Пришлось пристегнуться к поручням собственным ремнем. Приняв соответствующие меры предосторожности, я, наконец, расслабился и даже, кажется, немного вздремнул. Когда же поезд подошел к какой-то станции и двери вагонов открылись, взорам пассажиров предстало интересное зрелище. Правда, я никак не мог сообразить — почему от меня все шарахаются? В чем дело? Мне и в голову не приходило, что видок у меня еще тот! Потом уже Ирина рассказала. Она, кстати, как увидела меня входящим в купе, только и сумела вскочить на ноги и снова рухнуть обратно — на лавку. Еще бы! Черный фасад, волосы дыбом, в каждом кармане — по бутылке… Нестерович, естественно, поинтересовался, где же меня носило. Пришлось признаться, что шел по крышам вагонов. Новый руководитель хмыкнул и принялся расспрашивать нас о внутренних делах радиокомпании. А мы с Володей пребывали в таком состоянии, в котором тормоза просто отсутствовали. Господи, и чего мы только ему не наговорили! Когда Василий Петрович покинул наше купе, Ирина посетовала: «Все, ребята! Считайте, что вы уволены! Вы ему столько компромата выдали!» Правда, к нашей чести, должен заметить, что, несмотря на угар, мы не назвали ни одной фамилии. И все-таки, когда я по окончании отпуска пришел на радио и меня вдруг ни с того ни с сего вызвали к Нестеровичу, я сразу сообразил — зачем. Зашел к нему, а он с порога: «Вы с Бузуком мне столько наговорили тогда… Хочу услышать продолжение. Рассказывай!» Я опешил: «Да мы же поддатые были, Василий Петрович!» — «В таком случае иди и выпей сколько тебе нужно. Потом — возвращайся, и поговорим». Я вышел, но, разумеется, уже не вернулся. Спустя какое-то время явился, как обычно, на работу и, не глядя, проскочив мимо доски с приказами, висевшей в проходной, поднялся к себе на третий этаж, в дикторскую. Там меня встретили вопросом: «Читал? Там, между прочим, кое-что и про тебя есть!» Я, не зная, что и думать, спустился обратно в холл. Подошел поближе к стенду и увидал листок, на котором черным по белому было написано: «Прызначыць Кургана І. Л. галоўным рэжысёрам (мастацкім кіраўніком) дыктарскай групы».

Когда Илья Львович только пришел на радио, там уже работали Игнатович, Ботвинник, Ободовский. Последний являлся руководителем дикторской группы. Чуть позже, но еще до него, пришла Тамара Бастун, которая впоследствии стала первым диктором на телевидении. Редакторами работали не просто талантливые, а именно творческие люди — поэты, прозаики, драматурги. Все они были настоящими профессионалами, любили свою работу, старались сделать требуемое лучше, заботились о чистоте языка, о грамотности речи. Да и атмосфера царила просто удивительная. Поэтому и радио служило своеобразным эталоном. Люди говорили: «Ну как же? Я по радио слышал!» И это казалось лучшим аргументом. Да, на них равнялись. И естественно, подобное накладывало ответственность.

— Однажды — примерно в середине 90-х — мне предложили провести обучение с телевизионными ведущими, которые читают новости, — лицо Кургана заметно грустнеет при этих словах. — Я категорически отказался. Когда у меня поинтересовались, почему же, ответил: «Если соглашусь, то прежде всего посоветую из семи ваших дикторов срочно уволить пятерых — с ними уже все равно ничего не сделаешь и ничему их не научишь. Нет, как говорится, материала». Ведь можно поставить голос, отшлифовать дикцию, обкатать текст, однако нельзя научить интеллигентности, человечности, открытости. Настоящий диктор должен не жалеть ни сил, ни времени, чтобы не только «вдохновляться самому, но и вдохновлять других». Иными словами — быть Художником. Это

высказывание Сальвадора Дали вполне созвучно моему как жизненному, так и творческому кредо.

Еще с конца пятидесятых, благодаря своему былому наставнику Дмитрию Орлову, Илья Курган начал преподавать в Театральном институте сценическую речь.

— Помню, как на одном из заседаний кафедры, когда я был еще молодым, можно сказать, юным педагогом, проходил разбор и обсуждение подготовленного мной экзамена по сценической речи. Все члены кафедры дружно хвалили меня — то есть мою работу со студентами, но я с трепетом ждал, какой вывод сделает в заключение Дмитрий Алексеевич, являвшийся заведующим кафедрой. Он сказал, что, дескать, на экзамене у Ильи студенты действительно становятся более тонкими, интеллигентными, одухотворенными и так далее. «Но… (вот что я, волнуясь, хотел услышать!)… но ведь это же пятнадцать Курганчиков!» На всю жизнь я запомнил тот мягко, с присущим ему юмором, преподанный мне урок!

К тому времени в семье Ильи Кургана и Ирины Андреевой, также пришедшей работать на радио, только в качестве звукорежиссера, уже росли два сына: Владимир и Сергей. Специально их воспитанием никто не занимался, однако атмосфера воспитывала невольно. Оба любили читать, а младший даже писал пьесы — удивительно тонкие и глубокие, но почему-то он никогда никому их не показывал. По окончании школы Володя принял решение поступать в театральный. Курган-старший, который уже много лет преподавал там, естественно, почувствовал себя не в своей тарелке. Во время экзаменов он даже вышел, чтобы потом члены комиссии не стеснялись обсуждать при нем его сына. Но тот поступил — не благодаря, а скорее вопреки всем предрассудкам. И стал актером! Ныне он работает в Академическом драматическом театре имени Горького. Младший — Сережа — закончил иняз. Его знания истории и географии были таковы, что даже отец не однажды заслушивался. Сергей писал статьи, которые печатались в периодических изданиях, в том числе и в «АиФе», однако приобретенный после простуды недуг — глухота — помешал ему вести активный образ жизни. Сейчас он вместе с женой живет в Германии, лишь изредка посещая родные места…

Отдав почти полвека радио, Илья Курган окончательно ушел на преподавательскую работу. Его уход из студии совпал со смертью любимой жены. С тех пор он один. И его единственная отдушина — студенты. Им он посвящает себя всецело. И продолжает учиться. Порой и на собственных ошибках…

— Я понял, что настоящее воспитание — это воспитание без назидания и окриков, к которым молодежь привыкла и на которые только огрызается. Нет! Кнутом душу не отшлифуешь. Я предпочитаю иной путь: классику. Мне кажется, иные молодые люди «не любят» Рахманинова, Пушкина, Купалу просто потому, что не готовы их воспринять, — это же требует погружений, душевных затрат, усилий! А напрягаться-то они и не привыкли. Новичкам, только переступившим порог академии, кажется, что азы актерской профессии совсем не сложны. Говорить, читать, плакать, смеяться может каждый. Я начинаю с того, что погружаю их в классику. И сколько раз от самых яростных ниспровергателей после совместного вдумчивого прочтения «Евгения Онегина» я слышал: «Да это же — чудо!» Такое дорогого стоит.

Всю жизнь поиски путей для раскрытия и развития индивидуальности, неповторимости будущего актера или режиссера были для него одной из основных педагогических забот. Наверное, именно поэтому студенты не просто любят — прямо-таки боготворят своего учителя. Одна из его бывших учениц, ныне актриса кино Ирина Медведева, вспоминая годы учебы, сказала:

— Илья Львович всегда был очень деликатен. За все время нашего обучения никто и никогда не услышал от него высказываний, типа: «плохо» или «непрофессионально» и так далее. Нет! Он умел так высказать свое замечание, что хотелось — хотелось! — работать дальше.

— С Ильей Львовичем можно поговорить не только о предмете сценической речи, но и просто о жизни, — делится Лариса Булыненок, студентка курса

актерского мастерства. — Посоветоваться, пожаловаться. Мы часто беседуем с ним об искусстве, о его заслуженных деятелях, о мастерах сцены, о поэтах, о композиторах. Кстати, его любимый композитор — Сергей Рахманинов. И поэтов он любит очень многих. К тому же Илья Львович — очень гостеприимный человек. Ему можно позвонить, например, в выходные и спросить: «Илья Львович, можно, я к вам зайду? У меня тут вопрос…» По тексту — не по тексту. Но он тут же: «Пожалуйста, голубонька!» Правда, лучше не предупреждать. Потому что иначе, когда приходишь к нему домой, уже и стол накрыт, а на нем — и печенье, и пирожные, и чай. Он душевно встречает любого человека у себя дома».

Хотя случается всякое.

— Работал я с одним пареньком над монологом Гамлета. «Быть или не быть?» Я ему рассказываю, что по этому поводу знаю, а он сидит непроницаемый. Я, естественно, спрашиваю: «Саш, тебя что, это совсем не трогает?» А он и отвечает: «Илья Львович, Гамлет ведь — наследный принц». Я насторожился. Он продолжает: «Его ждет корона. Его любит эта девочка, Офелия. У него что, крыши над головой нет? Ему есть нечего? Че он дергается-то, я не пойму?» Я сник. «Лапушка! Да он уже четыреста лет дергается! И еще сотни, как ты говоришь, дергаться будет!»

Эта великая преданность слову и еще — дар, несомненный педагогический дар, каким сегодня обладают немногие, — и отличают Илью Кургана от остальных педагогов. А еще — искренность. Может, потому его и слушают, что он не только говорит, но и живет именно так, как говорит. И его помнят и любят все его ученики. А среди них немало знаменитых имен: народный артист Купаловского театра Август Милованов; народная артистка, актриса Русского театра Белла Масумян; бывший руководитель Театра белорусской драматургии Валерий Мазынский и его нынешний руководитель — Валерий Анисенко; режиссер Валерий Маслюк; декан актерского факультета Белорусской академии искусств, профессор Владимир Мищанчук; директор-художественный руководитель театра «Зьніч» Галина Дягилева… Множество его учеников разбросаны по городам как СНГ, так и стран Европы. Но и они не забывают учителя: то и дело звонят, пишут, приезжают. Некоторые даже умудряются брать себе сценические псевдонимы, подобные его фамилии: скажем, некогда учившаяся у Кургана Кристина Богук, ныне работающая на сцене Государственного Малого Академического театра в Москве, стала именовать себя Кургановой.

Делясь своими мыслями о Кургане, режиссер Борис Луценко замечает: «Говорят, человек должен вырастить дерево. Но если понимать это не буквально, то можно такое дерево вырастить и из своего ученика. А сколько деревьев посадил Курган в бывшем Советском Союзе! Целый лес! Он преподавал и на набранном мной курсе, у моих ребят. У него есть своя методология, которая отличается от нововведений. Однако старая школа — отнюдь не значит плохая школа! Недаром же студенты, которые учились у Ильи Львовича, весьма и весьма грамотны, имеют правильное произношение, красиво разговаривают, да и вообще — любят его».

«Илья Львович — просто раритет белорусской культуры», — утверждает Галина Еременко — бывшая диктор Белорусского радио, около тридцати лет проработавшая рука об руку с Ильей Львовичем.

«Илья Курган — явление в белорусской культуре, — вторит ей и Валерий Анисенко. — А если учесть, что всерьез можно говорить лишь о малом количестве сохранившихся на сегодняшний день островков духовности, Илья Курган — явление уникальное. Ни один из белорусов так не знает и не любит родной язык, как он. Просто потому, что таких больше нет... Илья Львович делает настоящее дело. Своим существованием, своим служением, своим творчеством он оставляет в мире неизгладимый след».

Некогда Христос сказал своим ученикам: «Да любите друг друга!» Мало кто из нас следует этому завету. А Курган, ничем не бравируя и никого не поучая, живет им. Да, он живет любовью! И дай ему Бог еще долгих-долгих лет…

Сад и весна

Зямля стаіць пасярод свету... Беларускія народныя прыкметы і павер'і / *уклад., прадм., пераклад, бібл. У. Васілевіча. — Кніга 1. — Мінск: Беларусь, 2010.*

Жыцця адвечны лад: беларускія народныя прыкметы і павер'і */Уклад., прадм., пераклад, бібл. У. Васілевіча. — Кніга 2. — Мінск: Беларусь, 2010.*

Зямная дарога ў вырай: беларускія народныя прыкметы і павер'і / *Уклад., прадм., перакл. і паказ. У. Васілевіча. — Кніга 3. — Мінск: Беларусь, 2010.*

Признаюсь сразу же, название для этой статьи позаимствовано. Если мне не изменяет память, то именно так называлась вторая серия старого-престарого кинофильма «Журналист», поставленного когда-то именитым режиссером Сергеем Герасимовым. Помнится, в кино главная героиня в исполнении совсем еще юной Галины Польских читает книжку под таким названием, а потом задумчиво восклицает: «Какое хорошее название!»

Вот и у меня при чтении книг Владимира Василевича (всех трех!) возникли те же стойкие ассоциации с вечно зеленеющим садом и вечно желанной весной, а потому я тоже скажу, правда, несколько видоизменив текст восклицания.

«Какие хорошие книги!» — воскликну я, ничуть не покривив душой, как это иногда бывает, когда мы старательно прилаживаем слово похвалы к тому, что — увы и ах! — на самом деле оставляет нас совершенно равнодушными.

Впрочем, вполне возможно, ассоциации с весенним садом возникли бы и безо всякой связи со старым кино. Потому что все, о чем повествуется на страницах сего издания и что автор справедливо называет «жыццёвым колам», то есть нашей с вами бренной жизнью, все это всегда, так или иначе, упирается в весну с ее вечным возрождением и неустанным обновлением и природы, и самого человека. Воистину, как пелось в одной давней песне, *«три месяца — лето, три месяца — осень, три месяца — зима, и вечная весна»*.

Но какое же это, в самом деле, удовольствие погрузиться в таинственный, немного загадочный и всегда притягательно интересный мир народных преданий, поверий, примет и легенд!

Разумеется, многое из того, что так рачительно и бережно собрал и обобщил воедино Владимир Александрович Василевич, на памяти и у нас, и у тех, кто уже идет за нами. Разве ж мы не «тутэйшыя», в конце концов? Да я еще с детства помню, как бабушка говорила: «Пахом носіць агуркі мяхом», и всегда исправно сеяла огурцы именно 28 мая, то есть на день святого Пахомия по новому стилю. А разве, когда садишь по весне картошку, не обращаешь свой взор к небу, не ищешь на нем кучевые облака и не радуешься, если их там много? Верный знак того, что «бульба будзе расці вялікая». И о том, что на Благовещенье птичка гнездышка не вьет, а девка косу не плетет, знают даже те, кто порой путается и в датах, и в сроках, забывая о том, что этот прекрасный весенний праздник приходится (по православному календарю) на 7 апреля, опять же по новому стилю. Кстати, моя двоюродная сестра всегда именно в этот день сеяла капусту на

рассаду. И, как выяснилось при чтении второго тома, это тоже старинная народная примета. Во многих местах Беларуси, как пишет автор-составитель этих удивительно богатых на интересные факты книг, до сих пор бытует поверье, что сама Богоматерь сеет капусту на рассаду в ночь на Благовещенье.

Вот так наша современная жизнь переплетается с «даўнiной», ничуть не противореча старинным реалиям быта и общему укладу жизни тех, уже давно минувших лет.

Когда листаешь страницу за страницей, когда погружаешься душой и сердцем в каждодневную жизнь наших пращуров и совсем еще близко отстоящих от нас по времени отцов и дедов, то невольно восхищаешься и одновременно поражаешься тому, сколь гармонично упорядоченной и цельной была жизнь простого человека, живущего на земле. И как все в ней было своевременно и уместно, как плавно текло его время, без излишней суеты и спешки, без истеричных перепадов и всплесков, падений и взлетов, без надрывной тоски в горе и без чрезмерных ликований в минуту радости. Извечную мудрость о том, что поспешать надо не торопясь (*Festina lente*, как говаривали древние), наши предки знали не понаслышке и строили свое повседневное существование в строгом соответствии с этим принципом. И на все-то у них находилось время, и всему-то у них было место: и окружающей их природе, и животным, и птицам, и пчелам, и домашним делам, и праздникам, и будням, и гаданьям, и предсказаньям, и молитвам, и постам, и ближним, и дальним родственникам, и соседям, и чужим людям. И все-то они знали, наши предки! И как ходить в гости, и как сеять хлеб, и как сложить печь, и как вести себя на пожаре, или в дороге, или за столом у соседа. И как заслать сватов в соседнюю деревню или встретить молодых, и как первый раз выкупать дитя и как в последний раз обмыть бренное тело и упокоить его с миром на сельском кладбище.

И каждый из двенадцати месяцев «лета Господня» тоже был наполнен у них особым смыслом и своим резоном, в строгом соответствии со святцами, все равно какими, православными или католическими.

Открываю оглавленье и читаю:

«Кастрычнiк

Iван Багаслоў. Францiшак. Пакроў. Сяргей. Марцiн. Лонгiн. Лука. Юльян».

И тут же всплывают в памяти обрывки давних и уже полузабытых знаний. Ведь читала же в свое время про Лонгина Сотника, который служил у самого Понтия Пилата и вместе со своими воинами лично участвовал в распятии Иисуса Христа. Более того, именно он и пронзил копьем ребра распятого Христа, о чем упоминается в Евангелии. Капля крови Спасителя попала Лонгину в глаза, и он мгновенно исцелился от застарелой болезни глаз. За телесным прозрением последовало и духовное просветление. Храбрый воин, умелый военачальник, известный своими подвигами самому кесарю, Лонгин Сотник добровольно складывает с себя воинский чин и отправляется в странствия по Каппадокии, откуда был родом, проповедуя о воскресении Сына Божьего. Закономерный финал святого мученика: схвачен, подвергнут жесточайшим пыткам и казнен. Но многие ли знают, что с тех давних пор, как одна простая женщина захоронила останки святого, которые подобрала на свалке, в одной могиле вместе с останками своего сына, многие ли знают, что с тех давних пор принято молиться святому, прося у него помощи в исцелении от всех глазных болезней? Кстати, память святого мученика Лонгина Сотника чтится 29 октября по новому стилю.

Ну, а уж о том, что святой Трифон, которого поминают ежегодно 14 февраля по новому стилю, не только помогает при самых разных хворях, но и исполняет любое желание человека, если тот ежедневно поминает его имя в своих молитвах, известно ныне и вовсе единицам! Пожалуй, лишь по-настоящему воцерковленным людям, кото-

рых, в сущности, не так уж и много вокруг нас.

Но отложим пока святцы в сторону. В самом деле! Ведь не только же молитвами жил и жив человек. Переворачиваешь очередную страницу книги, и новое открытие, а там еще одно и еще... Читаешь — не нарадуешься! Язык такой колоритный, сочный, образный, что — ей-богу! — хочется не читать, а петь.

«Хто на маладзіку радзіўся, таму ніколі старасці няма, ён заўсёды малады. Яго таварышы сівыя, саўсім сапселі, а ён яшчэ халяўкі смаліць».

Но это все восторги, так сказать, субъективного плана. Самое время перейти и к объективным оценкам. Поднять одному человеку такое предприятие, как выпуск всех трех книг, выступив в них не только в качестве автора-составителя, но и переводчика, составителя развернутой и весьма обширной библиографии, автора глубоких и содержательных предисловий, предваряющих каждый том издания, — то есть труд поистине титанический. Потому что даже систематизация (кстати, предельно четкая и хорошо аргументированная!) этого поистине колоссального объема информации потребовала, судя по всему, неимоверных усилий от автора. Обычно такие энциклопедические справочники пишутся большими авторскими коллективами, а здесь — нате вам, пожалуйста! Отправился в дорогу один и осилил ее тоже один! Скажу честно, для этого мало одного хотения, нужно еще и незаурядное мужество, сила воли, крепость духа. Ну и, разумеется, любовь к своему делу. Как же без нее? Впрочем, любовь к своему делу, к своему народу, к его истории и культуре сквозит буквально в каждой строчке. Нет, в каждом слове этого уникального издания, которому наверняка уже уготована участь самой настоящей библиографической редкости.

Конечно, мир не без добрых людей! И маститые рецензенты, доктор исторических наук Геннадий Кахановский, и кандидат филологических наук Арсений Лис, и художник Виталий Давыдовский, и весь коллектив издательства «Беларусь», все они, каждый и вместе, внесли свой посильный и достойный вклад в общее дело, чтобы получить на выходе такой замечательный трехтомник. И все же роль и значение автора идеи и ее творческого воплощения в жизнь трудно переоценить. Так что честь и хвала Владимиру Александровичу Василевичу и многие ему плодотворные лета, на радость нам, его читателям.

Впрочем, на то и рецензия, чтобы была в ней, пусть и небольшая, но все же ложка дегтя. Вот, купила трехтомник. Принесла его домой и поставила на полку, рядом с другими энциклопедическими справочниками и монографиями. И сразу же бросилась в глаза одна досадная несуразность. Легковесно смотрится наш трехтомник на фоне, скажем, такого шикарного издания прошлых лет, как «Мифы народов мира», или энциклопедического трехтомника «Вялікае княства Літоўскае», или энциклопедического справочника, посвященного Франциску Скорине.

Что за легкомысленные обложки, друзья мои, напоминающие своей аляповатой пестротой дешевые дамские детективы? Которые почему-то все, в обязательном порядке, сплошь и рядом «ироничные». Лично я во всех трех томах Владимира Василевича не обнаружила ни грана иронии. Так к лицу ли им столь непрезентабельные одежки? Честное слово, предпочла бы приплатить еще энную сумму денег, но все ради того, чтобы иметь в своей библиотеке по-настоящему солидное издание, каковым, кстати, и является трехтомник в содержательном плане. Забыли, видно, в издательстве, что встречают-то по одежке! Да и книги такого уровня покупаются не для услады на один вечер. Обидно, очень обидно! Непростительный огрех и ляпсус, особенно с учетом того богатейшего опыта, который накопили наши отечественные издательства, специализирующиеся на подобных изданиях. Остается лишь надеяться, что переиз-

дание трехтомника (а оно, по моему скромному мнению, просто неизбежно!) позволит устранить сей досадный просчет.

Однако закончу я свои медитации все же на мажорной ноте. Правда, немного жаль, что заметки мои появятся уже после того, как минет самый светлый и столь любимый многими из нас праздник Пасхи. Но, цитируя автора, «извечный лад» нашей жизни приучает к тому, что все в этом мире возвращается на круги своя. А потому верю, что впереди у каждого читателя есть еще многие годы, и в каждом из них — свой сад и весна. И обычай (который лично мне очень понравился!), к тому же, весьма актуальный с учетом наших суровых будней, может еще не раз пригодиться в жизни и нам, и нашим детям.

«Вярнуўшыся з царквы на Вялікдзень дадому, адно асвечанае чырвонае яйка апускаюць у ваду, якою потым усе мыюцца; гладзяць гэтым яйкам твар, каб быць здаровымі, «краснымі» ўвесь год».

Да и вообще, по свидетельству Н. Я. Никифоровского, книга которого «Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи», изданная в Витебске в 1897 году, часто цитируется на страницах рецензируемого трехтомника, в некоторых белорусских деревнях всю Пасхальную неделю умывались красными яйцами. Особенно молодые девушки и женщины, которые хотели не только сохранить здоровье, но и быть румяными и красивыми.

Что ж, удивительно простой косметический рецепт, не требующий ни дорогостоящих кремов, ни разрекламированных процедур в СПА-салонах. А потому его можно смело рекомендовать всем читательницам, и не обязательно только молодым.

А вот читателям журнала «Нёман» я уже самым настоятельным образом советую незамедлительно прочитать все три тома, в которых собрано без малого десять тысяч самых разнообразных, любопытных, ярких, запоминающихся и удивительно поэтичных описаний старинных поверий и обычаев, бытовавших когда-то на «тутэйшых землях». Уверяю, это захватывающе интересное чтение! И весьма полезное.

Зинаида КРАСИНА

Большая литература на малой карте

Алесь КАРЛЮКЕВІЧ. І марам волю дам. Літаратурная карта Пухавіччыны.

Мн.: Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2011.

Эта книга — редкая возможность, не выходя из дому, пройтись путями-дорогами одного из наиболее примечательных, в данном случае в литературном отношении, уголков Беларуси. Уроженец деревни Затитова Слобода Пуховичского района Алесь Карлюкевич давно и пристально присматривается к земле своего детства. Однако рассказывает он не только о родной ему Пуховиччине, но и об исторической Игуменщине, в состав которой, как известно, входил и нынешний Пуховичский район.

Насколько последовательно работает А. Карлюкевич в этом направлении, видно из его книг «За Цітаўкаю — Слабада» (1997, «Ігуменскі блакнот» (2000), «Зацітава Слабада» (2007), «Блонь» (2007), в соавторстве с Брониславом Зубковским), «Сцежкамі Ігуменшчыны» (2008). Пуховичский, а если смотреть шире, то, образно говоря, игуменский след присутствует и в совместной книге Алеся Карлюкевича, Владимира Лиходедова и Павла Якубовича «У пошуках страчанага», отмеченной специальной премией Президента Республики Беларусь «За духоўнае адраджэнне». Это уникальное издание составили одноименные очерки, публиковавшиеся на страницах газеты «СБ. Беларусь сегодня», дополненные репродукциями старых открыток из коллекции В. Лиходедова. Получилось своего рода путешествие в пространстве и во времени, в котором не была обойдена вниманием и родина А. Карлюкевича.

Насколько сладок и приятен ему «дым отечества», видно и из книги «Знічкі Айчыны», «выросшей» из публикаций в газете «Голас Радзімы», иллюстрации к которым опять-таки были предоставлены В. Лиходедовым. Наконец, книга, которая своим названием, по сути, подводит определенную черту под сделанным А. Карлюкевичем в этом направлении — «Радзімазнаўства» (2010).

Разговор о новой книге А. Карлюкевича «І марам волю дам» я затянул несколько умышленно. Так как его творчество — не такой уж и частый в литературе случай, когда писатель, найдя свою тему, все время придерживается ее, создавая произведения, внутренне близкие друг другу. Применительно к документалистике, тем паче основанной на краеведении, это тем более редкость. Но поскольку, как признается сам А. Карлюкевич, у него «характар літаратурнага натхнення пухавіцкі», то он постоянно и находится в поле притяжения своей темы, свидетельством чему является и книга «І марам волю дам». Начало ей было положено небольшой, всего 48 страниц, книжечкой, вышедшей еще в 1999 году. Название у нее почти такое же, как подзаголовок нынешней — «Літаратурная карта Пухаўшчыны». Расхождение, нетрудно заметить, только в названии района. А. Карлюкевич в слове «Ад аўтара», помещенном в новой книге, спрашивает: «Чаму адбылася змена: Пухавіччына замест Пухаўшчыны?» И отвечает: «У 2003 годзе пабачыла свет гісторыка-дакументальная хроніка Пухавіцкага раёна «Памяць». Навукоў-

цы, мовазнаўцы прыйшлі да высновы, што граматна, правільна пісаць менавіта так: «Пухавіччына».

Итак, карта Пуховиччины, точнее, литературной Пуховиччины — перед нами. А если знакомишься с какой-либо картой, то, конечно же, в первую очередь обращаешь внимание на ее центр, в данном случае это районный центр. Он, правда, не Пуховичи называется. Пуховичи — это железнодорожная станция в Марьиной Горке. Да еще одна из деревень в районе, бывшее местечко. Административный же центр Пуховичского района — Марьина Горка, имеющая ныне статус города.

Как поется в известной песне, «городок не велик и не мал», однако славен своими большими литературными традициями. О них обстоятельно рассказывает А. Карлюкевич в первой главе «Мар'іна Горка. Пасёлак Мар'іна». Впрочем, оценка «обстоятельно» уместна только в том случае, когда имеешь в виду насыщенность материала разнообразными фактами. Если же обратить внимание на стиль, на подачу их, то чувствуется увлеченность, местами даже присутствует эмоциональность.

Утверждая это, я нисколько не утрирую. Прочитав внимательно книгу, по-хорошему завидую А. Карлюкевичу: ничего подобного в нашей краеведческой литературе мне до сих пор встречать не приходилось. Конечно, на ниве литературного краеведения, а если шире — родиноведения, работают многие авторы, и при этом их результаты значительны. Но то, что предложил А. Карлюкевич, — именно литературная карта. В его поле зрения множество населенных пунктов, каждый из которых по-своему интересен. В плане того, кто из писателей здесь родился или проживал, работал, какие литературные события происходили.

Но о Марьиной Горке... Ценители белорусской литературы, конечно, знают, что в этом городе родился поэт, прозаик Анатоль Вольны. А вот о пуховичской странице в жизни драматурга, киносценариста Рыгора Кобеца, стоявшего у истоков белорусского кино, известно далеко не всем. Об этом можно узнать из книги А. Карлюкевича. В своего рода помощники он взял себе самого писателя, а именно воспоминания Рыгора Яковлевича, которые положены в основу статьи.

Кстати, и в других разделах автор также нередко вводит в сюжетную канву повествования свидетельства очевидцев тех или иных событий, ссылается на различные публикации, дополняя все это собственными изысканиями, которые являются результатом его встреч с людьми, обладающими интересной информацией. Также подспорьем для его труда стали архивные находки.

Что касается Р. Кобеца, то небезынтересно узнать следующее: свой киносценарий «Шукальнікі шчасця», по которому был поставлен первый фильм «Двойчы народжаны», он начал писать именно в Марьиной Горке, а если точнее, то в предвоенном Доме творчества белорусских писателей, находившемся на Пуховиччине. Кстати, А. Карлюкевич подробно рассказывает и о нем, не обходя своим вниманием и трагические события тридцатых годов прошлого столетия, связанные со сталинскими репрессиями. Материал для сценария художественного фильма «Двойчы народжаны», оказывается, был почерпнут в пуховичском еврейском колхозе «Дер Штерн». «Именно там, — признавался Р. Кобец, — я нашел Пиню с его крылатой фразой, давшей толчок всему сюжету сценария: «Я извиняюсь. Скажите, пожалуйста, сколько — приблизительно, конечно, — сколько может стоить такой пароход?» Оказывается, когда Р. Кобец вместе с А. Вольным и писателем Станиславом Шушкевичем собирались ехать из Марьиной Горки в Минск, к Рыгору Яковлевичу на станции подошел «человек в заграничном», который назвался Пиней. Залюбовавшись новеньким паровозом, он спросил: «Я извиняюсь. Скажите, пожалуйста, сколько может стоить этот паровоз?» После этого, продолжал

Р. Кобец, «то ли Вольный, то ли Шушкевич (теперь уже и не припомню) воскликнул: «Во, Гриша! Вот тебе и образ готов для твоего сценария. И на Дальний Восток не надо ехать!» Так родился Пиня. В Пуховичах, в колхозе «Дер Штерн». А потом уже, когда я поехал в Биробиджан, этот характер отшлифовался и окончательное завершение получил в исполнении артиста Зускина».

Это только один пример из главы «Мар'іна Горка. Пасёлак Мар'іна», а как много он говорит о том, насколько А. Карлюкевич скурпулезно, внимательно подходит к делу, подавая материал таким образом, чтобы он «заговорил». Читатель, открывая малоизвестное, а то и совсем неведомое ему, с увлечением переворачивая страницу за страницей, каждый раз находит что-то новое, интересное.

Невольно напрашивается сравнение с книгой Олега Лойко «Займальная літаратура». У А. Карлюкевича занимательность также стоит далеко не на последнем месте, поэтому его книгу можно назвать «Займальным краязнаўствам». Точно так же, как и О. Лойко, он, «смакуя» тот или иной факт, старается подать его таким образом, чтобы и читатель почувствовал, насколько, казалось бы, в чем-то и «сухой» предмет разговора, может быть увлекательным. Тем более, если он насыщен интересными фактами. Иногда появляется даже ощущение, что перед тобой своего рода краеведческая энциклопедия Пуховиччины — ничто не пропущено, ничто не обойдено вниманием.

В главе о районном центре вспоминаются многие и многие писатели, как-то связанные с Марьиной Горкой. Приводя впечатляющие факты, А. Карлюкевич рассказывает и о тех, кто ушел в лучший мир, и о ныне живущих. В главе находится место и пожилым литераторам, и молодым. Думается, например, читателю интересно будет узнать о том, что в 1930 году на Пуховиччине побывала английская писательница Мисс Сессиль Честертон.

Насколько богата литературная карта Пуховичского района, убеждаешься, знакомясь и с другими главами книги. При этом А. Карлюкевич не единожды ненавязчиво напоминает, что совершается именно путешествие.

К примеру, глава «Блужа», начинается она так: «...А цяпер, каб не блукаць горшымі сцежкамі, вернемся да Мар'інай Горкі, праедзем праз увесь горад. Мінаючы аўтавакзал і чыгуначную станцыю, пададзімся на Блужу. Можна ехаць і на электрацягніку ў бок Асіповіч, але ўсё ж лепей на аўтамабілі альбо нават пешшу». А вот приглашение в его родную деревню: «З Падбярэжжа мы кіруемся да старажытнага мястэчка Пухавічы. Правей ідзе дарога Бабруйск — Мінск. Мы праязджаем кіламетра паўтара і на перакрыжаванні зварочваем налева. Некалькі сотняў метраў — і выязджаем на старую дарогу, якая раней і вяла праз мястэчка з Гомеля, Бабруйска, Асіповіч на Мінск. Дабіраемся на Мост праз Свіслач, і мы ўжо, лічы, у Пухавічах. Як толькі ўязджаем, паварочваем налева і праз мост, што пакладзены праз раку Цітаўку пры самым яе ўпадзенні ў Свіслач, рушым у Заціtаву Слабаду. Дарэчы, яна адна з нямногіх вёсак Пухавіччыны, якая мае свой кніжны летапіс». Побывав в Затитовой Слободе, конечно же, грешно не ознакомиться и с близлежащими населенными пунктами. Один из них Пуховичи: «Прайшоўшы праз ускраіну Заціtавай Слабады, дарогай паўз Бойню (так называется лесной массив), мастом праз Цітаўку, пакінуўшы з правага боку раку Свіслач, мы ўсё ж трапляем у мястэчка Пухавічы».

Читая книгу «І марам волю дам», неоднократно убеждаешься: понятие «большой», «малый» населенный пункт относительное. Не всегда оно применимо только к количеству проживающего населения.

Автору, без сомнения пришлось немало потрудиться, зато и результат налицо. Это, в частности, касается введения в широкий обиход новых литературных имен. О Рыгоре Папарате, правда, писали и до А. Карлюкевича,

но тем не менее в библиографическом словаре «Беларускія пісьменнікі» в 6 томах о нем нет ни строчки. А ведь Р. Папарать в предвоенные годы довольно активно печатался в республиканских газетах и журналах, входил в литературные организации «Маладняк» и «Белорусскую ассоциацию пролетарских писателей». Его, как и многих писателей, не обошли стороной репрессии. Правда, ему еще повезло: в ленинградской тюрьме провел только полгода, был отпущен с формулировкой: «Выслать из Ленинграда и запретить заниматься литературным творчеством». В годы войны он сражался с немецко-фашистскими захватчиками. После войны был директором школы, в 1948-м умер. Только относительно недавно книга Р. Папаратя «Даруйце мне» благодаря Пуховичскому райисполкому увидела свет в серии «Паэты Пухавіччыны».

Кстати, об открытии новых имен. В главе «Мар'іна Горка. Пасёлак Мар'іна» А. Карлюкевич поведал о поэтах Александре Парамоне, Лилии Лесной, она же Янина Крайник, и других. Вообще это творческое кредо писателя: как можно больше рассказать о том или ином литераторе.

Алесь Карлюкевич пишет с уверенностью в том, «што мастацкая літаратура становіцца тады болей прыцягальнай, калі да яе знаёмства падыходзіш з уласнымі адкрыццямі і твора, аўтара як некага блізкага, роднага, у пэўнай ступені знаёмага. І гэтую задачу якраз і здольна вырашаць [...] літаратурнае краязнаўства, веданне літаратуры агульнанацыянальнай з вышыні сваёй роднай і блізкай старонкі». Правильность подобной мысли и подтверждает его новая книга «І марам волю дам», позволяющая на примере одного района лишний раз убедиться в том, как богата творческими талантами наша земля и как сильны взаимосвязи. На малой карте Пуховиччины видна большая литература.

Алесь БЕРЕЗОВСКИЙ

Книга-мартиролог

Баланс советского термидора: Сталинский террор в судьбе сербского коммуниста / *пер. с сер. яз. Мн.: Літаратура і Мастацтва, 2011*

Боже, сколько книг перечитали мы о годах сталинских репрессий! Нет такого литературного жанра, который не положил бы черные розы памяти к постаменту этой темы. С конца пятидесятых, а особенно позже, со времени горбачевской гласности, запретные книги возвращались из ссылки письменных столов, как возвращались репрессированные с Колымы. И жгло пальцы от страниц книг Александра Солженицына, Варлама Шаламова, Евгении Гинзбург, Галины Серебряковой, Анатолия Жигулина, Сергея Граховского, от стихов, которые Михась Чарот, ожидая расстрела, писал на тюремной стене. От строчек Осипа Мандельштама, который, как и тысячи собратьев по перу, не вернулся, но успел написать, да так, что смертный приговор власти, «отвратительной, как руки брадобрея», был неминуем. И она, прочитав «Мы живем, под собою не чуя страны, // Наши речи за десять шагов не слышны», решила изменить направление движения бритвы и полоснуть ею по судьбе автора. Но вся эта скорбная литература отражала взгляд на Большой террор с нашей, пострадавшей стороны. И, читая, нет-нет и думалось: неужели там, за рубежом, о нем ничего не знали? Чем занимался в это время Коминтерн? Компартии европейских стран? Неужели до них не доходила расстрельная информация из Москвы? Как они реагировали на нее? Чем объясняли?

И вот совсем недавно я получил ответ на эти вопросы. Издательством «Литература и Искусство» выпущена уникальная книга — «Баланс советского термидора» в переводе с сербского Ивана и Алексея Чарот. Автор ее, Живоин Павлович, и был тем самым коммунистом, преданным идеям коммунизма и мировой революции, который, поразившись тому, что происходит в СССР, решил высказать на этот счет свое мнение. Через год после публикации этой остро антисталинской вещи (1940 год) он был приговорен к расстрелу... своими же товарищами по партии. Вначале они исключили Павловича из своих рядов, заподозрив его в провокаторстве и шпионаже в пользу правительства Югославии. Но обвинение было невозможно доказать. И вдруг такой повод. Автор усомнился в том, что считалось святая святых коммунистической идеи: в необходимости «железного потока» революции, в справедливости великих жертв ради нее, правильности политики творцов советской власти, оправдывавших чудовищную жестокость к своим соратникам, трубадурам «Великого Октября», пословицей «лес рубят — щепки летят». Кто же он, дерзнувший заявить свое «против», если не провокатор? Автор был казнен. Книга конфискована.

О ней не вспомнили даже в 1948 году, в период ухудшения, а затем и разрыва отношений СССР и Югославии, когда Тито не подчинился диктату Сталина по вопросам международной политики. (Кстати, о практике конфискации некоторых книг. Как только из уст великого кормчего прозвучала фраза «кровавая собака Тито», некоему Оресту Мальцеву был заказан роман о нем. Вскоре

роман появился под названием «Югославская трагедия» и, естественно, получил Сталинскую премию. Когда Сталин и Тито помирились, «трагедия» исчезла из всех советских библиотек и магазинов. Орест же Мальцев в истории советской литературы остался лауреатом без единого художественного произведения: историки раскопали имя настоящего автора романа. Им оказался М. Гурвич, сын одного из основателей компартии США.)

Вспоминаю об этом факте, чтобы подчеркнуть: книги «Баланс советского термидора» боялись во все времена. А по отношению к Живоину Павловичу история проявила великое равнодушие: до 1989 года он не был реабилитирован! Абсурдность обвинений доказал общественный деятель Сербии Слободан Гаврилович, перу которого принадлежит политическая биография Павловича, помещенная в минском издании книги. Предисловие к ней написали: Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Сербии в Республике Беларусь доктор Сречко Джукич и заведующий кафедрой славянских литератур доктор Иван Чарота.

Можно себе представить испуг, с которым югославские коммунисты прочли даже первые строки книги-бомбы. Ведь о таком они боялись говорить на кухне. «Уже с первых процессов и расстрелов в Москве многим из нас было ясно, что там начался окончательный расчет между сталинской бюрократией с одной стороны и старыми большевистскими кадрами, которые остались верны прежним принципам и программе партии, — с другой. Даже непосвященные понимали, что дело не в расправе революции со «шпионами и предателями», а в том, что идет борьба по установлению личного режима, во главе которого находится Сталин, борьба с реальными лидерами Большевистской партии, поборниками демократии в ней и прав самокритики для членов партии. Редки были также и те, кто верил в правдивость искусно инсценированных процессов невероятных обвинений и самообвинений».

Собственно, все, о чем пишет Живоин Павлович дальше, является доказательством этих постулатов. Дедуктивные умозаключения (чаще всего возникающие из статистических данных, фактов, почерпнутых из советской и зарубежной прессы) у него постоянно перемежаются с методом рассуждения от частного к общему (рассказ об известных всему миру судьбах, оборвавшихся очередью из автомата или выстрелом в затылок в коридоре Лубянки либо где-нибудь в зоне вечной мерзлоты). В результате писатель работает в жанре некоего стереодокумента, то укрупняя его до чувственного восприятия, то отдаляя, расширяя и тем самым включая в анализ рассудок читателя; то выбирая такое расстояние для иллюстрации, когда и сопереживание и разум начинают действовать вместе. Иногда его возмущение настолько велико, что делает его ребенком, потрясенным увиденным. И это воздействует еще сильнее. «Неужели в Советском Союзе не достаточно тюрем и пространства, где можно было бы «изолировать» оппозиционеров, раз уж не хотели с ними сотрудничать; разве не лучше и человечнее было тех заслуженных борцов советской революции сослать в Сибирь или еще дальше, на полярные острова, чем передушить их в различных лубянках?»

Одна из центральных главок книги посвящена демократии и праву критики в партии. И то и другое, как утверждали теоретики коммунизма, абсолютно непреложное условие существования последней. Павлович, развивая этот тезис, цитирует Ленина и Сталина. Напоминает, что самокритика как основной принцип жизнедеятельности коммунистических партий содержится в их программах. Однако все вышло не по теории. На XI съезде партии хорошо сказал об этом Станислав Косиор, тогда генеральный секретарь ЦК КП(б) У. Павлович приводит эти слова: «Система управления в нашей партии стала бюрократической и императивной, и в определенной мере армейской, как во время войны. Я утверждаю, что Центральный комитет направляет борьбу фракций. Это режим кулака». Тогда же ему вторил Александр Шляпников, возглавлявший вместе с Коллонтай «рабо-

чую оппозицию»: «Товарищ Фрунзе обещал убедить меня с помощью пулемета в правильности его точки зрения». Убедил всех Сталин. Косиор просчитался, когда предложил Кирову сменить Сталина. Сергей Миронович тут же донес. Шляпникову припомнил оппозицию. Фрунзе велел лечь на операцию по поводу язвы желудка, после которой тот умер. Затем один за другим простились с жизнью четыре врача, оперировавшие его. Спаслась идеолог свободной любви и сексуальной революции Александра Коллонтай, в то время Посол СССР в Швеции, отказавшись, как пишет Павлович, явиться в Москву на вызов Сталина. А вот ее гражданскому мужу Павлу Дыбенко, добавим от себя, не повезло. Не выдержал пыток, признался в военно-фашистском заговоре.

Сложнее было, как заметил автор политического образа «Кремлевца», поквитаться с послами СССР в зарубежных государствах, если относительно их преданности у Сталина возникали подозрения. Со временем у него выработалась привычка обманывать их специально распускаемыми слухами, сообщениями в «Правде», а то и прямыми указами о повышении по службе. Причем таком высоком повышении, что послы радостно-поспешно приезжали в Москву. Так был «куплен» выдающийся большевик Антонов-Овсеенко. Тот самый, кто командовал взятием Зимнего дворца, кто арестовал Временное правительство: «Которые тут временные, — слазь!» Он, достигший чина Генерального консула в Барселоне, приглашается в Москву, чтобы получить должность народного комиссара, с которой снят попавший в опалу Крыленко. Об этом широко сообщается в советских газетах. Аксакал революции едет и уже в Одессе, при выходе из поезда, арестовывается. Точно по такой схеме хотели поступить с Федором Раскольниковым, полпредом СССР в Эстонии, Дании, Болгарии. Ему «светила» командировка в Вашингтон в качестве посла. Сдержанно, и оттого запоминающе, Живоин Павлович сообщает: «Как он ни спешил, на советскую границу прибыл только через пять дней, где совершенно случайно у него в руках оказался список, в котором среди других имен «врагов народа» обнаружил и свое имя. Только теперь он решил эмигрировать. Уехал во Францию, где скрывался от агентов ГПУ, и в день подписания советско-германского пакта сошел с ума на французской Ривьере, не выдержав сильного нервного напряжения из-за этого неслыханного предательства сталинской бюрократической клики». Знаменитое письмо Раскольникова Сталину Павлович в своей книге приводит полностью. Как заключительный аккорд. Хитростью был заманен в Москву и командующий Дальневосточным фронтом Василий Блюхер. Вскоре от пыток умер в Лефортовской тюрьме.

Полны драматизма те места в повествовании сербского коммуниста, в которых он описывает судьбу семей жертв террора. Их всегда считали соучастниками «преступлений» отцов и мужей. Невозможно не процитировать, как поступили с семьей маршала Тухачевского: «Когда его арестовали, власти распорядились ученикам школы, в которую ходила его двенадцатилетняя дочь, издеваться над ней, называя «дочерью предателя». Девочка была настолько шокирована, что сразу покинула школу и повесилась в родительском доме. Почти такая же участь постигла его жену и сестру. Агенты ГПУ заставили жену Тухачевского требовать для мужа смертной казни. На следующий день после казни мужа вдова сошла с ума и попала в сумасшедший дом. Его сестру Марию Николаевну Тухачевскую тоже заставили отречься от брата, что она публично и сделала. А через несколько дней была арестована и в тюрьме покончила с собой». Видно, не знал Павлович, что случилось с близкими Блюхера, о котором пишет с явным уважением, а то бы, наверное, не удержался, рассказал и о них. Блюхер был женат трижды. Власти пощадили только третью, семнадцатилетнюю Глафиру Безверхову, приговорив ее к 8 годам исправительных работ. Двух первых жен — Галину Покровскую и Галину Кольчугину поставили к стенке. Так же поступили

с братом Блюхера Павлом и его женой. Коси коса, пока роса...

Отдельные главки книги-мартиролога посвящены мукам ученых, артистов и, конечно, писателей. Среди последних такие имена, как Борис Пильняк, Александр Афиногенов, Юрий Либединский, Борис Пастернак, Давид Штерн, Мделадзе, Тер-Ваганян, Бруно Ясенский (хотя он был одним из авторов книги «Канал имени Сталина». — *Ю. С.*), белорусский поэт Андрей Александрович, сидевший дважды. Эти разделы живо напоминают белорусские справочники «Только одна ночь» и «Палачи и жертвы», составленные племянником поэта Валерия Морякова писателем Леонидом Владимировичем Моряковым. Под одной обложкой он поместил портреты и биографии ста литераторов и деятелей культуры, в том числе своего дяди, расстрелянных ночью с 29 на 30 октября 1937 года в минской тюрьме НКВД, и палачей-нелюдей.

Вообще 1937 год, как свидетельствует и Живоин Павлович, был «самым кровавым годом в Советском Союзе со времен гражданской войны. Целый ряд процессов отправил на смерть несметное количество старых большевиков, отказавшихся пасть на колени перед кремлевской кликой. Кровавый круг отворил процесс Георгия Пятакова...». (Может быть, Сталина все более раздражала характеристика Ленина, данная Пятакову в «Письме к съезду»: «человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей»?) Когда от очередного «контрреволюционера» власть была спасена, Орджоникидзе (об этом подробно пишет Павлович) взял к себе жену и детей своего первого помощника. «Это была вторая причина отравления Орджоникидзе, так как он и этим открыто демонстрировал несогласие с таким способом уничтожения старых большевиков». Первая случилась на одном бурном заседании Политбюро, когда Григорий Константинович нанес удар престижу Сталина острой критикой советского термидора. Протокол о «естественной» смерти бунтовщика дали подписать лечащему врачу Орджоникидзе Плетневу. Тот отказался. Тогда 72-летнему старику пришили «попытку изнасилования двадцатилетней девушки» и расстреляли. (Так у Павловича. По другим источникам несговорчивого доктора отправили в ссылку на 25 лет. — *Ю. С.*). Нашлись, конечно, специалисты, которые составили заключение о смерти от инфаркта. Однако и их не миновала пуля. Поплатились за разногласия генсека с Орджоникидзе все его ближайшие родственники. Это уж само собой. Традиция.

Последнюю часть своей книги-обвинения Живоин Павлович, чувствуется, писал с особой болью. Она — о Коминтерне и иностранных партиях, а это значит, о нем самом. «Термидоровское безумие» перешло и на них. Попадавшие в немилость к Сталину, как, например, первый помощник секретаря Коминтерна (Георгия Димитрова) Осип Пятницкий, мысленно прощались с жизнью, и конец не заставлял себя ждать. Член ЦК Компартии Венгрии Бела Кун также не избежал участи своего коллеги по Коминтерну. Павлович еще этого не знает и потому пишет: «Доходят слухи...». Зато уверенно перечисляет других коминтерновцев, погибших от руки НКВД: Абрамский, Гргуг Вуёвич, Фольф Киш... Всего, ссылается он на тех, кто сумел укрыться от арестов, в Коминтерне расстреляно 2/3 его членов.

Иностранные партии получали распоряжения из Москвы, как получают их подневольные работники от хозяина: отстранить, исключить, принять, начать кампанию против... Самым страшным считалось приглашение в Москву. После того, как вызвали туда секретаря КПЮ Милана Горкича. Прямо на вокзале его арестовали. «Несколько дней спустя, — пишет Живоин Павлович, — партия получила указание из Москвы, чтобы меня отстранили от всех партийных и остальных дел как «горкичевца». Тогда нам стало ясно, что с ним произошло. В партии началась настоящая паника. Смещено было все Политбюро, а назначенный в партии «комиссар» начал сразу же, по указанию из Москвы, охоту на «горкичевцев», «бухаринистов», «троцкистов» и

иных «врагов народа».

Еще проще московская Лубянка расправлялась с подозреваемыми в троцкизме югославами, которые покинули родину из-за полицейского террора, кто остался в России после мировой войны, чтобы строить первое в мире социалистическое государство. Югославская колония в Москве к 1938 году поредела на 800 человек.

И здесь начинается последний, самый драматический, этап жизни Живоина Павловича. Не в силах пережить недоверие компартии Югославии к себе («которой я служил почти 20 лет»), он пишет письмо в ЦК о выходе из ее рядов. Живоин понимает, что гонения на него мог бы остановить Броз Тито, новый генеральный секретарь, но тот не делает этого: или боится ослушаться Москвы, или сам подозревает его в чем-то нехорошем. Исключает его, по требованию КПЮ, и Компартия Франции, членом которой состоял тоже, так как много лет жил и работал в Париже.

О том, как лишенный всего и вся, только что известный деятель партии решает жить дальше, подробно пишет в его политической биографии второй автор книги «Баланс советского термидора» Слободан Гаврилович. Павлович уезжает в свою родную Златибору и пишет то, что через два года станет сенсацией. Зачем? — спрашивает его девушка, друг юности. Все знают, но молчат, отвечал он, надо же кому-то первому. Живоин, наверное, не знал, что он не один. Артур Кестлер в Лондоне завершил обвинительный роман «Полуденное затмение», Андре Жид своими публикациями заставил мировую общественность протрезветь от патоки славословия Леона Фейхтвангера, Ромена Роллана, Анри Барбюса, оправдывавших московские процессы.

В ноябре 1941 года Живоина Павловича арестовывают партизаны Тито. О допросах докладывают ежедневно. Человека, опубликовавшего более трех сотен статей о борьбе против террора, пытали, как пишет Слободан Гаврилович, его товарищи с воловьими жилами в руках — «более безжалостные, чем классовые враги, более суровые, чем следователи из полиции, более изощренные, чем профессионалы старого режима».

Эта книга о жестокости. То есть о феномене обитателей Кремля получать удовольствие от осознанного причинения страданий живому существу. «Ричард III у Шекспира произносит такие слова: «Самый лютый зверь временами испытывает жалость. Но я не ведаю жалости, следовательно, я не зверь».

Значит, эта книга — о людях. Которых осудила история.

Юрий САПОЖКОВ

Современная философия в социально-антропологическом измерении

Т. И. Адуло. В поисках сущности бытия: *философия на рубеже XX—XXI веков. Мн.: Беларус. навука, 2011.*

Философия как форма общественного сознания и форма культуры в настоящее время оказалась в непростой, или даже можно утверждать, кризисной ситуации. Отчасти это обусловлено внутренними процессами самой философии. Вот уже более двадцати лет и в Беларуси, и в России, и в Украине идет процесс смены парадигм прежней советской философии, активный поиск новых ее смысловых и ценностных ориентаций. Все это не может не сказываться на характере и уровне самих исследований. Есть и другая причина: на современной философии более всего отразились те радикальные изменения, которые произошли в мировом сообществе на переломе исторических эпох. Все эти вопросы требуют серьезного осмысления. Монография Тадеуша Адуло «В поисках сущности бытия: философия на рубеже XX—XXI веков» (Минск: Беларус. навука, 2011) как раз и дает ответы на многие жизненно важные для философии и для нашего общества вопросы.

Первый раздел книги — «Философия — «абсолютная ценность» и душа культуры» — посвящен выяснению сущности и специфики развития философии в различные исторические эпохи. Новизна работы состоит прежде всего в том, что в ней обоснована идея «социального измерения» и раскрыт механизм социального функционирования философии как формы общественного сознания и ядра духовной культуры. Суть предложенной концепции заключается в следующем: автор исходит из различения «собственно философии» и «философской культуры». *Философия* представлена как деперсонифицированная, зафиксированная в текстах вся совокупность философских идей, концепций, теорий, созданных на протяжении истории, представляющих собой продукт духовной деятельности человечества, а *философская культура* — как персонифицированная, т. е. усвоенная индивидом (социальным слоем) система философских принципов, знаний и убеждений, обеспечивающая совместно с другими формами общественного сознания его интеллектуальное, нравственное и эстетическое развитие.

По мнению автора, и с этим нужно согласиться, философская культура — это объективный показатель духовного развития общества и уровня мировоззренческой культуры индивида. Любой человек может ставить вопрос о Вселенной, смысле жизни и так далее. Но социальную значимость эти вопросы приобретают лишь в результате их осмысления на теоретическом уровне. А рассуждать над ними по существу способен индивид, изучающий философию. Индивид становится существом все в большей мере социально значимым, чем более глубинными пластами философии он овладевает. Речь идет не только об усвоенных субъектом тех или иных идеях, но и об идеях, ставших для него смыслообразующими ориентирами жизнедеятельности — идеях, делающих его существом социально значимым, возвышающих его над физиологическим бытием. Именно поэтому, считает автор, недопустимо пренебрежительное

отношение к философии: лейтмотивом книги проходит идея более активного включения ее в духовную жизнь человека и общества.

Положенный в основу анализа методологический принцип различения философии и философской культуры позволяет более адекватно представить динамику мировых духовно-культурных процессов в разные исторические эпохи.

Во втором разделе — «Проблемы человека и общества в философском осмыслении» — автор рассмотрел процесс развития философской и общественно-политической мысли Беларуси, выделив семь основных этапов становления интеллектуального пространства в процессе исторического развития белорусского этноса, определил его системообразущие основы, а это — религия, философия, право, искусство, естествознание. Также автор охарактеризовал возможные направления его дальнейшего развития. С позиции рационализма в книге дано истолкование социальных и духовных отношений в постсоветском обществе на рубеже XX—XXI вв.

Второй раздел рецензируемой книги — это уже непосредственно философский анализ ряда ключевых вопросов антропологической и социальной направленности. В нем рассмотрены вопросы философской антропологии, ее исторического развития в Западной Европе и Беларуси, различные аспекты философского осмысления проблем современного человека, включая антропологические сценарии XXI века и ноосферную модель человечества В. И. Вернадского.

На основе обобщения исторического опыта и теоретических разработок автор представил собственное видение философской антропологии как научной дисциплины, четко определив ее предмет и раскрыв процесс ее формирования в европейских странах и в Беларуси. Философская антропология не противопоставляется философии (социальной философии, философии истории), но в то же время и не отождествляется с этими дисциплинами. Она трактуется как особая философская наука, исследующая не социальное бытие как таковое, не всеобщие законы его развития и научные способы их познания, а индивидуальное бытие — «анализирует многомерность и противоречивость природы человека, его социальные качества и пути их реализации, основные сферы жизнедеятельности, источники и побудительные мотивы поведения, внутренний духовный мир...»

В таком ключе в книге представлен человек в эпоху социальных трансформаций, во времена, когда его сущностные силы четко проявляются. Автор смотрит на человека не глазами эмпирика, оперирующего лишь статистическими данными, за которыми не видно живого социального существа, и не глазами спекулятивного философа, жонглирующего чистыми, абстрактными понятиями, превращающими его в некий абстракт или же «конструкт». Человек современной эпохи в работе представлен живым, конкретным, с присущими ему достоинствами и недостатками, успехами и поражениями. И в то же время его конкретная жизнь преломлена через призму огромного исторического опыта и философской рефлексии различных исторических эпох. В этом нам видится оригинальность рецензируемой книги.

Социальная проблематика представлена в первую очередь материалом, связанным с выяснением предмета и проблемного поля социальной философии как новой философской дисциплины и актуальными, практически значимыми для белорусского государства и мирового сообщества вопросами глобализации, общественного согласия, нелегальной миграции, сохранения национальной культуры и нравственных устоев. Сделан вывод о необходимости значительного повышения теоретического уровня современных социально-философских исследований и их радикального поворота к «практике жизни».

В отличие от практикуемых в настоящее время абстрактных «формационного» и «цивилизационного» подходов к историческому процессу, фактически оперирующих обезличенным «чело-

веческим материалом», предложена концепция, ориентирующая исследователей и общественное сознание на конкретного человека современной динамичной эпохи с его новыми запросами и проблемами.

Одна из глав монографии посвящена анализу проблемы социализации личности в контексте современных политических и идеологических процессов. В этой связи автор рассматривает политическую культуру как специфическую сферу духовной жизни общества и механизм формирования политической культуры у молодежи. В работе выясняются важные теоретические вопросы национальной идеологии — особенности разработки идеологической доктрины, диалектика объективных (историческая эпоха, общественно-политическая ситуация и др.) и субъективных (личность идеолога, мотивы его деятельности и др.) факторов, влияющих на процесс выработки идеологии, обосновываются базовые методологические принципы, обеспечивающие системность идеологии. Идеология представлена, с одной стороны, как теоретическое знание, с другой — как духовное образование, базирующееся на национальных устоях и традициях. Как позитивный момент следует отметить и то, что в монографии раскрыт механизм реализации идеологической доктрины в конкретных исторических условиях белорусского общества.

В целом в рецензируемой монографии представлен весьма широкий спектр актуальных вопросов, характеризующих различные стороны жизни человека в условиях социальных трансформаций. Многие из них поставлены впервые. Поэтому уже сама постановка вопросов заставляет гуманитарную мысль продвигаться вперед. Однако большинство поднятых вопросов и рассмотрены автором достаточно глубоко. Работа выполнена на основе осмысления классического философского наследия, системного анализа реального процесса формирования и функционирования философской культуры и выдержана в рамках рационалистической традиции. Как положительную сторону монографии отметим ее логическую последовательность, ясность мысли и четкость авторской позиции, хороший литературный язык, эмоциональную составляющую, что, несомненно, привлечет внимание читателей. Работа Т. И. Адуло может быть полезна преподавателям и студентам гуманитарных факультетов, работникам системы образования и культуры.

Положительно оценивая монографию в целом, стоит обратить внимание и на отдельные недостатки.

Думается, автор чрезмерно критично настроен по отношению к постмодернизму. Ведь в работах Р. Барта, Ж. Делёза, Ж. Деррида и других представителей этого направления есть много рационального. Во всяком случае, в их исследованиях дается целостная, многогранная характеристика различных сторон общественной жизни Запада со всей ее спецификой и проблемами, предлагаются конкретные способы их осмысления и разрешения.

В работе совершенно правильно обращено внимание на недостатки современных философских исследований, выдвигается обоснованное требование повышения профессиональной культуры молодых философов. Но, думается, несмотря на имеющиеся надостатки, философы, тем не менее, включены в духовную жизнь белорусского общества, в образовательный и воспитательный процессы и своей профессиональной деятельностию вносят определенный вклад в утверждение национальных устоев нашего государства. Об этом в книге тоже следовало бы сказать.

Александр ЛАПТЕНОК

И сложное может стать простым

ПРИБЫТОК Н. Е.
Как запомнить много английских слов с помощью одного русского: Методика. Упражнения. Тренинги. Словарь опорных сигналов. Указатель лексики. — Мн.: Амалфея, 2010. — 104 с.

Понимаю, понимаю! Подобные книги — это никак не формат литературно-художественного журнала, занятого прежде всего поисками новых талантливых имен на ниве изящной словесности. И все же рискую предложить читателю свои впечатления от одного весьма оригинального и самобытного издания, на первый взгляд, не имеющего никакого отношения к художественной литературе. Но это только на первый взгляд! Потому что уже на второй, то есть после внимательного знакомства с книгой, становится ясно, что это совсем не так. Ведь любая талантливая книга, написанная о слове, важна для всякого, кто это слово любит, понимает и ценит. И не столь уж важно, любишь ли ты слово исключительно и только как читатель, или оно востребовано тобой уже на профессиональном уровне, скажем, в качестве писателя, редактора или переводчика. А здесь не просто слово, а настоящая антология слов, русских и английских, причем последние запоминаются, как это ни парадоксально, сами собой, без малейшего на то усилия воли или излишнего напряжения памяти.

Но обо всем по порядку. Пару месяцев тому назад ко мне зашел сосед, серьезный молодой человек, серьезно занимающийся каким-то там не менее серьезным бизнесом.

— Вы не посоветуете мне самоучитель по английскому языку? — начал он прямо с порога. — Вот, все время мотаюсь по Европам. Нужен язык, а заниматься учебой в обычном смысле этого слова времени нет.

— Посоветую! — с готовностью откликнулась я, моментально вспомнив книгу с длинным и довольно мудреным названием: «Как запомнить много английских слов с помощью одного русского». В свое время такие длинные названия давали своим книгам лишь авторы рыцарских, а потом и плутовских романов, жанра, весьма популярного и любимого в этих самых «Европах» несколько веков тому назад. Помните, у Алена Рене Лесажа? «Похождения Жиль Бласа из Сантильяны, описанные им самим»? Да и другие романы из так называемой серии «эпоса больших дорог» назывались не менее витиевато. Такое впечатление, что писатель словно торопился уже в самом названии донести до будущего читателя половину из того, о чем собирался поведать в двух, а то и трех томах своего повествования. Что, кстати, остроумно обыграл великий Сервантес, задумав написать пародию на романы такого жанра, пользовавшиеся особой любовью в Испании. Ведь полное название «Дон Кихота», как известно, значительно длиннее: «История хитроумного идальго Дон Кихота Ламанчского».

Однако разговор у нас пойдет не о хитроумном идальго, а о том, можно ли выучить английский язык с помощью русского словаря. Оказывается, очень даже можно. И автор книги Николай Евгеньевич Прибыток с легкостью доказывает, что такая методика изучения иностранного языка (в частности английского) не только оправдана, но и весьма эффективна. Особенно, если у тебя действительно нет лишнего времени на всякие там ученические экзерсисы.

Впрочем, от экзерсисов, то бишь упражнений, никуда не деться. На то оно и учебное пособие, чтобы в нем

были представлены и упражнения, и всевозможные тренинги, и указатели лексики. Все как положено. И одновременно все не как положено, все вопреки устоявшимся стереотипам изучения иностранного языка, все свежо, оригинально и, не побоюсь этого слова, талантливо.

А вот в том, что эта безусловно талантливая книга увидела свет, я вижу огромную заслугу Ларисы Ивановны Липень, основателя, а ныне председателя редакционного совета издательства «Амалфея», одного из самых авторитетных и уважаемых белорусских издательств. Я знакома с этой энергичной и очень обаятельной женщиной уже около двух десятков лет, и, что удивительно, даже манерное слово «бизнесвумен» применительно к ней не вызывает лично у меня никакой идиосинкразии. Лариса Ивановна действительно «деловая женщина» в самом лучшем понимании этого слова. В том числе и потому что она без устали ищет (и ведь находит же!) все новые и новые таланты. Юрист по образованию, бессменный руководитель предприятия, специализирующегося главным образом на выпуске юридической литературы, она, заняв вместе со своим детищем прочную нишу в мире издательского бизнеса, могла бы уже давным-давно успокоиться и почивать на лаврах. Но нет! Что ни день в голове у этой женщины появляются все новые и новые прожекты, порой просто безумные с точки зрения рядового читателя. И она бросается в омут реализации очередного «безумия», загораясь при этом энтузиазмом восемнадцатилетней девочки.

Поскольку мне, в том или в ином качестве, приходилось не раз участвовать во многих таких проектах, то сразу же оговорюсь, что далеко не все прекрасные порывы оборачиваются полноценной и устойчивой прибылью. А если честно, то прибыль довольно часто и вовсе отсутствует, что никак не остужает пыл Ларисы Ивановны, занятой, повторюсь я, благородным делом неустанного поиска талантливых авторов. Что ж, Николай Евгеньевич Прибыток — это, бесспорно, ее открытие года. А может быть, и целого десятилетия. Время покажет, как оно все будет и как обернется.

Но уже сейчас ясно одно: энтузиаст нашел точно такого же энтузиаста, преисполненного самой твердой решимости донести свою методику изучения иностранного языка до как можно большего числа людей. Хочу по мере сил поспособствовать этому благородному делу, ибо предлагаемая автором методика — ей-богу, того стоит!

Что лично меня, филолога по образованию, порадовало и приятно удивило в книге Прибытка? Отвечу сразу, хотя и не очень коротко. Ведь по большому счету, сегодня никого не удивишь самоучителями и прочими пособиями, как по ускоренному, так и по замедленному обучению иностранным языкам. Превосходно изданные, на прекрасной мелованной бумаге, с красивыми картинками и красочными таблицами, они буквально завлекают читателя в свои сети. Дескать, купи меня сегодня, и завтра ты уже все будешь знать.

Но как поется в одной старинной солдатской песне, «славно писано в бумаге, да забыли про овраги, а по ним шагать». Так и с нашими пособиями. Уже на второй странице разрекламированного учебника читателем овладевает самая обычная скука, его начинает клонить в сон, буквы и картинки расплываются перед глазами, а на десятой-двадцатой странице книжка и вовсе откладывается в сторону, и больше к ней, как правило, уже не возвращаются. Никогда!

Почему так? Причин тому много. Здесь и безусловное повторение одного и того же десятки раз, в одной и той же интерпретации, что отнюдь не способствует формированию устойчивого интереса к изложенному учебному материалу. Не секрет ведь, что авторы многих пособий попросту списывают примеры из других таких же пособий, но только изданных ранее и под другими названиями. Другая беда — это опора прежде всего на механическую память. Проще говоря, на зазубривание или на запоминание путем многократного повторения одного и того же слова, предложения, текста. Зубрежка скучна всегда, даже в школьные годы, а уж заставить заниматься этим взрослого человека и вообще задача весьма и весьма проблематичная.

Да и когда, скажите на милость, моему соседу-бизнесмену заучивать наизусть формы неправильных глаголов или речевые штампы, если он целыми днями крутится как белка в колесе, а домой добирается лишь поздно вечером, уже валясь с ног от усталости? Наверное, таким, как он, самое время вспомнить о некоторых скрытых ресурсах человеческого сознания, например, о том, что в педагогике называют «ассоциативным мышлением и ассоциативной памятью». И то, и другое опирается на умение человека выстраивать параллельные цепочки ассоциаций, то есть таких связей, благодаря которым одно представление, появившись в нашем сознании, тут же рождает другое, по принципу сходства или смежности этих представлений. Такое умение позволяет любому из нас многократно расширять запасы своих знаний, причем сделать это как бы между прочим, не привязывая занятия к конкретному времени и месту. Например, вспоминать (или запоминать новые) английские слова, сидя за рулем автомобиля.

Оказывается, современный русский язык — это настоящий кладезь всевозможных ассоциаций. То, что вызывает нарекание у многочисленных ревнителей чистоты языка, обеспокоенных засильем иностранщины в нашей речи, оборачивается не только бедой, но и благом. Что ж, универсальные законы диалектики демонстрируют свою вездесущность и на страницах учебно-методической литературы. Ибо, как видно из рецензируемой книги, все плохое в этом мире уравновешивается такой же порцией хорошего. Нужно только уметь найти и разглядеть это хорошее. И по мере сил использовать. Особенно, если ты хочешь безо всяких дополнительных усилий запомнить английское слово (много английских слов!) на основе уже существующего в русском языке заимствования. Н. Е. Прибыток блистательно демонстрирует в своем пособии, как именно это следует делать.

Как? А вот так! Уже с первых разделов книги автор дает нам целую россыпь знакомых русских слов, имеющих стопроцентные англоязычные аналоги. Например, *директор, оператор, автор, босс, кондуктор* и т. д., и у всех этих слов есть свои английские двойники (порой даже с тем же произношением). Но как выясняется по ходу дела, английский *директор (director)* — это не только *директор*, но еще и *руководитель* в широком смысле этого слова, а английский *автор* — это еще и *создатель*, и *творец*. Так, постепенно и незаметно, нас подводят к следующей ступеньке (в пособии они названы «шагами») — к однокоренным английским глаголам, значения которых уже даются в расширенном варианте.

И получается, что

Директор руководит, управляет — director directs,

Автор создает, изобретает — author authors,

Босс хозяйничает — boss bosses,

Оператор действует, работает — operator operates,

Кондуктор сопровождает, проводит — conductor conducts.

Проще говоря, опираясь на уже примелькавшееся в речи русское слово, мы легко и непринужденно запоминаем целую кучу новых для нас английских слов: существительных, прилагательных, глаголов, наречий.

Материал скомпонован так мастерски, что постоянно держит тебя в напряжении. Каждый новый шаг на пути познания сопровождается новыми интересными заданиями, и что не менее важно, новыми маленькими открытиями. Так, знакомый всем автолюбителям *акселератор,* оказывается, прямой родственник английскому глаголу *to accelerate (ускорять),* и с его помощью можно ускорять все что угодно. Например, умственное развитие *(to accelerate intellectual developtment).* А не менее знакомый *инжектор* позволит нам усвоить, что с помощью английского глагола *to inject* можно *вставлять* что угодно и куда угодно. *To inject remarks — вставлять замечания*, а *to inject new life — вдохнуть новую жизнь*. Вот так вот! Уже настоящая метафора получается.

Кстати, об образных средствах. Ведь в их основе как раз и лежит то самое высокоразвитое ассоциативное мышление, которое так стимулирует методика, разработанная автором книги. Конечно, когда ты читаешь *«В*

сто сорок солнц закат пылал, в июль катилось лето», то здесь все понятно: ты имеешь дело с гениальной гиперболой, запущенной в русский язык не менее гениальным поэтом. Или когда ребенок сравнивает облако со слоном, то это уже его сугубо личная и по-детски яркая фантазия. И в таких случаях восхищаешься или удивляешься и умиляешься одновременно. Но вот внимательно прочитав раздел «Английский в дамском гардеробе», я тоже немало удивилась, обнаружив, что английское слово *crown (корона)* имеет огромное количество производных значений, и все они с элементом образности. Судите сами: это и *крона дерева*, и *коронка зуба*, и *тулья шляпы*, и *вершина холма*, и бог знает что еще.

Приходится освежить в памяти знаменитый принцип *«остранения»* (от слова *странно*), о котором в свое время писал известный наш литературовед Виктор Борисович Шкловский (собственно, ему и принадлежит сам термин). Умение посмотреть на знакомое со стороны, взглянуть на привычное свежим взглядом и удивиться ему как чему-то восхитительно новому, словом, заметить «странности» привычных вещей, все это Шкловский считал основополагающим фактором успеха в любой творческой работе. Вовремя вспомнив рассуждения маститого писателя, автора многих книг о роли слова, я тоже немного удивилась. Надо же! Оказывается, русские слова *корона, коронка* и *крона* — это стопроцентно однокоренные слова. А мы об этом как-то и не задумываемся. Воистину, век живи — век учись. И век удивляйся.

А поводов удивиться у внимательных читателей книги Н. Е. Прибытка будет предостаточно. Вот в разделе «Английский язык на дог-шоу» нам дается расшифровка знакомых с детства пород собак. И оказывается, что наш домашний любимец *бульдог* по кличке Мотя — это дословно «собака на быка». Именно из этих двух слов *bull (бык) + dog (собака)* складывается английский *bulldog*, порода, изначально выведенная заводчиками для боев с быками. А у шотландской овчарки *колли* уже прямая связь с английским словом *уголь (coal),* потому что собака была выведена в свое время для выпаса особой породы овец, с черными мордами и ногами, как лица и руки у горняков, поднимающихся наверх, из забоя.

А как вам вот такое открытие? В привычном для нас слове *апельсин* скрывается аж целых два английских слова: *apple (яблоко) + China (Китай).* Именно так, *«китайскими яблоками»* именовали экзотические для европейцев фрукты голландцы, впервые завезшие их из Китая в Европу. При этом английское слово *orange (апельсин)* — это, как ни парадоксально, уже прямое заимствование из французского языка, от слова *оранжевый* (цвет фрукта).

Даже ненавистная всем реклама может помочь в деле запоминания новых английских слов. Мы пьем минералку «Фрост», по-английски *мороз (frost),* кормим своих четвероногих любимцев «Вискасом» от английского слова *усики (whiskers),* моем голову шампунем «Хэд-энд-шоулдес», что в переводе все с того же английского означает *«голова (head) + и (and) + плечи (shoulders)».* А еще мы покупаем шоколадные батончики «Натс», что в переводе означает *орешки (nuts)*, спим под одеялом «Вул Пьюа», что переводится, как *чистая (pure) шерсть (wool),* и используем много чего другого, благо реклама не дает нам забыть о своем существовании ни на минуту.

Для любителей словесных шарад, всяких там *чайнвордов*, что, кстати, в переводе с английского означает *«цепочки слов (chain) + (word)»,* и прочих интеллектуальных забав тоже есть свой специальный раздел. Особенно мне понравился «Лингвист-конструктор» для первоклашек — второклашек. Пожалуй, если бы какая-нибудь издательская фирма рискнула выпустить партию таких конструкторов, она бы наверняка не осталась в убытке. А еще лучше постараться сделать компьютерный вариант этой игры. Тогда успех гарантирован вдвойне.

Что ж, самое время пропеть дифирамбы автору очень и очень интересной книги, так выгодно отличающейся от всех остальных самоучителей, много чего обещающих своим читателям и мало чего исполняющих в итоге. Николай Евгеньевич Прибыток окончил в 1978 году Минский государственный пединститут иностранных языков

(факультет испанского языка). Работал переводчиком на Кубе, потом долгие годы служил в системе Министерства внутренних дел, некоторое время преподавал в Академии МВД. Во всяком случае, именно в издательстве Академии в 1998 году вышла еще одна весьма интересная книга Прибытка, рекомендованная МВД даже в качестве учебного пособия, «Язык, культура и психология европейца в его имени». В ней автор, подобно широкозахватной жатке, прошелся по всему спектру имен собственных, которые имеются в английском, испанском, немецком и французском языках. Даже беглого просмотра книги достаточно, чтобы еще раз отметить про себя, насколько же, в сущности, мала Европа и как в ней все тесно переплетено и взаимосвязано, в том числе и на языковом уровне. Николай Евгеньевич не раз декларировал в своих книгах (а их у него уже несколько), в многочисленных статьях, опубликованных в отечественной периодике, да и в личных беседах тоже, что его в первую очередь интересуют междисциплинарные связи гуманитарных наук в целом, и языковые связи и ассоциации в частности. Кстати, отсылаю любознательных читателей к весьма интересной статье Н. Е. Прибытка, с которой он в свое время выступил на страницах журнала «Народная асвета», №1, 2000. Статья называется так: «Беларуская мова як метадычны рэсурс у выкладанні нямецкай мовы».

Полагаю, что именно упор на родственные связи, которые существуют между всеми основными европейскими языками (иногда это очень дальние и почти забытые связи, которые приходится реанимировать с помощью самых разнообразных ассоциаций), так вот, именно это и делает учебное пособие Н. Е. Прибытка по-настоящему инновационным. Это та самая «фишка», выражаясь языком современных тинейджеров, которая, не сомневаюсь, обеспечит уже в недалеком будущем широкую востребованность новой методики, в том числе и при самостоятельном изучении иностранного языка.

Однако есть ли у книги недостатки? Конечно! Куда же без них? Так, к примеру, меня страшно, еще на страницах рукописи, покоробило слово «младшеклассники», которое благополучно сохранилось и в окончательном варианте издания. Рукопись чистили, и изрядно, но некоторая корявость речи при подаче материала все же, хоть и редко, но встречается. Познакомившись в свое время с автором, я на собственном опыте прочувствовала, что убеждать его в плане выбора того или иного слова — дело отнюдь не самое простое. Он вполне искренне убежден, что в единстве формы и содержания функция содержания превалирует настолько, что может позволить для своего самовыражения любую форму, иногда весьма и весьма спорную. Поневоле вспомнишь Бюффона, который любил повторять, что стиль — это человек. Ну, а уж когда имеешь дело с талантливым человеком, то приходится принимать его стиль таким, каков он есть.

Помню, при первом просмотре рукописи много нареканий вызвал у меня подбор существительных типа *киллер, дилер, промотор* и прочих англицизмов, обогативших наш великий и могучий за последние два десятка лет. На что мне было резонно сказано следующее: такова окружающая нас жизнь, диктующая широкую востребованность именно киллеров и дилеров, а не, скажем, инженеров-технологов или тех же писателей. Что ж, как говорил ушедший от нас недавно Андрей Вознесенский, какое время на дворе, таков и мессия. Иными словами, о чем думаем, то и говорим.

Но что бы мы там ни думали и о чем бы мы ни говорили, а одно для меня совершенно ясно. Любой, кто возьмет в руки книгу, написанную Н. Е. Прибытком, сможет легко, как бы играючи, запомнить несколько сотен (тысяч!) английских слов, которые, как попутно выясняется, прекрасно известны всем нам в том или ином качестве по своей родной речи. Не верите? А вы попробуйте. Успех гарантирован!

P. S. Да, а сосед-то внял моему совету и купил книжку. И правильно сделал! Учиться ведь никогда не поздно.

Зинаида КРАСНЕВСКАЯ

Алесь ЖУК.
Женщина на пляже.
Перевод с белорусского И. Сергеевой, О. Ждана и самого автора. Мн.: Літаратура і Мастацтва, 2011.

Изданный в серии «Лімаўскі фальварак», однотомник лауреата Государственной премии Республики Беларусь Алеся Жука, несомненно, будет с интересом встречен русскоязычным читателем, так как в нем представлены произведения, которые в свое время имели большой резонанс. Не в последнюю очередь это касается повести «Проклятая любовь», за которую А. Жук был отмечен высокой государственной наградой. В этом произведении прежде всего привлекает образ главного героя Яна Кулеша — трудолюбивого и честного, но вместе с тем человека непростой судьбы. Детство у него отняла война, настоящую любовь он встретил только тогда, когда его жизненная дорога уже оканчивалась. Да и эта любовь принесла ему не только радость, но и немало переживаний. В повестях «Черный повой» и «Женщина на пляже» А. Жук предстает мастером детективного жанра. Глубоко психологичны рассказы «Партизан» и «Над чистым полем». Нельзя без волнения читать «Сны о маме» — проникновенные строки сына об ушедшем в вечность самом близком человеке.

Светлана ЗАМЛЕЛОВА.
Гностики и фарисеи.
Рассказы и повести. М., Художественная литература, 2010.

Молодо — не зелено. Словно о Светлане Замлеловой сказано. Молодая писательница, родившаяся в Алма-Ате и окончившая Российский государственный гуманитарный университет, за короткое время успела достойно себя зарекомендовать на литературном и научном поприще. Подтверждение тому и то, что она является членом-корреспондентом Петровской академии наук и искусств. Но, конечно же, более всего о ней говорят ее произведения. Психологически тонкая проза С. Замлеловой рассказывает о так называемом «маленьком человеке». Такой выбор персонажей уже сам по себе примечателен. Ведь еще не так давно утверждалось, что «маленькие люди» были только в прошлом. Оказывается, они есть и среди нас, они — наши современники. О них, а по сути о нас, и рассказывают произведения, вошедшие в книгу «Гностики и фарисеи».

Анатоль ЗЭКАЎ.
Зязюля Гулюля.
Казкі. Вершы. Мініяцюры. Мн.: Літаратура і Мастацтва, 2011.

В книге «Зязюля Гулюля» Анатоль Зэков верен своему творческому кредо: писать для детей нужно занимательно, познавательно и поучительно, ибо без дидактизма в книгах для читателей этого возраста никак не обойтись. Иное дело, каким он, дидактизм этот, будет: как говорится, «лобовым» или таким, когда мальчишки и девчонки получают от писателя ненавязчивую подсказку в том, как себя вести, что делать, а чего не делать, чему учиться, к чему стремиться. Если же смотреть шире, то, говоря словами Владимира Маяковского, они должны разбираться в том, «что такое хорошо, а что такое плохое». Именно сторонником такого, по сути, истинного дидактизма и является А. Зэков. В книгу включены стихи и сказки писателя. Завершает же «Зязюлю Гулюлю» раздел «Не казкі пра Сашку» — миниатюры, отражающие большой мир маленькой девчонки.

Борис КОСТИН.
Симеон Полоцкий.
Мн.: Літаратура і Мастацтва, 2011.

Заслуженный работник культуры России Борис Костин — писатель известный. Не в последнюю очередь благодаря тому, что его книги выходили в известной серии «Жизнь замечательных людей». «Симеон Полоцкий» — одно из таких жизнеописаний. Эрудированный читатель хорошо осведомлен, что об уроженце древнего Полоцка, прославившего своими славными деяниями землю русскую, написано немало. Однако, безусловно, нелишне познакомиться и с книгой, появившейся из-под пера Б. Кости-

на. Тем паче, что он, как признается во вступлении «Божественный посланник», «не отказался от мысли во всей полноте представить противоречивые оценки, которые давались творчеству и деятельности Симеона Полоцкого современниками и исследователями, характеристику его личных качеств: достоинств и недостатков, а самое главное, хотя бы штрихами обрисовать государственных церковных деятелей эпохи правления Алексея Михайловича, а также исторический фон, на котором проходило житие героя повествования». Книга «Симеон Полоцкий» пополнила библиотечку «Свет минувшего» РИУ «Літаратура і Мастацтва».

Тамара КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО.
У света тени нет.
Трилогия любви. Мн.: Четыре четверти, 2011.

Поэтическая трилогия Тамары Красновой-Гусаченко состоит из следующих книг: «Поставьте памятник деревне», «Там» и «У света тени нет», давшей ей название. По своему содержанию они вполне самостоятельны, хотя и объединены общим художественным замыслом. Известная поэтесса задумывается над вечными проблемами, волнующими уже не одно поколение поэтов. Что ж, все зависит от степени таланта. Поэтому, казалось бы, уже знакомое у Т. Красновой-Гусаченко обретает новое звучание. Лирическая героиня ее — человек активной жизненной позиции, которому, как говорится, ничто человеческое не чуждо. Поэтому в трилогии есть и произведения публицистического наполнения, и те, в которых звучит любовь к отчей земле, раскрываются сокровенные чувства к близким людям. Как сказано в слове «От издательства», «стихи написаны с точным посылом, сочным и живым языком, понятны читателю любого возраста». Кстати, это пятнадцатая книга Т. Красновой-Гусаченко.

Михаил КУЗЬМИЧ.
Стрела в бесконечность.
Сборник статей. Витебск, 2010.

Название книге Михаила Кузьмича дала его автобиография. Возвращаясь в свое детство, прошедшее на Туровщине, колыбели христианства, в деревне Погост, он пишет: «В памяти река (Припять. — ***В. С.***) еще с детства так и осталась стрелой, пущенной в бесконечность. Образ этот укреплялся во мне позже, когда видел ее с самолета. Все здесь, кажется, просто: она несет свои воды вдаль — от истока до величественного Днепра и затем в неведомую вечность. Проходят годы, уходят поколения, а она остается. Позволю попутно одну философему-аналогию. Человеческая жизнь — это миг. Она напоминает мне и вспышку молнии, и стрелу, не просто исчезающую, а оставляющую след». М. Кузьмич «переворачивает» наиболее значимые страницы не только своей жизни. Он рассуждает и о жизни тех, кто оставил яркий след в истории, как, к примеру, замечательный поэт Александр Твардовский («Песнь Родины и его судьбы суровой»). Автор обращается к истокам белорусской государственности, рассуждает о древнем Полоцке («Глубинные колодцы бытия»). Чувством патриотизма пронизан его цикл статей «Любовь к родине делает нас великими». С особым почтением М. Кузьмич относится к ветеранам Великой Отечественной войны («Выпьем за Победу, за Победителей!»).

Вінцук АДВАЖНЫ.
Выбраныя творы.
Укладанне, прадмова, каментар Ірыны Багдановіч. Мн.: Кнігазбор, 2011.

Под псевдонимом Винцук Адважны в литературе выступал известный белорусский писатель-священник Язеп Германович. В однотомник его избранного, пополнившего книжный проект «Беларускі кнігазбор», вошли стихи, повесть «Хлапец», рассказ «Адам і Анэлька», воспоминания «Кітай, Сібір, Масква», «Мае мама і тата», «Учора, сягоння, заўтра», публицистика. Представлены также письма, относящиеся к раннему, виленско-друйско-харбинскому периоду его творчества и позднему, эмиграционному, когда В. Адважны, перенеся репрессии, переехал в Лондон. Нельзя не согласиться с автором предисловия «Ён маліўся за Беларусь» Ириной Богданович, которая, рассматривая жизненный и творческий путь писателя, приходит к выводу: «Праз мастацкае слова вяртаецца да нас постаць святара-адраджэнца,

для якога Слова Божай Праўды было святым і пад пяром, і на амбоне, бо ў ім праз любоў да Бацькаўшчыны і роднай мовы выяўляецца таямніца і паўната Божай Любові, якая напаўняла яго святарскае сэрца». Тем самым вводится в литературный контекст еще одно имя, заслуживающее внимания и понимания.

Славомир АНТОНОВИЧ.
Судьба до востребования.
Документальные повести, очерки и рассказы. Мн.: Літаратура і Мастацтва, 2011.

На основе архивных материалов, воспоминаний свидетелей тех или иных событий, а также других документальных источников Славомир Антонович воссоздает правдивые, объемные портреты людей, оставивших большой след в истории современной Беларуси. Главное для него — быть объективным и обстоятельным. Это тем более важно, если учесть, что, к примеру, о первых секретарях ЦК КПБ Тихоне Киселеве, Николае Слюнькове, Ефреме Соколове написано немало. Впечатляющими получились и портреты сталевара Минского тракторного завода Андрея Белко, бывшего начальника Белорусской железной дороги Евгения Володько и других. В книге «Судьба до востребования» рассказывается также о подвигах белорусов в одном из самых трагических и кровавых сражений во Второй мировой войне — битве под Монте-Кассино в составе армии Андерса.

Фетхуллах ГЮЛЕН.
Диалог и толерантность.
Мн.: Четыре четверти, 2011.

Этой книгой положено начало «Библиотеке турецкой литературы» — совместному проекту Союза писателей Беларуси и Союза писателей и журналистов Турции. Известный мусульманский ученый-богослов, мыслитель, писатель и поэт Фетхуллах Гюлен — из тех, кого можно назвать совестью нации. Хорошо о нем сказал доктор филологических наук, профессор, лауреат Государственной премии Беларуси, действительный член Международной академии наук Евразии Адам Мальдис: «Что импонирует в учении известного турецкого мыслителя Фетхуллаха Гюлена, которое для меня открылось совершенно недавно, так это толерантность к инакомыслию, понимание, что все люди имеют одинаковое право жить на земле. Ведь та же терпимость к отличным от твоих взглядам была характерна и для наших предков, «русинов», составлявших ядро Великого Княжества Литовского, — для Франциска Скорины, уважавшего все христианские конфессии, или для Сымона Будного, переписывавшегося с западноевропейскими унитаристами». Нельзя не согласиться с А. Мальдисом, «что знакомство с мудрым учением Фетхуллаха Гюлена послужит нашему взаимопониманию, предотвращению глобального и региональных моральных коллапсов».

Андрей ЖВАЛЕВСКИЙ,
Евгения ПАСТЕРНАК.
Гимназия № 13.
Мн.: Літаратура і Мастацтва, 2011.

Есть расхожее определение: чертова дюжина. Считается, что цифра 13 ничего хорошего не предвещает. А здесь гимназия под номером 13. Того и гляди обязательно произойдет нечто такое, что нарушит привычную жизнь учителей и их воспитанников. И произошло, да такое, что возможно разве что в сказке, когда тронули старый дуб. Вроде бы он никому и не мешал, так нет, не дали ему спокойно стоять дальше. Знали бы, насколько это опасно, никогда бы и не подходили к нему. Но что сделано, то сделано. И как результат — появились домовые, кабинетные. Впрочем, с ними еще можно смириться, ведь они выступают на стороне гимназистов, а вот нечисть — против ребят. Кого только здесь не увидишь! Говорящий кот начал подкармливать русалку. Впрочем, ворованной колбасой. Известный литературный памятник «Слово о полку Игореве», благодаря волшебному растворителю, предстал наяву, будто в формате 3D. Да и о многом другом — необычном, невероятном, загадочном — рассказывается в этой книге, пополнившей серию «Переходный возраст».

Василь СЛУЦКИЙ

Авторы номера

КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО (Гусаченко) Тамара Ивановна. Родилась в 1948 г. в д. Щепятино Брянской области (Россия). Окончила Московский автотранспортный техникум, филологический факультет Брянского государственного педагогического института и психологический факультет Минского государственного педагогического института. Автор пятнадцати книг. Член Правления Союза писателей Беларуси, член Правления Союза писателей Союзного государства, председатель Витебского областного отделения СПБ. Лауреат Международной литературной премии имени Симеона Полоцкого и Всероссийской литературной премии имени Ф. И. Тютчева 2009 года. Награждена медалью Франциска Скорины. Живет и работает в Витебске.

БЕЛЕЖЕНКО Борис Павлович. Родился в 1937 г. в м. Бочейково Бешенковичского района Витебской области. Окончил филфак Белгосуниверситета и Минскую ВПШ. Поэт, прозаик, переводчик. Автор многих книг. Почетный член Союза писателей Беларуси. Лауреат литературной премии им. В. Короткевича. Живет в Витебске.

САЛТУК Олег Владимирович. Родился в 1946 г. в д. Рыженьки Шумилинского района Витебской области. Окончил филологический факультет Могилевского государственного педагогического университета. Автор ряда книг. Лауреат литературной премии им. Владимира Короткевича и премии Белорусского союза журналистов «Золотое перо». Живет и работает в Витебске.

КОТЛЯРОВ Геннадий Иванович. Родился в 1937 г. в г. Добруш Гомельской области. Окончил Оршанский государственный техникум железнодорожного транспорта БЖД. Автор книг прозы «Роковой выбор», «Тени бледной луны», «Хроника вражды». Лауреат литературной премии им. Владимира Короткевича. Живет в Витебске.

НАМЕСТНИКОВ Николай Владимирович. Родился в 1962 г. в Витебске. Окончил Витебский педагогический институт имени П. М. Машерова. Автор поэтических сборников «Забытые небеса», «На распутьях ветров и дорог». Живет и работает в Витебске.

НИЛОВ Константин Григорьевич. Родился в 1947 г. в д. Яковлевичи Оршанского района Витебской области. Поэт, прозаик, драматург. Автор книг «Реквием тревоги», «Меридиан моей любви», «Души и сердца камертон» и других. Лауреат Всесоюзного конкурса молодой поэзии (1968) и Республиканского конкурса для детей и юношества (2003). Живет в Орше.

КРИКЛИВЕЦ Елена Владимировна. Родилась в Витебске. Окончила филологический факультет Витебского государственного университета. Публиковалась в коллективных сборниках, антологии «Современная русская поэзия Беларуси», автор сборника стихов «На грани света». Живет в Витебске.

РУДОЙ Василий Иосифович. Родился в г. п. Освея Верхнедвинского района Витебской области. Окончил Высшее военно-морское училище им. М. В. Фрунзе, Военно-морскую академию, Всесоюзный заочный институт иностранных языков. Прозаик. Автор книги «Сумасшедший экипаж». Живет в Верхнедвинске.

УЛЮТЕНКО Виктор Васильевич. Родился в 1949 г. в г. п. Шумилино Витебской области. Окончил Полоцкое медицинское училище, Витебский государственный медицинский институт. Поэт, прозаик. Автор книг «Светлазор», «Августовская капель». Живет в г. п. Шумилино.

ЖДАН (Пушкин) Олег Алексеевич. Родился в 1938 г. в Смоленске (Россия). Окончил историко-географический факультет Могилевского педагогического института и Литературный институт им. М. Горького. Прозаик, драматург, переводчик. Автор многих книг прозы. Живет в Минске.

САРОЯН Уильям. Родился в 1908 году в г. Фресно (Калифорния, США). Американский писатель армянского происхождения. Автор более полутора тысяч рассказов, двенадцати пьес и около десяти романов. Был удостоен Пулитцеровской премии (1940), от которой отказался. Умер в 1981 г. в г. Фресно (Калифорния, США).

АПДАЙК Джон Хо́йер. Родился в 1932 г. в Рединге (Пенсильвания, США). С отличием окончил Гарвардский университет, где изучал английскую литературу, а также одногодичные курсы живописи в Художественной школе Раскина Оксфордского университета. Известный американский писатель, автор 28 романов и 45 других книг: сборников рассказов, стихотворений, эссе. Лауреат Пулитцеровской премии. Умер в 2009 г. в своем поместье в штате Массачусетс (США).

ГОРБОВСКИЙ Глеб Яковлевич. Родился в 1931 г. в Ленинграде. Учился в Ленинградском полиграфическом техникуме. Занимался в литературных объединениях, сначала в ДК профтехобразования у Давида Дара, затем у Глеба Семёнова в Горном институте. Автор многих книг. Лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького. Живет в Санкт-Петербурге.